63
Ш944
3-06 1

ШТУРМ БЕРЛИНА

Слава советским богатырям
Капитан Исаев П.Т.
Новосибирская об
Сибирь-Берлин
6.V.45

Я начал по
— Керчь Ста
град
пришол
во Зв
т/е Берл
Зв
А
11.5.45г.

ЛЕНИНГРАД-БЕРЛИН

Мы из колхоза
Рязань
Сухавер

Здесь были
из Ленинграда
Майор Андреев
Охрименко
Михайлин
Мы пришли
сюда затем,
чтобы Германия к нам не ходила

4894/
23 ДЕК 2004
3977/
08.06.2005
4561/11.11.10

...ыли
...ин
Григорий
Леденев
...а Сергеев
Мапшенко
Жигала и
др.

...эти
...алины
...гие годы
...минают
...ецким
...ойникам
...огатыр-
...ой силе
...красной
...рмии
...арпин
...равреба
...голуюк

Мы двинские
и побывали в
Берлине

А.Е.Кузьменко

ВОЛГА-БЕРЛИН

Запомнят гады путь от
Грозного до Берлина

Муратов

Мы пришли с мечем в Берлин чтобы навсегда отучить немцев от меча

Развалинами Берлина удовлетворен. Беляев Москва

Ржев-Рига-Варшава-Берлин

Мы защищали Одессу Сталинград пришли в Берлин

Летчики 2-й воздушной

Айрапетов из Баку 7.5.45

Великому Сталину Водрузившему Знамя победы над Рейхстагом Ура! Саранск-Берлин л-т Горховн.н

9 мая За кровь отца Ивченко

За кровь Земляковников ополченцев, москвичей, орловцев, кубанцев, тамбовчев Орехово-Зуевцев мы отомстили

1. Майор Буланый В
2. — "— Шеленков
3. — "— Якунак
4 Капит. Симонова
5 Ст. л-т Свиридов

Я из Сталинграда вошел в Берлин

Были и мы из Якутии из Донской об. из чувашии Коннов Ф.Ф.

Мечтали добыть зверя в его берлоге И добили

Москва-Берлин л-т Неупокоев 8-V-45

Русские в Берлине бывали!

44

ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ!

страницы все
16.06.2021
Проверено 1954 г.
Проверено 1959 г.
Проверено 19.. г.
63
Ш 944
3(С)27
Ш 944

ШТУРМ БЕРЛИНА

НГПУ
проверено
19.. г.

Воспоминания, письма, дневники участников боев за Берлин

38104

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЁННЫХ СИЛ
СОЮЗА ССР

1948

Ц/Ф

Эта книга начала создаваться в первые же дни после великой победы. Авторы её — солдаты, старшины, сержанты, офицеры и генералы. Они не ставили себе задачи воспроизвести полную картину берлинского сражения. Они писали о том, что каждый из них делал, видел, думал, чувствовал, переживал, штурмуя Берлин. Эти воспоминания, записанные в дни, когда в сердцах воинов ещё не остыл жар битвы, дороги как живые свидетельства тех, кто сражался за нашу Советскую Родину, как память о погибших героях, как голос победившей армии советского народа, как скромный вклад в дело создания героической летописи Великой Отечественной войны.

*

Берлинское сражение

Берлинское сражение явилось по существу завершающей крупной операцией Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков. В этом сражении советские войска разгромили крупную стратегическую группировку германской армии и овладели Берлином — столицей фашистской Германии.

Потеряв Берлин, как военный, экономический и политический центр, фашистская Германия не могла продолжать вооружённое сопротивление. 8 мая 1945 года представители немецкого главнокомандования подписали акт о полной и безоговорочной капитуляции.

Советский народ и его Вооружённые Силы под водительством великого Сталина одержали блестящую победу над фашистской Германией и её союзниками. Красное знамя Победы, поднятое советскими войсками над зданием рейхстага, было символом победоносного окончания тяжёлой и кровопролитной борьбы, которую советский народ и его Вооружённые Силы вели во имя свободы, чести и независимости своей социалистической Родины, во имя освобождения народов Европы из-под ига фашизма.

Блестящая победа советских войск в Берлинском сражении была подготовлена ходом всех предыдущих наступательных операций Советской Армии и непосредственно теми операциями, которые она провела зимой 1945 года.

Как известно, зимой 1945 года советские войска разгромили крупнейшие группировки врага в Польше, в Восточной Пруссии, в Померании и

Силезии. Советские войска оказались в непосредственной близости к Берлину. В этих операциях фашистская Германия вновь понесла тягчайшие, невосполнимые потери, её военно-экономическая база ещё более сузилась. Фашистская Германия находилась на краю гибели, судорожно пыталась отсрочить день своего крушения.

Победоносные советские войска готовились к последним, завершающим боям, чтобы выполнить исторический приказ Верховного Главнокомандующего товарища Сталина — добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя Победы.

Войска Соединённых Штатов Америки и Великобритании благодаря успехам Советской Армии и крупным переброскам немецких войск на советско-германский фронт смогли возобновить своё продвижение. Не встречая организованного сопротивления немцев, англо-американские войска прошли линию Зигфрида, переправились через Рейн и продвигались на восток к центральным районам Германии.

Необходимо отметить, что и в этот заключительный период войны на западноевропейском фронте находилось незначительное количество вооружённых сил фашистской Германии. Подавляющее число германских дивизий, техники и авиации было сосредоточено на советско-германском фронте.

Немцы ожидали нового удара советских войск на берлинском направлении. Они сосредоточили здесь максимум сил и средств для упорной обороны Берлина и подготовили прочную защиту как самого города, так и подступов к нему.

Готовясь к отчаянной борьбе за имперскую столицу и центральные районы Германии, немецкое командование стремилось в максимальной степени затянуть войну, рассчитывая на возможный раскол антигитлеровской коалиции.

Фашистские главари и заправилы германского разбойничьего империализма предпринимали ряд действий для того, чтобы добиться разрыва или во всяком случае резкого ухудшения отношений между СССР с одной стороны и Англией и США — с другой. В частности, был выдвинут лозунг: «Лучше сдать Берлин американцам, чем пустить в него русских». Пленные солдаты показывали: «Офицеры утверждают, что все силы будут приложены, чтобы не допустить взятие Берлина русскими; из двух зол будет выбрано меньшее, т. е. если сдавать город, то только американцам», «против русских надо драться со всем упорством, с таким расчётом, чтобы американцы раньше русских вошли в Берлин».

Провокационную цель преследовали и попытки немцев завязать сепаратные переговоры с англо-американским командованием уже в ходе сражения за Берлин. С той же явно провокационной целью в ходе берлинского сражения Гитлер лично приказал снять 12-ю немецкую армию с Эльбы, где она действовала против американских войск, и направить её против советских войск. Приказ этот был опубликован в немецких газетах и передавался по радио.

Однако эти маневры гитлеровцев ни к чему не привели, так как были с самого начала отчётливо поняты и раскрыты нашим Верховным Главнокомандованием.

Еще в январе 1945 года, как только советскими войсками был прорван Вислинский оборонительный рубеж, немцы спешно приступили к строительству оборонительных рубежей на территории Германии. С особой интенсивностью оборонительные работы развернулись в феврале в связи с выходом наших войск на Одер, Нейсе, когда под непосредственную угрозу были поставлены центральные районы Германии и сама столица фашистской Германии — Берлин.

Немцы создали сильную в инженерном отношении и глубоко эшелонированную оборону, в полной мере использовав выгодную для обороны местность. Все оборонительные полосы, как правило, проходили по рекам, каналам, озёрам, господствующим гребням и лесным массивам. Эти естественные препятствия были усилены всевозможными видами заграждений.

Наличие большого числа крупных населённых пунктов, заводов, отдельных фольварков с каменными постройками дало возможность противнику быстро оборудовать значительное число сильных узлов сопротивления и опорных пунктов, которые стали основным скелетом оборонительных рубежей.

К началу Берлинской операции общая глубина Одерско-Нейсенского оборонительного рубежа, включая Берлинский укреплённый район, достигла 100 километров.

На всех важнейших направлениях были созданы наиболее плотные группировки войск. На этих же направлениях немецкое командование сосредоточило большую часть своих резервов.

План Берлинской операции, разработанный по указаниям и под руководством товарища Сталина, поражает своей чёткостью, целеустремлённостью и соответствием той обстановке, в условиях которой он должен был проводиться в жизнь.

Советское Верховное Главнокомандование учитывало неизбежность ожесточённых боев. Было сосредоточено такое количество сил и средств, которое полностью обеспечивало выполнение плана операции. На направлениях основных ударов наши войска имели решающее превосходство над противником как в живой силе, так и в технике.

Наше командование уделило большое внимание расширению и соответствующей подготовке плацдармов на западном берегу Одера, откуда советские войска должны были осуществить свой удар по Берлину.

Борьба советских войск за захват и расширение плацдармов на западном берегу Одера, длившаяся в течение февраля и марта 1945 года, проходила в очень тяжёлых условиях. Контратаки немцев с применением больших групп танков и массированных ударов авиации следовали непрерывно одна за другой. Однако все их попытки сбросить наши части с западного берега Одера, ликвидировать наши плацдармы оказались тщетными. Советские войска не только успешно отбили все контратаки противника, но и нанесли ему тяжкие потери и к началу Берлинского сражения значительно расширили первоначально захваченные плацдармы.

16 апреля 1945 года после завершения всех подготовительных мероприятий советские войска перешли в решительное наступление на берлинском направлении. В тяжёлых, ожесточённых боях они сломили сопротивление врага, взломали всю систему оборонительных сооружений и окружили Берлин.

Общая численность окружённой группировки немцев в Берлине достигала 200000 человек, около 3000 орудий и миномётов, около 250 танков и штурмовых орудий.

Во франкфуртско-губенской группировке немцев, окружённой в лесах юго-восточнее Берлина, насчитывалось до 200000 человек, более 2000 орудий и миномётов и свыше 300 танков.

26 апреля наши войска приступили к осуществлению последнего этапа — к разгрому и ликвидации обеих окружённых группировок немецких войск.

Все попытки франкфуртско-губенской группировки немцев прорваться из окружения на запад потерпели полный провал. Тщетными оказались и попытки немецкого командования освободить эту группировку ударом с запада силами 12-й армии. К 1 мая эта группировка была окончательно ликвидирована в лесах юго-восточнее Берлина.

Бои в самом Берлине отличались исключительным напряжением и ожесточением. Немцы дрались с отчаянием смертников, так как отступать им было уже некуда.

Непосредственный штурм Берлина советскими войсками начался фактически 21 апреля.

Немецкое командование стремилось удержать Берлин любой ценой, так как понимало, что падение Берлина будет обозначать полный крах фашистского режима. «Нет необходимости в том, — указывалось в приказе штаба обороны Берлина, — чтобы каждый обороняющий имперскую столицу знал детально технику военного дела. Гораздо важнее, чтобы каждый... знал, что борьба за Берлин решит судьбу войны».

Подготовка Берлина к обороне началась ещё в январе 1945 года, сразу после разгрома советскими войсками немецкой обороны на Висле. Берлинский оборонительный район состоял из ряда замкнутых оборонительных обводов и самого города. Для повседневного руководства оборонительными работами был создан специальный штаб обороны Берлина. На оборонительные работы мобилизовано все работоспособное население Берлина, были привлечены батальоны фольксштурма и большое число военнопленных. На оборонительные работы ежедневно привлекалось до 100 000 человек.

Берлин был разделён на несколько оборонительных секторов. Для обороны каждого сектора, кроме войск, был выделен специальный гарнизон. Во главе каждого оборонительного сектора был поставлен преданный фашистскому режиму командир.

Внутри секторов оборона города строилась по принципу создания опорных пунктов и узлов сопротивления, взаимодействующих между собой огнём и манёвром живой силы, а также максимального развития заграждений как на подступах к городу, так и на улицах и площадях города. Чем ближе к центру, тем плотнее становилась оборона. В центральной части Берлина оборона была сплошной. Даже здания, разрушенные бомбардировками, были использованы для обороны. Улицы и переулки были перегорожены прочными баррикадами, которые с трудом поддавались разрушению огнём артиллерии самых крупных калибров.

В борьбе за Берлин противник старался также в максимальной степени использовать каналы, протекающие в городе. Борьба наших войск в Берлине осложнялась ещё тем, что она велась не только на поверхности города, а и под землей. Немцы широко использовали для ведения боёв большую сеть различных городских подземных сооружений — коллекторов, подвалов, специальных подземных укрытий, линии и станции метро.

Вся обороняющая Берлин группировка немецких войск была зажата на территории, не превышающей 325 квадратных километров. Общая же протяжённость фронта по кольцу окружения достигала 100 километров.

Наступление наших войск развернулось концентрически. Мощные удары наносились одновременно со всех сторон.

Немецкое командование, организуя оборону Берлина, рассчитывало, что в упорных и затяжных уличных боях, в боях за каждый отдельный квартал, за каждую улицу, за каждый дом, а в домах за этажи и квартиры, а также в борьбе в подземельях немецким войскам удастся перемолоть и предельно обескровить советские войска. Но этого достичь им не удалось.

В результате искусных маневров наши войска овладевали не отдельными домами, а целыми районами города. Немцы пытались оборонять улицы, устраивали на них баррикады, преграждали минными полями и держали под постоянным артиллерийско-пулемётным огнём. Наши же войска, учтя тактику немцев, совершали обходные маневры. Они продвигались не вдоль улиц, а по дворам, по подвалам, из дома в дом, делая проломы в стенах.

Ставка немецкого командования на ведение затяжных боев в городе безнадёжно провалилась. Только за один день боёв 27 апреля наши войска очистили от немцев более 600 кварталов. В этот день, 27 апреля, советские войска завязали бои уже в центральном районе Берлина.

К исходу 28 апреля положение оборонявшейся в Берлине немецкой группировки стало настолько безнадёжным, что командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг доложил Гитлеру о необходимости осуществить попытку прорыва остатков берлинского гарнизона из города на запад. Однако этот план Гитлер отверг, войскам было приказано оборонять Берлин до последней возможности.

29 и 30 апреля ожесточённые бои развернулись за центральный оборонительный сектор и рейхстаг, являвшийся тем пунктом в Берлине, куда были направлены острия ударов советских войск.

Непосредственный штурм рейхстага начался днём 30 апреля. В 14 часов 25 минут этого же дня над рейхстагом уже взвилось красное знамя Победы, хотя бой внутри здания продолжался с неослабевавшим напряжением до утра 1 мая, а отдельные, засевшие в разных отсеках подвалов рейхстага, группы немцев продолжали сопротивляться до 2 мая.

В результате боёв 30 апреля положение берлинской группировки немцев сделалось безвыходным. Фактически она оказалась расчленённой на четыре изолированные группы.

Фашистские главари совершенно растерялись. Во второй половине дня 30 апреля исчез сам Гитлер. Распространился слух о его самоубийстве. Было срочно создано новое «правительство», которое попыталось оттянуть

время, начав переговоры о перемирии. Однако Советское Командование, по приказанию Верховного Главнокомандующего товарища Сталина, отвергнув всякие переговоры о перемирии, потребовало немедленной и безоговорочной капитуляции немецких войск.

В 18 часов 30 минут 1 мая советские войска нанесли сокрушительный огневой удар по сопротивлявшейся берлинской группировке. Немцы не выдержали и согласились на безоговорочную капитуляцию. Утром 2 мая гарнизон Берлина сложил оружие и стал организованно сдаваться в плен.

Берлинское сражение окончилось блестящей победой советских войск. В нём, как в зеркале, отразились вся зрелость и сила Советской Армии. Советские солдаты, сержанты, офицеры и генералы проявили себя в этом грандиозном сражении самыми умелыми и опытными воинами в мире. Штурм Берлина показал всему миру гигантскую силу нашей армии, созданной, воспитанной и руководимой великим Сталиным. Об этом же свидетельствует каждая строчка воспоминаний участников берлинского сражения, собранных в этой книге.

*

НА ОДЕРСКИХ ПЛАЦДАРМАХ

В конце января и начале февраля 1945 года войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, преследуя разгромленные на Висле немецкие армии, форсировали на ряде участков р. Одер и захватили важные плацдармы.

Войска 1-го Белорусского фронта, форсировавшие р. Одер в районах Кюстрина и Франкфурта, в ходе последующих ожесточенных боев расширили захваченные севернее и южнее Кюстрина плацдармы, образовав единый плацдарм в этом районе. Вражеская группировка, удерживавшая крепость Кюстрин, была ликвидирована.

Войска 1-го Украинского фронта, форсировав р. Одер между Кёбеном и Ратибором, окружили крупную группировку немцев в Бреслау и своим правым крылом к концу февраля вышли на р. Нейсе. Войска 2-го Белорусского фронта, блокировав остатки разгромленной померанской группировки немцев в районе Данцига и Гдыни, в первой половине апреля выдвинулись на нижнее течение р. Одер.

Исходные позиции для завершающего удара были в руках Советского Командования.

☆

КРАСНОАРМЕЕЦ

А. КОРЧАГИН

*

У мельницы на берегу Одера

Полк в порыве наступления шёл вперёд и вперёд, настигая и уничтожая врага. По дорогам мы видели разбитые, брошенные машины, высокие немецкие фургоны, остановленные в своём бегстве к Берлину. Немцы не могли бежать так быстро, как наступала Красная Армия. Бойцы торопились к Берлину, о котором думали еще у стен Сталинграда. Усталые, в бессонные ночи, по январскому снегу, совершали мы многокилометровые марши, спешили, чтобы на плечах врага форсировать Одер, последний рубеж перед прыжком на Берлин.

38104

Немцы делали всё, чтобы задержать наше наступление. Но нас ничто не могло остановить, как зима не может остановить наступающую весну.

И вот Одер, чужой, незнакомый. Бойцы услышали знакомый голос своего бесстрашного командира гвардии капитана Вовченко: «Вперёд, товарищи!» Рота переправлялась по хрупкому льду, он ломался под тяжестью человека. На том берегу рота заняла оборону.

Группы немцев натыкались на нас. Мы открывали ураганный огонь. Немцы ложились и не вставали. Слышались крики на чужом языке и стоны раненых. Враг собирал свои силы за железной дорогой, чтобы нанести удар и опрокинуть нас в реку. Бойцы окапывались.

Ночь. В воздухе вспыхивают вражеские ракеты и гаснут; на минуту из мрака возникнет река и снова исчезнет. Проскрипит шестиствольный миномёт, ударят дальнобойные орудия, пулемёт прорежет смертельным огнём темноту — всё сливается в привычный фронтовой гул.

Рассветает, земля поднимается от разрывов снарядов, немецкие самолёты спускаются низко, поливают свинцом.

Из леса вышли немецкие танки. Они били по каменной мельнице, где был расположен наш взвод, которым командовал Недобой. Камни рушились, но люди стояли крепко.

Немецкая рота в сопровождении танков, поддерживаемая огнем миномётов и артиллерии, шла против горсточки советских воинов. Вся наша боевая техника оставалась ещё на другом берегу. Переправы не было, и каждый понимал: если не удержимся — погибнем.

У ручного пулемёта стоял Филипп Чёрный, юноша из Одесской области, вторым номером — Усманов, из далёких казахских степей.

Недобой, огромный, широкоплечий, лежал, крутил усы, выжидая приближения врага.

«Огонь!» — прозвучала команда. Пулемёт ударил короткими очередями. Трещали автоматы. Огонь был дружный, но нам всё казалось, что этого мало. Мы работали изо всех сил. Капельки пота выступали на лбу.

На мгновенье затих пулемёт — убит пулемётчик. Немцы уже у дамбы. Усманов начинает стрелять, но он тяжело ранен. Пулемёт опять замолкает.

Тогда встал Недобой и, с пулемётом в одной руке, с противотанковой гранатой — в другой, скомандовал: «В атаку, за мной!» Прозвучало славное русское «ура», завязалась рукопашная схватка. Немцы, потеряв около тридцати солдат, отступили в лес. Однако немного спустя они снова пошли в атаку. У Недобоя осталось всего четыре бойца — это были Кудака, Вдовин, Ковалевский, Клинцев. Снова застрочил пулемёт, снова полетели гранаты. Вот немцы подходят к сараю, вот они уже у колодца. Мы дали красную ракету. «Хоть бы наши с той стороны постреляли», — пронеслось в голове. И вдруг с восточного берега заиграла «катюша», песня её докатилась до нас и окончилась в лесу, где стояли немецкие танки. Радостно забилось сердце. Взвились красная и зелёная ракеты. Мы двинулись вперёд, к железной дороге. Там пролегал ближайший путь к вражеской столице.

☆

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СТАРШИНА

П. ЧИЯНЕВ

*

Первые дни

Сырая низина. Копнёшь на два штыка, и уже выступает вода. Полоска земли шириной в один километр по берегу реки, маленький посёлок, домиков пятнадцать, да ещё несколько отдельных домиков на совершенно открытой ровной местности; грязь такая, что ног не вытянешь, — это был плацдарм, за который мы сражались, форсировав Одер в районе городка Ортвиг, северо-западнее Кюстрина.

Утром 4 февраля наша батарея 76-мм орудий заняла огневую позицию на окраине посёлка, метрах в восьмистах от берега, в боевых порядках пехоты для стрельбы прямой наводкой. Противника не было видно. Он занимал городок Ортвиг; его скрывали разные постройки, кустарник, огромные вётлы, растущие вдоль дороги. А мы были перед немцами, как на ладони. Еще по пути на огневую позицию наша батарея попала под огонь немецких пушек; едва развернулись — с окраины Ортвига на участок батареи пошли в контратаку до двадцати немецких танков с батальоном пехоты.

В моем расчёте было всего три человека: я и наводчик Ахмет Шеринов — бывалые солдаты, дравшиеся уже за такие плацдармы на Днепре, Днестре, Висле, — и один молодой боец, который начал воевать только в Польше, — Иван Терентьев, девятнадцатилетний уралец, маленький и плотный, как кубышка, известный всему нашему полку по прозвищу «Пан-Иван». Он сам назвал себя так, когда прибыл к нам в Польшу, и тут же, весело подмигнув, добавил:

— Не смотрите, что маленький — на большие дела гожусь.

Осетин Шеринов по характеру был совсем другой человек — никогда не шутил, любил уставной язык. Он давно воевал, но всегда в бою был строгий, сосредоточенный, а Терентьев с первого дня стал воевать легко, весело, как будто он родился на войне. Шеринов не понимал иноземных обычаев, а Терентьев и в Польше чувствовал себя, как дома, и в Германии для него ничего удивительного не было. Рассказывает какую-нибудь забавную историю про немцев, спросишь его:

— Откуда ты это всё знаешь?

— А у нас на Урале, — говорит он, — всех иностранцев как облупленных знают.

Это наш «Пан-Иван», как только мы вступили на одерский плацдарм, пустил по полку крылатые слова:

— Одер позади, Берлин впереди.

Когда немецкие танки двинулись на нас из Ортвига, мы не успели еще вырыть ни окопа для орудия, ни ровика для себя. Пришлось работать на голом месте, не имея никакого укрытия от огня, отбиваться и одновременно окапываться. Два орудия нашей батареи были подбиты противником, однако мы удержались, уничтожив четыре немецких танка. Остальные танки ушли в Ортвиг, укрылись за домами, бросив свою пехоту на поле, метрах в четырёхстах от нас.

Мы получили приказание экономить снаряды. Но как мы ни экономили снаряды, к вечеру их осталось всего с десяток, а между тем пехота противника, то и дело поднимавшаяся в контратаку, была уже в ста пятидесяти метрах от нас. Вдруг из Ортвига опять вышли немецкие танки. Прошу по телефону снарядов, а командир дивизиона майор Турбин отвечает, что снаряды будут только к утру, и предупреждает, что на нас смотрит вся страна.

— Помните, что вы держите трамплин для прыжка в фашистское логово, — сказал он.

Мы уже решили стрелять только в упор, но на этот раз немецкие танки ограничились тем, что прикрыли огнём отход своей пехоты.

Всю ночь мы ожидали, что немцы снова пойдут в атаку. Такое было чувство, как будто и немцы знали, что у нас уже нет снарядов. Дождь шел. Мы заходили по одному в подвал соседнего дома обогреться и обсушиться, а двое дежурили: один у орудия, другой впереди метров на двадцать — слухач. Тяжелая была ночь. Целые сутки мы ничего не ели, но о еде никто и не думал. Стоишь в грязи, под дождём, ни зги не видно, слышишь шум немецких танков — они почему-то всё курсировали по

дороге вдоль фронта — и одна у тебя мысль: успеют или не успеют подвезти снаряды... «Нет, — думаешь, — не успеют, грязь-то какая, застряли где-нибудь машины».

Утром к нам прибыл командир взвода боепитания лейтенант Супрун с двумя бричками снарядов. На радостях «Пан-Иван» прямо-таки прыгнул к бричке. Ящик со снарядами весит около семидесяти килограммов. Обыкновенно Терентьев с трудом поднимал его, кряхтел, а тут схватил и легко понёс этот ящик.

До 14 февраля мы не меняли огневой позиции, все эти дни бой шёл на одном месте с утра до ночи. Наш плацдарм — это узенькая полоса гнилой земли, в которой и окопаться нельзя было как следует, так как окоп сейчас же наполнялся водой. Он весь засыпался минами и насквозь простреливался ружейно-пулемётным огнем. Артиллерия и авиация противника разрушали переправы через Одер, связь с тылом часто прерывалась, временами с одного берега на другой ни один смельчак не мог перебраться.

Мы отражали ежедневно в среднем по семь-восемь контратак. Вся местность от нас до дороги, проходившей перед Ортвигом, была завалена трупами немцев, а немцы всё лезли и лезли. В первые дни некоторые молодые бойцы, не бывавшие еще в подобных делах, думали, что мы вряд ли удержимся на этом клочке земли, горевшем, как в пекле, окутанном дымом и туманом, опасались, что немцы действительно сбросят нас в Одер. Но прошло несколько суток, и хотя ожесточённость немецких контратак и не ослабевала, все уже обжились на своём плацдарме. Мы начали постепенно отдыхать. На плацдарм стали регулярно доставлять горячую пищу. О снарядах больше не говорили — теперь их было, как всегда, достаточно. Наконец, прибыла и почта.

У нас было принято письма читать всему расчёту. Получив почту, мы сейчас же усаживались где-нибудь, смотря по обстановке, и по очереди читали свои письма вслух. Бывали дни, когда каждый из нас получал по шесть-семь писем из разных городов и сёл. Письма от родных приходили ко мне из-под Москвы, Терентьеву с Урала, Шерипову с Кавказа. Кроме того, мы получали письма с Кубани, из Сталинской области, из-под Херсона и из других освобождённых нами местностей, конечно, чаще всего от девушек, так как мы все трое были холостяками и думали, что после войны прежде всего надо будет жениться. Приходили письма от людей, которым мы по пути чем-нибудь помогли или с которыми просто пришлось на походе переночевать под одной крышей.

На этот раз мы разбирали почту, сидя в ровике по колено в воде, пригнувшись. Рядом рвались мины, нас обдавало землёй. Мы стряхивали её с писем, которые читали. Бывало, только начнёшь читать письмо, как надо выскакивать к орудию, чтобы помочь пехотинцам отбить очередную атаку немцев. Так мы весь день читали одну почту и дотемна не успели закончить её. Начали с Урала, кончили на Кубани, а от Кубани до границы еще с десяток писем осталось на завтра. Мы бы все свои бензинки сожгли, чтобы дочитать почту, да нельзя было зажигать огонь — противник в ста метрах от нас лежал. Помню, сидим мы в ровике все трое, скорчившись, прижавшись друг к другу. Я держу письмо в руке, уже ничего не видно, но ребята думают, что я как-нибудь ещё дочитаю, что я стараюсь разобрать в темноте почерк. Они смотрят на меня, ждут, а я просто задумался, вспомнил слова майора Турбина о том, что вся страна смотрит сейчас на нас, что мы стоим на трамплине для прыжка на Берлин. На нас смотрит и сам Сталин. Трудно передать, как сознание этого вдохновляло нас, подымало наши силы.

14 февраля мы сделали первый после переправы через Одер шаг вперёд. Наше орудие было выдвинуто на двор отдельного домика, только что отбитого у немцев. В этот день немцы предприняли одиннадцать безуспешных контратак. Когда стемнело, в контратаку пошли танки. Так как их не было видно, мы подожгли зажигательным снарядом стоявший впереди дом. Первый танк, выступивший из мрака в свет пожара, был подбит нашим орудием со второго выстрела. Остальные танки не решались выходить на свет. Остановились и повели огонь из темноты.

Под утро стрельба затихла. Старшина привёз нам горячий суп, мясо, чай с мёдом. Мы расположились на завтрак в подвале. Кроме нашего расчёта, здесь были командир взвода лейтенант Харченко, санинструктор Алиев и артмастер Барвененко.

С первого же дня за Одером у нас само собой установился порядок: всё равно — день или ночь, но из нашей тройки от орудия может отойти только один. После удачи, — хоть на сто метров, а все-таки продвинулись вперёд, — настроение у всех было очень хорошее, казалось, что немцы уже начали выдыхаться, и мы отступили от заведённого порядка: завтракать в подвал ушло сразу двое, на дворе у орудия остался только Терентьев. Правда, мы с Шериновым завтракали в нескольких шагах от своей пушки, — она стояла за стеной, — однако как мы потом раскаивались в этом!

Не знаю, как это произошло, но вскоре — было еще темно — какая-то группа немцев прорвалась к нашему домику. Мы только съели суп и принялись за чай, как услышали стрельбу во дворе. Выскочили из подвала в комнаты — навстречу из окон полетели гранаты. Мы были в доме, а наша пушка стояла во дворе. Терентьева мы уже считали погибшим.

Страшно было подумать, что немцы скорее всего уже хозяйничают у нашей пушки. Но что делать? Выйти во двор мы не имели никакой возможности, немцы перестреляли бы всех еще на пороге.

Больше часа отбивались мы из окон, расстреляли почти все патроны, не думали уже, останемся в живых или нет, думали только, что нельзя пережить того позора, который ждёт нас, если наша пушка, из которой мы мечтали первыми открыть огонь по Берлину, попадёт в руки врага.

К наступлению рассвета обстрел дома прекратился, немцев на дворе не было. Когда я вышел из дома и увидел стоявшую на своём месте пушку, мне показалось, что я проснулся после скверного сна. И в это время, как будто для того, чтобы убедить меня, что это все-таки был не сон, из дверей двух сараев, стоявших на дворе, почти одновременно выскочили два немца, застрявших почему-то здесь. Один из них сейчас же упал, сражённый наповал выстрелом из окна нашего дома. Второй упал, когда пробегал мимо орудия. В него выстрелил кто-то из дверей каменного погребка. Прежде чем я успел подумать, кто же это выстрелил оттуда, я увидел выскочившего из погребка Терентьева. Он добивал прикладом немца, упавшего возле пушки.

Оказалось, что всё время, пока мы отстреливались, осажденные в доме, «Пан-Иван» один сражался во дворе. Он засел в погребке и не подпускал немцев к орудию.

*

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ГВАРДИИ МАЙОР
И. ЛАДУТЬКО

*

Батальон за Одером

Мы прорвались на узком участке фронта; справа и слева стоял враг и по всем признакам готовился к жестокому отпору. Впереди была широкая, глубокая река, за ней большой укреплённый город — Франкфурт-на-Одере. На левом берегу, параллельно реке, шла железная дорога, недалеко от Франкфурта её пересекала другая и уходила за реку. По дорогам непрерывно тянулись воинские эшелоны, — враг подбрасывал подкрепления и во Франкфурт, и тем своим частям, которые еще стояли на правом берегу. Железнодорожный мост находился в руках врага.

Командование поставило моему батальону задачу: с хода переправиться за Одер и овладеть пунктом, где пересекались железные дороги, одним ударом отрезать и Франкфурт, и те части противника, которые остались на правом берегу реки.

Ночью с 8 на 9 февраля батальон начал переправу. Переправлялись на лодках, на плотах. Кругом стояла тьма, как в печной трубе. Лил частый, упорный дождь. Река бежала с сердитым шумом. На наши лодки и плоты то и дело налетали быстро плывущие льдины.

В мирной обстановке такая переправа никого бы не обрадовала, но война в корне меняет значение вещей, и мы тогда радовались и тьме, и дождю, и ледоходу. Они надёжно скрывали от противника наше продвижение.

К рассвету батальон был за Одером в прибрежном кустарнике. Немцы ничем не обнаруживали себя. Но мы знали, что немцы тут есть;

ещё совсем недавно они вели отсюда огонь. А теперь почему-то замолкли. Может быть, заметили нас и готовят удар?

Железнодорожный перекрёсток, который предстояло брать, находился от реки примерно на расстоянии километра. Между рекой и перекрёстком лежала ровная низменная пойма. Край поймы, примыкающий к реке, зарос кустарником. Итти прямо через пойму на перекрёсток было слишком рискованно. Я предпочёл обходный путь, более длинный, но менее опасный: укрываясь в кустарнике, подняться вверх по реке километра на полтора-два, где пойма делается у́же, и там перебежать на насыпь. По пути я решил прочесать кустарник. Я подумал, что там могут быть немцы, и когда мы выйдем на железную дорогу, создадут нам угрозу с тыла.

Мои предположения оправдались — не прошёл батальон и сотни метров, как натолкнулся на противника.

Оказалось, что немцы не ждали нас, очевидно, не могли представить, что советские воины с ходу, после тяжких боёв переправятся через такую большую реку, как Одер, да ещё во время ледохода.

Когда раздались наши выстрелы, наше «ура», у немцев началась паника. Они бросали оружие, снаряжение и убегали. Никакого организованного сопротивления мы не встретили. Сопротивлялись только одиночки. Но эти головорезы наносили нам большой урон, стреляя из фаустпатронов.

Очистив кустарник, мы похоронили своих погибших товарищей и двинулись к железнодорожному перекрёстку. Ни на пойме, ни у перекрёстка немцев не было. Но мы вовсе не думали, что плацдарм на левом берегу Одера уже завоеван нами. Первый и сравнительно лёгкий успех был достигнут батальоном только потому, что немцы проглядели переправу, не ждали ее, не допускали и мысли, что один батальон советских войск дерзнёт перешагнуть Одер.

Мы ждали, что немцы скоро атакуют нас, и, не теряя времени, строили оборону. За ночь около железнодорожной насыпи, которая метра на два возвышалась над поймой и была неплохим укрытием, мы вырыли траншеи, сделали пулемётные гнезда, установили пушки. Но немцы ничего не предпринимали — как бы вымерли все. Справа от нас темнел своими каменными громадами город Франкфурт, будто ослепший и онемевший — оттуда ни выстрела, ни человека. Слева — большой завод. Он был жив, дымил, шумел, работал. Позади и впереди нас лежала пустая пойма.

Но вот на третий или четвёртый день утром наши наблюдатели заметили двадцать танков и самоходок противника. Они шли на нас и с хода вели огонь.

Когда танки подошли метров на двести, я подал команду пушкам. Они дали залп, и два танка остановились и замолкли. Но остальные продолжали итти. После второго залпа вышло из строя самоходное орудие противника.

Больше в этот день противник нас не беспокоил. Батальон улучшал свои укрепления. Наступило утро 13 февраля. Дождь, наконец, перестал, тучи рассеялись, и показалось солнце. Солнце... солнце!.. Как оно мило было тогда для нас, промокших и продрогших до костей.

Но недолго пришлось нам отдаваться радостной встрече с солнцем. Немцы опять стали готовиться к атаке, открыли огонь из тяжёлых минометов.

Минометный налёт длился с полчаса. Потом на нас двинулась вражеская пехота. Батальон подпустил противника метров на сто и открыл огонь из всех видов оружия. Враг понёс большой урон и откатился.

За атакой последовал новый обстрел из тяжёлых минометов, а за ним вторая атака. И так весь долгий день: сначала артналёт, потом атака.

Не прошло еще и половины дня, а все наши пушки — их было четыре — вышли из строя.

Когда противник пошёл в последнюю, девятую атаку, в нашей траншее оставалось только тринадцать боеспособных человек. В это время вдруг отказал наш последний пулемёт. И я, наверно, не писал бы этих воспоминаний, и мои храбрые боевые друзья не увидели бы торжества победы, если бы тогда не было с нами сержанта Батракова. Он тут же, не выходя из боя, исправил пулемёт. Когда немцы подходили на бросок гранаты, Батраков оставлял пулемёт и кидал гранаты, отбрасывал атакующих и снова возвращался к пулемёту. Он погиб смертью героя в этом тяжелом бою.

Мы отбили и последнюю, девятую атаку. В траншее осталось двенадцать человек с одним пулемётом. Все сразу принялись исправлять свои разбитые укрытия, хотя едва держались на ногах от усталости. Некоторые засыпали на ходу, заснув, падали и продолжали спать. Чтобы разбудить их, приходилось зажимать им рот и нос, потому что другие способы не действовали. Человека можно было катать, как чурбан, а он всё равно продолжал спать.

Враг решил доконать нас. В той стороне, где был завод, вдруг раздался сильный взрыв, затем на пойму хлынула вода, перемешанная с мелко битым льдом. Около завода был большой пруд, немцы взорвали плотину и спустили пруд на нас. Вода быстро заполнила всю пойму между железнодорожной насыпью и Одером, потом где-то нашла ход или сделала прорыв и хлынула на другую сторону. Мы очутились среди ледяной бушующей воды на узеньком гребешке насыпи.

И вдруг среди льдин, круживших на воде, мы увидели чёрные точки. Присмотрелись и поняли, что это лодки. К нам пришло подкрепление — целый батальон. Он причалил прямо к железнодорожной насыпи. С ним были пушки, миномёты. И когда немцы открыли огонь, они получили такой ответ, что больше уже не делали попыток выбить нас и перешли к обороне.

На другой день вода спала. К нам переправилось новое подкрепление, мы прочно утвердились за Одером и стали ждать дня наступления на Берлин.

*

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
СТАРШИЙ СЕРЖАНТ
В. НОРСЕЕВ

*

Трое суток

Итак, Одер форсирован. Но положение на плацдарме тяжёлое. Наших здесь ещё очень мало. В ближайших лесах, деревнях немцы накапливают силы и бросают их в контратаки. Они хотят столкнуть нас в реку. Мы понимаем, что каждый наш шаг к Берлину вызывает у врага звериную злобу, вынуждает его цепляться за каждый метр земли.

— На высоту! — приказывает командир батареи старший лейтенант Кокора.

Ночь. Холодный февральский ветер леденит щёки. В темноте ничего не видно. Чтобы не завалить орудие в яму, руками прощупываем мёрзлую землю.

Огневые позиции мы выбрали под самым носом у противника. Работаем сидя. Голову поднять невозможно, пули и осколки завывают на разные голоса и звонко ударяются о щит орудия. Не успели врыть в землю сошники, как слева послышался голос: «Немцы!» Вспыхнула ракета и осветила полусогнутые фигуры немецких солдат, пробирающихся по лощине в наш тыл. Рядом процокали копыта лошади, и из темноты послышался нервный крик всадника: «Убирайте пушки!».

Я молчу, стараюсь быть спокойным. Товарищи тоже. Ползком пробираюсь к командиру батареи. Он велит повернуть орудие в сторону лощины и ожидать его команды. В темноте не разберёшь, где наши, где немцы. Кругом пулемётная и автоматная трескотня. Куда стрелять — непонятно. Снимаем с плеч автоматы и залегаем возле орудия. Справа ящичный,

красноармеец Юдичев, с ручным пулемётом, который мы подобрали днём у высоты. Вскоре из темноты донеслись немецкие голоса. Они приближались к нам. Стало ясно, что противник обошёл нас и с тыла, хочет овладеть высотой. Вот уже голоса совсем рядом. Орудия не обнаруживаем, открываем огонь из пулемётов и автоматов. Слышим крики, беспорядочные выстрелы, стоны раненых. Снова стреляем. Всё стихает. Командир батареи приказывает беречь патроны.

Перед рассветом противник вновь пытается ворваться на высоту. На этот раз немцы идут тихо, хотят застать нас врасплох. Но мы слышим, как они спотыкаются и падают в воронки. Опять действуем автоматами и пулемётами. Справа и слева ведут огонь соседние расчёты.

Утром выяснилось, что немцы просочились между нашими и пехотными позициями.

К полудню положение наших войск было восстановлено. День прошёл спокойно. Наступила вторая ночь, и опять такая же тёмная, холодная. Нашей пехоты на высоте очень мало. Попытались сделать землянку, но мёрзлая земля не поддавалась лопате. Кое-как сколотили из валявшихся брёвен укрытие и решили отдохнуть. Только легли, начался артиллерийский налёт по гребню высоты. Выжидаем. Как только немецкая артиллерия умолкла, выбегаем из укрытия к орудиям. Старший лейтенант Кокора выпускает ракету. Немецкая пехота наступает по всему фронту. Пытаемся стрелять прямой наводкой из орудий, но в темноте не видно цели, и мы снова берёмся за пулеметы и автоматы.

В эту ночь вражеским цепям удаётся обойти высоту с обоих флангов. Связь с тылом прервана.

— Спокойно, товарищи! — говорит старший лейтенант Кокора, склонившись над радиостанцией.

Старший лейтенант вызывает генерал-майора. Генералу не верится, что мы на высоте. Он говорит, что три раза посылал разведчиков и каждый раз разведчики обнаруживали на высоте немцев. Наконец, командиру батареи удаётся доказать, что на высоте мы.

— Теперь мне ясно, — говорит генерал, — значит, на высоте и вы, и немцы.

Вскоре красноармеец Долгов нашел канавку, по которой можно было пробраться в тыл, и установил связь с дивизией. Принесли боеприпасы, положение наше облегчилось.

Во второй половине ночи в лощине появились фашистские бронетранспортёры с крупнокалиберными пулемётами.

— Неужели возьмут высоту, а? — спрашивает красноармеец Юдичев. А я его ругаю: «Чего ты панику поднимаешь, первый раз на войне, что ль?» Ругаюсь, а сам думаю: только бы до рассвета продержаться, а там легче будет. Главное, цель будет видна, а то сидишь, как в котле, строчишь из автомата в темноту, не видишь, куда пули летят.

Стало рассветать. Смотрим, совсем рядом стоят два бронетранспортёра — не то замаскировались, не то застряли в лощине. «Теперь есть работёнка», — говорю ребятам и навожу орудие на цель. Первый снаряд на перелёт пошел, а второй угодил прямо в машину. Из другого бронетранспортёра немцы бежать кинулись. Кричу: «Осколочных!». Ещё три снаряда выпустили, и работа закончена.

В это время по скатам высоты дали залп гвардейские миномёты и наша пехота перешла в наступление. Бой был ожесточённый и продолжался весь день. Ночная работа нашей батареи не пропала даром. Наши орудия стояли теперь на самых выгодных позициях и били прямой наводкой по фашистским артиллерийским батареям. Всё шло хорошо. Снаряды рвались точно на огневых позициях противника. Но вот я перевёл прицел на тяжёлое немецкое орудие, установленное на специальном фундаменте. Таких орудий у врага было здесь около тридцати. На эти орудия немецкое командование возлагало большие надежды, когда заявляло о неприступности своих позиций на Одере. Когда мы открыли огонь по новой цели, снаряды стали задевать за гребень высоты и разрываться, не долетев до цели. Снова смотрю в панораму, — цель видна хорошо, но снаряды продолжают задевать за высоту. Что тут делать? Выдвинуться вперёд нельзя, всё под огнём. А цель разбить необходимо. Я решаю попытаться прицелиться в ствол, который торчал из-за гребня высоты и был хорошо виден без панорамы. Возможность попадания очень малая, но иного выхода нет. Тщательно рассчитываю, выверяю, аккуратно закрепляю и первым снарядом попадаю прямо в ствол вражеского орудия.

Вдруг неприятельский снаряд разорвался рядом с нашей пушкой. Осколок попал мне в руку. Командир батареи увидел, что у меня вся гимнастёрка в крови, кричит: «Норсеев, можешь итти в тыл на медпункт». Я сел в сторонке и думаю: «Неужели уходить? Столько трудов стоило переправиться через Одер, а теперь обратно. Нет, не пойду». Ощупал руку, чувствую, что кость уцелела. Оторвал полу от нательной рубахи, крепко-накрепко перевязал рану — и снова к орудию.

Противник пустил в ход средние танки. Три танка повернули прямо на нас. Стрелять в лобовую броню бесполезно. Я выждал, когда один

танк подставил бок. Первый снаряд отклонился влево. Взял поправку и вторым угодил, видимо, в бензобак или в боеприпасы — танк сразу вспыхнул, как свечка. Второй танк подожгли пехотинцы, а третий пошёл назад.

Через несколько минут из-за леса появилось тридцать немецких танков. Они шли по шоссе друг за другом. Это была последняя контратака немцев. Наша артиллерия открыла такой огонь по танкам, что они и на сто метров не продвинулись. Уходя из-под огня, один танк отклонился в сторону нашей высоты. Мы подпустили его поближе и третьим выстрелом заставили остановиться, заклинив башню и разбив гусеницу.

Перед вечером нам приказали сменить огневые позиции. К этому времени наша пехота уже успела занять два населённых пункта и очистила от противника близлежащий лес.

Эти трое суток на высоте за Одером были самыми жаркими за всё время моей боевой жизни.

*

ГВАРДИИ СТАРШИНА

Е. ЗАГОРОДНИЙ

*

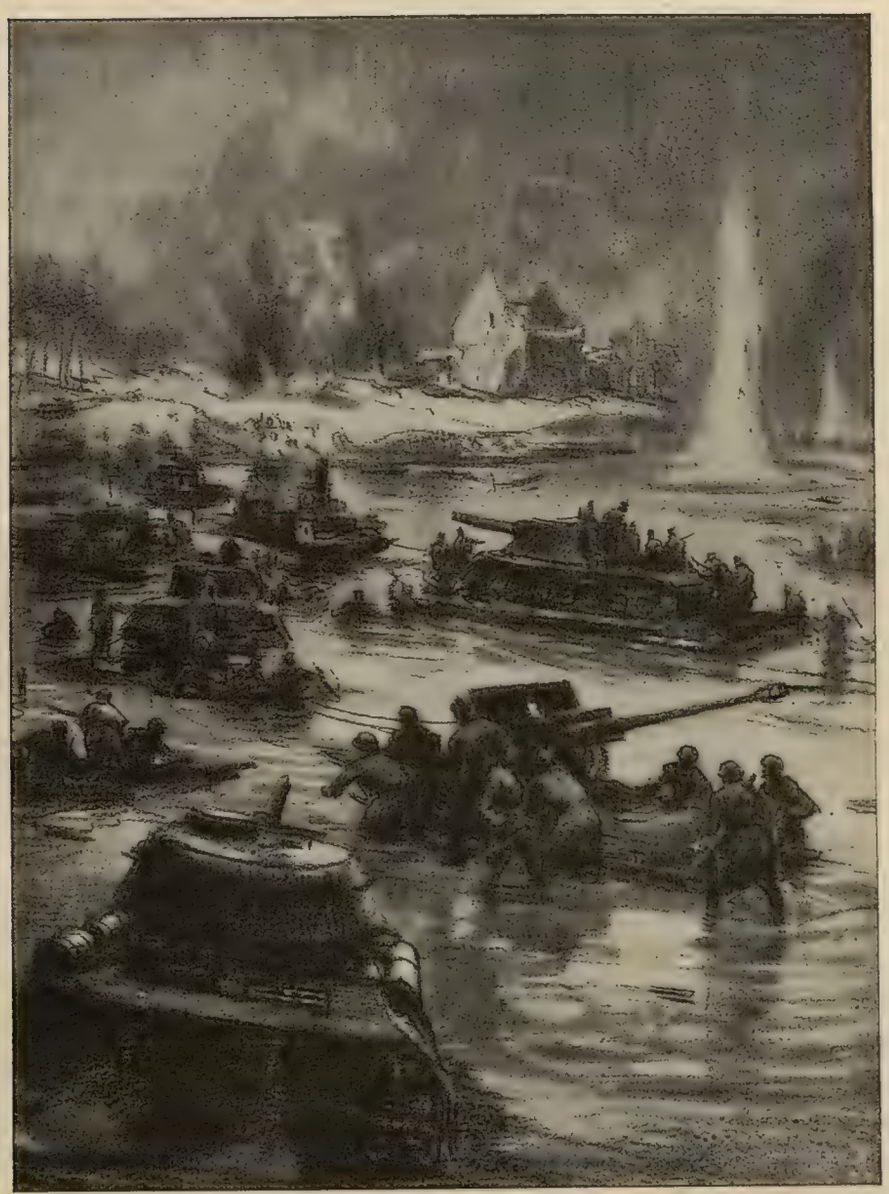
Минометчики на огневой

Мы переправились через Одер ночью по рыхлому весеннему льду и зацепились за дамбу и несколько отдельных домиков.

Чтобы отрезать наши переправившиеся части от тылов, немцы держали под жестоким артиллерийским обстрелом места переправ и сильно повредили лёд. Несмотря на это, за ночь удалось переправить на западный берег всю полковую артиллерию и миномёты, подбросить продовольствие и боеприпасы. Переправились на ту сторону и штабы всех частей. Командные пункты врылись в дамбу на самом берегу реки.

Наш плацдарм был узенькой ленточкой земли протяжением в три-четыре километра по фронту и от двухсот до тысячи метров в глубину. Одер вскоре начал разливаться, вода подпирала нас с тыла, грозила залить. Ни справа, ни слева соседей поблизости не было. С наступлением оттепели в траншеях по колено стояла подпочвенная вода. Плацдарм был во всех отношениях неудобный, но он был нужен для предстоящего броска на Берлин, и мы удерживали его изо всех сил.

После того как с большим трудом удалось, наконец, переправить на понтонах танки, самоходную артиллерию и другую технику, начались бои за расширение плацдарма. Немцы не хотели подпускать нас ни на один шаг ближе к Берлину, и пришлось отчаянно драться за каждый клочок земли. Особенно запомнился мне бой за высоту с отметкой 10,3.



На Одере

Мы, миномётчики, поддерживали наступление стрелкового батальона. Всю ночь перед атакой люди были на ногах. Одни возили мины из-под дамбы, а другие под обстрелом противника укладывали их в ниши. Был у нас тогда замечательный ездовой Сидоров. Он всё время поднимал бодрость бойцов.

— А ну, налетай, ребята, за огурцами, — весело покрикивал он, подъезжая на бричке к огневой. — Запасай закуски для фрица, а то завтра угостить нечем будет.

Бойцы сидят пригнувшись, прислушиваются к свисту пуль и разрывам снарядов, наблюдают, откуда огрызается враг, а раздастся голос Сидорова, и все мигом вскакивают, кидаются к бричке. Никого не надо было подгонять, так как каждый, доведя свой боекомплект до установленной нормы, норовил прихватить про запас ещё десяток-другой ящиков. Только и слышишь:

— Дай мне, а то у меня в нише мало.

Стало светать, на востоке показалась зорька. Установив миномёты, мы с нетерпением ждем сигнала открытия огня. Все стараются побольше зарядить и очистить мин. Наводчик Братчиков подгоняет сам себя:

— Давай, давай побольше, надо уж так дать фрицу, чтобы почувствовал.

Артподготовка назначена была на девять часов. Люди никак не могли дождаться этого часа, всё спрашивали у телефонистов о времени. Командир роты гвардии капитан Морозов успокаивал нас:

— Скоро, скоро, мои орлы, больше готовьте мин.

Противник как будто догадался о нашем замысле и в 8 часов 30 минут начал бить шквальным артиллерийским огнём. Он бил по всему плацдарму, но нам казалось, что весь огонь противника сосредоточен на наших огневых. Лёжа в траншее, мы покрикивали:

— Давай, давай, сейчас и мы тебе пошлём.

Наконец-то, проиграла «катюша», и по команде ротного, переданной по телефону, раздался голос старшего по огневой: «Расчёты по местам», хотя расчеты и без того лежали у миномётов наготове. Все сразу с жаром закидали мины в стволы. Вдруг у моего миномёта разорвался вражеский снаряд. Меня засыпало землей. Я вылез из-под земли, увидел, что наводчика Шикова совсем завалило, и стал быстро разгребать руками землю, чтобы вытащить его. Заряжающего Батищева тоже засыпало, но

он сам вылез и бросился мне помогать. Вдвоём мы вытащили наводчика, миномёт и продолжали вести огонь, пока Батищев не закричал:

— Товарищ командир, а где третий номер?

Третьим номером был Молошников. Бросились к его окопу. Окоп завален. Стали отрывать. Молошников оказался невредим. Только его отрыли, как он вскочил и зашумел:

— Эх, чорт возьми, чуть было не убило. Давай, давай, бросай больше, — и принялся за дело ещё горячей.

Раздались крики «ура», пехотинцы поднялись из траншей.

Была подана команда: «Отбой. Миномёты на вьюки». Завьючив минометы и набрав мин, сколько можно было, мы побежали вперёд за пехотой и вслед за ней ворвались в траншеи противника. Здесь мы увидели свою работу. Братчиков с радостью говорил:

— Хорошо мы его, ребята, угостили.

Вся траншея была завалена трупами немцев. Их тут столько было, что пришлось вытаскивать, — иначе миномёт нельзя было поставить.

ГВАРДИИ СТАРШИЙ СЕРЖАНТ

И. СОЛОД

*

На командном пункте батальона

После жаркого боя, во время которого у каждого солдата было на устах «Даёшь Берлин!», мы заняли на своем плацдарме небольшую высоту и сейчас же, несмотря на страшную усталость, стали здесь закрепляться.

Ночью на стороне противника продолжала гореть зажжённая во время дневного боя деревня, и в свете пожара видны были немцы, бегавшие по переднему краю. Крики их доносились до наших окопов вместе с гулом машин и танков. По всему видно было, что немцы не успокоились и будут контратаковать.

В 4 часа противник начал артналёты. Он то обрушивал шквальный огонь на тылы, то переносил его на передний край, то снова обстреливал огневые позиции. Потом он двинул на наш батальон танки. Их было больше тридцати, и за ними шла пехота. Враг был задержан огнём, однако группе немцев в количестве 70 человек удалось прорваться к КП батальона, находившемуся в двухстах метрах от переднего края.

Домик, в котором помещался КП, стоял на открытом месте. С двух сторон к нему примыкали сараи. В этот момент они горели. Рядом с домом была мелкая канава, поросшая деревьями. Прорвавшись к КП, немцы заняли эту канаву и стали обстреливать дом, освещённый пожаром. Положение наше было тяжёлым, но капитан Шинкаренко спросил спокойно:

— Есть связь с ротами? — и приказал дать «Чайку».

У телефона капитан Афанасьев.

— Как у вас дела? — спросил Шинкаренко.

— В порядке, — ответил капитан Афанасьев.

В это время немцы стали подползать к дому и бросать гранаты.

— Все в оборону! — закричал парторг батальона Обухов.

Шинкаренко вызвал огонь миномётной батареи. Мы на скорую руку рыли окопчики и отстреливались от противника. На помощь пришла самоходка. Она ударила по канаве, в которой засели немцы. Когда вокруг дома начали рваться наши мины, заместитель командира батальона гвардии капитан Сорокин, высоко подняв в руке пистолет, крикнул:

— Вперёд, товарищи, слава Сталину!

Когда я бежал, мне казалось, что мой автомат сам выполняет требование своего хозяина, и я только боялся отстать от моего друга Николая Екимова, бежавшего рядом со мной.

Ни один из прорвавшихся к КП немцев не ушёл отсюда живым.

На переднем крае тем временем снова разгорался бой. К высоте, которая отныне должна была оставаться нашей, снова подходили лощиной немецкие танки. После нападения на КП телефонная связь с высшим «хозяйством» была прервана, пришлось переключаться на радио. Связавшись и доложив командованию обстановку, радист вдруг ловит позывные эскадрильи «Ильюшиных».

— Вот это подмога! — с удовлетворением говорит капитан Шинкаренко.

Между лётчиками и пехотой завязывается дружеский разговор.

— Марс, Марс... — повторяет капитан Шинкаренко, стараясь перекричать артиллерию. — Уточняю цели... Вражеские танки в количестве до двадцати машин в лощине западнее высоты 10,3 готовятся к контратаке. Сообщите: ясно ли слышали меня?

С воздуха отвечают:

— Понял, понял, цель вижу, иду в атаку...

С помощью наших славных соколов мы отстояли занятую высоту. Когда лётчики улетали с поля боя, окутанного дымом горящих танков врага, каждый из нас провожал их благодарным взглядом.

*

СТАРШИЙ СЕРЖАНТ

П. СЫСОЕВ

*

Четверо на высоте

Высота эта, расположенная в четырех километрах западнее Одера в районе Гросс-Нойендорф, такая крошечная, что у нас на Урале её и холмиком не назвали бы. Но тут, в низине, она казалась настоящей горой, и немцы дрались за неё с бешеным упорством. В середине марта мы сменили подразделение, которое только что отбило эту высоту у немцев, отступивших на вторую линию траншей.

Склон, на котором окопался наш взвод, был весь изрезан ходами сообщения — новыми, вырытыми нами, и старыми, немецкими, соединявшими траншеи первой линии с траншеями второй линии. Мы начали перекапывать немецкие хода сообщения, но не успели сделать этого, как противник открыл по высоте ураганный огонь из артиллерии и всех видов пехотного оружия, включая фаустпатроны, с которыми мы встретились здесь впервые, и вскоре пошёл в контратаку. Была ночь. В свете ракеты, выпущенной соседним подразделением, мы увидели у себя за спиной блеск вражеских касок. Немцы своими ходами сообщения пробрались на высоту, в старую траншею, и из неё спускались уже нашими ходами.

До этого наш взвод понес тяжёлые потери под огнем противника. Когда мы заметили подходивших к нам с тыла немцев, в траншее под моей командой было всего трое: Макрушин, Кабацких и Новиков.

Фёдор Макрушин был мой лучший друг; так же, как и я, он воевал с первого дня войны. После форсирования Одера мы с ним в один день

подали заявление в партию, вместе же получили и кандидатские карточки. Он мне очень нравился своей настойчивостью: что скажет, то сделает. О войне он не любил разговаривать. Мы с ним говорили больше о том, что будет после войны. Он очень тосковал по работе, по своему сапожному мастерству. На войне он всему предпочитал гранаты; в своём вещевом мешке, кроме гранат и патронов, никогда ничего не носил. По его примеру у нас многие бойцы выбрасывали из мешков консервы, сахар, чтобы взять побольше гранат. У Макрушина была норма — восемнадцать гранат. Если у него в мешке меньше, он уже начинает беспокоиться.

— Без пищи несколько суток прожить можно, — говорил он, — а без гранат в бою долго ли ты проживёшь?

И верно. На высоте гранаты нас только и спасли. Мы забросали ими ход сообщения, по которому бежали забравшиеся к нам в тыл немцы. Четверо немцев были убиты, другие выскочили наверх и в панике кинулись по участку, ими же самими заминированному. Мы подобрали после них четыре ручных пулемёта, гранатомёт с двумя ящиками гранат и три фаустпатрона.

Тут надо сказать о втором бойце — о Кабацких. Это был самый молодой из нас. Он, как только услышал, что у немцев появились какие-то фаустпатроны, всех стал расспрашивать, что это за оружие, как оно устроено. Сам он колхозник-тракторист из Белоруссии, в армию пришёл уже в 1944 году после освобождения его местности. Сначала я думал о нём — бесшабашная голова: в левой руке — фонарь, в правой — граната, на

шее — автомат, и один вскакивает через окно в подвал, из которого стреляют немцы, не поинтересовавшись даже, сколько их там. Но оказалось, что этот храбрец удивительно толковый парень. Какое бы трофейное оружие ни попало к нему в руку — покрутит его, разберёт, прочистит и, смотришь, стреляет уже из этого оружия.

Третий, Новиков, был старший из нас по возрасту, типичный старый русский солдат, с большими чёрными усами, по характеру очень тихий человек, но исполнительнее его не найдешь: умрёт, но не покинет свой пост.

Трое суток мы удерживали вчетвером свои траншеи. В первую же ночь, чтобы не попасть снова под огонь артиллерии противника, от которого наш взвод сразу же понёс большие потери, мы продвинулись вниз по склону в сторону немцев и окопались метрах в сорока от них. Из-за этого мы оказались почти отрезанными от своих. Противник непрерывно вёл по высоте такой огонь, что через гребень с той стороны к нам никто не мог пробраться.

Мы отбивались от немцев исключительно гранатами — своими, ручными, трофейными, из гранатомёта. Кабацких выпустил из трофейного гранатомёта все два ящика гранат, которые немцы бросили во время первой контратаки. Когда боеприпасы были на исходе, мне пришлось сказать, что кто-нибудь должен отправиться за гранатами. Макрушин сказал, что он должен итти, как коммунист. Я уже думал, что не увижу больше своего друга, что посылаю его на верную смерть, но он приполз назад и притащил с собой целый ящик гранат. Одежда его была прострелена в нескольких местах, лямки мешка перебиты пулями, но сам он остался невредим.

Макрушин ползал за гранатами ещё один раз, потом нас стали обеспечивать боеприпасами старшина роты старший сержант Костенко и боец Озерский. На четвёртый день они принесли нам, кроме гранат, хлеб, консервы, чай. До этого мы все трое суток не имели во рту ни крошки, ни капли воды. В этот же день прислали пополнение — тринадцать молодых бойцов. Они сначала не верили, что мы вчетвером столько времени удерживали эту высоту, но, присмотревшись к нам, поверили.

*

СТАРШИЙ СЕРЖАНТ

М. ТОЛСТОЛОБОВ

*

У города Кюстрина

Самые трудные бои на подступах к Берлину наша часть вела в излучине рек Одер и Варта, у крепости Кюстрин.

Сначала мы подошли к Кюстрину с той стороны, где местность была затоплена. Там есть дамба. На всём своём протяжении она была занята боевым охранением противника. Когда мы в ночной тьме внезапно появились на насыпи, возвышающейся над водой, немцев, сидевших в боевом охранении, охватил такой ужас, что они не смогли сопротивляться и полностью сдались в плен. Мы достигли окраин Кюстрина и вели здесь тяжёлые бои. С утра до вечера над дамбой висели немецкие самолёты, обстреливающие из крупнокалиберных пулемётов единственную дорогу, по которой шло к нам из тыла боепитание и пополнение людьми. Всё-таки мы закрепились на окраине города.

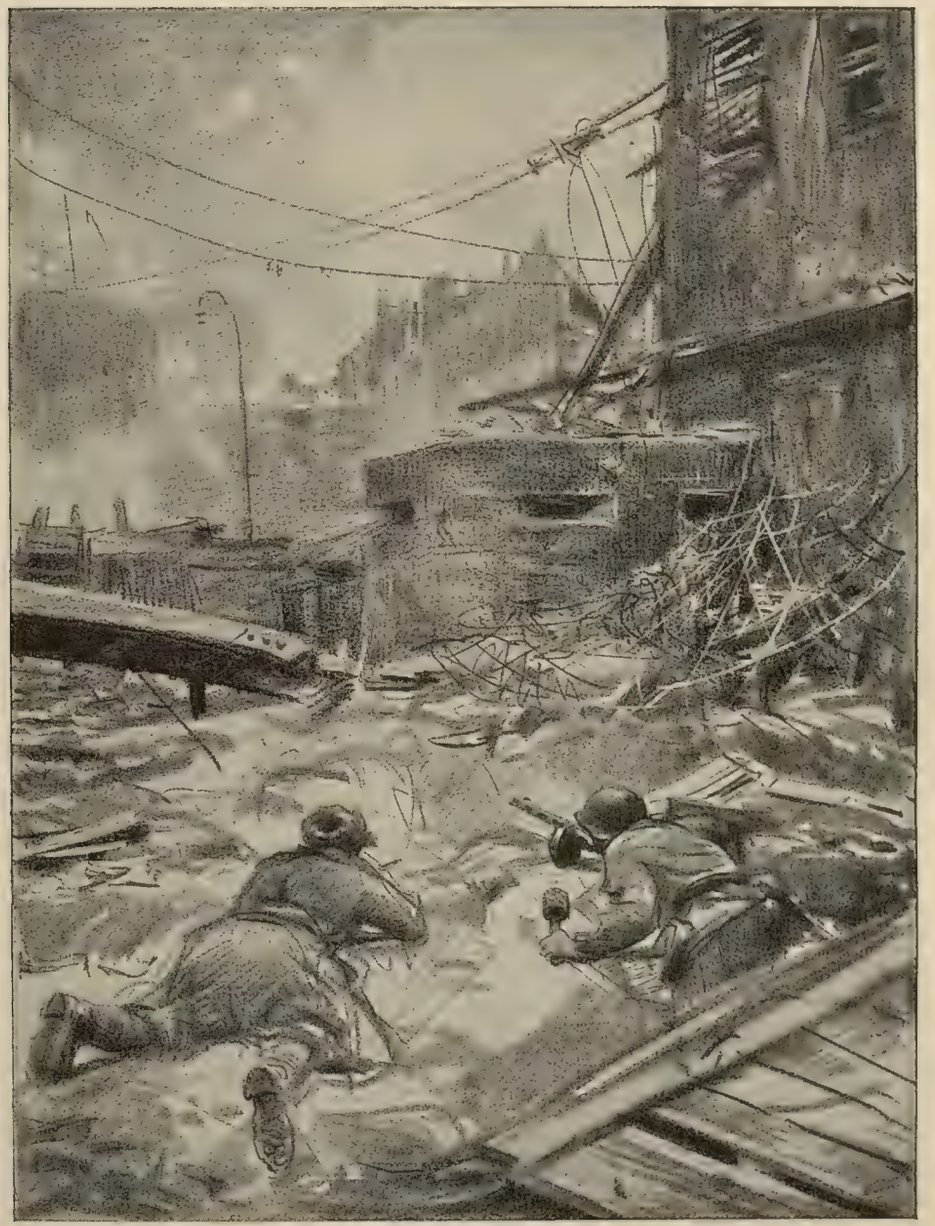
В это время другие наши части, сражавшиеся южнее и севернее Кюстрина, переправились уже через Одер и расширяли плацдармы на западном берегу реки для наступления на Берлин. Только у Кюстрина немцы держались ещё на восточном берегу Одера. Они называли Кюстрин «ключом Берлина» и дрались за него остервенело.

Рота, в которой я был комсоргом, наступала на здание юнкерского училища, стоявшего на окраине города. Подступы к этому бастиону противника прикрывало несколько дзотов. Дзот, оказавшийся на участке нашей роты, встретил нас пулемётным огнем с короткой дистанции. Роте пришлось залечь, не добежав до дзота около ста метров.

Это нас страшно ожесточило. Всё неудержимо пробивались вперёд, а вот тут какой-то проклятый гитлеровский пулемётчик прижал нас к земле — лежим, и головы поднять не можем. Конечно, мы бы смели со своего пути этого пулемётчика, кинувшись всей ротой вперёд. Но сколько бойцов погибло бы при этом, не добежав до дзота! Надо было что-то предпринять, и немедленно. Ведь мы лежали на открытом поле в ста метрах от дзота, под пулемётным огнем, поражавшим одного бойца за другим. И вот мы увидели, что кто-то поднялся, махнул рукой лежавшим рядом с ним трём бойцам и они тоже вскочили. Все четверо побежали, делая зигзаги, в сторону дзота, из амбразуры которого непрерывно вырывалось смертоносное пламя. Нам сразу стало ясно: эти смельчаки пошли на верную смерть, чтобы открыть путь всей роте.

Впереди, чуть пригнувшись, бежал во весь дух старший сержант Васильев Сергей Михайлович, помощник командира взвода, — это был один из молодых коммунистов нашей роты, уроженец города Очаков. Ещё в начале войны раненный Васильев попал в плен, но вскоре убежал от немцев. С тех пор он страшно ненавидел гитлеровцев, часто рассказывал нам, как они издевались над ним, как морили его голодом. Он был хорошим агитатором, слова у него не расходились с делом, солдаты его уважали. Васильев и поднявшиеся за ним трое бойцов упали, немного не добежав до цели. Мы подумали, что все четверо уже убиты, но тут же услышали разрывы гранат и поняли, что смельчаки живы, что они сражаются. Несколько минут продолжался гранатный бой у дзота. Эти минуты, показавшиеся мне вечностью, останутся в памяти на всю жизнь. Мы видели, как Васильев и его солдаты, вероятно уже раненные, лёжа кидали гранаты. Рядом с ними рвались немецкие гранаты. Сколько раз, увидев блеск гранаты, рвущейся в нескольких шагах от лежащих у дзота наших товарищей, я думал: теперь всё кончено, теперь они уже мёртвые. Но в следующую секунду поднималась чья-то рука, — и опять в амбразуры летела наша, советская, граната. Потом вдруг раздался взрыв, над дзотом поднялось тёмное облако дыма, и все затихло.

Мы знали, что на пути к Берлину будут ещё не такие препятствия, как этот дзот, но нам казалось, что теперь уже ничто не может остановить нас. Это чувство овладело всей ротой. Бойцы поднялись и побежали вперёд. Приблизившись к развалинам дзота, мы увидели пулемёт, который несколько минут назад прижимал нас к земле с такой силой, что нельзя было подняться. Он лежал теперь под грудой брёвен,



На улицах Кюстрина

исковерканный, сваленный на бок. Рядом с ним из-под брёвен и земли торчала каска одного из убитых при взрыве немцев. Тут же валялся уцелевший каким-то образом фаустпатрон.

Трупы наших героев, уничтоживших этот дзот, лежали в нескольких метрах от дзота. Они были полузасыпаны землёй. Нам нельзя было здесь задерживаться, но я всё-таки успел отрыть труп Васильева и вынуть из кармана его гимнастёрки партийный документ. У меня был друг старшина Николай Медведев, земляк-москвич. Он увидел, что я держу в руках кандидатскую карточку Васильева, и спросил меня, кому я её отдам, а потом вдруг сказал:

— Знаешь, Миша, я хочу сегодня поговорить с капитаном Лукашевым.

Это был заместитель командира батальона по политчасти. Я не стал спрашивать Николая, о чём он хочет говорить с Лукашевым, догадался сразу. Николай воевал от Сталинграда, но всё еще был беспартийным. Как и всем нашим солдатам, ему хотелось итти в бой за Берлин коммунистом, быть таким же, как Васильев.

Капитан Лукашев очень переживал потерю Васильева. Когда Николай сказал ему о своём намерении, Лукашев с горечью ответил:

— Докажи, что ты достоин заменить Васильева.

Николай сказал:

— Я докажу, товарищ капитан.

В это время нас обгоняли танки. Николай попросил у командира разрешение пойти в десант. С группой бойцов он вскочил на броню проходящих мимо танков. Больше я уже не видел своего друга. Он первым из пехотинцев ворвался в Кюстрин.

В Кюстрине приходилось драться так: пока дом не разрушишь, его не взять. Но когда Кюстрин был занят, бои стали ещё ожесточённее. Форсировав с хода Одер, мы закрепились на плацдарме. Сначала наш плацдарм был крошечным. Поднявшаяся на реке вода грозила потопить нас. Рванувшись вперёд, мы расширили плацдарм. Тут части пришлось отражать отчаянные контратаки немцев. Особенно запомнилась мне контратака противника, предпринятая им на рассвете 27 марта.

Немецкие танки шли в два ряда шахматным порядком и на полном ходу вели огонь из пушек и пулемётов. Вслед за танками двигались штурмовые автомашины с пехотой, которая тоже вела огонь на ходу. Огонь противника был настолько массированным, что в каску, поднятую над головой, попадало сразу по нескольку пуль.

Командир нашей роты лейтенант Попелькевич бегал по траншее, подбадривая людей. Ему мешала полевая сумка. Он сбросил её. Потом ему стало так жарко, что он сбросил и шинель.

— Ждать! — сказал он.

Впереди нас, метров за 10—15, было минное поле.

Передний танк двигался прямо на ячейку, в которой стоял боец Кузьмин. Немцы были уже метрах в двадцати от траншеи, а Попелькевич всё еще не давал команды. Раздался взрыв. Передний танк подорвался на мине и остановился. На мгновение стрельба со стороны немцев попритихла. Тогда лейтенант скомандовал открыть огонь и сам с первого выстрела поджёг немецкий танк, подходивший на выручку к тому, что подорвался на мине.

Из-за утреннего тумана и расстилавшегося по земле дыма от горящих танков вначале невозможно было разобрать, что происходит впереди. Видно было только, что перед траншеей стоит много танков, одни подожжённые, другие подорванные.

Находясь от нас на расстоянии 15—20 метров, экипажи подорванных танков не решались выйти из своих машин, ждали буксира. Красноармеец Ткаченко схватил охапку соломы и под страшным огнём врага пополз к танку. Подложив солому под танк, отважный боец поджёг ее своей зажигалкой. Когда пламя охватило танк, экипаж его попытался спастись. Один немецкий танкист сразу наскочил на мину, и она разнесла его на куски. Другой едва высунулся из люка, как превратился в факел. Мы видели, как он догорал у своего танка.

Ткаченко, вернувшись в траншею, стал собирать солому, намереваясь ползти к следующему танку. Такой способ действия понравился и другим бойцам, но лейтенант Попелькевич запретил его, так как подорванные немецкие танки стояли на минном поле. Покончить дело с этими танками поручено было сапёрам.

*

СЕРЖАНТ

И. ПИСАРЕВ

*

Разведчики Короля

Немцы встречались с командиром нашей разведывательной роты старшим лейтенантом Королем еще под Сталинградом, где он впервые прославился как один из самых смелых и хитрых разведчиков. Он служил тогда в нашей же роте, был рядовым, потом сержантом. Запомнились немцам встречи с Королем и на Курской дуге. С тех пор под командой Короля мы натренировались в разведке в самых разнообразных условиях местности — и в голой степи, и в развалинах городов, и в лесах, и в болотах. Но в таких условиях, как на Одере, нам еще никогда не приходилось добывать «языков».

Это было в конце марта после разгрома немцев в Померании. Наша часть вышла к Одеру в районе города Шведт. Здесь вдоль реки тянулись три дамбы. Они были взорваны, вода размыла насыпь и затопила местность. Наши войска занимали уже часть второй дамбы. В другой её части, отдалённой от нас протоком метров в двести шириной, ещё сидели в траншеях немцы. Нам было приказано взять из их траншей контрольного пленного.

Лейтенант Семёнов, командир взвода, под командой которого мы выполняли это задание, был учеником Короля; он тоже выдвинулся на войне из рядовых. Как и Король, он всегда придумывал что-нибудь неожиданное для противника. На этот раз он решил перетащить лодки через дамбу, спуститься вниз по течению, прикрываясь от немцев затопленным лесом, и высадиться в тылу у них. Место высадки было

определено после долгого наблюдения за противником, которое мы вели с первой дамбы. Нас было восемнадцать человек. Мы отплыли ночью в четырёх лодках. Каждый разведчик имел автомат, пистолет, шесть гранат, кортик или финку. Мы были уже метрах в тридцати от намеченного места высадки, когда заметили силуэты шести немцев. Один из них сейчас же окликнул нас. Бойцы сжали зубы и налегли на вёсла. Уже слышно было, как немцы разговаривают, видимо, они спорили, что им делать. Хотя в лодке и не ответили на оклик, стрелять они не решались, очевидно думали, что всё-таки это скорее всего плывут свои. Ведь мы приближались к ним со стороны немецкого берега. Когда немцы окликнули нас вторично, мы были уже на таком расстоянии от берега, что могли выпрыгнуть из лодок. Стоя по грудь в воде, мы открыли огонь из автоматов.

Немцы оставили на берегу пулемёт и побежали. Один из разведчиков, Головенько, кинулся на затаившегося в кустах немца. Немец выстрелил в него в упор. Раненный в грудь, Головенько ударил немца прикладом по каске и схватил его за глотку. На помощь к Головенько подбежали лейтенант Семёнов и сержант Акулов, остальные сейчас же залегли вправо и влево от места схватки, не подпускали сюда противника. Немец оказался здоровенным парнем, из моряков, переброшенных на Одер с Балтики. Сопротивлялся он бешено, но его все-таки скрутили и бросили в лодку.

Задание выполнено, но возвращаться всем сразу нельзя было, немцы могли перестрелять нас, пока мы отплывали бы от берега. Поэтому лейтенант Семёнов разместил на двух лодках пленного, раненых, взял с собой нескольких бойцов, а мне, Акулову и остальным бойцам приказал оставаться на берегу как прикрытию.

Отбиваясь от немцев, которые начали подползать к нам, мы израсходовали все патроны и гранаты, осталось только холодное оружие — финки и кортики. Лодок с отплывшими разведчиками уже не было видно. Надо было отплывать и нам. Лодок у нас было две. Они стояли у берега в разных местах. На пути к одной из них в пустой траншее появились немцы. Они не подпускали нас к этой лодке. Что делать? В одной лодке всем невозможно было поместиться.

Метрах в четырёхстах от того места, где всё это происходило, на другой стороне протоки стояла наша 45-мм пушка. Перед выходом в разведку лейтенант Семёнов договорился с артиллеристами, чтобы в случае чего они помогли нам огнём. Артиллеристы заранее пристре-

лялись по немецкой траншее, у которой мы решили высадиться. Теперь у нас вся надежда была на них.

По воде звук хорошо разносится. Выскочив на обрыв, Акулов закричал так, что артиллеристы сразу поняли, в чём дело. Они сделали по траншее три выстрела. Более метких выстрелов я никогда не видел. У меня сердце заиграло, когда они с первого же выстрела угодили как раз в то место, где сидели немцы.

Мы сейчас же бросились в реку и по горло в воде подобрались к лодке. Перетащив эту лодку к первой, наша группа благополучно отвалила от дамбы и вслед за лейтенантом Семёновым скрылась в затопленном лесочке.

Не знаю по каким признакам, но немцы догадались, что этой ночью на дамбе были разведчики известного им ещё по Сталинграду Короля. А о том, что они догадались, мы узнали от пленных, которых мы немало выкрадывали здесь на Одере из окопов и блиндажей, бесшумно подплывая к ним на лодках вдоль дамбы.

*

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

П. СИНЕЛЬНИКОВ

*

Батарея на дамбе

Я расскажу о том, как 26 марта моя батарея обеспечивала переправу пехоты через Одер южнее города Шведт. Был паводок; река, размыв взорванные в нескольких местах дамбы, разлилась километра на два. По обеим сторонам дамбы, на которой мне приказано было поставить орудия, неслась полая вода, плыли льдины.

Противник на другой дамбе, метрах в 250 от нас, у него тоже спереди и сзади была вода. За этой дамбой вдали виднелась ещё одна дамба; по ней проходила вторая линия немецкой обороны. Чтобы выдвинуться на огневую позицию из леса, где мы стояли, батарея должна была проехать по открытой дамбе километра два. С вечера, ожидая, что советские войска начнут переправу, противник поднял шумиху. Дамба всё время была под артиллерийским и минометным огнём немцев.

Прежде всего надо было перевезти снаряды. Это удалось сделать скрытно от противника, хотя светила луна. Снаряды перевозились на лодках вдоль дамбы, под её прикрытием. Перевозка продолжалась с 2 часов ночи до 5 часов утра. Перевезено было 600 снарядов. Их сложили в ниши, вырытые в скате дамбы.

В 4 часа 30 минут луна начала заходить, от воды поднялись испарения, небольшой туман. Это было самое темное время ночи, перед рассветом. Я приказал вывозить орудия, соблюдая дистанцию в 400—500 метров. Вальки передков, чтобы не скрипели, были перевязаны тряпками и бинтами. Противник к этому времени притих. Линия его траншей на

дамбе посреди разлившейся реки обозначалась в тумане только взлётом трассирующих пуль и вспышками пулемётного огня.

Все расчёты выкатили свои орудия без потерь. Ровики и окопы были уже вырыты. Снаряды сложены в ниши. Орудия пришлось врыть в землю только на тридцать сантиметров, — если бы врыли глубже, не было бы видно целей. Щиты прикрыли плащ-палатками, поверх которых насыпали прошлогодней травы и водорослей. К рассвету всё было готово. Артиллеристы лежали в ровиках и в ожидании сигнала артподготовки вели наблюдение за противником, который не заметил изменений, происшедших на нашей дамбе за ночь. Мой командный и наблюдательный пункт находился в ровике, вырытом в пяти метрах от первого орудия.

Открытие огня назначено было на 7 часов утра, но потом отложено на вечер.

Весь день мы лежали на дамбе, изучая огневые точки противника. Немцы обстреливали всю дамбу из артиллерии, миномётов и пулемётов. Их бризантные снаряды рвались над дамбой на высоте нескольких метров, но в стороне от нас. Мы лежали, не шевелясь. Немцы так и не заметили нас за день.

Под вечер, незадолго до начала артподготовки, мы увидели лодку с двумя нашими солдатами, плывущую к дамбе противника. Сначала мы просто не верили своим глазам. Смелость этих людей казалась невероятной. Они гребли быстро, но совершенно спокойно, как рыбаки в тихий мирный вечер. Немцы, очевидно, были так поражены, что не сразу открыли по лодке огонь. Они стали стрелять, когда лодка была уже у их берега. Выскочив из лодки, солдаты залегли в нескольких метрах от траншей противника.

— Вот черти! — невольно воскликнул я, восхищённый их храбростью. Мы следили за ними, затаив дыхание. Переползая с одного места на другое, они бросали в немецкие траншеи гранаты. Немцы тоже забрасывали их гранатами.

Я не знаю фамилий этих людей, не знаю, какую они имели задачу, может быть, даже они действовали по своей инициативе, знаю только, что это были герои. Благодаря им мы окончательно уточнили линию немецких траншей — разрывы гранат обозначили её совсем ясно. Герои погибли, но их дерзкая храбрость необычайно воодушевила и артиллеристов и пехотинцев. Я видел, что пехотинцы уже начали перетаскивать через дамбу лодки, готовые плыть на тот берег, не ожидая артподготовки.

Артподготовка началась в 8 часов вечера. После того как мы сбросили с орудий маскировку и открыли огонь, прошло минут десять, прежде

чем немцы, ошеломлённые тем, что увидели вдруг против себя точно из воды вынырнувшие советские пушки, дали по нас первые ответные выстрелы. К этому времени над дамбой противника уже бушевал вихрь дыма, поднятой в воздух земли и летящих брёвен. Я любовался этим зрелищем, лёжа на поверхности голого ската, так как от сотрясения, происходившего при стрельбе наших орудий, песчаные стены моего ровика быстро осыпались.

За пятнадцать минут одна наша батарея выпустила двести снарядов, потом всем стрелявшим батареям приказано было перенести огонь на вторую дамбу. Первая дамба была так обработана артиллерией, что стрелковый батальон, который мы поддерживали, переправился через Одер броском на тридцати лодках, потеряв при этом всего одного бойца — раненым. Очень обрадовал нас пехотинец, связной, возвратившийся с того берега с донесением. Он схватил в объятия первого встретившегося ему артиллериста, долго тискал его и целовал, благодарил за хорошую помощь.

★

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СЕРЖАНТ

А. ТЯПУШКИН

*

Артиллерийская дуэль

Наше кольцо вокруг кюстринской группировки немцев стягивалось всё туже и туже. Враг делал отчаянные усилия, пытаясь соединиться со своими главными силами. Но всякий раз мы срывали его попытки. Немцы лихорадочно перебрасывали огонь своих батарей с одного участка нашего переднего края на другой в надежде нащупать наше слабое место... За ночь нам удалось продвинуться еще немного вперед, и мы оказались на полкилометра ближе к «Господскому двору» — главному опорному пункту противника на этом участке. Батарея сменила огневую позицию.

Рано утром командир батареи задал несколько целей для пристрелки и предупредил, чтобы мы были наготове, так как можно ожидать внезапной вылазки немцев. И действительно, к полудню противник стал проявлять активность. Вдруг с наблюдательного пункта командира батареи, расположившегося в ста метрах впереди, прибежал к нам разведчик. Ещё на бегу, запыхавшись, он прокричал:

— По местам! Есть новые цели! — и, подсев к панораме, он указал малозаметный вражеский блиндаж, выдвинутый немцами метров на полтораста вперёд от своей обороны и до сих пор ничем себя не проявлявший.

— Приказано три снаряда по амбразуре, — сказал разведчик. — И еще одна цель: видите дом, возле которого стоит обломанная ель? Там сидят фаустники. Туда — два снаряда.

Прямой наводкой

Я подал команду.

Оджахвердиев Маджид, мой старый наводчик, прошедший путь от предгорий Кавказа, своей родины, до берегов Одера, взялся за ручки подъёмного и поворотного механизмов.

— Ну что же, — сказал он, когда всё было готово и заряжающий Меликошвили зарядил орудие, — придётся немчуре подбросить боеприпасов, а то у них, пожалуй, нехватает. Только вот не могу ручаться за доставку в сохранности.

Он был весёлый малый, не унывал ни при каких обстоятельствах.

Несколько удачных снарядов сделали своё дело, и когда рассеялось чёрное облако дыма, нашим взорам открылась развороченная амбразура немецкого дзота, из которого во все лопатки, то и дело спотыкаясь, улепётывали немцы. В резиденцию фаустников наводчик попал с первого снаряда, и вскоре этот дом был занят нашей пехотой. Мы радовались своему успеху.

Вдруг над нами просвистел лёгкий снаряд и разорвался в полукилометре позади, на ровном, поросшем кустарником поле. В небо взвился фонтан земли и дыма.

— Не вздумала ли немчура поохотиться за нами? — заметил заряжающий.

Я приказал ящичным прибрать снаряды с открытого места, потом всем залечь в укрытия, а сам с наводчиком стал вести наблюдение.

За первым снарядом в воздухе пронёсся второй и разорвался несколько поближе. Ясно, что немцы засекли нашу пушку. Но откуда они бьют? От того, как быстро мы разберёмся в этом, зависит всё... Последовал заглушённый третий выстрел. Стреляла самоходная пушка. Теперь я хорошо слышал, что она находится где-то около «Господского двора». Через десяток-другой секунд снаряд разорвался перед самым окопом, в котором мы укрылись. Нас засыпало землёй.

Итак, наш окоп оказался в полосе обстрела. Некоторые в таких случаях говорят: «авось, пролетит мимо...» Но мне на «авось» надеяться не хотелось.

Я быстро перебрался в другой окоп, вырытый по правую сторону орудия. То же самое приказал сделать двум номерам, находившимся вместе со мной. Окоп опустел, только на бруствере сиротливо осталась солдатская шинель...

Теперь я стал внимательно следить за «Господским двором». Через некоторое время я увидел под небольшим фруктовым деревом чуть

заметный, быстро рассеивающийся в ветвях дымок. Последовал далёкий выстрел, и нас оглушило разрывом снаряда. Комья земли огрели по спинам, окоп заволокло дымом.

— По местам! — скомандовал я и выскочил из окопа.

Разъяснять наводчику цель не было времени. Потерять момент — значит погибнуть. Я бросился к орудию. Прицел 26, перекрестие панорамы под дерево, снаряд в казённик. Выстрел. Недолёт. Прицел 27. Перелёт. Наводить ниже! Заряжающий, быстро!

Под деревом вновь обрисовался белый дымок.

«Быстрей огонь, — промелькнула мысль, — кто кого?»

— Ложись!

Вражеский снаряд разорвался на бруствере под орудием. Пыль, земля, дым, свист осколков...

— Заряжай!

И, не дожидаясь, пока рассеется дым, сквозь пелену навожу под дерево.

— Огонь! — командую сам себе.

Клуб чёрного дыма в районе белых вспышек.

— Еще последний!

— Там же!

— Пожалуй, хватит, — слышу голос Меликошвили.

Да, действительно хватит. Под деревом виднеется вьющаяся струйка дыма. Потом вырывается сноп пламени, рвутся снаряды, бушует пламя... Немцы разбегаются...

— А ну, ещё снаряд по немчуре!

. . . . . .

Несколько успокоившись, мы заметили исчезновение оставленной на бруствере шинели. Подойдя поближе к окопу, мы увидели на её месте только воронку от снаряда.

*

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
СТАРШИНА
С. ПАНОВ

*

Рукопашная в траншее

После взятия Кюстрина наша часть сжимала кольцо вокруг остатков немецких войск, отступивших из этого города. Навстречу нам с юга шли войска генерала Чуйкова. Кюстринской группировке немцев предложено было по радио сдаться. Немцы не пожелали складывать оружие. Они еще рассчитывали прорваться на запад.

Части оставалось ещё пройти метров четыреста, чтобы соединиться с войсками генерала Чуйкова.

Наш взвод, вклинившись в расположение противника, вёл ночью бой у его траншеи, проходившей по одной из дамб, которых на Одере много. Мы были внизу, немцы — наверху. Нас отделяло всего метров 15—20.

Когда немцы пошли в контратаку, они попытались обойти наш взвод. Мы загнули фланги и гранатами отбросили немцев обратно в траншею.

Не помню уже, сколько раз они вылезали ещё из своей траншеи и бросались на нас. Гранатный бой продолжался всю ночь. Луны в эту ночь не было, стояла такая кромешная тьма, что немцы незаметно подходили на расстояние 6—7 метров, и мы могли отличить их от своих только по огромным вещевым мешкам за плечами и фаустпатронам, которые они несли подмышками.

Под утро, отбив последнюю контратаку немцев, мы ворвались в их траншею. Я воевал с 1941 года, сражался под Ленинградом, на Днепре, на Висле, но схватка, разыгравшаяся в этой траншее на дамбе у Одера,

по своему ожесточению превзошла всё, что я видел до сих пор. Как только я прыгнул в траншею, один гитлеровец вцепился мне в горло. Я схватил его за запястье и вывернул ему руку, которой он меня душил. В правой руке у меня была граната. Я ударил его этой гранатой по виску.

В этой схватке мне не раз пришлось действовать гранатой, как молотком. Некоторые гитлеровцы, не желая сдаваться, забились в ниши, вырытые в стенках траншей для спанья. Этих мы уничтожали, подбрасывая гранаты в норы.

Начало рассветать. Стрельба всюду затихла. Поднявшись на дамбу, мы увидели толпы немцев, шедших с поднятыми руками и белыми флагами. Так закончилась попытка немцев вырваться из окружения под Кюстрином. Один наш взвод принял здесь в плен около пятисот немцев. Когда мы отправили их в тыл, к дамбе начали подходить стрелковые цепи генерала Чуйкова. Мы встретили их радостным криком:

— Теперь вместе на Берлин!

*

ГВАРДИИ СЕРЖАНТ

К. ГОЛУНЕНКО

*

Партийный билет

Наблюдательный пункт нашего дивизиона располагался на левом берегу Одера. Я, как артиллерийский разведчик, выявлял огневые точки противника. Наутро была назначена атака. С рассветом наша артиллерия открыла огонь, и вслед за тем пошли вперёд пехотные части. Я оставил наблюдательный пункт и двинулся вместе со стрелками.

Пехотинцы с хода захватили первую немецкую траншею, затем с боем выгнали немцев из второй и третьей траншей и, не давая противнику притти в себя, гнали его до села Лоссов.

В горячке преследования наше подразделение вырвалось вперёд и оказалось отрезанным от своих соседей.

Командир приказал занять круговую оборону. Мы находились на опушке леса, в лесу были немцы, в траншеях на открытом поле перед лесом тоже были немцы. Решено было прорываться всем вместе полем. С криком «Ура!», «За Сталина!» бойцы дружно бросились к траншеям. Но ураганный огонь врага прижал нас к земле. Пришлось отойти обратно к лесу. Вторая попытка тоже ни к чему не привела; много наших товарищей было убито, а остальные с трудом отползли за кусты. Осталась нас горсточка. Решили двинуться в другом направлении. По одному, по два мы стали перебегать от куста к кусту вдоль леса. Только спустились в балку, а нас там снова встретили вражеские самоходки и пехота. Пришлось залечь. Лёжа, я заметил неподалеку небольшой ровик; спустился туда, дозарядил свой автомат и приготовился к драке. Немцы заметили,

как я спрыгнул, и поползли ко мне. Уже стемнело, и разглядеть их было трудно, но голос и в темноте не пропадает, а они громко кричали мне, чтобы я, мол, сдавался им по доброй воле. Я подпустил их поближе и дал очередь из автомата, затем другую. Думаю, что не зря, потому что немцы поползли обратно к самоходкам. Всё же противник не выпускал меня из виду, и сейчас же одна из самоходок выстрелила по мне два раза. Меня засыпало землёй и оглушило. Я решил переменить позицию, надеясь, что дым от разрывов скроет меня от противника. Однако не успел я подползти к другому ровику, как немцы увидели меня и выпустили пулемётную очередь. Я почувствовал, что сильно ранен в спину; вдобавок пуля разбила мой автомат. Кое-как вполз я всё же в ровик; слышу, немцы опять приближаются. Было у меня четыре гранаты. Три, одну за другой, бросил в немцев, четвертую оставил себе. Слышу, что-то очень тихо становится. Сперва, было, подумал, уж не ушли ли немцы совсем, потом понял, что у меня в голове мутится, видно, смерть близка. Что ж, тело мое мёртвое пусть врагу достанется; но при мне был мой партийный билет и планшетка с данными артиллерийской разведки и картой-схемой расположения рот. Эти документы я никак не мог оставить немцам. Собрав последние силы, я раскопал рукой песчаную землю, положил в эту ямку партбилет и планшетку, накрыл землёй и сам лёг на это место. Тут я потерял сознание.

Очнулся я на повозке среди мёртвых тел. Потом узнал, что меня подобрала наша погребальная команда, сочла за мертвеца. Совсем пришёл я в себя уже в госпитале. Слышу, что меня собираются эвакуировать в тыл. Тогда я сразу подумал про свой партбилет — как же, ведь я живой, и он должен быть при мне; нет, ни за что не позволю увозить себя, пока не достану свой партбилет. Я сказал это сестре, она отослала меня к начальнику госпиталя. Начальник госпиталя выслушал меня, но ответил, что никак не разрешит мне итти куда бы то ни было в таком состоянии. Тогда я решил действовать на свой риск. Узнал, что из госпиталя направляется к Одеру машина за ранеными, украдкой залез в неё, и она довезла меня до переправы. Не успел я пройти и несколько десятков шагов, как меня задержали и доставили в штаб чужой артиллерийской части. Я объяснил, куда я иду и за чем. Так как уже смеркалось, меня оставили ночевать. Ночью я старался не подавать виду, что сильно ранен, хотя рана и болела, очень боялся, что отправят обратно в госпиталь. Утром мне дали провожатого, и я не без труда добрался с ним до леса, где накануне считал себя уже погибшим. Немцы постреливали

довольно бойко, но я не стал ждать прекращения обстрела. Где пригнувшись, а где и ползком я пробрался к заветному рву. Планшетка с партбилетом была цела.

Порадовавшись этому, я оценил обстановку и решил, что раз уж смог выдержать такой путь, мне не стоит возвращаться теперь в госпиталь. Наш дивизион должен быть здесь неподалеку. Лучше я вернусь в свою часть, там подлечусь в санвзводе и вместе с товарищами пойду на фашистскую столицу. А то ведь из госпиталя не скоро выпустят, да и к своим, возможно, не попадешь. На моё счастье попалась двуколка из нашего дивизиона; я узнал её по синему цвету, в который она была выкрашена. Сопровождавший меня боец окликнул ездового. Ездовой оказался знакомым. Он посмотрел на меня с большим удивлением и помог мне сесть. Он, как и все в дивизионе, считал, что меня уже нет в живых. Заместитель командира по политчасти майор Коссир, к которому я пришёл, не сразу узнал меня. Только несколько минут спустя он закричал:

— Это ты, Голуненко?! — и стал всех звать посмотреть на воскресшего из мёртвых. Когда меня накормили, обмыли и перевязали рану, майор Коссир предложил отправляться в госпиталь. Я взмолился, и подробно рассказал, как и для чего уже раз расстался с госпиталем. Майор Коссир выслушал и сказал:

— Я не врач... Но верю, что если так дорожишь честью коммуниста и своей частью — выживешь...

Мне разрешили лечиться при своей части, и в бой за Берлин я пошёл со своим старым партбилетом.

☆

Из дневников и писем

14 апреля

Сидим в сырых окопах за Одером, пишем письма родным, говорим им, что наш путь на родину только один — через Берлин. Да, для нас нет другого пути к вам, дорогие, любимые. Если бы кто сказал: «Вас всех ждёт гибель в Берлине», мы бы ответили: «Ну что ж, может быть многие из нас погибнут — мы на войне». Но если бы кто-нибудь сказал: «Всё равно вы не дойдёте до Берлина», мы бы сочли его сумасшедшим. Всё готово, мы ждём одного — приказа товарища Сталина.

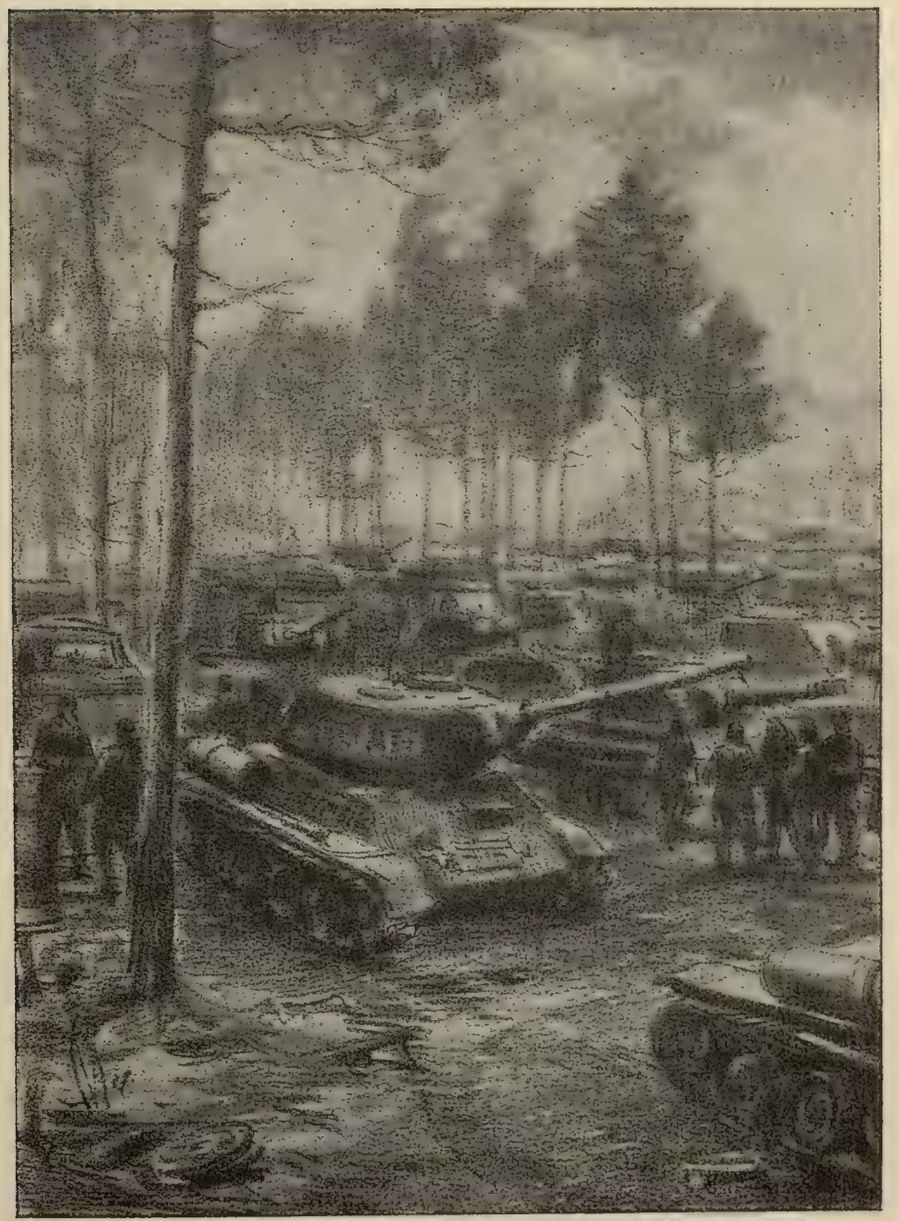
Лейтенант И. БАКАЛОВ

*

Как будто для того, чтобы согреть своим материнским теплом уставшие мускулы бойцов, выглянуло солнце. Изредка набегает пушистое облако, скользит по золотому диску и уплывает куда-то. Воздух чист, грудь дышит вольно. Кажется, что войны нет, и лишь какая-то случайность завела тебя в этот далёкий, чужой край. Но на плацдарме продолжается напряжённая работа. На пунктах наблюдения ведётся фиксация всех движений на переднем крае противника. Оптические стёкла прощупывают поля, траншеи, развалины домов.

Старшина М. МИЗИН

*



Накануне наступления

Итак, до наступления остались, видимо, считанные дни. Каждый из нас знает, что вот-вот на Берлин обрушится последний удар. Днём тишина, но ночью по всем дорогам в четыре, пять и шесть рядов двигаются сюда, за Одер, на «малую землю» машины всех систем и марок, пушки всяких калибров, танки, «катюши», мотопехота и просто пехота, пехота, пехота... Всё это буквально втискивается в плацдарм. На каждом шагу наталкиваешься на занятные сцены. Вот стоят два майора. Оба гвардейцы, оба сталинградцы, кавалеры нескольких орденов. Один из них танкист, другой — артиллерист. И оба азартно спорят из-за клочка земли! Что, мол, следует поставить здесь, танк или пушку? И этот незабронированный участочек сейчас еще не знает, станет ли он исходной позицией, с которой танкист даст старт своей машине на Берлин, или быть ему огневой позицией, откуда пушка будет слать уничтожающие снаряды по врагу. Мало земли на «малой земле». Ряд к ряду, сплошным частоколом выстроена и батальонная, и полковая, и дивизионная, и корпусная артиллерия. По всему видно, что подготовлен удар силы невиданной и неслыханной.

Никто не знает, точнее — немногие знают, сколько осталось до первого залпа «катюш», обычно оповещающего о начале артподготовки. Но каждый из нас чувствует солдатским своим чутьём, что уже недолго ждать.

Гвардии капитан А. БРОНШТЕЙН

*

К нам в часть приехал гвардии генерал-полковник Катуков.

Мы встречали его на небольшой полянке. Генерал поздоровался с нами, а потом запросто сказал:

— Сюда, ближе ко мне!

Стройное карре смешалось, и живое плотное кольцо окружило генерала. Катуков смотрел на нас. Его смуглое лицо вдруг озарила весёлая улыбка: он увидел много знакомых. Вот он поднял руку. Все замерли.

Он говорил о славных боевых традициях части, о победных днях Курской дуги, о Днестре, Западном Буге, Висле. Глаза его хитро сощурились.

— Нам предстоит еще великое дело...

Все, кто был на поляне, затаили дыхание.

ВПЕРЕД!

ПОБЕДА БЛИЗКА!

ДО БЕРЛИНА 75 КИЛОМЕТРОВ

НАСТАЛ ЧАС ВОЗМЕЗДИЯ!

Рисунок из красноармейской газеты

— Нам выпала большая честь, — продолжал генерал, — нанести по приказу Сталина последний удар по врагу, добить его, уничтожить разбойничье гнездо.

День не был указан, и Берлин не был назван. Но генерала поняли все.

Гвардии старший лейтенант БЕЛКИН[1]

★

Сегодня наш полк получил приказ произвести разведку боем и взять военный городок, куда противник подтянул свежие силы.

---

[1] Авторы некоторых писем, полученных по почте, не указали своих инициалов, и редакции не удалось их установить.

Наш батальон выстроился на небольшой поляне в нескольких километрах от Одера. В торжественной тишине заместитель командира полка по политчасти вручил лучшему бойцу батальона знамя Победы.

— Сталин приказал нам водрузить знамя Победы над Берлином. Клянусь, что приказ вождя будет выполнен. Ничто не остановит нас на пути к фашистскому логову, — сказал рядовой Килин, принимая знамя.

Ещё проносятся со свистом снаряды и сотрясается от разрывов земля, но уже двинулось вперёд высоко поднятое знамя Победы, и бойцы бросились в атаку. В самые напряжённые моменты схватки с отчаянно сопротивляющимся врагом все мы видели красное полотнище впереди.

Килин первым ворвался в траншеи противника, короткой автоматной очередью уничтожил пулемётный расчет. Знамя поднялось над траншеями, но это не конец боя: впереди — строения военного городка.

Взяты уже крайние дома городка. Знаменосец исчезает между развалинами, но через несколько мгновений весь в кирпичной пыли он взбирается на полуразрушенный дом, и снова издалека виднеется развевающееся по ветру знамя. Последние строения очищены, батальон выходит на железнодорожную линию и прочно закрепляется здесь в ожидании приказа.

Капитан КУЗЬМЕНКО

★

Я засыпал, как вдруг вбегает к нам в землянку телефонист.

— Ткаченко, быстро бери рацию и давай на машину!

Скоро вышел и наш командир полка, любимец всех гвардейцев, подполковник Васильчев. С ним какой-то полковник.

Перед тем как тронуться, подполковник спросил меня:

- - Ну как, Ткаченко, радиостанция в порядке?

- В порядке, — говорю, — надеюсь, не подведёт, товарищ подполковник.

— Смотри же!

Это он всегда так, для порядка. Накануне мы с радиомастером Щербаком Виталием Семёновичем заменили подработанные лампы, поставили новое питание, все контакты зачистили.

Едем. До командного пункта три километра.

Вот и высота. Поворот налево — овраг. Машину — в укрытие, мы — на высоту.

Развернул рацию — через 30 минут у меня уже бесперебойная связь со всеми абонентами.

Душа ликует — наконец-то! А в голове мысли о далёкой Сибири. Что сейчас там думает брат, вернувшийся домой после ранения? А что думают все советские люди? Наверное, их думы здесь, с нами, здесь, где немцы всю ночь бросают осветительные ракеты, страшась, как бы русские не застали их врасплох. Что ж, бросайте свои ракеты. Всё равно не поможет: ваш час пришёл, до него остались считанные минуты.

В 7 часов 30 минут утра запрашиваем дивизионы о готовности. Докладывают, что готовы.

Все то и дело взглядывают на часы.

Командир полка делает рукой знак: подготовиться. У меня уже все стоят на приёме.

- - Огонь!

Все наперебой отвечают:

— Приняли — огонь. Приняли — огонь. Огонь... огонь...

Устремляемся к ячейке наблюдения.

Тишину прорезал резкий звук «катюш», а за ними пошло и пошло — весь плацдарм заходил ходуном. Куда ни взглянешь в поле — всюду орудийные вспышки.

Через 30 минут взлетели и рассыпались мелкими искорками сигнальные ракеты. Начался огневой вал. Поднялась пехота.

Докладывают:

- - Село Альт Тухенбанд занято. Перед хутором Хаккенов обнаружены траншеи противника и минное поле.

Я был уверен, что наступление на Берлин началось. И что же! Оказалось, что это всего-навсего разведка боем.

Гвардии красноармеец Н. ТКАЧЕНКО

*

ПРОРЫВ

Войска 1-го Белорусского фронта, закрепившиеся после ожесточённых боёв на одерских плацдармах, закончив подготовку к наступлению, 14 и 15 апреля произвели разведку боем оборонительной полосы противника. Ночью 16 апреля после мощной артиллерийской подготовки войска 1-го Белорусского фронта двинулись с одерских плацдармов на штурм Берлина. Одновременно войска 1-го Украинского фронта, форсировав реку Нейсе, силами мощной подвижной группировки наносили удар по Берлину с юга и юго-запада, наступая значительной частью сил в глубь Германии, к реке Эльба.

*

Из дневников и писем

16 апреля

Безлунная, тёмная ночь. Батарея стоит на прямой наводке, готовая к стрельбе.

Сидим в блиндаже без огня. Но никто не спит. Командир орудия старший сержант Алексей Миняев весело рассказывает всякую всячину, больше всего про битых фрицев. Смех то и дело покрывает острое словцо командира.

Вдруг, слышим, вошёл кто-то.

— Дайте огня, — громко сказал он.

Мы по голосу узнали комсорга батареи. Зажгли свечу.

— Радостная весть, хлопцы, — продолжал комсорг. — Получено обращение Военного Совета фронта. От имени советского народа товарищ Сталин приказал захватить столицу фашистской Германии — Берлин и водрузить над нею знамя Победы.

Он передал Миняеву листок. «Наконец-то!» — заговорили бойцы, вскочив в радостном возбуждении.

Старшина В. СУТЫРИН

*

Вместе с приказом о наступлении было получено обращение Военного Совета 1-го Белорусского фронта к бойцам, сержантам и офицерам.

В полуразрушенном подвале было всего несколько связистов, а мне казалось, что я стою на громадной площади, заполненной народом. Сердце учащённо забилось. Великий момент настал.

Получив листовки, мы пошли в роты, чтобы довести их содержание до тех, кто, не смыкая глаз, зорко следит за противником.

Была тёмная и сырая ночь. Густой туман. Противник вяло стрелял, наши ему изредка отвечали.

Собирая небольшие группы, подползая к отдельным ячейкам снайперов, мы стали читать бойцам обращение Военного Совета.

Впереди окопов — хорошо замаскированная пулемётная точка командира расчёта станкового пулемета Темирбулатова.

Подползаю к пулемётчикам. Темирбулатов приглушенным голосом говорит:

— Ползите скорее, товарищ капитан, по нашей точке бьёт пулемет.

В узком окопе еле разместились пулемётчики и три автоматчика, которые находились рядом.

После того как бойцы прослушали обращение, Темирбулатов сказал:

— Товарищ Сталин приказал нам водрузить знамя Победы над Берлином. Мы клянёмся, что эту задачу выполним. Так и передайте, товарищ капитан, командованию, что мы клянёмся...

Пожав крепко руки пулемётчикам, я направился дальше.

В полуразрушенном домике с закрытыми плащ-палатками окнами сидели бойцы 1-й стрелковой роты. Некоторые из них отдыхали. Все поднялись. Бойцы с напряжённым вниманием заслушали текст обращения. После читки взял слово парторг Кириллов, храбрый воин, он же ротный поэт и военкор. С дрожью в голосе он сказал:

— Кто из нас не имеет счёта мести? У кого подлые фашисты не отняли самого дорогого? Кто не переживал ужасов навязанной нам войны? Час возмездия настал! Мы начинаем штурм логова зверя — Берлина. Мы выполним приказ товарища Сталина. Мы идём на Берлин! С нами Родина, с нами Сталин!

Гвардии капитан А. КУЛИШ

*

Вчера вечером переехали со своей рацией на новый командный пункт. Спускаемся в подвал.

Перед нашим приходом тяжёлый снаряд пробил метровую толщу цоколя, прогнул металлическую балку и, обессиленный, свалился на пол вместе с грудой кирпича. Мы как раз и застали всех под впечатлением

только что пережитого. К счастью, товарищи отделались шишками от кирпичных осколков.

Уже совсем стемнело. Я вышел во двор. Гляжу — проходят машины без света, как чёрные тени. Меня заинтересовало, что вместо кузова на машинах возвышалось что-то круглое, похожее на большие котлы, в которых плавят асфальт. Всё это накрыто брезентом и замаскировано ёлочками.

Захожу в подвал и спрашиваю подполковника, что это за машины. Он улыбается, а потом говорит:

— Да это же прожекторы.

Мы удивились до крайности.

— Зачем это, товарищ подполковник, на переднем крае прожекторы?

— А вот увидите, — сказал он.

В 3 часа ночи переходим к переднему краю. До наших траншей метров двести. Под железнодорожной насыпью приготовлены ячейки наблюдения и блиндажики. Разместились в одном из них.

Уже выходят на исходные рубежи танки и самоходные орудия. Из вторых эшелонов подтягивается пехота.

Вот и желанный час. Уж нам-то не привыкать к артподготовке, и то поразевали рты, как оглушённые рыбы. Чтобы слово сказать товарищу, надо было приложиться к самому уху, — и всё-таки он головой мотал, ничего не слышал.

Я решил полюбоваться «природой» и высунулся из блиндажа, но, надо признаться, сейчас же юркнул обратно...

Через некоторое время стрельба как будто притихла. Я выглянул снова и ахнул.

Какая картина! Впереди и сзади нас по фронту стоят прожекторы, вытянув свои лучи в сторону противника.

Эффект получился, надо сказать, замечательный!

Гвардии красноармеец П. ТКАЧЕНКО

*

Никто на батарее не знал, что через какие-нибудь 8—9 часов наступит этот долгожданный момент — штурм Берлина, о котором мечтали с самого начала войны, ещё тогда, когда сидели в обороне под Ленинградом. Но все батарейцы по каким-то неуловимым признакам чувствовали, что

ночь эта необычная. Никогда ещё с такой тщательностью мы не чистили свои гаубицы, не удаляли смазку, не сортировали снаряды. Работа производилась в полном молчании и как-то торжественно, точно мы готовились к празднику. Старший по батарее лейтенант Стрижак, прозванный «всевидящим глазом», в эту ночь особенно придирчиво проверял все работы. Лишь далеко за полночь на батарее всё замолкло — артиллеристы легли спать.

Тишину землянки, где помещался КП батареи, вдруг нарушил телефонный звонок.

— «Катер» слушает, — взял трубку дежурный связист, пожилой солдат Пасынков и поплотнее прижал её к уху.

— Слушаюсь, чётко дежурить, не отвлекаться, — сказал он, очевидно повторяя, что ему было сказано, и, положив трубку, стал размышлять вслух: — Не иначе как наутро затевается, не стали бы попусту так поздно звонить.

И словно в ответ на его размышления, опять раздался звонок. По всем проводам пронеслась команда: «К бою!»

Через несколько минут все люди были уже на ногах. С гаубиц сняты чехлы, орудийные расчёты заняли свои места, ждут команды.

Лейтенант Стрижак взволнованно посмотрел на своих бойцов — ведь со многими из них он прошёл боевой путь, начиная от Ленинграда. Вместе с ними он форсировал реку Нарву, брал Таллин, освобождал Эстонию, переправлялся через Одер. И сколько раз они говорили о том желанном времени, когда будут драться на немецкой земле, будут участвовать в штурме проклятой гитлеровской столицы. И вот пришло оно.

— Угломер 47-20, прицел...

Команду заглушает раскатистый гром — небо пронзают тысячи молний. Это открыли огонь гвардейские миномёты. Чтобы дослушать команду, которую заглушили «катюши», командиры орудий обступили лейтенанта.

Через несколько секунд земля содрогнулась от гула тысячи орудий, побелевшее небо заволокло дымом. Казалось, что началось землетрясение. Словно огромный вулкан, выбрасывали орудия смертоносный огненный металл на голову врага. Стволы гаубиц накалились, лица артиллеристов становились всё суровее, движения всё более быстрыми, точно нам сам товарищ Сталин говорил: скорее, скорее, не теряйте драгоценного времени.

Младший сержант И. ВОЛОБУЕВ

Артиллерийская подготовка

*

Кровь сильнее потекла по жилам, сердце стучало и как будто бы говорило: настал, настал, настал долгожданный момент. Хотелось скорее итти в бой, чтобы обеспечить светлое будущее новому поколению, чтобы дети с гордостью смотрели на своих отцов, чтобы они учились у нас любить свою Родину и бить её врагов, чтобы всегда уступали место инвалиду Отечественной войны, чтобы не зарастали тропы к могилам воинов и на могилах их цвели розы и лежали венки. Сердце стучало не одно, тысячи сердец стучали, у каждого солдата и офицера билось большое русское сердце.

Когда началась артподготовка, я встал в траншее в полный рост и смотрел на разрывы наших снарядов, подымавших в воздух деревья и землю. Спасибо, товарищи артиллеристы! Вдруг за моей спиной раздался сильный удар, в ушах зазвенело. Я так увлёкся происходившим впереди, что не заметил, как к траншее подкатили пушку. Пришлось отойти немного в сторону.

Старший сержант **В. ЧЕРЕМУХИН**

*

Мы проснулись от гула орудий и сразу поняли, что этот гул возвещает о начале штурма Берлина. Бойцы говорили, что такой канонады они ещё в жизни не слышали. Когда мы по команде выскочили из траншей и пошли в атаку, артиллерийский гул не прекращался. Наступление утра осталось незамеченным, потому что дым от пороховых газов всё сгущался. Дойдя до первого населённого пункта, мы увидели сквозь разрывы газовых облаков солнце. Проходим три ряда немецких траншей, обработанных нашей артиллерией. Впечатление огромное. Один снаряд попал прямо в пулемётное гнездо. От пулемёта и его расчёта остались только незначительные признаки. Остатки брёвен в воронке необычной формы подтверждают, что здесь был блиндаж. Из земли торчат в беспорядке железные прутья арматуры — догадываюсь, что это остатки трансформаторной будки, служившей немцам в качестве наблюдательной вышки. Но что это такое? Вдали видны целые немецкие пушки, стволы их направлены в нашу сторону. Это удивляет нас, но удивление исчезает, когда мы приближаемся к уцелевшим пушкам. Оказывается, это ложные огневые позиции немецких батарей: все пушки сделаны из брёвен. Понятно,

наши артиллеристы не стали тратить на них снарядов. Боец Скородубцев, увидев эти фальшивые пушки, сказал:

— Старого воробья на мякине хотели провести.

Гвардии красноармеец **И. САПРЫКИН**

*

Наступил рассвет. Приодерская земля колыхалась, как при землетрясении. Капитан Кудяков находился со своими разведчиками-артиллеристами в боевых порядках пехоты. Противник обнаружил наш наблюдательный пункт. Снаряды обрушились на блиндаж. Было сорвано два верхних наката, но капитан не обратил на это внимания. Он смотрел в бинокль на продвижение нашей пехоты.

— На Берлин! На Берлин! — кричал он.

Радость такая, какой ещё никогда не было.

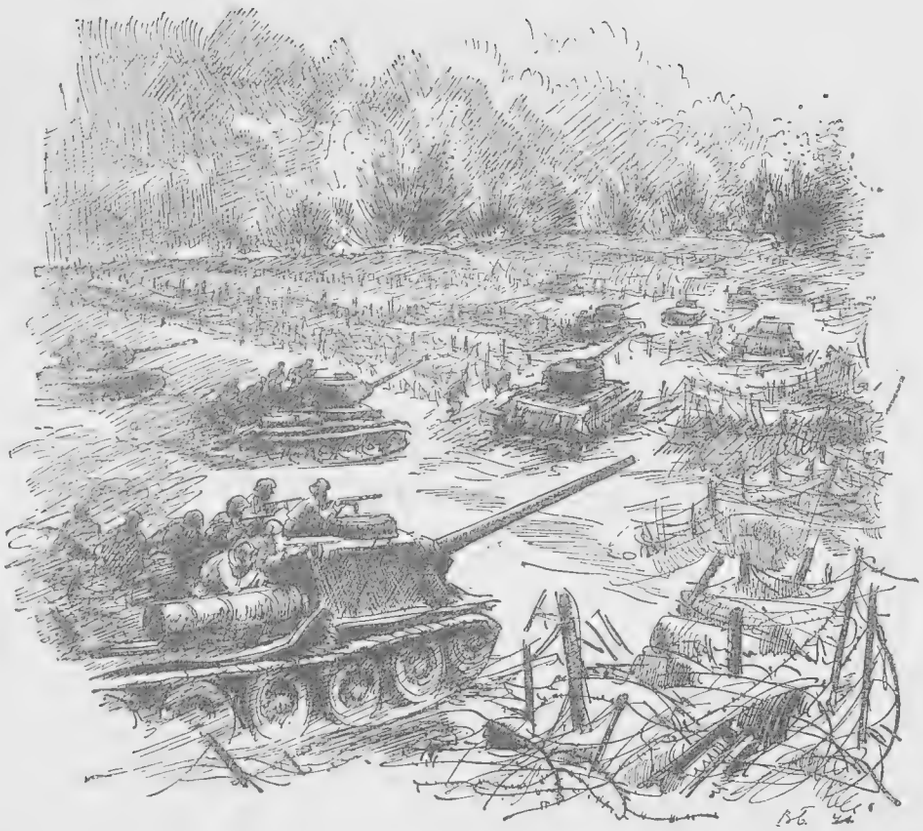
Сержант Баринов, наблюдавший за разрывами снарядов наших орудий, заметил немецкую пушку, которая стреляла по нас.

— Товарищ капитан! Вон она по нас бьёт. Ей-богу, по нас! — уверял он.

— Передай, пусть дадут по ней огоньку, — сказал капитан, не отрываясь от бинокля.

Телефонист не успел выполнить приказания; волной воздуха его ударило об стену. Пыль заслонила видимость. Снаряд оторвал угол блиндажа и разворотил третий, последний, накат брёвен.

— Перебегаем в тот дом, — сказал капитан.



Только успели все добежать до нового наблюдательного пункта, как возле него упал тяжёлый снаряд.

— Товарищ капитан, мне ногу оторвало! — закричал связной.

Капитан Кудяков был ранен в шею. Но он, очевидно, не сразу почувствовал это. Услышав голос связного, он подошел к нему, увидел, что тот лежит в крови, и сказал:

— Клянусь, они не уйдут от нас. За всё заплатят!

Гвардии сержант **Г. ЧЕРНЫШЕВ**

*

Ночью от блеска пушечных выстрелов, от прожекторов, бросающих длинные лучи в глубину вражеской обороны, от огневых трасс «катюш» светло, как днём, а утром от едкого порохового дыма, сдавливающего дыхание, в пяти метрах ничего не видно.

Лейтенант А. ФРЯЗИНОВ

*

Непревзойдённый по силе огня артиллерийский удар. Одно за другим взлетали вверх укрепления немцев. Когда яркие лучи прожекторов осветили закрытый серой стеной передний край противника, к гулу нашей артиллерии присоединился гул приближающихся танков прорыва «ИС». Наша пехота выходит из окопов и в единодушном порыве бросается в атаку.

— Вперёд, друзья! За Родину! За Сталина! — зовёт бойцов голос нашего знаменосца рядового Килина.

Постепенно рассеиваются закрывающие солнце пыль и дым. Артиллерия перенесла огонь в глубь обороны отступающего противника.

В 8 часов утра наше знамя Победы уже развевается над станцией Вербиг. За три часа мы с боем прошли пять километров.

Немцы ещё попробовали контратаковать нас, но их встретил дружный огонь; орудие прямой наводкой подожгло один танк, подбило другой, и контратака захлебнулась.

В цепи бегущих впереди бойцов снова заколыхалось знамя Победы, и в эту минуту вражеская пуля ранила героя-знаменосца. Но знамя подхватил старший сержант Шкурко, и оно попрежнему неудержимо несётся вперёд, настигая ошеломлённого врага.

Капитан КУЗЬМЕНКО

*

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ГВАРДИИ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
В. ЧУЙКОВ

*

Славный маршрут

СТРАНИЦЫ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Осенью 1944 года воины 1-го Белорусского фронта послали товарищу Сталину подарок — бронзовую фигуру красноармейца, шагающего через Вислу и Одер. Красноармеец держал в руках знамя, оно было занесено над Берлином. Приняв подарок, товарищ Сталин сказал:

— Бойцы 1-го Белорусского фронта задачу свою понимают правильно.

Большое счастье это было для нас, стоявших тогда на вислинском плацдарме, — мы почувствовали, что наша страстная мечта сбудется, что вождь и Верховный Главнокомандующий именно нас нацеливает на Берлин, что именно нам предстоит водрузить над Берлином знамя Победы.

Когда стало известно решение Ставки Верховного Главнокомандующего, старые товарищи-генералы, делясь своими чувствами, говорили мне:

— Твои гвардейцы, Чуйков, пройдут славный маршрут Отечественной войны: Сталинград—Берлин.

Я знал, что к предстоящей операции надо готовиться очень серьёзно, иначе немцы соберутся с силами и остановят нас перед Берлином. Это их от гибели не спасёт, но для нас, сталинградцев, будет позором.

Опыт уличных боёв был у нас большой. В Сталинграде мы создали штурмовые группы — это была школа боя в городе. На нашем пути к Одеру стояла Познань, в этом городе наши гвардейцы дрались 25 дней. Наконец, взятие крепости Кюстрин на Одере было репетицией битвы за Берлин.

В дни подготовки войск к последнему, решающему наступлению я написал статью «Как действовать в бою за населённый пункт». Все бойцы

БРОНЗОВАЯ ФИГУРА КРАСНОАРМЕЙЦА, ШАГАЮЩЕГО ЧЕРЕЗ ОДЕР.
ПОДАРОК ВОИНОВ 1-ГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

и офицеры армии прекрасно понимали, что под скромным выражением «населённый пункт» я подразумеваю ни больше ни меньше как Берлин, столицу фашистской Германии.

Сталинградские штурмовые группы были обогащены опытом наступательных боёв за города Запорожье, Одессу, Люблин, Лодзь, Познань и наконец Кюстрин.

Я поставил бойцам штурмовых групп в пример героя боёв за Познань, кавалера двух орденов Славы, гвардии младшего сержанта Василия Алейника, действия которого отличались необыкновенной стремительностью. Благодаря смелости и быстроте его группа захватила в Познани одно сильно укреплённое угловое здание без всяких потерь.

Когда я бывал в войсках, беседовал с бойцами, разговор обыкновенно вращался вокруг берлинской темы:

— Что-то у тебя, сержант, сапоги потрёпанные.

— Ничего, товарищ генерал, до Берлина хватит!

Я спросил одного старшину, каково положение с патронами в роте.

Он ответил мне:

— Разрешите доложить, до Берлина хватит.

Перед фронтом нашего предстоящего наступления проходила гряда так называемых Зееловских высот — серьёзное естественное препятствие, укреплённое врагом. Его оборона эшелонировалась на большую глубину, до Берлина.

Разведку этих высот мы вели всеми средствами. Офицер моего штаба гвардии подполковник Велькин дважды летал над ними на штурмовике, изучая расположение противника.

Ночью 16 апреля, находясь на своём наблюдательном пункте на плацдарме за Одером, я старался по доносившимся до меня звукам разгадать, что делается у противника. Наше наступление не могло быть для немцев неожиданностью. 14 апреля пленный, взятый во время разведки боем, показал: «Это не было вашим большим наступлением, дня через два вы начнёте большое наступление, будете прорывать нашу оборону. Потом ринетесь на Берлин. Дней через семь подойдёте к Берлину, а дней через пятнадцать война закончится полным разгромом Германии».

Вспоминая сейчас этот допрос немецкого солдата, думаю, что этот пленный, пожалуй, понимал немножко больше, чем генералы из гитлеровского генштаба.

Зная, что скрыть полностью подготовку грандиозного наступления невозможно, я боялся, что противник обманет нас, уйдёт, сменит засеченные

нами огневые позиции. Тогда артиллерийская подготовка страшной силы пройдёт даром, впустую, придётся на другом рубеже всё начинать сначала.

Несколько раз я выходил из блиндажа. На переднем крае было спокойно.

Впереди, недалеко от моего наблюдательного пункта, бойцы кушали, или, как принято говорить, «заправлялись» перед боем.

Артиллерийское наступление отличалось краткостью и исключительной силой. Оно как бы дало тон всей операции.

На долю Героя Советского Союза гвардии генерал-лейтенанта Пожарского выпало дирижировать огромным артиллерийским оркестром: 265 стволов артиллерии и минометов действовали на каждом километре фронта прорыва.

Когда рассвело, было очень трудно наблюдать за полем боя. Дым артиллерийских разрывов слился с голубоватой дымкой, покрывавшей землю. Эта дымка приводила в ярость командиров лётных частей, находившихся рядом со мной на станции наведения. Авиации было очень сложно работать.

Бой был трудный и упорный. Однако, когда мои разведчики перехватили немецкую радиограмму, в которой какой-то командир приказывал бить по бегущим солдатам осколочными из танков, для меня стало ясно, что гвардейцы Сталинграда уже имеют успех, их порыв к окончательной победе несокрушим, что гитлеровцы бегут.

Нас несколько раз предупреждали от имени товарища Сталина не торопиться, обработать врага как следует артиллерией, а потом итти в атаку.

В этом чувствовалась сталинская забота о людях. Мы прилагали все усилия к тому, чтобы громить врага, сохраняя как можно бережней жизни наших воинов, прошедших тяжёлый и славный путь и доживших до последнего, завершающего этапа Отечественной войны.

Пройдя с упорными боями 6—8 километров, мы подошли вплотную к Зеленовским высотам. Противник на этом рубеже имел сильные оборонительные позиции и свежие части. Взять с хода эти мощные позиции было невозможно. Завязались упорные бои, длившиеся днём и ночью.

Умение войск вести наступательные ночные бои обеспечило успех захвата Зеленовских высот. Первой на высоты ворвалась дивизия генерала Шугаева, за ней дивизия генерала Зеленюка.

Вторичная артиллерийская подготовка, вновь проведенная ночью, и последовавший затем стремительный дружный штурм высот обеспечили захват всех позиций на Зееловских высотах. Брешь на Берлин была пробита.

Гитлеровский генеральный штаб понимал, что нарастающий удар Советской Армии, нарушивший планы задержки наступления наших войск, сокрушил всю его стратегию и тактику. Но, как говорят, «утопающий хватается за соломинку». Навстречу нашему наступлению были брошены все имевшиеся у врага резервы.

Каждый день на новых позициях в глубине немецкой обороны появлялись свежие полки и дивизии; контратаки шли непрерывно. Но никакая сила не могла уже остановить могучие удары гвардейцев-сталинградцев, которые рвались выполнить приказ великого Сталина, водрузить знамя Победы над Берлином.

У города Мюнхеберга, на полпути от Одера до Берлина, сталинградские гвардейцы совместно с гвардейцами-танкистами генерала Катукова сломили последнее ожесточённое сопротивление гитлеровцев. Чаша весов победы резко наклонилась в нашу сторону.

Противник, надломленный физически и морально на одерском рубеже, ещё продолжал огрызаться. Наши части прорвали внешний оборонительный обвод Большого Берлина, и 23 апреля 1945 года мы дрались уже в Берлине.

Реку Шпрее наши войска форсировали с хода сразу в нескольких местах. Наши штурмовые группы всё глубже и глубже врезались в тело Берлина.

Чем ближе мы подходили к центру города, тем более возрастало сопротивление врага. Фашистские головорезы, чувствуя приближение часа расплаты, бешено сопротивлялись. Но это была предсмертная агония.

Я помню ночь под 1 мая, когда ко мне на командный пункт явился начальник генерального штаба германских сухопутных войск генерал пехоты Кребс с письмом за подписями Геббельса и Бормана. По лицу этого генерала я видел, как фашистская Германия с трепетом за свои злодеяния склоняется на колени перед Советской Армией, перед советским народом.

★

ПОЛКОВНИК
А. ПОПОВ

*

В ночь перед атакой

15 апреля в 8 часов вечера я выехал из штаба фронта, получив приказ отправиться на передовые позиции и проследить артиллерийскую подготовку и атаку пехоты.

Поздно ночью я прибыл в штаб корпуса. Дежурный и офицеры оперативного отдела размещались в одном блиндаже. При ознакомлении с оперативно-боевыми документами штаба бросилась в глаза детальность всех их разработок. Планом было определено место каждого взвода, орудия, танка и самоходки.

Наблюдательный пункт командира одной из дивизий генерал-майора Баканова был расположен на западной окраине Ратшток. Сюда я прибыл в 2 часа ночи.

Командир дивизии ознакомил меня с обстановкой. На мой вопрос, нет ли опасения, что части в ночной атаке могут перемешаться, а самоходки и танки начнут давить своих, генерал ответил, что это исключается.

Беседа затянулась до трёх часов ночи. До начала артиллерийской подготовки оставалось полтора часа. Решили это время использовать для отдыха. Тут же в блиндаже все присутствующие улеглись отдыхать. Каждый делал вид, что спит. На самом деле никто не спал, все с нетерпением ожидали начала артиллерийской подготовки. Чтобы убить время, многие украдкой выходили во двор. Кое-где разрывались снаряды немцев, и на отдельных участках вёлся обычный ружейно-пулемётный огонь.

В 4.40 все обитатели НП были на ногах. Каждый то и дело посматривал на свои часы, а некоторые офицеры в течение последних 20 минут уже не отрывали глаз от часов, повторяя: «Осталось 15, 14, 10, 8 минут». Командир дивизии и штабные офицеры ещё и ещё раз проверяли готовность.

В 4 часа 57 минут кто-то из офицеров, глубоко вздохнув, сказал:

— Осталось три минуты.

Где-то справа послышался артиллерийский залп нескольких пушек, который тут же был подхвачен тысячами орудий. Все вышли из блиндажа и поспешили на НП.

С наблюдательного пункта прекрасно были видны разрывы артиллерийских снарядов. Сплошное море огня — вот картина, которая представилась мне. Сотрясение воздуха было настолько сильным, что через несколько минут я стал ощущать непрерывные толчки в ушах. Спустился в блиндаж, а затем вышел во двор, но толчки везде меня преследовали, пришлось зажать уши.

Когда я возвратился на НП, командир дивизии сказал мне, что «артиллерия своих не задела». Присутствовавшие здесь артиллеристы облегчённо вздохнули.

30 минут вёлся действительно ураганный огонь, потом был поднят вертикальный огненный сноп прожектора, — сигнал, который означал: прекратить артиллерийскую подготовку и начать сопровождение пехоты огневым валом.

Прожекторы, каждый в своём секторе, освещали местность, помогали пехоте и танкам ориентироваться. Но рассмотреть противника и понять, что он делает, было невозможно. Над позициями врага и нашими передовыми частями стояла такая плотная стена пыли и дыма, что рассвет наступил незаметно.

★

ГВАРДИИ СТАРШИНА

А. ШИЛОВ

*

Радостный час

В первых числах апреля наш артиллерийский полк перешёл через Одер севернее Кюстрина по мосту, который каждый день разбивался немецкой артиллерией и сейчас же восстанавливался нашими сапёрами.

Когда мы переходили через мост, противник вёл по нему огонь. Не успели мы перейти на западный берег, как в нашем взводе был уже ранен один боец. Это было вечером. За ночь мы оборудовали огневые позиции в четырёхстах метрах от переднего края противника. Плацдарм, занятый здесь советскими войсками на левом берегу Одера, имел к этому времени глубину приблизительно в четыре километра. Местность была открытая, только кое-где рос кустарник. Большинство расчётов замаскировало свои орудия под кустики, а наш взвод использовал для маскировки стоявшие тут два стога прошлогодней соломы. Батарея занимала по фронту участок протяжением не больше восьмидесяти метров. Орудия стояли в нескольких метрах друг от друга.

Утро застало нас сидящими в ровике. Один из расчёта вёл наблюдение, остальные не высовывались, каждый занимался своим делом. Наводчик Кривоногов, как всегда в свободное время, перечитывал письма. Его отец, старик-моряк, работающий в Архангельском порту, очень часто писал ему, подробно описывал свою жизнь. Часто писали Кривоногову и его многочисленные младшие братья и сёстры. Заряжающий Букнин читал газету, а молодой боец Сушилов, колхозник из Калининской области, сидел над картой. У нас была большая карта Европы. Мы раздобыли её

где-то в Варшаве. Сушилов с моей помощью каждый день отмечал на ней города, занятые советскими войсками, и измерял расстояние, оставшееся нам до Берлина. Он занимался этим делом с большим увлечением. Расспрашивал всех о занятых городах и форсированных реках, его интересовала география. В этот день Сушилов торжественно провозгласил:

— Товарищи, до Берлина осталось 68 километров.

В газете сообщалось, что до Берлина осталось 70 километров. Хотя разница была небольшая, но мы принялись сами измерять. Все мечтали первыми вступить в Берлин, и поэтому для нас имел значение каждый километр.

Ясно было, что сегодня-завтра надо ждать приказа товарища Сталина о наступлении на Берлин.

Нас противник не замечал — хорошо замаскировались.

Утром 14 апреля командир батареи приказал нам приготовиться, вынуть снаряды из ровика и протереть их. Мы решили, что долгожданный час наступил. И, действительно, вскоре был дан сигнал артподготовки. В один миг стога соломы были раскиданы. Немцы увидели наши пушки. Не успели они притти в себя от этой неожиданности, как на них уже обрушились наши снаряды. Все обнаруженные нами огневые точки противника были уничтожены.

Мы получили от командира полка благодарность за хорошую стрельбу, и тут же нам было приказано выдвигаться вперёд за пехотой, ворвавшейся в первую линию немецких траншей. При выдвижении орудия мы попали под артналёт противника. Я был ранен в руку осколком. Это меня очень раздосадовало. Вижу, что надо бежать в санбат, но не решаюсь — боюсь отстать от своих, не знаю, что делать, душа разрывается на-двое. Оказалось, что в этот день мы дальше не пойдём, что всё это была только разведка боем. Узнав об этом, я побежал в санбат. Там мне быстро извлекли осколок из раны, перевязали руку, и я сейчас же вернулся к своему орудию.

Вдоль канавы, проходившей между захваченной у немцев траншеей и огневой позицией нашей батареи, росли большие, очень пышные вётлы, начинавшие уже зеленеть. Орудия стояли между деревьями, их тень прикрывала нас. Вскоре за шеренгой наших пушек появились тяжёлые артиллерийские системы. Они становились на огневые позиции почти впритирку, так же как и мы. Появились зенитчики и тоже стали расставлять свои пушки позади нас; за ними прибыли на машинах прожектористы со своими установками. Мы думали, что зенитки и прожекторы устанавливаются здесь для защиты нас с воздуха. Но в воздухе непрерывно про-

носились одни наши самолёты — немцев не видно было совсем. К вечеру 15 апреля к переднему краю придвинулись танки.

Уже темнело, когда я получил листовку с обращением к войскам Военного Совета фронта. В ней говорилось, что наступил срок последнего удара по фашистскому логову. Эту листовку я читал бойцам, стоя в ровике у своего орудия. У нас не было никаких сомнений, что фронт противника будет смят. Мы никогда еще не видели такой насыщенности поля боевой техникой и не представляли, что на небольшом участке можно собрать столько пушек и танков. Между ними пройти негде было.

Ночью меня вызвали к командиру батареи. Он сказал, что скоро будет дан сигнал артподготовки, и объяснил, для чего установлены прожекторы. Я с удивлением узнал, что прожекторы предназначаются на этот раз не для защиты нас с воздуха, а для ослепления наземного противника.

Впервые мы начали артподготовку ночью. Когда «катюши» открыли огонь, было совершенно темно, но сейчас же рядом с нами вспыхнуло около двадцати прожекторов, и стало так светло, что колышки, которые были поставлены днем для ночной стрельбы, оказались лишними. Все цели были, как на ладони, разрывы своих снарядов мы видели, как днём.

По переднему краю противника мы вели огонь минут двадцать—тридцать. Пехота, двинувшаяся в атаку вместе с танками, нетерпеливо рвалась вперёд. Бойцы, давно ждавшие этого радостного часа, смело приближались к разрывам наших снарядов на пятьдесят метров. Нам приказано было перенести огонь на полкилометра в глубину, а через десять—пятнадцать минут оказалось, что нам нужно уже принимать походный порядок и догонять пехоту. Пополнив боекомплект на своё орудие и на автоматы, мы двинулись в прорыв за танками и десантной пехотой.

Прожектористы уже погасили своё освещение. Взошло солнце. Местность, которую мы за несколько дней наблюдения так изучили, что знали здесь каждый кустик, каждый бугорок, нельзя было узнать. Там, где зеленела озимь, сейчас осталась только голая, развороченная, чёрная земля. Когда мы выехали на большак, пришлось очищать его от груд щепок, в которые превратились росшие вдоль дороги вётлы. Мы пробивались по этой дороге, как через бурелом в лесу. Вокруг все поля были завалены разбитыми орудиями, танками, автомашинами и трупами немцев, бежавших из траншей, чтобы спастись от обрушившегося на них среди ночи невиданного шквала огня и ослепляющих лучей света.

*

ГВАРДИИ ЛЕЙТЕНАНТ
Т. ЯКИМОВ

*

На Нейсе

Наступала ночь, когда наша самоходная зенитно-пулемётная рота на бронетранспортёрах двинулась к исходному рубежу — к реке Нейсе.

Пробирались мы лесными дорогами, расчищали лесные завалы, преодолевали рвы и овраги. Машины грузли в песчаной почве, застревали между деревьями.

В эту ночь к переднему краю шли сплошным потоком орудия, танки, сотни машин с различными грузами.

Казалось, что лес, где всё это сосредоточивалось, не в состоянии вместить такое огромное количество техники и людей. Всё это было предназначено для того, чтобы обрушиться на немцев, оборонявших западный берег реки Нейсе.

Противник, ожидая наш удар, укрепил свой берег, покрыл его сетью оборонительных сооружений. По самому берегу тянулись две параллельные сплошные траншеи. Здесь были и проволочные заграждения, и противотанковые рвы, и минные поля. Немцы стянули сюда все свои резервы — охранные батальоны, полицейские бригады, отряды фольксштурма.

Ночь в густом сосновом лесу была особенно тёмной. Мы шли без света. Противник был совсем близко.

Преодолев лесные преграды и миновав пустые дома селения Кельке, зенитчики въехали на поляну, где должны были занять огневые позиции.

Кругом поляны по опушке леса слышались осторожные звуки лопат и кирок — артиллеристы окапывались и устанавливали пушки. В темноте были видны поднятые вверх длинные стволы орудий, выстроенных рядами, побатарейно.

В кустарнике вырисовывались силуэты машин, закрытых брезентом. Это уже подъехали славные гвардейцы-миномётчики. В середине их расположения высилась над блиндажом радиомачта.

Зенитчикам нужно открытое, возвышенное место, и мы расположились на середине поляны. Отсюда был хороший круговой обзор. Нам была поставлена задача — прикрывать артиллерию от воздушного нападения.

Заняв огневые позиции, мы стали окапываться и маскироваться, создавая вокруг себя искусственный кустарник. Работали всю ночь. Отдыхать пришлось не больше часа.

«Катюши», стоявшие в ста метрах от нашего расположения, начали артподготовку. Их шум и скрежет мгновенно слился с тысячеголосым залпом ствольной артиллерии. Нет слов, чтобы передать величественность и грандиозность этой артподготовки. Все звуки сливались в один общий гул канонады. Только изредка можно было уловить протяжный грозный напев «катюши» и резкий говор дальнобойных орудий.

Над лесом мелькали длинные огненные языки. Мы находились в середине этого огня. Со всех сторон летел раскалённый огненный металл.

— Вот это баню устроили немцам, где они только сушиться будут, — сказал насмешливо связист, проходивший с катушкой кабеля.

— Температура на дворе высокая. Видишь, горит кругом. Вот и высохнут, — ответил ему встречный боец, несший тяжёлый снаряд «катюши».

Все мы были на своих местах, хотя и не было пока работы зенитчикам.

С рассветом появились «илы». Они шли тройками и девятками. Один из самолётов развернулся в глубине обороны противника и пустил вниз ракету. В тот же момент на указанную цель обрушилась артиллерия.

Было видно, как над лесом в разных местах поднялись аэростаты, пошатываемые ветром. Когда они были уже на предельной высоте, вокруг них засверкали вспышки разрывов и к ним устремились трассирующие пули. Нельзя было не подумать — в какой опасности наблюдатель, находящийся на аэростате, и какие нужно иметь нервы, чтобы, представляя собой неподвижно висящую в воздухе цель, в кругу разрывов спокойно вести наблюдение и корректировать огонь артиллерии.

Солнце взошло, но его не было видно. Только когда оно поднялось выше, мы увидели красный диск, затянутый густым дымом сражения.

В небе ни облачка, а багряное солнце как будто потеряло свою силу, и его лучи не могут пробиться к земле.

Над землёй ещё долго стоял густой синеватый туман. И не было, должно быть, ни одного советского бойца, который в этот час не любовался бы работой нашего «бога войны» и не гордился бы его мощью.

Чувствовалось, что эта артподготовка предвещает конец войны.

Батареи стали вести огонь реже — сильно накалились стволы пушек.

В воздухе патрулировали «яки». Они же сопровождали штурмовиков и бомбардировщиков. Вдруг из-за облаков появились «мессеры» и «фокке-вульфы». Одному немцу удалось занять выгодное положение, и он открыл огонь по нашему штурмовику. Мотор «ила» заглох, но самолёт продолжал лететь и даже сумел развернуться. Планируя, он летел к своим, постепенно снижаясь, а к нему сбоку подбирался «фокке-вульф».

Зенитчики стояли, затаив дыхание. Они выжидали момент, чтобы открыть огонь по «фокке-вульфу», преследовавшему наш подбитый самолёт.

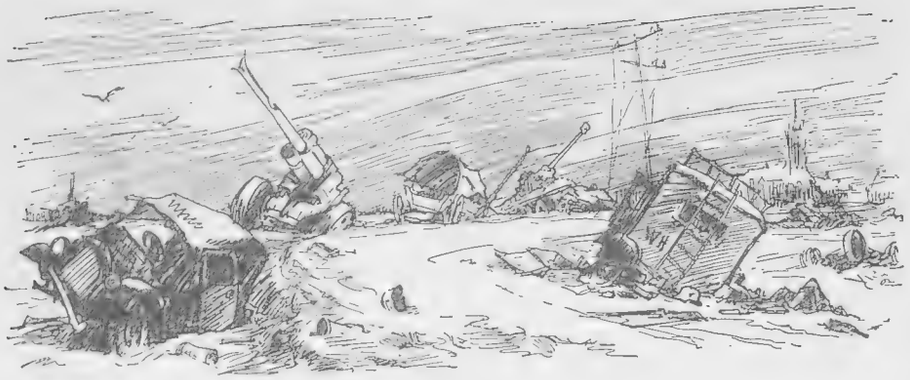
Наводчик Садов нажал на гашетки, и трасса крупнокалиберных пуль пронзила вражеский самолёт. Объятый пламенем, он свалился в лесу.

Подбитый «ил» планировал прямо на нас. Ещё минута-две, и расчёт был бы раздавлен вместе с бронетранспортёром и зенитной установкой. Спас огонь, который мы открыли по противнику. Лётчик подбитого «ила» заметил его, отвернул вправо и сел на пашню.

Воздушный бой продолжался. Нам, зенитчикам, приходилось выжидать, когда самолёты противника удалятся от наших самолётов, и только тогда можно было вести огонь.

Немецких самолётов становилось в воздухе всё меньше и меньше. Вот остался только один. Он летел на большой высоте и с земли казался точкой в синеве неба. Это был разведчик-наблюдатель. К нему на той же высоте с огромной скоростью приближалась вторая точка. Было видно, как эти две точки ударились одна о другую. Там в высоте остались клубы дыма. Вместе с обломками машин падали лётчики. Мы их увидели, когда раскрылись парашюты.

Наш лётчик спускался за передней линией обороны немцев. Вглядываясь в его качавшийся силуэт, мы думали о его судьбе.



...Орудийная канонада продолжалась и тогда, когда наши войска форсировали Нейсе. За рекой, в глубине обороны немцев, мы увидели результаты славной работы нашей артиллерии. Вся земля была изрыта снарядами. Кругом воронки разной величины да трупы немцев, трупы лошадей, разбитые автомашины, орудия.

Всё было обуглено. Земля была в дыму и пепле.

В лесу же было как после невиданного урагана. Раздробленные, вырванные с корнями деревья громоздились друг на друга. И те деревья, что стояли, были подбиты осколками. Чуть подует ветер, они падают, и по лесу идёт треск и шум.

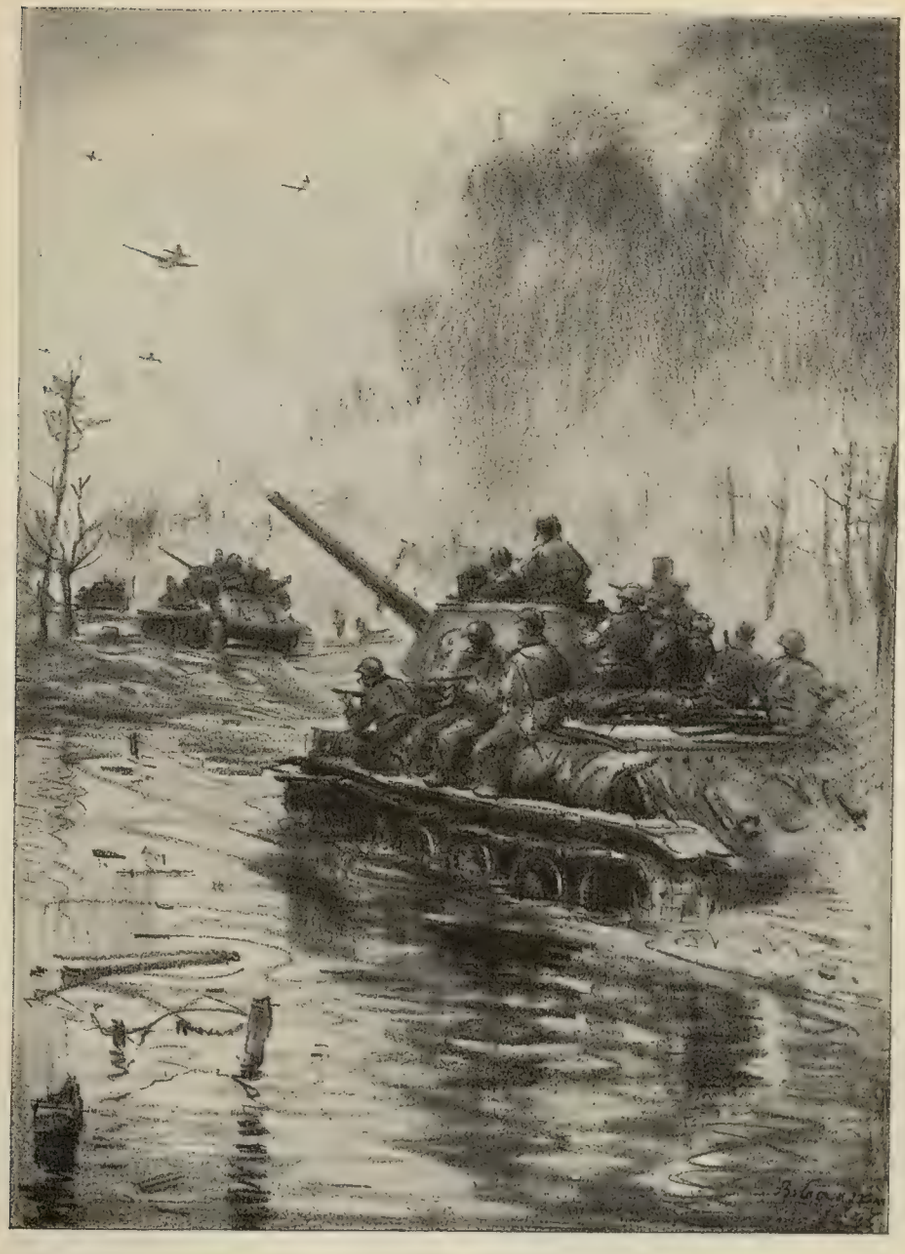
Населённый пункт у взорванного моста автострады Бреславль—Берлин, служивший опорным пунктом обороны немцев на берегу реки, разбит до основания. Дома и постройки превращены в груды развалин.

Ещё рвались снаряды нашей лёгкой полевой артиллерии недалеко от берега реки, а сапёры под прикрытием пулемётчиков и автоматчиков уже приступили к наведению переправы для танков и самоходок.

Как только была готова первая переправа, железная лавина двинулась вперёд. Каких только машин здесь не было — танки, самоходки, броневики, бронетранспортёры и множество других.

Это тараном шли танковые части, чтобы разрезать на части оборону немецких войск у ворот Берлина.

На поляне, где мы остановились после форсирования реки, — следы спешного бегства немецких войск. У опушки леса, в молодом ельнике осталась перевёрнутая на бок походная кухня с остатками горохового супа. Вокруг разбросана грязная посуда.



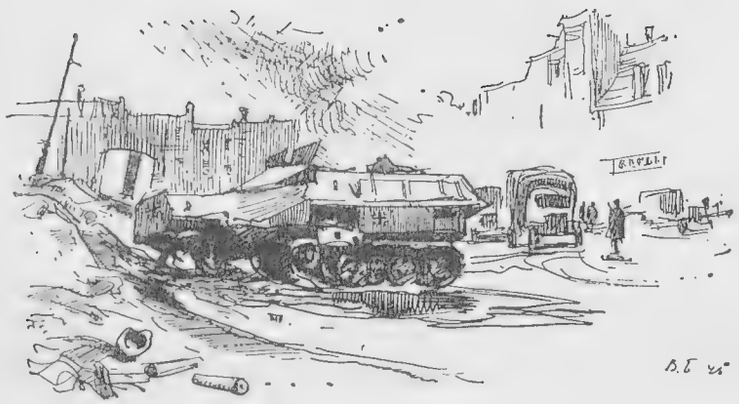
Танки пошли вперёд

Здесь же на поляне остались три вражеские зенитные пушки. Одна, с перебитым стволом, разбитыми механизмами и приборами, повалилась на бок от взрыва бомбы, брошенной нашим самолётом, две другие были совершенно исправные.

Недалеко ушёл и подбитый нашей самоходкой немецкий танк. Он догорал, уткнувшись в кювет.

Редко когда появлялись один-два самолёта с чёрными крестами на крыльях. Но мы не скучали. Мы приспособились к бою по наземным целям. Били осколочными снарядами по немецкой пехоте, секли её очередями зенитных пулемётов.

В один день мы отбили три контратаки немецких войск, тщетно искавших выхода из окружения. Они выходили из окружения, но только как военнопленные, огромными, унылыми толпами, грязные, без головных уборов. Мы меняли одну огневую позицию за другой, с жадностью устремляясь вперёд, отсчитывая километры, оставшиеся нам до Берлина.



ГВАРДИИ СТАРШИЙ СЕРЖАНТ

В. ВЛАДИМИРОВ

*

В эфире

Накануне великих боёв за Берлин мы стояли на формировании в небольшом немецком селе Альтензорге, вблизи Ландсберга.

Однажды командир роты гвардии капитан Кораблёв сказал нам перед строем:

— Товарищи! Надвигается последняя операция — мы пойдём на Берлин! Нам предстоит выполнить приказ товарища Сталина, свой долг перед Родиной. И к этому последнему испытанию мы должны подготовиться как можно лучше.

Радист, особенно работающий на мощной радиостанции, не имеет возможности проявить героизм непосредственно в бою. Всё, что от него требуется, это обеспечить непрерывную связь и тем самым помогать действующим впереди войскам.

Я поставил перед собой задачу — повысить свою квалификацию. Готовился терпеливо и упорно и сдал экзамен на радиста второго класса. Накануне наступления мы с начальником радиостанции гвардии старшиной Мещеряковым в последний раз проверили свою аппаратуру. Всё оказалось в порядке: движок работает хорошо, умформеры, приёмник и передатчик исправны, отклонение амперметра максимальное.

В ночь, когда началось наступление, вернее выдвижение, наших войск на исходные позиции, я дежурил на радиостанции в штабе артиллерии. У меня уже скопилось пять радиограмм, но передавать их нельзя было. До начала наступления разрешалось работать только на приём. В эфире стояла тишина.

Но вот наши войска двинулись вперёд, прорвали первую линию немецкой обороны, и долгожданное разрешение на передачу, наконец, получено. Скоро я услышу весёлый голос «Педагога» — моей корреспондентки, с которой мы познакомились по эфиру, работая в одной сети от самого Сандомира.

Начинаю связываться со штабом. Большие помехи. На небольшом участке сконцентрировано огромное количество войск, а следовательно, и радиостанций. На всех диапазонах слышны голоса наших радистов и радисток, то спокойные, то порывистые и нервные. Кажется, ни у одного передатчика нехватило бы возможности разместить все радиостанции на разные волны. Я прибавляю обороты движка, даю повышенное напряжение, вывожу реостат, добиваюсь максимального отклонения стрелки амперметра. Всё равно: главная радиостанция в сети меня не слышит. Забивают помехи. И тут мне на помощь приходит радистка Шура Сматохина. Послышался её приятный звонкий голос:

— 08-58! Я «Педагог», давайте вашу радиограмму для «Грозы», у меня с ней связь отличная.

Беспрерывно гудели умформеры. Передатчик неустанно излучал в эфир свою невидимую энергию... Через несколько минут я передал все радиограммы и принял от «Грозы» через «Педагога» две шифровки.

★

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

КРАСНОАРМЕЕЦ

В. БЕРДЫШЕВ

*

Через минные поля

Я начал Отечественную войну в декабрьские дни 1941 года под Москвой. И вот теперь позади Ока и Десна, Сож и Днепр, Висла и Одер. Трижды на переправах меня ранило: на Оке, Соже и Днепре. Дважды я лежал в госпиталях. Последний раз после Днепра.

Одер мне не довелось форсировать. Через эту последнюю реку перед Берлином нашу часть переправили на завоёванный уже плацдарм. Перед рассветом загрохотала наша артиллерия. Первый залп дали «катюши». Огненные языки метнулись в сторону вражеских позиций, а что было потом, трудно передать словами. Казалось, земля разрывается на части, а ставшее багровым небо вот-вот свалится на землю и раздавит всё живое, находящееся на ней.

В назначенное время мы, сапёры, выползли вперёд. В который уже раз мы впереди. На пути — минное поле: шесть рядов мин — противотанковые и противопехотные. Немцы не вели по нас огня, им было не до этого. Над нами пролетали осколки наших же снарядов — мы выползли слишком далеко вперёд. Но об этом никто не думал, никто не слушал свиста осколков. Руки привычными движениями нащупывали мины, вставляли чеку, вывинчивали взрыватели. Каждый из нас знал, что это — последнее наступление, что впереди Берлин. Сколько тысяч мин обезвредил я на пути к Берлину, сколько дорог очистил! Теперь я обезвреживал последние мины. Теперь я очищал последнюю дорогу — в Берлин. То же, что и я, думали мои товарищи, минёры Черёмкин, Салимов, Андриевский.

Дорога на Берлин должна быть свободной, а оттуда, от Берлина, она повернёт во все стороны, на запад и восток, к нашим жёнам, к нашим детям, жизни которых грозил Берлин.

Пройден шестой ряд минного поля. Проход обозначен проволокой. Сто сорок мин, теперь уже неопасных, осталось по бокам прохода. Наша артиллерия не умолкала. Она перенесла огонь в глубину. Мы шли вместе с пехотой. Но здесь, на первых метрах земли, которая ещё только что была занята врагом, нам, сапёрам, не было работы. За нас всё сделала артиллерия. Я ещё ни разу не видел такого за всю свою боевую практику. Артиллерия так взрыла немецкую оборону, что и клочка целого не осталось на земле. Правда, нас иногда звали на помощь. Но наша помощь была иной, чем обычно. Мы не уничтожали вражеские препятствия, — они были уничтожены огнём, — мы помогали нашим войскам проводить технику через рытвины, образованные снарядами нашей артиллерии.

ГВАРДИИ КРАСНОАРМЕЕЦ

Д. ЧИБИСОВ

*

Вместе с пехотой

Хмурое германское небо, в черных тучах, нависшее над землей, поливало нас дождём. Надвигалась ночь, долгожданный час приближался — мы должны были перейти в последнее, решающее наступление.

Приготовления закончены. Скоро начнётся артиллерийская подготовка. Командиры орудий заботливо проверяют своё хозяйство. Ко мне подходит мой командир гвардии старшина Курташов и спрашивает:

— Ну как, Чибисов, всё в порядке, боеприпасы на месте?

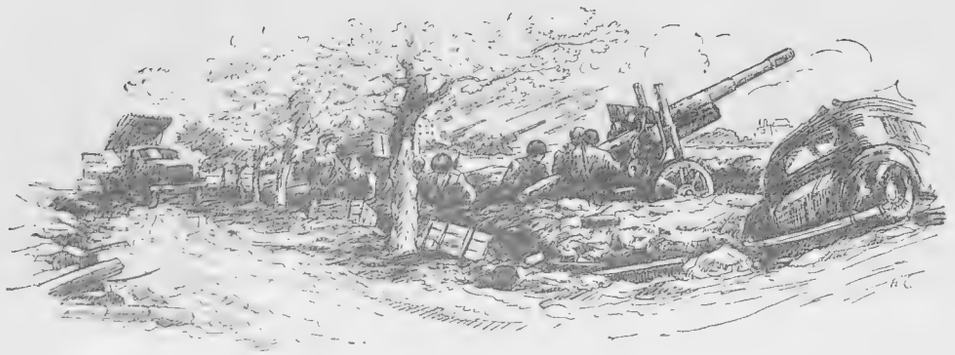
— Всё в порядке, товарищ командир.

— Ну, значит, и хорошо, давай закурим, у нас ещё десять минут остаётся.

Время бежит. Теперь осталось всего три минуты. Расчёт занимает места, ящики с боеприпасами открыты. Я доложил: «Орудие к бою готово», но моих слов командир уже не расслышал. Дали залп «катюши», затем загремели орудия разных калибров, и я со своим орудием, хоть и небольшим, вошёл в эту общую музыку.

Когда артиллерийская подготовка заканчивалась, я увидел, что орудие сдвинулось почти на метр; я подумал, что это ещё немного — почва была здесь болотистая и нам ночами крепко пришлось поработать, чтобы подготовить неустойчивый грунт под огневую позицию.

И вот пехота поднялась и пошла вперёд. Мощные танки, лязгая гусеницами, мчались по полю, расстреливали бежавших в панике немцев, прямой наводкой выбивали их из укрытий и окопов.



Подошли передки, мы прицепили к ним орудия и двинулись вслед за пехотой.

Наши самолёты не давали немцам покоя: сбрасывали бомбы, поливали струёй трассирующих пуль и освещали ракетами местность, чтобы мы могли вести огонь по отступающему врагу.

Мы подъехали к горевшему зданию, справа от железной дороги. Вдоль дороги шла немецкая траншея, наполовину залитая водой. Наш взвод придали для поддержки роте капитана Новикова, которая заняла оборону вдоль железнодорожного полотна.

Ещё не начинало светать, но при отблесках пожара можно было выбрать место для установки орудия. Орудие сняли с передков, передки отправили в укрытие. Мы начали отрывать площадку для пушки.

Когда густой утренний туман начал рассеиваться, я увидел метрах в четырехстах от нашей позиции четыре дома. Там засели немцы.

Командир орудия кричит мне:

— Наводчик!

— Я!

— Видите белый дом впереди?

— Вижу!

— На чердаке пулемёт — подавить!

Я увидел в окне трёх немцев и пулемёт, который они устанавливали. Заряжающий Садчиков зарядил пушку, я навёл орудие на цель, докладываю:

— Готово!

Команда:

— Огонь!

Мой первый снаряд разорвался правее. Не ожидая поправки, я

сам навёл точнее. После второго выстрела окно было окутано дымом и пылью от разбившейся черепицы. Когда дым немного рассеялся, не было уже ни окна, ни пулемёта. По команде «Пять беглых, огонь!» я выпустил ещё пять снарядов. Я предполагал, что где-нибудь там в уголке ещё какой-нибудь немец притаился, — так пусть он оттуда не сможет слезть.

Вдруг из-под деревянного сарая по моей пушке начал бить немецкий пулемётчик — с бешеной яростью, длинными очередями. Но мы были за высоким бруствером и щитовым прикрытием, пули нам никакого вреда не причинили.

В прицел я увидел на правом срезе сарая свеженакиданный бруствер. Из-за него выглядывали два немца. Я навёл орудие точно в цель, нажал спусковой механизм. Куски земли взлетали выше сарая. Из нашей траншеи послышались голоса:

— Хорошо, молодец Чибисов!

Это говорили солдаты стрелковой роты. Похвалил меня и парторг батальона Денисов, наблюдавший за моей дуэлью с немецкими пулемётчиками.

Наши танки двинулись дальше, и пехота за ними, а мы пошли к тому дому, по которому я недавно стрелял. Двор был завален обломками черепицы и кирпича — один из моих снарядов попал в левый угол дома. Интересуясь своей работой, я поднялся на чердак. Там лежали два трупа в мундирах, побелевших от пыли. Их головы были разбиты осколками. Третьего немца я не нашёл. Должно быть, его разорвало на куски.

Потом мы двинулись с нашими пушками вперёд, продолжая путь к Берлину.

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ГВАРДИИ МАЙОР
Е. ЦИТОВСКИЙ

*

На Зееловских высотах

Наши окопы проходили рядом с шоссейной дорогой, идущей вдоль Одера к Франкфурту. По ночам мы видели прожекторы и вспышки зениток над Берлином. Когда союзники летели бомбить Берлин, они разворачивались как раз над нами.

Ночью в землянку пришёл мой заместитель по политической части лейтенант Гребцов. Он ходил в штаб полка. Выражение лица его было такое торжественное, что я сразу понял — начинается... Гребцов выложил пачку листовок. Это было обращение Военного Совета фронта. Когда я прочитал о том, что товарищ Сталин от имени Родины приказал нам взять Берлин, я подумал, что эти слова обращены к нам, именно к нам, потому что мы стоим прямо перед Берлином и первыми должны войти в него. Я сказал Гребцову, чтобы он в беседах с бойцами объяснил, что нам предстоит участвовать в самой великой исторической битве и победе.

Проверив, как подготовился к удару весь батальон, я пошел в окопы к своим гвардейцам. В четыре часа утра в окопах появились заместитель командира полка и офицер из штаба. Они несли гвардейское знамя полка с приколотым к нему орденом Красного Знамени. На знамени вышит портрет Ленина. Когда знамя проносили по траншее, оно касалось лиц бойцов и словно благословляло их на подвиг.

Это знамя мы завоевали в Сталинграде, донесли до Одера, теперь нам предстояло итти с ним в Берлин. Хотелось крикнуть «ура!», — но кричать было нельзя.

В мелкой траншее хлюпала вода, люди стояли в грязи, с автоматами в руках. Пулемёты были выкачены на позиции. Прямо к окопам подъезжали огромные грузовики — выдвигались на передовую прожекторы. Мы не видели раньше этого оружия на передовой и ещё не знали, какая роль предназначалась сегодня прожекторам.

Я подтянул телефон в переднюю траншею и остался там. Мне было приказано выделить автоматчиков для танкового десанта. Полсотни моих гвардейцев сели на танки и таким образом оторвались от батальона.

Вдруг засияли прожекторы. На одну-две секунды мы увидели траншею противника, вдали Зееловские высоты. Но одновременно ударила артиллерия, и впереди всё заволокло дымом, в котором видно было только сверкание разрывов.

Уже началось долгожданное, а я с двумя оставшимися ротами ещё стоял на месте. Нам приказано было оставаться во втором эшелоне. Начало чуть-чуть светать. За гулом артиллерии мне не было слышно, как передние цепи пошли в атаку. Я ждал, когда нас введут в бой. Через наши боевые порядки уже шли первые раненые. Они говорили, что противник сопротивляется бешено.

Всё утро я провел в ожидании, стараясь быть терпеливым. Наконец, в одиннадцать часов мне позвонил командир полка Герой Советского Союза подполковник Важенин:

— Противник подвёл танки, не пускает дальше. Приказываю выйти к подножью Зееловских высот, там дерутся наши. Вместе с ними атаковать и взять станцию Дольгелин, которая находится на вершине высот.

Я повёл батальон развернутым строем по земле, сплошь изрытой нашей артиллерией. Тут и там были видны брошенные немцами пушки и минометы, автомашины, повозки с барахлом. На одной из повозок играл заведённый нашим бойцом патефон.

Батальону надо было пройти два километра. Это был чрезвычайно тяжёлый путь. Мы шли, огня не вели, а по нас била артиллерия противника. Тут же, рядом, шли танки прорыва. Огромное взрытое поле, впереди — высоты. На поле — громадные танки и маленькие фигурки людей. Люди шли, не пригибаясь, ручные пулемёты несли на ремнях, станковые катили. Я встретил некоторых своих бойцов из десанта. Они были ранены и шли в тыл. Они сообщили, что наши уже взбираются на высоты.

Вскоре и мы подошли к склонам высот. Я узнал, что наши в восьмистах метрах от вершины, в километре от станции Дольгелин. Я повёл своих гвардейцев в наступление. Наступали цепью. Продвинулись на

четыреста метров. Мы шли по голым, безлесым склонам высоты. Противник занимал превосходные позиции. А артиллерия была ещё далеко и не могла действовать по нашим заявкам. Батальон всё же продвигался. Моего заместителя Гребцова ранило в голову, тяжело ранило и комсорга батальона.

К ночи мы очутились на высоте, в пятидесяти шагах от траншей противника, вырытых у насыпи железной дороги.

Казалось, что невозможно подвезти сюда боеприпасы и продовольствие. Однако всё было, как обычно. Старшина хозвзвода Потешин доставил нам горячий суп, мясо, по сто граммов водки. Люда Тамохина и Валя Окулова, наши медики, вытаскивали раненых, лежавших у самых траншей противника. Приехали к нам и наши тылы. Они словно говорили — раз мы располагаемся здесь, значит, передовая должна быть где-то дальше. Они нас, что называется, подпирали.

Я принял решение забросать противника гранатами и ворваться в его траншеи. По сигналу красной ракеты солдаты поднялись и с гранатами в руках, молча, побежали вперёд. Они закричали «ура», когда были уже в траншее противника. Мы захватили с десяток пулемётов, две скорострельные противотанковые пушки. Те немцы, что остались живы, убежали за линию железной дороги.

Половина задачи была выполнена. Но только половина. Станция находилась в руках противника. Кроме того, мы имели все основания предполагать, что немцы постараются скинуть нас с высот. Бойцы всю ночь строили оборону, отрыли окопы в полный профиль. На рассвете мы увидели стволы танковых орудий, торчавшие из-за полотна железной дороги. Те триста метров, что отделяли нас от станции Дольгелин, были совершенно открытым полем. Но медлить нельзя. Как только дали залп «катюши», мы бросились в атаку. Ни один немецкий танк не успел выстрелить. В окопах валялось много трупов. Живые немцы стояли на коленях и молились.

Наши танки, артиллерия, автомашины взбирались на высоту и шли в прорыв. У здания станции, в котором засели гитлеровцы, произошёл гранатный бой. Я упал раненный, не мог подняться. Лежал и смотрел, как войска идут вперёд. Радовалось сердце, смиряя боль. Когда немцы были выбиты из подвала станции, мой ординарец башкир Бакей Язаров оттащил меня в здание. Потом с его помощью я добрался до штаба полка. Тут мой верный ординарец был убит осколком снаряда. Горько думать о нём и о всех тех, кто не дожил до Дня Победы.

ГВАРДИИ СЕРЖАНТ
А. КУРАСОВ

*

На командном пункте гвардейских миномётов

Командир дивизиона гвардейских миномётов гвардии майор Друганов стоит у стереотрубы. Рядом на полу, у походной рации, возимся мы, радисты. В углу дремлет связной.

Командный пункт расположился в угловой комнате второго этажа полуразрушенного немецкого дома. На полу разбитые стёкла, тряпьё, поломанная мебель. Стены испещрены пулевыми отметинами. Между окном и дверью на балкон зияла пробоина от болванки, выпущенной немецким «тигром». На площади виден и он сам: обгорелый, с развороченной башней и беспомощно задранной вверх пушкой. Это следы недавних уличных боёв, после которых фашисты отступили из местечка и окопались на ближних от него высотах.

Бой на дальних подступах к Берлину, не смолкая, тянется уже двое суток. Майору, видимо, нестерпимо хочется спать, он трёт воспалённые от бессонницы глаза и снова смотрит в трубу.

Иногда он отрывается от линз, осторожно выглядывает в окно (отсюда до переднего края всего четыреста метров) и простым глазом проверяет свои наблюдения.

Над командным пунктом то и дело повизгивают немецкие снаряды, свистят мины. Стены дрожат от взрывной волны, сыплется штукатурка. В воздухе иногда появляются вражеские самолёты. Тогда с разных сторон начинают неистово бить зенитки, сильнее содрогаются от мощных взрывов стены, и в небе звучат пулемётные очереди наших истребителей. Воздушный бой скоротечен: не проходит и несколько минут, как в

землю врезаются горящие факелы немецких самолётов, оставляя в небе длинный тёмный шлейф дыма, а остальные, беспорядочно сбрасывая бомбы, спешат уйти в свой тыл... Даже ночью не прекращаются грохот и гул. В тёмном небе полыхают орудийные зарницы, гудят немецкие самолёты, причудливо переплетаются разноцветные пунктиры трассирующих пуль, ослепительно сверкают ракеты.

Майор на минуту отрывается от трубы и озабоченно спрашивает:

— Как связь?

— В порядке, товарищ майор!

— Из бригады ничего нет?

— Нет, товарищ майор!

Разведка, огневые?

Без изменений.

— Передайте Попову, чтобы чаще сообщал.

Передаём приказание майора. Обстрел заметно усиливается. В дело вступают всё новые батареи противника. Чаще отвечает наша артиллерия. Гул нарастает. Снаряды и мины начинают рваться по соседству. В небе раздаётся гул моторов, слышится рёв пикирующих самолётов и противный, воющий звук летящих бомб. Они рвутся совсем близко, там, где сосредоточена наша техника. Густым дымом заволакивается передний край. Стены неистово дрожат. Чаще стучат осколки.

Майор подходит к рации, присаживается на корточки.

— Спросите Попова, что происходит у него. Огневой передайте: быть наготове!

Передаём приказание и переходим на приём. Начальник разведки гвардии лейтенант Попов докладывает:

— Наблюдаю усиленное движение в тылу противника, вражеские танки и самоходки сосредоточиваются на опушке большой рощи... — он называет закодированные координаты. — Судя по всему, занимают исходное положение для атаки...

Майор задаёт вопросы и озабоченно смотрит в трубу. Он развёртывает карту, что-то подсчитывает и даёт нам данные для передачи на огневые позиции.

— Передайте, чтобы выезжала батарея Буковского! — приказывает он. — Исполнение доложить!

Я наблюдаю за майором. Сонливость и усталость прошли. Лицо делается строгим, почти суровым, движения уверенные и точные. Он, наконец, обретает утраченное спокойствие. Таков он всегда в бою.

Вражеский огонь достигает предельного напряжения. Временами нельзя различить отдельных выстрелов. Всё сливается в сплошном гуле. Трудно разобрать, когда бьёт наша, когда вражеская артиллерия. Передний край затянут дымом. Стены КП ходят ходуном, звенят уцелевшие кое-где стёкла.

Майор, не отрываясь, смотрит в трубу. Он что-то заметил. Я определяю это по жёсткой складке у рта и глухому ругательству, сорвавшемуся с губ. Я уже без слов понимаю его, и в тот момент, когда он коротко бросает: «Попова!», гвардии лейтенант уже у микрофона.

— Вражеские танки и самоходки выходят из рощи, с хода ведут огонь... — докладывает он майору. — Отчётливо вижу: сзади автоматчики и пехота силой до батальона... Направление на развилку дорог...

— Буковского! — нетерпеливо приказывает майор.

Буковский докладывает, что установки готовы к открытию огня.

Дым и пыль рассеиваются, открывая поле боя. Простым глазом видно, как немецкие танки и самоходки, лязгая гусеницами и стреляя из пушек, ползут к нашему переднему краю... За ними группы людей. Их много, они идут быстро, в полный рост. Буковский вновь докладывает, что его установки готовы к открытию огня. Передаём это майору, но он как будто не слышит. И вдруг кричит, точно радисты где-то далеко, за окном:

— Огонь!

Летят секунды. Сколько их? Сказать трудно. Наконец, с облегчением слышу, вернее угадываю, ответное — «Есть огонь!».

Ещё немного, и сквозь неистовый грохот боя различаем справа от КП знакомый говор и урчание «катюш». В воздухе в сторону врага устремляются огненно-дымные стрелы...

Секунда, другая — и там, где стреляли бронированные машины с чёрными крестами, вдруг возникают грохочущие молнии, вихрем взлетает земля, и всё заволакивается дымом и пылью.

Когда рассеялась мгла, мы увидели громадные горящие факелы: их было четыре. То пылали немецкие танки. За ними там и тут темнели трупы немецких автоматчиков. Уцелевшие машины поспешно разворачивались обратно, но по ним уже прицельно ударили пушки и стоявшие в укрытиях советские самоходки и танки.

— Дельно сработано! — с удовлетворением проговорил майор.

*

ГВАРДИИ СТАРШИНА
Ш. ГОГЛИДЗЕ

*

Танк на высотах

Когда мы воевали в Белоруссии и в Польше, наши танки пробирались сквозь дремучие леса, проползали по топким болотам. Говорили, что этими болотами может пройти только человек. Но где проходил советский солдат, там наши танкисты проводили и советскую «тридцатьчетвёрку».

В боях за Берлин нашим танкам пришлось подниматься на Зееловские высоты, местами очень крутые. Этот барьер на подступах к немецкой столице противник отлично использовал для обороны. На гребне высот немцы сосредоточили большое количество артиллерии, врыли здесь в землю самоходки, танки. Все скаты возвышенности были изрыты траншеями, укреплены дзотами. Подступы к высотам на многих участках прикрывались проволочными заграждениями и минными полями.

В штурме Зееловских высот приняли участие все рода войск: артиллерия и авиация, пехота и сапёры, самоходчики и танкисты. После мощных огневых ударов танки вместе с пехотой рванулись вперёд. Танки были очень нужны пехоте — огневые точки противника во многих местах оживали.

Пространство до подножия высот я преодолел на большой скорости. Но вот начался подъём. Моя машина продолжает уверенно двигаться вперёд. Рядом рвутся снаряды. Осколки и пули стучат по броне. Несмотря на это, мне приходится открыть люк, чтобы выбирать дорогу.

— Вперёд, вперёд! — приказывает командир машины гвардии лейтенант Дрёмин.

Все неудержимо движутся вперёд. Карабкается по круче пехота, идут наши танки, подтягивается за ними артиллерия.

За моей спиной, в башне старшина Василюк и заряжающий сержант Ткаченко неустанно бьют из пушки по врагу. Рядом радист Петухов строчит по немцам из пулемёта.

Всё круче подъём... Прибавляю обороты. Напряжённо, по попрежнему бесперебойно и чётко работает мотор. Я маневрирую танком, выбираю для машины более пологие места. Но таких мест всё меньше и меньше. А до вершины высот ещё далеко.

Страшный удар сотрясает наш танк. Вражеский снаряд попал в правую сторону башни. Но немецкая болванка только лизнула броню, не смогла её пробить. Заряжающий Ткаченко оглушён, но через минуту он уже продолжает работать.

Замечаю слева в окопчике двух немцев с фаустпатронами. Они целят не в нашу, а в соседнюю машину. Разворачиваю танк влево, прибавляю скорость и давлю немцев гусеницами.

Труднее и труднее подниматься. Натужно воет мотор. Танк прямотаки вздыбился. Тогда я начинаю вести машину не перпендикулярно к гребню высот, а несколько вкось, по диагонали. Теперь машине итти легче, но увеличилась нагрузка на правую гусеницу. Ничего, выдержит! Ходовая часть «тридцатьчетвёрки» так же надёжна, как и её двигатель.

Теперь наш экипаж повернул башню влево и ведёт огонь в эту сторону. Я вижу, как после одного из наших выстрелов взлетает на воздух вражеская пушка.

Долго длится этот труднейший подъём по крутым скатам, под ожесточённым огнём. Но с честью выдерживает испытание советская машина. Танк достигает вершины высот. Облегчённо загудел мотор.

Машине легче, но экипажу стало, пожалуй, ещё труднее. На танк обрушивается вражеский огонь. В ответ непрерывно грохочет наша пушка, стучат пулемёты. Я помогаю экипажу уничтожать технику и живую силу врага гусеницами, всей тяжестью машины. Давлю фаустников, подминаю под танк пулемёт и немецкое орудие.

На высоты взбираются всё новые и новые танки, валом катится пехота. Артиллерия переносит огонь в глубину вражеской обороны.

— Вперёд, вперёд! — звучит в моём шлемофоне.

*

Из дневников и писем

18 апреля

Глядишь на движение неисчислимого множества пушек и танков и думаешь: «Сколько всего этого!». Сперва артиллерия прочищала путь пехоте и танкам, затем танки и пехота стремительно бросились вперёд, а за ними, на новые огневые, опять двинулась артиллерия. Не успевают пушки как следует развернуться, одна половина расчёта ещё их окапывает, а другая уже посылает снаряды вперёд, снова расчищая проходы пехоте, танкам и новым артиллерийским расчётам. Думаешь о том, сколько же труда положили на эти машины руки, которые их сработали, и тебя переполняет чувство восхищения перед этим материальным воплощением воли советского народа к победе, воли партии Ленина—Сталина.

Гвардии капитан А. БРОНШТЕЙН

*

Невозможно передать, какое настроение придаёт наша боевая «катюша», когда она заиграет. Прямо на крыльях хочется лететь! Но кругом голое поле, противник сильно бьёт, приходится маневрировать влево — вправо. Я хоть и маленького роста солдат, но тоже пригибаюсь. Обидно не дойти до Берлина, когда уже так близко.

В середине дня были сильные бои на земле и в небесах. Всё небо зачернело. Я лежал в воронке и смотрел вверх. Моё внимание было привлечено необычайной картиной: на большом самолёте сидит прямо сверху маленький самолёт. Я в недоумении: как это один самолёт сумел сесть на другой? Смотрю, что будет дальше. Эти два сцепившиеся самолёта

стали пикировать прямо на нас. Вдруг верхний самолёт взмывает в небеса, а нижний, большой, штопором летит вниз. Долетел до земли, и тут раздался взрыв такой силы, что у меня в глазах замелькали миллионы разноцветных блёстков. Образовалась здоровенная воронка, мой дом мог бы войти в неё, — правда, немцы сожгли его, когда были у нас на Днепропетровщине. Оказалось, что ничего страшного, — это был «самолет-бомба»[1].

Красноармеец Т. КОВАЛЬ

*

Наш батальон с боем вышел на берег глубокой и холодной реки Альте Одер. Здесь после поражения на Одере немцы сделали ещё одну отчаянную попытку остановить нас.

Батальон получил задачу — с хода преодолеть и эту водную преграду. Поблизости ни лодок, ни паромов не оказалось. Надо было перебираться на так называемых подручных средствах или вплавь. А противник беспрерывно бил по реке и по берегам из артиллерии и пулемётов. Попав под отчаянный огонь, батальон залёг.

Тогда парторг батальона старший лейтенант Городничий поднялся во весь рост, и все, кто был поблизости, услышали его знакомый зычный голос:

— За наше правое дело, за любимого Сталина, за победу, коммунисты, вперёд, за мной! — и бросился в реку.

Вслед за ним первыми кинулись в реку коммунисты. Переплыв на противоположный берег, группа, возглавляемая парторгом, захватила в плен немецкого пулемётчика. Ещё когда смельчаки плыли по реке, люди, залёгшие было на берегу, стали подыматься. Кто вплавь, кто на брёвнышках — все бросились через реку на подмогу товарищам.

Немцы контратаковали смельчаков, зацепившихся за берег. В этот момент был тяжело ранен Городничий. Тогда команду принял на себя младший сержант коммунист Стерлигов. Возгласом «За любимого парторга, бейте немца, друзья! Не отдадим захваченный рубеж!» он воодушевил людей. Контратака была отражена.

Герой Советского Союза старший лейтенант К. УСЕНБЕКОВ

*

[1] Речь идёт о немецком самолёте «Ю-88», который гитлеровцы применяли иногда в качестве бомбы, наполняя его взрывчатым веществом и подвешивая под самолёт «Ме-109».

КРАСНОАРМЕЕЦ
В. НОСОК

*

У станции Шёнфлис

19 апреля наша рота по приказу командира полка подполковника Дудник вышла на подкрепление стрелкового батальона, который занял немецкие траншеи. Ночью мы пришли в эти траншеи и закрепились. Спать нам, конечно, не пришлось. Немцы пытались выбить роту из занятых позиций. Всю ночь шёл бой.

К трем часам гранаты были у нас на исходе. Командир роты гвардии старший лейтенант Левин (я был у него связным) даёт мне приказ: любой ценой — чтобы к рассвету гранаты были здесь. Вылез я из траншеи, пошёл, — ночь темная, местность незнакомая, через каждые пять минут немецкий артналёт, после которого пыль засыпает глаза. От разорвавшихся мин и снарядов, от сгоревшего пороха трудно дышать — воздуха нехватает. Тяжело было передвигаться.

Наш полевой склад боепитания я не смог найти. Без гранат возвращаться нельзя: когда уходил, их было уж очень мало, а теперь, наверное, совсем не осталось. Я стал просить у старшин в тех подразделениях, которые не вели боя. Один старшина (не знаю его фамилии) дал мне ящик с гранатами. Двинулся в обратный путь. Подход к нашей позиции был открыт и простреливался немцами. Когда я был метрах в пятидесяти от траншеи, где держала оборону наша рота, немцы заметили меня и открыли огонь из пулемётов и фаустпатронов. Я бросился на землю со своим ящиком и притворился мёртвым. Когда немцы, не замечая никого живого, прекратили обстрел этого места, я подхватил ящик правой рукой

и оставшиеся пятьдесят—шестьдесят метров пробежал, как мне казалось, в три или четыре прыжка. Я попал прямо на командный пункт. В сумато-хе командир меня не узнал, спрашивает:

— Что случилось?

Отвечаю:

— Я, Носок, прибыл с гранатами.

- Разбивайте ящик быстрее, давайте гранаты.

Прибегает красноармеец Черкас, говорит:

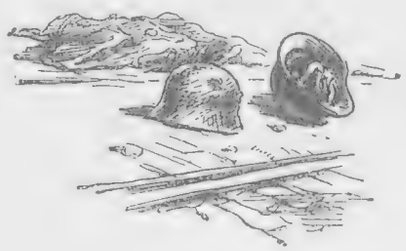
— Дайте помощи, немцы по ходу сообщения идут в нашу траншею.

За это время я разбил ящик, распечатал одну банку с запалами. Десять первых гранат уже были готовы к метанию. Их тут же подхватили и унесли. Таким же темпом я распечатывал вторую банку, нож резал так быстро, словно это была не жесть, а картошка. Собрав гранаты и запалы в полу шинели, я побежал к ходу сообщения. Там стояли старший лейтенант Левин, лейтенант Муртазин, красноармейцы Мефодьев и Иванцов. У каждого в руках по гранате (из моей первой партии) на боевом взводе. Выглянув из траншеи, я увидел, как метрах в пятнадцати от нас идут по ходу сообщения немцы, полусогнувшись и бросая перед собой гранаты. Старший лейтенант Левин поднялся из траншеи и бросил гранату. Из облака дыма раздались крики раненых немцев. Немцы, потеряв несколько человек, дальше не пошли, а выбрали удобное, непростреливаемое место и начали оттуда забрасывать наши траншеи фаустпатронами так, что голову было поднять невозможно. Санинструктор Меринин, возвращаясь от раненого, заметил одного фаустника.

— Ты хорошо стреляешь, пойдём я тебе покажу, — сказал он мне.

Верно, пройдя несколько шагов, я увидел: в небольшом овражке спрятался фриц, норовит метнуть гранату в нашу траншею. Первым выстрелом я его не снял. Фриц догадался, что стреляют в него, и прилег пониже. Выждав, когда он приподнялся, я взял его на мушку и убил.

Через пятнадцать — двадцать минут началась артиллерийская подготовка. Мы пошли в атаку и взяли станцию Шёнфлис.



ГВАРДИИ КАПИТАН
П. ШЕВЧЕНКО

*

На третью ночь

Когда мы были в тридцати километрах от Берлина, я получил задание пойти с группой разведчиков в тыл противника. Не впервые предстояло мне итти к немцам в тыл, однако на этот раз тыл был особенным — задача состояла в том, чтобы проникнуть в самый Берлин.

Моя группа состояла из шестидесяти человек. Из них лишь двенадцать были знакомые люди, с которыми мне уже приходилось ходить в разведку, остальные — из пополнения. Поэтому я прежде всего обошёл всех разведчиков и познакомился с ними.

Пошли мы по болоту, решив, что здесь не может быть траншейной обороны и, следовательно, перейти будет легче. Шедшие впереди младшие сержанты Иванов и Ковалёв услышали немецкий разговор и обнаружили немецких пулемётчиков, сидевших в засаде. Они без шума убили немцев, и мы пошли дальше. В темноте противотанковые надолбы показались нам двигающимися в нашем направлении немцами. Однако мы не стали стрелять и вскоре обнаружили этот обман зрения. У надолб я попросил товарищей накинуть на меня плащ-палатку, зажёг фонарик и стал ориентироваться с помощью карты и компаса. Не успел закончить работу, как мне шепчут: «Слышен немецкий разговор». Через несколько минут мы увидели около надолб немецких солдат. Они несли в руках какие-то коробки. Как выяснилось позже, это был тол для минирования надолб. Мы сосчитали немцев. Их было тридцать пять — меньше, чем нас. Решаем окружить и уничтожить. Я распределил силы. Млад-

ший лейтенант Шерстнёв отрезает врагу отход, лейтенант Коваленко со своей группой заходит справа, младший лейтенант Думандзоров — слева.

У меня был свисток, такой, как у судьи на футбольном поле. Я дал сигнал, разведчики швырнули гранаты, и, как только они разорвались, все бросились на немцев. Мой ученик, младший сержант Ковалёв, кавалер четырёх орденов, имел трофейный кинжал с надписью на клинке: «Всё для Германии». Он пустил в ход этот кинжал. Немцы не успели даже выстрелить. Шестнадцать человек мы взяли в плен, остальных уничтожили. Среди пленных были солдаты из Познанской школы унтеров, с которой нам пришлось драться ещё в Познани.

Не имея возможности эвакуировать пленных в тыл, погнали их с собой, вперёд, к Берлину.

Мы прошли за ночь восемь километров и расположились на днёвку. Позиция у нас была удобная, из густого леса мы наблюдали за противником. У немцев на дорогах происходило не разберёшь что: одни танки шли к Берлину, другие из Берлина, грузовики носились в разные стороны.

Наши советские снаряды залетали к нам в лес. Мы думали: только бы «катюша» не накрыла.

Мне надо было отправить донесение в штаб. Но рация подмокла, работать на ней было нельзя. Я вспомнил, как в 1942 году на Смоленщине бойцам нашего партизанского отряда пришлось целый день лежать, зарывшись в вспаханную, мягкую землю, и велел сержанту Иванову, которого решил послать с донесением, вырыть в земле нору. Забравшись в неё, он должен был ожидать, пока подойдут передовые подразделения наших стремительно наступающих войск.

Мы так хорошо замаскировали эту нору, что немцы ходили по ней, ничего не подозревая.

Вторая ночь была особенно волнующей. Всё время отсчитывали расстояние — 22, 20, 18, 15, 10 километров до города. Мы шли из рощи в рощу. В одном лесу обнаружили танк и взорвали его. Резали немецкие провода; встречая мелкие группы немцев, уничтожали их. В одном дачном посёлке пришлось принять серьёзный бой. У немцев здесь было шесть автомобилей с крупнокалиберными пулемётами на турелях. Группа противника была разгромлена, взяли ещё десятка два пленных.

Когда нас опять застал день, засели в болоте, пленные — вместе с нами. Пленные всё-таки обременяли нас, поэтому с наступлением темноты я решил оставить их в лесу под охраной шести бойцов дожидаться подхода наших частей.

На третью ночь мы были уже в черте Большого Берлина. Здесь нас нагнали передовые части советских войск, двигавшиеся на бронетранспортёрах.

*

Из дневников и писем

19 апреля

Поток наступающих войск стремится вперёд — туда, куда указывают только что сделанные таблички «В Берлин!», куда зовут развешанные по пути движения на деревьях, на стенах домов, на грудах развалин листовки: «Вперёд, гвардейцы, вперёд!», «С именем Великого Сталина вперёд на Берлин!», «До Берлина осталось 40 километров».

Гвардии младший лейтенант А. ФОКИН

*

Сержант Коробцов возмущён, что время идёт медленно.

— Что это за дело такое, — говорит он. — Все мы спешим, все рвёмся в этот Берлин как можно скорее дойти, а время идёт попрежнему — день небольшой, а длится долго.

Несколько суток двигаемся вперёд без отдыха, а все-таки остановки никому не нравятся, на всех действуют раздражающе.

На одном перекрёстке дорог создалась пробка, все сразу хотели прорваться вперёд, все кричат друг на друга:

— Тебе что, скорее других надо?

Один пожилой гвардеец спросил шофёра, пытавшегося обогнать наши миномётные повозки:

— Куда прёшь без очереди?

— Мне спешить надо, я боеприпасы везу, — ответил шофёр.

— Посмотрите на этого молодца! — воскликнул гвардеец. — Он боеприпасы везёт, а я что, яйца на базар в Берлин везу?

Гвардии ефрейтор Н. ПОЛОВИНЧЕНКО

*

Мы вышли на главную дорогу — прямое сообщение на Берлин. Колонны машин идут в пять рядов. Повозочные гонят лошадей галопом. Раздаются голоса:

— Эй, фрау, вифиль километр до Берлина?

Если смотреть с самолёта, то, наверное, кажется, что сама дорога движется вперёд, — сплошной поток.

Младший сержант М. САФОНОВ

*

Пожилой боец, пробивая путь своей повозке, кричал:

— А ну, давай, давай, не задерживай!

— Куда так торопишься, папаша? — спросил кто-то.

— Папаша... какой я тебе папаша, — рассердился ездовой. — Куда? Не видишь, что ли? — и он ткнул пальцем на фанерную дощечку, прибитую к повозке. На ней было написано:

«Даёшь Берлин».

Майор СМИРНЫХ

*

Переночевали в лесу. Утром во всех подразделениях были проведены партийные собрания. На повестке дня: задачи коммунистов в штурме Берлина. Парторг роты гвардии рядовой Сологубов, выступая на собрании, сказал: «Я, как коммунист, даю слово первым ворваться со своей ротой в логово фашистов». Партсобрание постановило поручить коммунисту Сологубову подготовить красный флаг и водрузить его на первом занятом здании Берлина.

Гвардии подполковник КАЧТОВ

*

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
Ф. ЛИСИЦЫН

*

Наши листовки, лозунги, флаги

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПОЛИТРАБОТНИКА

В бою на одерском плацдарме перед наступлением на Берлин молодой боец нашей армии комсомолец Алек Алексеев совершил подвиг, подобный подвигу Александра Матросова. Идя на штурм Берлина, воины читали листовку, посвящённую памяти Алека Алексеева. Я приведу эту листовку полностью как образец листовок, которые мы выпускали в эти дни.

«БЕССМЕРТНЫЙ ПОДВИГ АЛЕКА АЛЕКСЕЕВА

Алек Алексеев был не только молод годами, но и новичок в солдатском деле. Только недавно его освободила Красная Армия из немецкой каторги. Немцы насильно оторвали Алека от родной семьи, впихнули в грязный скотский вагон и увезли в проклятую Германию. Красная Армия выручила Алексеева из немецкой неволи. И вот Алек стал автоматчиком. В дни, предшествовавшие наступлению на Берлин, Алек рассказывал своим товарищам по оружию:

— Я уже был в Берлине, — говорил он. — В этом городе на каторге тысячи русских и французов, бельгийцев и поляков, чехов и югославов...

Незадолго до боя Алек был принят в комсомол.

Роте старшего лейтенанта Куликова, где Алек служил автоматчиком, поставили трудную, но почётную задачу: расширить

плацдарм за Одером, форсировать сильно обороняемый немцами ручей и выбить врагов из траншей.

Рота скрытно подобралась к ручью, бойцы навели мостики. С рассветом, по сигналу атаки, Алексеев первым перебежал по мостику. И вдруг совсем рядом заговорил вражеский станковый пулемёт. Алек метнул туда гранату. Пулемёт продолжал стрелять. Алексеев выскочил из-за бугорка и своим телом закрыл дуло пулемёта. Рота мгновенно форсировала ручей. Враг был выбит из траншей, боевая задача выполнена...

Товарищи с воинскими почестями похоронили девятнадцатилетнего советского воина Алека Алексеева, который, не задумываясь, отдал свою жизнь за счастье нашей матери-Родины, за победу над ненавистным врагом.

Товарищ боец! Сохрани светлую память о юноше-герое.

Смело иди вперёд, воин! Штурмуй берлинские укрепления решительно и дерзко! Скорее водрузи над Берлином знамя Победы!

Политотдел армии».

Многие бойцы бережно хранили эту листовку как память о своём товарище-герое. И часто это короткое имя «Алек» звучало в бою призывным кличем: «Вперёд, на Берлин!»

Перед началом наступления мы заготовили много бланков для листовок-молний «Передай по цепи». Агитаторы писали эти листовки карандашом, на ходу составляли коротенькие заметки о подвигах героев. Но не всегда обстановка позволяла агитатору пользоваться карандашом. В условиях ожесточённых боёв за Берлин сообщения о подвигах героев передавались по цепи голосом.

Пять бойцов роты старшего лейтенанта Куликова на пути к Берлину захватили немецкий хутор и взяли здесь в плен восемь гитлеровцев. Правофланговый в цепи агитатор Андрианов передал об этом своему соседу, назвал фамилии героев и крикнул:

— Слава храбрым! Вперёд, друзья!

Слова агитатора стали передаваться от бойца к бойцу по цепи. Через две-три минуты вся рота знала о славном деле пяти храбрецов.

Чем ближе продвигались наши войска к Берлину, тем большее воодушевление охватывало воинов армии генерал-полковника Кузнецова.

Все помыслы воинов были направлены к тому, чтобы скорее водрузить над столицей фашистской Германии знамя Победы.

«Впереди Берлин, ускорь шаг!» — читали наши бойцы в газетах и листовках. «У нас путь один — на Берлин!» — говорили бойцы на митингах. «Стремительнее вперёд, быстрее в Берлин!» — призывали агитаторы.

Право на первый выстрел из орудий по Берлину, право первыми ворваться за черту Большого Берлина, право водрузить в Берлине первый красный флаг оспаривалось тысячами воинов. Весь личный состав нашей армии был преисполнен гордостью, что ему выпала великая честь — штурмовать Берлин. И вся партийно-политическая работа наша была подчинена этому же — штурму Берлина.

Огромное мобилизующее значение имел красный флаг.

— Товарищ Сталин на карте передвигает красные флажки, намечая нам путь вперёд, — говорили бойцы, — а мы будем передвигать флажки прямо на местности, на немецкой земле, от рубежа к рубежу, пока не водрузим над Берлином последний флаг — знамя Победы.

При прорыве обороны немцев на Одере парторг роты старший сержант Пликин в составе взвода первым ворвался в траншею противника и установил на бруствере флажок. Увидев это, вся рота с огромным воодушевлением ринулась вперёд.

Пулемётчик Меленчук на подступах к Берлину был смертельно ранен. Он обагрил своей кровью платок и передал его бойцу Ахметилину.

— Донеси, друг, флаг до Берлина и обязательно водрузи его там, — сказал Меленчук.

Ахметилин выполнил волю своего боевого товарища. Залитый кровью платок Меленчука всё время мелькал впереди подразделения, и, видя его, бойцы ещё стремительнее шли вперёд.

На каждом этапе сражения выдвигался свой лозунг. Когда была прорвана немецкая оборона за Одером и решающее значение имело неотрывное сопровождение пехоты артиллерией, политработники, агитаторы, печать стали пропагандировать лозунг: «Слава тем, кто первые откроют огонь из пушек по фашистскому логову!».

Немцы взрывали мосты, портили дороги. Путь преграждали реки и каналы. Но артиллеристы поспевали за пехотой. 21 апреля они дали первый залп по Берлину.

Новый этап — новый лозунг: «Слава тем, кто первыми ворвётся в Берлин!».

Пехотинцы смотрели на дорожные указатели, считали, сколько километров осталось до центра города, и рвались вперёд, сметая все преграды.

Велико было торжество гвардейцев генерал-майора Козина, бойцов полковника Негода и других соединений, когда они узнали, что первыми вступили в пределы Большого Берлина. Когда радио передало весть о благодарности товарища Сталина войскам нашего соединения, ворвавшимся в Берлин, агитаторы Папышев, Глинский, Сметанин и другие пробирались под огнём противника по переулкам, дворам и подвалам в стрелковые отделения, к пулемётным и орудийным расчётам, чтобы скорее сообщить всем бойцам об этой радости.

Агитаторы писали на стенах, заборах красками, мелом и углём: «Москва салютует гвардейцам, ворвавшимся в Берлин!», «Вперёд, к рейхстагу!», «Нас благодарит Сталин», «Бей немца в подвале гранатой», «Автоматчик Юников убил здесь семерых немцев, бери пример с героя Юникова» и т. д.

На стене одного дома был написан немецкий лозунг: «Берлин никогда не сдастся». Наш боец зачеркнул его и написал: «А я в Берлине. Сидоров».

☆

ГВАРДИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ТАНКОВЫХ ВОЙСК

Н. ПОПЕЛЬ

*

Возраки

Величайшей воинской гордостью бились сердца танкистов-гвардейцев. Они прошли славный, легендарный путь от Москвы до Берлина. Им выпала на долю честь нанести последний, так гениально подготовленный товарищем Сталиным, сокрушительный удар по врагу — штурмовать цитадель поджигателей войны; защитникам Москвы, освободителям Украины, Северной Буковины, Польши выпала честь водрузить знамя Победы над Берлином.

Наступление танковых частей генерал-полковника Катукова на Берлин началось тяжёлыми боями за Зееловские высоты. Перед нами была глубоко эшелонированная, сильно укреплённая оборона немцев, тянувшаяся до самого города. Минные поля, рвы и траншеи, опутанные колючей проволокой, чередовались с дзотами и дотами, каналами, заболоченными участками, трудно проходимыми для танков и самоходной артиллерии. Враг ожесточённо сопротивлялся. Каждый метр земли яростно простреливался.

Все работники политотдела находились в боевых порядках передовых отрядов, помогая партийным, комсомольским организациям и политаппарату частей обеспечить успешное выполнение боевого приказа по овладению Зееловскими высотами. Коммунисты шли впереди.

Артогнём был подбит танк Героя Советского Союза механика-водителя Тихомирова. Сам он был тяжело ранен. Радист-пулемётчик комсомолец Краев под обстрелом отремонтировал машину, оказал помощь

соседнему, застрявшему в болоте танку и вместе с ним ринулся на врага. Парторг батальона гвардии старший лейтенант Пятачков тут же в бою написал листовку о подвиге Краева, и через час о нём знали все танкисты.

Так же бесстрашно сражались гвардии сержанты Власов и Щукин. И о них тоже немедленно стало известно воинам из листовки «Передай по цепи».

Листовки воодушевляли бойцов, звали вперёд, разжигали наступательный порыв. Штурмовики резали колючую проволоку, «выкуривали» из траншей фаустников; сапёры под огнём быстро гатили болото, засыпали рвы, и наши танки и самоходки неудержимо шли вперёд.

Вот машины комсомольцев Васильева и Золотова вышли на высоту, господствующую над Зееловом. Враг подтянул артиллерию, открыл ураганный огонь по отважным гвардейцам-танкистам. Загорелась машина Золотова, потом Васильева. Песком, шинелями, брезентом отважные комсомольцы погасили пламя и продолжали громить врага.

Тем временем наша другая гвардейская механизированная часть быстрым и умелым манёвром обошла высоты и город, ударила с тыла и, захватив Зеелов, открыла путь нашим танкам и самоходкам.

Одна линия обороны немцев на подступах к Берлину была преодолена. Но впереди оставалось ещё немало препятствий, которые нам предстояло преодолеть. Враг делал всё, чтобы приостановить, задержать наступление советских войск. Контратаками во фланг он неоднократно пытался отрезать наши передовые части. Враг взрывал мосты на каналах, устанавливал завалы и баррикады на улицах населённых пунктов. Не надеясь на минные поля, которые мы нащупывали и обходили, немцы стали замаскировывать мины по обочинам и на проволоке подтягивать их к дороге под гусеницы наших танков. Подорвать хотя бы одну головную машину — это значило для врага задержать движение, иметь возможность с близкого расстояния поражать наши машины фаустпатронами.

В этих трудных условиях наши коммунисты и комсомольцы показали себя подлинными солдатскими вожаками. Трудно выделить в этих боях отдельных героев. Все были героями.

Надо было восстановить мост через канал, — и сапёры-коммунисты первыми шли на это дело. Нужно было блокировать дот, преградивший путь танкам, — и штурмовая группа во главе с коммунистами блестяще осуществляла эту операцию. Необходимо было пробраться в тыл немцев,

посеять там панику, разведать очередную оборонительную линию, — и наши смельчаки, предводительствуемые коммунистами и комсомольцами, под покровом ночи проникали в логово врага.

Горячее большевистское слово и личный пример были той всепобеждающей силой, которая ломала все преграды, творила чудеса.

Комсомолец лейтенант Коннов, командир самоходной установки, вырвался со своей машиной вперёд, уничтожив две пушки противника. Агитатор младший сержант Куприянов тотчас крикнул расчёту соседней машины: «Передай дальше, равняться по машине комсомольца Коннова». Слова эти облетели все расчёты. Самоходка Коннова была уже в деревне, на подступах к Берлину, когда вражеский снаряд подбил её. Погиб и герой-командир Коннов. Его брат, комсорг батареи, сказал: «Я отомщу за брата». И тут же, взяв автомат, пошёл впереди штурмовиков. Агитатор-автоматчик Павлов крикнул: «Передай по цепи: комсомолец Коннов убит, открывайте счёт мести за его жизнь. Вперёд!» Призыв агитатора передавался от одного автоматчика к другому, от самоходки к самоходке. Натиск был настолько сильный, что немцы убежали, бросив в деревне четыре исправные пушки. Сразу же после занятия деревни были выпущены листовки о героях только-что закончившегося боя. Отличившиеся в боях воины получили поздравительные открытки от командования.

У деревни Тарсдорф путь нашим танкам преграждал канал, соединявший два озера. Мост через канал был цел, но немцы готовились взорвать его. Спасти мост взялись шесть сапёров, во главе с членом партии гвардии лейтенантом Беляевым. Во время артподготовки, следуя за огневым валом, они подобрались к мосту. Воспользовавшись тем, что охрана укрылась от нашего огня в траншее, отважные сапёры разминировали мост, потом перебили гранатами до десятка немцев из охраны, а остальных захватили в плен.

Преодолевая одну за другой линии немецкой обороны, обходя и блокируя укреплённые пункты, отражая ожесточённые фланговые контратаки, части нашего соединения, воодушевлённые примером коммунистов, неудержимо продвигались к Берлину.

*

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

И. ДУШКА

*

Первая ночь в воздухе

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЁТЧИКА

Первая ночь штурма прошла. Что это была за ночь! После неё посмотришь на людей и подумаешь, чего тут больше — силы, опыта, уверенности в себе или мужества? Как все горды, что летают в условиях, о которых ничего не сказано ни в каких наставлениях, и всё идёт успешно. Вот «наш Ванечка», как называем мы его, лейтенант Иван Орлов. Глаза у него сейчас красные — надуло ветром. Он летал и думал, как все мы, не столкнуться бы с товарищем в этом проклятом тумане. Для лучшего обзора он снял очки. Дождь, переходящий в снег, облака на высоте четырёхсот метров, а внизу туман, но надо лететь, лететь во что бы то ни стало. Чорт с ним, пусть больно режет глаза — сегодня особый день, мы начинаем последний штурм фашистской Германии!

Какое это страшное слово «туман»! Как это глупо умереть, разбившись в тумане! В каждом из нас сильна жажда жизни. И в смертный бой мы идём ради жизни, мы боремся за свою свободную жизнь. Да, может быть, я и многие мои товарищи не вернутся с последнего штурма Германии, погибнем, но будут жить спокойно те, кто сейчас ещё не понимает, что такое война, — дети моих товарищей, друзей, родных. Пусть они знают, что если их отцы шли на смерть, то не потому, что это им было легко, что они не любили жизнь. Жизнь, жизнь! Да, за тебя можно и умереть.

Пришлось поработать в эту ночь и мне со штурманом младшим лейтенантом Мягких.

Командир сказал:

— Вы идёте на фотографирование Коттбуса. Четыре вылета, первый на бомбардировку — посмотрите цель.

Так и было сделано. Первый вылет прошёл почти засветло.

Мы посмотрели со штурманом цель, выбрали заход для фотографирования, отбомбились и пошли домой. Начали готовиться к фотографированию. Последние экипажи докладывали об ухудшении погоды. Запросили метеостанцию. Ответ: через два-три часа ожидается туман. Надо торопиться: на метеобога надейся, а сам не плошай, как говорят у нас.

Взлетели. Прямо, без круга, беру курс на поворотный пункт — большое озеро в десяти километрах от цели. За линией фронта артиллерийский огонь утих, а число пожаров увеличилось. Вот город Форст. Он весь горит.

Справа прошло несколько трасс из эрликона. Мягких сказал мне:

— Слушай, Ваня, этому фрицу надоело жить, мы ему поможем.

Я сразу понял, к чему он клонит, и подумал: раз такой молчаливый человек, как Мягких, высказал мысль, он не оставит уже её.

Подойдя к цели, мы отклонились на северо-запад, чтобы переждать бомбардировку. Несмотря на осветительные бомбы, обзор города был плохой — дым пожарищ застилал целые кварталы. В южной части города заработало несколько эрликонов. Экипажи братского полка быстро успокоили их, заложив серию из четырёх полусоток.

Слышу голос своего штурмана:

– Боевой 155.

Строго держу машину на курсе. Прекрасно знаю, что всё это дело одной минуты. Но эта минута тяжелее целого часа полёта.

Задание выполнено. Идём назад. Опять слышу штурмана:

— Снижайся до 600 метров.

Знаю, в чем дело: это он хочет «помочь» немцу, которому надоело жить. Ну что ж, правильно, надо помочь.

Было выпущено четыре диска. О результатах не берусь судить, впрочем, немец больше не стрелял, вернее не «пугал».

Не успели мы вылезть из кабины, как подбежал оружейник сержант Клименко, спрашивает:

— Сколько вам САБ-15?

— А что?

— Вы идёте на разведку.

— Хорошо — шесть штук... Сержант Мазур, заправку полностью.

Захожу на КП. Начальник штаба ставит задачу:

— Установить направление движения противника на маршруте Коттбус—Люббен—Люккау—Финстервальде—Гойерсверда. Маршрут на 3 часа 20 минут.

Полетели. Погода ухудшилась. Дымка, медленно сгущаясь, переходила в туман. Подул слабый западный ветер, дым горящих лесов потянулся на восток. Машина легко пошла вверх. На высоте 300 метров очертания лесов просматривались уже смутно. На высоте 700 метров земля исчезла из глаз под пеленой тумана. Над нами луна, высокие перистые облака, а внизу какой-то серебряный волшебный океан, и лишь отблески пожаров и чёрный дым, поднимающийся над туманом небольшими островками, говорили о том, что там земля, на которой идёт смертный бой.

Что, если там, за Шпрее, такая же погода? Но нет, прошли Коттбус, Люббен, Люккау, и погода улучшилась. Слышу штурмана:

— Возьми курс!

Думаю — зачем? Командир экипажа — я. Но никогда не надо мешать штурману при разведке. Я не стал спрашивать.

— Держись автострады.

Всё стало ясно.

Штурман решил установить количество машин и направление их движения на Берлинской автостраде. Так и есть: немецкие войска отступают не на запад, не к Эльбе, а на север, к Берлину. Достаточно было пяти минут, чтобы установить это.

Идём на юг, затем на юго-восток, на северо-восток. В чём дело? Мы далеко за передним краем, а в городах под нами идут бои. Догадываюсь, что наши танки вошли в прорыв и двигаются к Берлину.

Когда мы прошли город Шпремберг и направлялись домой, меня вдруг поразила мысль: почему не видно пожаров? Их было столько, а теперь совсем нет. Ясно — густой туман. Однако город Форст мы всё-таки нашли. Это было такое пожарище, что никакой туман не мог его скрыть.

Снижаюсь до 300 метров. Машину болтает, горячий воздух, земли нет. Временами веду машину по приборам, а верхний слой тумана беру за земной горизонт. Приводного прожектора не видно. Даём ракету «Я свой», затем красную — ответа нет. Неужели ошиблись в расчётах? Возвращаемся на зарево Форста. Штурман проверил расчёты — правильны. Опять идём на аэродром. Опять даём ракеты. Но старта всё же нет. Оказалось, что мы находились в двух километрах от аэродрома, наши ракеты видели на старте, но посадка была воспрещена. Наш аэродром находится среди лесов, да ещё в лощине, посадка в тумане грозила катастрофой.

Пытаясь увидеть землю, снижаюсь до ста метров и всё-таки земли не вижу. Ухожу вверх, смотрю на бензочасы — бензина на один час полёта. Идём по расчёту времени в район маяков. Их не видно. Делаю круг. Бензина остаётся на 30 минут. А что, если придётся падать? Хорошо, если на лес, а если на высоковольтные провода, которыми опутана вся Германия? Делаю второй круг. Слышу штурмана:

— Слева белое пятно — маяк.

Иду на него. Рядом аэродром соседнего полка. Прошу посадки ракетами и огнями и присматриваюсь. Еле заметная точка — это вместо белых огней включён красный. Захожу с «маяка», перевожу машину в планирование и иду на посадку по приборам: вот 100 метров, 50, 30 — больше прибору верить нельзя. Смотрю на скорость. Увидел посадочный знак. Как будто далеко. О, не верь себе — туман: кажется, земля далеко, а вон она рядом.

☆

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ГВАРДИИ ПОЛКОВНИК
В. БЕЛОУСОВ

*

Над полем боя

К утру, как только улучшилась видимость, одна за другой взлетели с аэродрома пять групп «ильюшиных». Их повели мастера штурмовых ударов капитаны Бондаренко, Кирилов, Скорик, Гридин, лейтенант Коваленко. В это время противник, сбитый со своих оборонительных рубежей, вытягивался в колонны на дорогах, ведущих к Берлину. Задача штурмовиков состояла в том, чтобы задержать врага, не дать ему возможности оторваться от наших танков.

В 9.30 над центральной рацией наведения появляется первая шестёрка «ильюшиных».

Ведущий группы радирует:

— Дайте цель. Дайте цель. Я — Бондаренко.

Подполковник Шевченко приказывает:

— Бейте колонны по дороге Гузов — Вульков.

Приказание передаётся несколько раз.

— Всё ясно, — отвечает Бондаренко.

По указанной цели бьют все пять групп штурмовиков.

Весь день дотемна новые и новые группы «ильюшиных» непрерывно воздействуют на поле боя, жгут автомашины и танки, разгоняют по лесам вражескую пехоту. Всё, что уцелело от ударов с воздуха, добивают наши танкисты и мотопехота.

Чтобы спасти положение, немецкое командование ночью начало подбрасывать подкрепления из района Берлина и гарнизона города. Утром в ряде мест на участке корпуса немцы перешли в контратаки силами

танков и пехоты. Одна наша танковая часть при переправе через водный рубеж была остановлена сильным артиллерийским и миномётным огнём.

— Дать сюда штурмовиков, — потребовал командир корпуса.

В это время над полем боя появились три шестёрки «ильюшиных», возглавляемых Героем Советского Союза гвардии майором Хохлачёвым. Они шли штурмовать другие объекты.

— Перенацелить, — приказал танковый генерал.

— Сынок, сынок, — понеслось в эфир, — ты слышишь меня? — и генерал-авиатор, находившийся на рации, назвал свою фамилию.

— Слышу, батя, — через минуту ответил Хохлачёв.

— Стукни по артиллерии и миномётам в лесу южнее пункта Б.

— Понял вас, — ответил Хохлачёв.

После штурмовой обработки немецких артиллерийско-миномётных позиций танкисты переправились через водный рубеж без всяких потерь.

В этот день много было работы и на других рациях наведения. Радионаводчики капитан Митин, старшие лейтенанты Александров и Селезнёв сообщили подполковнику Шевченко о сильном артиллерийско-минометном огне противника, мешавшем продвижению танков вперёд. Всюду танкисты требовали штурмовиков.

В 11.30 Шевченко с НП дал в соединение телеграмму следующего содержания: «Высылайте группы «илов» с расчётом непрерывного воздействия на противника в квадратах... Погода отличная, действовать энергично».

Через двадцать минут появились «ильюшины».

— Давай, давай, браточки, — радостно приветствовали танкисты своих боевых друзей.

Штурмовики шли волнами, заглушая рёвом своих моторов артиллерийско-минометную канонаду. Группа Леусенко, группа Решетняка, группа Лукьянова... За ними группы Бондаренко, Гридина, Кондаурова и других. Сотни машин наносили с воздуха удар по врагу. Штурмовая обработка продолжалась два часа, потом танки рванулись вперёд.

По мере продвижения наших войск вперёд усиливалось сопротивление врага. В густо населённых предместьях Берлина немцы оказывали отчаянное сопротивление. Огромная концентрация войск и техники, двигавшихся к Берлину, с каждым часом усложняла работу штурмовиков. В этой обстановке роль радионаводчиков была буквально неоценимой.

На участке Классельдорф—Илов передовые отряды одной танковой части натолкнулись на большое скопление немецких автомашин и танков. Танкисты сообщили об этом подполковнику Шевченко, последний запросил пару разведчиков. Данные первых разведчиков подтвердила вторая пара, вызванная на разведку в этот же район. Теперь всё было ясно. Через несколько минут капитан Бондаренко привёл двадцать два экипажа и, точно наведённый на цель с земли, уничтожил со своими ведомыми несколько танков и несколько десятков автомашин. Появившиеся в воздухе «фокке-вульфы» не смогли помешать нашим штурмовикам сделать по семи заходов на цель.

Вперёд и вперёд к Берлину железным потоком шли танки, перемалывая живую силу и технику врага. Пригород Фридрихсфельде. Железнодорожный разъезд. Перед ним взорван мост. Подполковник Шевченко выскочил со своей рацией к пригороду. Рядом упал снаряд,

выведена из строя рация, ранен радист. Но у подполковника есть вторая, запасная, рация. По мосту, наведённому для колёсных машин, радионаводчик почти вплотную подобрался к железнодорожной станции. Над ней уже носилась пара разведчиков-штурмовиков. Связаться с ведущим было делом одной минуты. Лейтенант Решетняк сообщил, что видит на путях не менее двадцати пяти гружёных эшелонов.

Через двадцать минут капитан Леусенко привёл на эту цель шестёрку «ильюшиных». За ним подоспели группы Кирилова, Лукьянова, Решетняка. Семь групп «ильюшиных» подорвали выходные пути с железнодорожной станции, вызвали несколько мощных взрывов и более десятка очагов пожара. Все железнодорожные эшелоны были застопорены, их захватили ворвавшиеся на станцию танкисты.

Ещё один бросок вперёд, и наши танки остановились у сильно укреплённого района Штеттинского вокзала. В полукружьи станции разгорелся огневой бой артиллерии и танков. Временная задержка грозила нарушить темп наступления. Но вот подоспели штурмовики.

Когда передовые танковые отряды ещё только прощупывали оборону Штеттинского вокзала, три пары штурмовиков прилетели сюда на разведку. Немцы встретили разведчиков мощным зенитным огнём. На самолёте ведущего первой пары лейтенанта Лукьянова был подбит мотор, и он с напарником вернулся обратно. Но две другие пары разведчиков, возглавляемые лейтенантами Власовым и Киндиновым, сделали своё дело: они не только добыли ценные сведения о противнике путём визуального наблюдения, но и сфотографировали весь район Штеттинского вокзала.

В течение двух последующих часов, когда танки сосредоточивались для удара, девять групп штурмовиков обрабатывали эшелоны на Штеттинском вокзале. Привели сюда своих орлов подполковник Туровский, капитаны Гридин, Кондауров, Бондаренко, старший лейтенант Коваленко, лейтенанты Лукьянов и Решетняк. Когда бросились в атаку танки, враг был уже подавлен ударом с воздуха. От Штеттинского вокзала танки продолжали своё движение на запад по северной окраине Берлина и вдруг резко повернули на юг, захлопывая в стальную ловушку засевший в центре Берлина немецкий гарнизон.

*

КАПИТАН

А. ОВЕЧКИН

*

В облаках над Штеттином

Один за другим выползали из укрытий самолёты. Покачиваясь из стороны в сторону, они, как утки, стряхивали со своих крыльев крупные капли дождя.

Закончены последние приготовления. Техники по вооружению проверяют подвеску бомб. Механики обтирают моторы, и каждый нет-нет да взглянет на темнеющее небо, не покажется ли где-нибудь звёздочка. Один из механиков при свете переносной электролампочки выводит мелом на корпусе бомбы: «*для Гитлера*». На другой бомбе было написано: «*для Геринга*».

Заинтересовавшись работой техника, я спросил:

— А для Геббельса какая?

— А вот что поменьше, — указал он на пятидесятикилограммовую фугаску. И добавил: — С него и этой хватит!

В землянке было тихо. Все смотрели на телефонный аппарат и ждали, когда прикажут вылетать. Потом начались разговоры, которые не замедлили перейти в жаркий спор о сроке падения Берлина, ну и, безусловно, окончания войны.

Внезапный звонок водворил тишину. Все застыли в ожидании.

Получен приказ. У каждого лётчика вздрогнуло сердце: «Неужели не меня?»

— Командирам эскадрилий выпустить в воздух сильные и опытные экипажи. Цель — Берлин. Вылет немедленно! — коротко приказал командир.

Шёл мелкий дождик. Маяк-прожектор через ровные промежутки времени вспыхивал голубой лентой и, медленно вращаясь, описывал круги на мутных облаках. Изредка то там, то здесь коротко вспыхивали цветные огоньки на крыльях самолётов, и пламя голубыми языками трепыхало у выхлопных патрубков.

Один за одним уходили в темноту дождливой ночи тяжело нагруженные самолёты, и их огни исчезали на западе.

Ко мне подошли двое лётчиков: Мыльников и Драпак.

— В чём дело?

— Разрешите лететь на Берлин?

— Видите, какая погода? — сказал я.

— Мы справимся! — ответили они.

Нельзя было не поверить им. Я разрешил. Не успел я сказать: «Летите выполнять задание», как лётчиков не было возле меня. Из поглотившей их темноты я услышал: «Есть выполнять!»

«Вот народ!» — подумал я, провожая глазами бегущие в темноте огоньки.

Проводив последний самолёт, взлетел и я.

До Одера я набрал высоту 500 метров и сразу же «воткнулся» в облачность. До Берлина было далеко, и я пошёл под кромкой облаков, которые всё ниже и ниже прижимали меня к земле. С левого борта самолёта огромным костром пылал Франкфурт. Яркое пламя зловещими языками высоко подымалось вверх, окрашивая облака в грязнолиловый цвет.

По трассе полёта везде пылали пожары. Некоторые уже догорали. Я всматривался в темноту на западе, надеясь увидеть пожарища Берлина, но, кроме светящихся точек, пока ничего не мог увидеть.

Появилась луна, и всё сразу ожило и приблизилось. Я стал набирать высоту.

Под нами всё чаще и чаще начали появляться маленькие облака.

- Через пятнадцать минут будет Берлин, — доложил штурман старший лейтенант Раппопорт.

Впереди я ясно различал ракеты, вспыхивающие в воздухе и рассыпающиеся на пять цветных звёздочек. Это патрулировали немецкие истребители. Мы начали усиленно прощупывать глазами воздух.

Освещённые луной белые барашки облаков почти полностью закрыли от нас землю, что очень усложняло ориентировку. Мы боялись, что над Берлином тоже будут облака, и мы можем ошибиться при бомбардировке, попасть в свои войска, ибо они были уже на окраинах города.

Слева от нас прошил небо искристый пунктир трассы, и в это мгновение на фоне освещённых облаков стремительно промчался «По-2», а за ним ниже нас пронёсся охотник — «Ме-110». «По-2» в мгновение ока нырнул под облачность и пропал. «Удачный манёвр», подумал я.

По времени мы уже должны были лететь над предместьями Берлина, но, кроме бесконечно плывущих нам навстречу облаков, ничего не было видно. И вот в небольшом окне сталью блеснуло озеро, а вокруг него — целый клубок извилистых, как змеи, рек.

— Под нами Шпрее, — доложил штурман.

Как на зло облака вновь плотно прикрыли землю.

Под самолётом вспыхнуло белое пятно прожектора и медленно задвигалось по облачности. Я невольно вздрогнул. Зенитки молчали. К этому белому пятну прибавилось ещё одно, потом ещё и ещё. Все они плавали по облакам, стараясь присосаться к нашему самолёту. Но мы были недосягаемы для них.

Снизу нас не видели, зато сверху мы были как на ладони. Противник не замедлил воспользоваться этим. С левого борта стремительно пронеслась трасса. Трудно было угадать, в кого стреляли немцы, но следующая трасса просвистела буквально над головой.

— Это по нас, — сказал Раппопорт.

— Сам вижу, — ответил я.

Перспектива быть сбитым над центром Берлина мало улыбалась нам, и я нырнул в облака.

Облачность была тонкослойная, и как только мы выскочили из нее, меня сразу поразила картина Берлина. Я её никогда не забуду.

Огромная площадь гигантского города была окутана дымом, который толстой и широкой пеленой уползал на северо-восток. Едкая гарь достигала высоты девятисот метров, жгла горло и глаза. Ясно видны были пожары внутри зданий. Слабо освещённые луной бесчисленные светло-серые дороги уходили тонкими щупальцами на запад и юг и пропадали далеко на горизонте.

Казалось, город мёртв. Но глаза лётчиков-ночников хорошо умеют видеть жизнь на земле, как бы темнота ночи ни скрывала её. Нам было ясно, что в Берлине суматоха.

Несмотря на то, что мы тщательно изучали план города, сейчас трудно было определить, где что расположено. Приказано бомбить центр. Мы поднялись вверх по Шпрее. Тщетно мы пытались отыскать рейхстаг. Его мы не увидели.

— Начинаю бомбить, — сказал штурман.

Я почувствовал, как одна за одной пошли бомбы вниз. Облегчённый самолёт начал «вспухать».

После взрыва наших бомб одинокая пулемётная очередь цветной цепочкой медленно поднялась к нам, как бы раздумывая, убить нас или нет. И опять всё стихло. Я накренил самолёт и с каким-то непередаваемым чувством радости смотрел на этот горящий город. Едкий, противный дым, подымающийся от пожарищ и заполняющий кабину самолёта, кружил голову и вызывал тошноту.

Я резко развернул самолёт, и Берлин начал медленно уходить назад. В это время открыли огонь наши орудия большой мощности.

Луна совсем уже не пробивала облачности, и в козырёк кабины ударяли крупные капли дождя. Стало темно.

Погода всё хуже и хуже, но мутные проблески рассвета чуть-чуть очертили на земле лес, дороги, и это несколько облегчило пилотаж и ориентировку.

Впереди мелькнули огни старта. Последний разворот, и тишина всей своей тяжестью навалилась на перепонки ушей.

Я выскочил из самолёта и стал проверять, все ли прилетели. Не было Драпака с Мыльниковым.

Уже рассвет. «Неужели не придут? — подумал я. — Неужели обманулся?» Нет, всё в порядке. Из-за туманной дымки рассвета выскочил самолёт. Это были они.

Несмотря на то, что дождливые облака плотно закрывали небо, на душе у всех было светло и ясно, как в хороший, тёплый и солнечный день.

*

МАЙОР

С. ВЛАСОВ

*

Удар по аэродрому Ной-Руппин

Наш истребительный полк поднялся в воздух и взял курс на берлинский аэродром Ной-Руппин. Одну группу вёл опытный мастер воздушных боёв и дерзких штурмовок вражеских аэродромов штурман полка капитан Тищенко.

Вторую группу вёл капитан Мельников, человек большой физической силы и поразительной отваги.

Я летел выше этих групп, вёл четвёрку прикрытия. Приходилось скользить между облаками и под самой кромкой облаков.

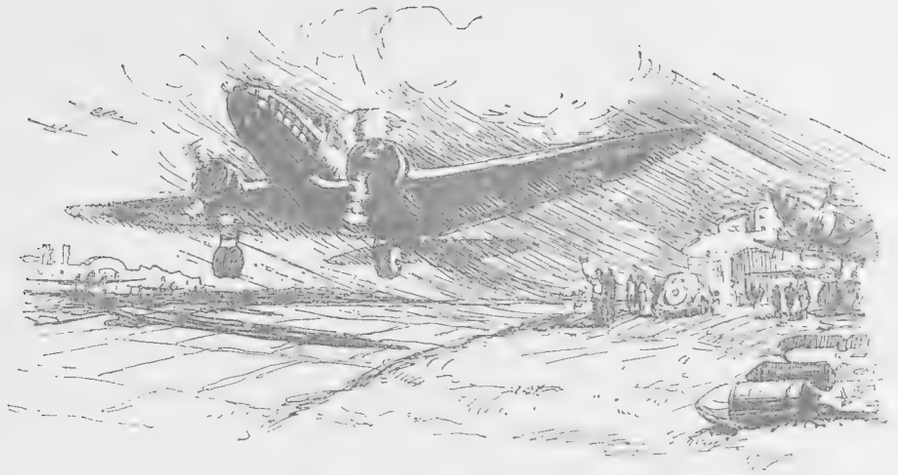
Ещё выше, в разорванных облаках и за облаками, носилась пара прославленных воздушных охотников — Герой Советского Союза капитан Фёдоров и лейтенант Сухоруков. Летели строем сомкнутого пеленга, почти фронтом. Пролетая над Берлином, я невольно взглянул вниз. Вспышки взрывов, огонь и чёрный дым представились моим глазам.

Впереди — знакомое по карте, продолговатое озеро. Справа — город. Ещё правее — стационарный аэродром, замкнутый подковой леса. В северо-восточной части аэродрома — до сотни самолётов всевозможных типов.

Ведущий Тищенко подаёт команду:

— Вытянуться в правый пеленг, — и сам доворачивается вправо.

Лётчики один за другим молниеносно переводят машины в пике. Каждый избирает себе цель и ведёт по ней огонь.



Увидев, что никто с воздуха не угрожает нашим истребителям, я также повёл прикрывающую группу на штурмовку. Вверху оставалась только пара охотников.

Все лётчики одновременно накрыли аэродром. До сотни стволов пушек и пулемётов вели огонь с воздуха по стоящим на земле фашистским самолётам.

Взорвались две вражеские машины. Повалил дым из многих других машин. Загорелось ещё два самолёта. Все стоянки охватило пламя, а мы всё продолжали вести огонь.

— Не увлекаться! Выводите! — подавал я команды.

Израсходовав все боеприпасы, лётчики выводили свои машины из пике буквально на бреющем полёте, почти цепляясь за макушки леса. Признаться, я несколько боялся, что двое молодых лётчиков, увлёкшись штурмовкой, опоздают вывести самолёты из пикирования. Но оказалось, что и в этом боевом порыве они сумели сохранить хладнокровие, необходимое для точного расчёта.

Выводя из пикирования свой самолёт, я заметил, что по хвостам наших самолётов открыли огонь вражеские зенитки. Но это был бестолковый и запоздалый огонь.

Когда мы уходили от аэродрома, над лесом появился немецкий транспортный самолёт. Я нажал на гашетку, но выстрела не последовало — кончились и патроны, и снаряды. Это меня разозлило, я хотел ударить по врагу плоскостью своего самолёта. Другие наши летчики, бывшие

в одинаковом со мной положении — без боеприпасов, стали имитировать атаки. Перепуганный немец бросил свою машину прямо в лесные заросли.

Больше мы не видели в воздухе немцев до самой посадки, когда прикрывающий Щеглов заметил в стороне от нашего аэродрома пару «мессеров», шныряющих между облаками. Фашистские пираты решили подкараулить наших истребителей на посадке и хоть этим выместить злобу за свои страшные поражения.

Лейтенант Щеглов пошёл с напарником в лобовую атаку. Произошла короткая, но чрезвычайно жестокая схватка. Сражённый немецкий самолёт рухнул на землю, другой поспешно ретировался в облака.

С аэродрома Ной-Руппин после нашей штурмовки не поднималось больше ни одного немецкого самолёта.

☆

В ПРЕДМЕСТЬЯХ И НА ОКРАИНАХ БЕРЛИНА

К исходу 19 апреля войска 1-го Белорусского фронта полностью преодолели укрепления противника в тактической глубине его обороны на Одере, 20 апреля совершили резкий скачок на направлении главного удара и 21 апреля завязали бои на окраинах Берлина. В северо-восточные пригороды сорвались войска генерал-полковника Кузнецова и танки генерал-полковника Богданова, с востока к Берлину подошли войска генерал-полковника Берзарина, в юго-восточных дачных пригородах среди многочисленных озёр, образуемых течением Шпрее и её притоком Даме, бои завязали войска генерал-полковника Чуйкова и танковые соединения генерал-полковника Катукова. К 23 апреля войска 1-го Белорусского фронта в результате упорных уличных боёв овладели рядом кварталов в северо-восточной части города и заняли район Силезского вокзала в восточной части Берлина. К исходу 18 апреля войска 1-го Украинского фронта полностью преодолели укрепления противника между реками Нейсе и Шпрее и 19 апреля произвели резкий скачок на направлении главного удара. 22 апреля танковые соединения генерал-полковника танковых войск Рыбалко завязали бои на южных окраинах Берлина. 23 апреля войска 1-го Украинского фронта подошли к Тельтов-каналу с юга и юго-запада.

*

Из дневников и писем

21 апреля

Пасмурный день, дождь моросит, погода невесёлая, но на душе весело. В 8.00 командир полка гвардии подполковник Жеребцов отдал по телефону команду:

— Натянуть шнуры! За Родину! За Сталина! По столице врага, по городу Берлину — огонь!

Батареи гвардии капитана Скоростянского стреляли с западной окраины Марцана по району Лихтенберг. На снарядах были сделаны надписи: «По Берлину за погибших друзей», «По фашистскому логову за горе народное». Все батареи облетела листовка «Первый выстрел по Берлину».

Гвардии майор В. ОРЯБИНСКИЙ

*

Я стоял рядом с командиром корпуса, когда он отдавал приказание о первом залпе по Берлину. Под впечатлением этого момента, торжественности, которая царила на командном пункте, я написал стихотворение «Снаряды мести»:

Когда помчались первые снаряды
Сорвать запоры с вражеских дверей,
Летел за ними пепел Сталинграда
И чёрный дым горящих Понырей.

Годами закалённая, литая,
Опережая натиск штурмовой,
За ними наша ненависть святая
Летела над проклятою землёй.
А где-то там, на пункте, к телефону,
Как никогда, взволнован и устал,
Подходит командир дивизиона,
И ждёт его у трубки генерал.
В его глазах тяжёлый отблеск стали,
Спокойный голос в трубке не спешит,
Как сталь пружины, сжато в генерале
Суровое величие души.
— Огонь! — сверкнули грозные зарницы,
— Огонь! — и дым окутывает даль,
— Огонь! — и в сердце вражеской столицы
Вонзается карающая сталь.

Старший лейтенант В. ОБНОВЛЕНСКИЙ

*

22 апреля

Когда над батальоном взвилась ракета «В атаку», сержант-коммунист Осипов поднял красный флажок и крикнул:

— Сталинцы, на штурм Берлина, к победе, вперёд, за мной!

Батальон ворвался в район Фридрихсфельде, и вскоре над крышами домов развевались красные флажки.

Герой Советского Союза старший лейтенант К. УСЕНБЕКОВ

*

Мы в Берлине! Этого дня мы, фронтовики, ждали все четыре года войны. Никто не знал, кому выпадет честь и счастье быть непосредственным участником штурма Берлина, но каждый из нас мечтал об этом. И когда перед наступлением нам зачитали обращение Военного Совета армии, где совершенно ясно было сказано, что мы идём кратчайшим

путём на Берлин и что наши батальоны должны первыми выйти на восточную окраину Берлина, — как мы радовались, как мы гордились! Каждое маленькое отклонение в сторону тревожило нас, а вдруг отведут на фланг? Но нет, мы шли прямой дорогой, и вот — выходим к Силезскому вокзалу, а где-то совсем, совсем рядом, через Шпрее — Унтер-ден-Линден, рейхстаг...

Гвардии капитан А. БРОНШТЕЙН

*

Наши миномёты стояли на огневой позиции около шоссе, по которому двигались танки и автомашины. Немцы заметили их и открыли сильный огонь по шоссе.

Красноармеец Максимов, заряжающий второго расчёта, во время обстрела подавал с машины ящики с минами. Осколком снаряда ранило его в лоб. Слезая с машины, он сказал своему товарищу:

— Чего испугался, Цуканов? Ничего страшного нет, перевяжи меня.

Цуканов только начал перевязывать друга, как санинструктор Ефремов был уже около раненого. Рана оказалась опасной, и командир приказал немедленно отправить Максимова на медпункт.

В это время дежурный телефонист Никитин передал команду: «Батарея, по местам». Максимов побежал к своему миномёту. Санинструктор за ним:

— Куда, куда? — кричал он. — У тебя дело серьёзное. Плохо будет.

Командиры расчётов уже доложили старшему по батарее лейтенанту Мысину о готовности. Лейтенант Мысин передал телефонисту: «Готово». Телефонист передал с НП: «Залпом, по Берлину, огонь!»

А санинструктор всё уговаривает Максимова пойти с ним.

Максимов рассердился.

— Отвяжись ты от меня, — сказал он. — Видишь, даже шоферы хотят пустить мину. Ни один заряжающий не уступает своих прав. Ведь цель-то какая — Берлин!

Красноармеец И. КОНДЫРЕВ

*

Мечта осуществилась — мы в Берлине. На одном дворе, засыпанном битым кирпичом, я видел бойца, торопившегося отправить на родину

письмо с радостной вестью. Прижав пальцами к стене разрушенного дома клочок бумаги, он вывел на нём крупными буквами: «Привет из Берлина» и, от волнения не зная, что еще написать, свернул листок в треугольник и надписал адрес.

Лейтенант А. ФРЯЗИНОВ

*

Несколько часов продолжался бой на окраине Берлина за фабрику радиоаппаратуры.

Когда гитлеровцы были выбиты отсюда, из подвалов фабрики начали выходить люди. Они хватали нас за руки, по щекам их текли слёзы. Это были наши, советские люди; ещё несколько минут назад они с замиранием сердца следили за исходом боя.

Они целовали и обнимали нас.

Какой-то старик дрожащей рукой провёл по моей гимнастёрке.

— И у меня сын такой же, — шептал старик.

Они выбегали один за другим, оборванные, худые, истощённые, но со слезами радости на глазах.

Противник ещё стрелял по двору, а недавние пленники собирались кучкой около каждого нашего бойца, жадно расспрашивая о родине.

Они просили разрешить им хоть чем-нибудь помочь Красной Армии. И многие из них бесстрашно выносили из-под огня наших раненых гвардейцев, делали им перевязки. Другие показывали нам места, где скрывались немцы, помогали нам найти всё то, что можно было сразу же использовать в бою. С их помощью мы нашли упрятанный немцами автотранспорт.

Запомнилась мне одна высокая седая женщина-украинка. Выйдя из лагеря на дорогу, за колючую проволоку, она перекрестилась и быстро пошла, обгоняя других.

Как сильно бьётся сердце в такие минуты! Как стремишься вперёд! Скоро все наши люди будут вырваны из грязных фашистских рук, снова станут свободными. Да здравствует товарищ Сталин!

Красноармеец Ф. ЧАРУПА

*

Один боец рассказывал нам свою историю. Он из города Ефремова. В 1941 году пошёл в Красную Армию вместе со своим отцом, старым солдатом. Вместе ходили в атаку и в разведку. Отец учил его воевать. Однажды

сына ранило в ногу. Отец вытащил его из боя на спине. Когда форсировали Днепр, они плыли рядом в резиновых лодках. Отец был убит на реке осколком мины и утонул, а сын доплыл до берега и дошёл до Варшавы. В бою у Варшавы его опять ранило, и он догнал свою часть уже под Берлином, несколько дней назад.

Рассказал свою историю, а потом говорит:

— Вот нет отца в живых, а мне кричать хочется: батька, батька, я в Берлине!

Красноармеец А. КОЗЛОВ

ЛЕЙТЕНАНТ

А. РОМАНОВ

*

Танки прорываются к окраинам Берлина

На шестой день сражения за Одером, 21 апреля, как и в предшествующие дни, мой танковый взвод был в разведке и имел задачу — разведать проходимость маршрута, мостов и наличие огневых средств противника.

На подступах к городу Бух сопротивление немцев было совершенно незначительным. Брошенные исправные машины и другая техника свидетельствовали, что враг поспешно бежал, а трупы его солдат и разбитая артиллерия на огневых позициях убедительно говорили, что наша штурмовая и бомбардировочная авиация поработала здесь неплохо.

Моя дозорная машина свободно продвигалась к восточной окраине города. За машиной следовал и весь разведотряд. Навстречу брели в одиночку гитлеровские солдаты. Подняв руки, они вопили: «Гитлер капут».

Мы проникли в центр города. Весть о появлении на улицах советских танков облетела кварталы. Из подвалов, убежищ и блиндажей стали выбираться русские, украинцы, французы, поляки, насильно угнанные сюда фашистами. Сначала осторожно, а потом всё смелее и смелее подходили они к нашим машинам с красными звёздами на башнях.

— Наши пришли, наши пришли! — уже слышалось со всех сторон.

Ветер свободы пронёсся по городу. Люди, освобождённые от рабства, шли на центральную улицу. У многих в руках были букеты сирени. То здесь, то там завязывались радостные беседы.

Но мы не могли задерживаться. Командир бригады приказал к исходу

дня выйти на северо-западную окраину берлинского пригорода Карров и занять станцию.

Из расспросов жителей я узнал, что на пути нашего движения противник построил четыре баррикады, каждую толщиной в три метра; железные рельсы вкопаны глубоко в землю, заложены шпалами и засыпаны камнем и песком. Заминировать подступы к баррикадам немцам не удалось — наше появление оказалось для них неожиданным.

Тут же мы выяснили, что за час до нашего прихода противник оттянул в направлении на Карров до 18 танков и самоходных установок. Правильность этих данных я решил проверить лично.

В 16.00, выехав на западную окраину города Бух, я убедился, что первые две баррикады легко обойти. Мы так и поступили. Наша дозорная

машина вышла к железнодорожному мосту, переброшенному над шоссейной дорогой. Однако двигаться дальше мы не смогли. Проход под мостом преграждала третья баррикада. Мин здесь не оказалось, но обойти её не представлялось возможным: справа — болото, а слева — железнодорожная насыпь, недоступная для танков. К тому же эта баррикада была основательно прикрыта немецкими снайперами, автоматчиками и фаустниками. Один танкист, на секунду выглянувший из башни, был убит немецким снайпером, засевшим в соседнем доме.

Фаустники тоже открыли огонь по дозорному танку, но, к счастью, дистанция была велика, и фаустпатроны до нас не долетали.

Я приказал взводу развернуться и уничтожить засаду. Бой длился несколько минут. Засада была разгромлена, и мы получили доступ к баррикаде. Вызванные сапёры очистили путь и разобрали следующую, четвёртую, баррикаду, находившуюся в трёхстах метрах от моста.

Танки двинулись вперёд. На шоссе Бух—Карров мы обнаружили свежие следы немецких машин. С утра был дождь, и отпечатки гусениц отчётливо виднелись на влажной земле. Мы тщательно рассмотрели следы и подсчитали, что машин было действительно до восемнадцати, как нас и предупреждали. Ясно было, что немцы оттягивают технику для укрепления обороны Берлина.

Мы продвигались далее по маршруту, встречая весьма слабое сопротивление. Кое-где появлялись снайперы и автоматчики, при нашем приближении они разбегались по окрестным садам и огородам.

В 18.30 мы достигли северо-западной окраины пригорода Карров. Здесь оказался концентрационный лагерь, в котором томилось до 2 000 советских и польских девушек. Немцы собирались эвакуировать их в глубь Германии, на юг. Мы подоспели во-время. Замысел фашистов был сорван, охранники лагеря были взяты в плен. Не успел бежать даже комендант лагеря, немецкий генерал. Пехотная разведка захватила его в последний момент, когда он в полной форме садился в автомобиль.

В 19.00 мы заняли станцию. Часть машин держала круговую оборону, остальные заправлялись горючим и боеприпасами.

Таким образом, задача, поставленная командованием на этот день, была полностью выполнена.

Утром следующего дня — 22 апреля в 5.00 — меня вызвал командир роты старший лейтенант Нуждин и сообщил, что мы придаёмся одному стрелковому полку, входим в состав штурмовой группы и что в данный момент стрелковый полк ведёт разведку боем.

В предместьях Берлина

Моросил дождь, слышались недалёкие раскаты артиллерийских залпов и трескотня пулемётов и автоматов.

В 6.45 наши танки были уже на исходных позициях для наступления на пригород Панков. Мы расставили машины на заранее намеченных местах, организовали охранение и наблюдение, произвели рекогносцировку в направлении атаки. Главная трудность заключалась в том, что залитые весенним цветом сады и парки этой дачной местности мешали наблюдению, совершенно скрывали цели. На расстоянии пятнадцати метров соседний танк не был виден. Его местонахождение можно было определить только по рёву мотора.

Немцы хорошо использовали эту естественную маскировку. Вражеская истребительная артиллерия, а также зенитная, расставленная для борьбы против танков, была сосредоточена на перекрёстках дорог, в аллеях, на улицах. Немецкие автоматчики, снайперы и фаустники расположились так, что могли подпускать наши танки и пехоту на близкое расстояние и стрелять, оставаясь невидимыми.

Мы пошли в атаку, ведя огонь с хода. Учитывая, что противник расставил свои огневые средства на перекрёстках, мы решили, что направление атаки должно быть прямолинейное. Ориентировались по местным предметам: по трубам заводов, столбам высоковольтной передачи и т. д.

В большинстве случаев танки находились в боевых порядках пехоты, успешно охотившейся за фаустниками, уничтожавшей их в подвалах, траншеях и разных укрытиях.

Перейдя железную дорогу, мы вышли на северную окраину пригорода Панков. Противник поспешно отступал, бросая машины с военным имуществом и артиллерию. Наши танки огнём и гусеницами давили пушки, машины, превращая их в груды железного хлама.

На перекрёстках центральных улиц Панкова немцы, испугавшись обхода танков, бросили десять зенитных и противотанковых пушек. Все они были заряжены и достались нам исправными. Расчёты пушек частично были уничтожены, частично взяты в плен, удрать никому не удалось.

Большую роль во взятии пригорода Панков сыграла наша авиация. С утра до позднего вечера в воздухе не смолкал гул самолётов. Группы самолётов, насчитывающие каждая до 50 машин, сменяли одна другую. Авиация противника отсутствовала в воздухе, появлялись лишь одиночные самолёты, патрулировавшие на большой высоте.

Итак, последний узел сопротивления немцев на пути к Берлину был нами взят. Мы вышли на северо-восточную окраину города.

*

Впереди горящие улицы

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

КАПИТАН

М. ТОЛКАЧЁВ

*

Рейд на автостраду

Ночью наш дивизион противотанковых пушек под командованием капитана Маринкевича погрузился на автомашины и двинулся в северо-западном направлении, в обход укреплений немцев. Нам предстояло скрытно выйти на автостраду, идущую от Берлина к северу, и держать её в своих руках до подхода пехоты.

Автострада имела для противника жизненное значение: она была одной из тех немногих коммуникаций, которые связывали полуокружённый Берлин с внешним миром.

До автострады было километров восемнадцать. Мы рассчитывали до рассвета преодолеть это расстояние. По данным нашей разведки мы знали, что у немцев в этих лесистых местах нет сплошной обороны, только заслоны и прикрытия.

Ехали мы по просёлочным дорогам с выключенными фарами и приглушёнными моторами. Все солдаты и офицеры были вооружены автоматами и гранатами, на автомашинах установлены ручные пулемёты. Я ехал на головной машине со взводом лейтенанта Календия, весёлого и храброго грузина. Этот взвод составлял разведывательный дозор. Ровно работали моторы. Наши вездеходки легко скользили по весенней грязи, уверенно преодолевали ухабы и колдобины. Сквозь темноту можно было различить густые ряды деревьев, мелкий кустарник. Мне вспомнилось недавнее прошлое: бои на Северо-Западном фронте. Там нас также окружал лес и на каждом шагу подстерегала опасность. Но тогда нам при-

ходилось тяжелей: не та была материальная часть, да и нехватало боевого опыта. Теперь же у нас превосходные пушки на механической тяге, а о людях и говорить нечего. Вот они: Жадан, Морозов, Жигалов, Нигматуллин, Косолапов, Кордюк, Лучко — ветераны батареи, прошедшие долгий путь войны, овладевшие артиллерийским делом так, как требовал от нас товарищ Сталин. Слегка покачиваясь, они спокойно сидят в машинах, сжимают в руках автоматы, готовые в любой момент вступить в бой.

Не проехали мы и часа, как натолкнулись на группу противника. Это был небольшой заслон, и мы без труда его опрокинули. Вскоре, когда я стал выдвигаться вперёд, чтобы разведать дорогу, моя машина была обстреляна из пулемёта. Немцы стреляли справа из глубины леса.

— Орудия к бою, пулемётчики — огонь! — подал я команду.

Сидевший с пулемётом сержант Морозов кубарем слетел с машины и, устроившись у пня, открыл огонь. К скороговорке его «дегтярёва» присоединились голоса других пулемётов. Лейтенант Календия носился среди пушек и торопил расчёты. Но номера и так работали проворно. Они развернули орудия в ту сторону, откуда строчили фашистские пулемёты, и по команде повели огонь.

Наша пушечная пальба сразу возымела действие: немцы притихли. Проезжая мимо немецких окопов, мы увидели десятка полтора трупов солдат в форме фольксштурма, брошенные и разбитые повозки.

После этого нам пришлось вступить в бой с более крупными силами противника. Немцы злобно огрызались, обстреливая дорогу с обеих сторон из пулемётов и артиллерии. Лесистая местность благоприятствовала им, затрудняла наши действия, лишала нас возможности маневрировать. Часть своих орудий мы установили вдоль дороги, а остальные оттянули на поляну, что находилась слева от дороги. Ночь была на исходе, и видимость стала улучшаться. По выстрелам наш командир дивизиона определил, что у противника в лесу замаскирован танк. Он сосредоточил огонь в том направлении, откуда бил танк, и несколькими залпами принудил его замолчать.

Задерживаться здесь нам нельзя было. Мы решили свернуть с лесной дороги влево и немного отклониться от заданного маршрута. Но гитлеровцы обнаружили наш манёвр. Как только мы выехали из леса, они открыли сильный пулемётный огонь, причём стрельба велась с той стороны, куда мы хотели двигаться. Наша колонна остановилась. Расчёту старшего сержанта Жадана было приказано уничтожить пулемёт. Расчёт отлично справился с этой задачей. Под обстрелом, на полном ходу он вырвался

вперёд метров на четыреста, установил орудие в кустарнике на высотке и открыл огонь по врагу. Немецкой пулей был ранен в руку наводчик Крашевильников. Но он не оставил своего боевого места. Несколькими выстрелами расчёт Жадана разделался с вражеским пулемётом. Наша колонна могла продолжать свой путь.

Уже совсем развиднелось, когда мы подошли к автостраде. Шёл дождь, и сквозь его сетку справа мы увидели высокие дома Берлина — начиналась его северная окраина. Над городом клубился дым. Мне кажется, что в ту минуту никто из нас не был спокоен. Об этом говорили возбуждённые лица бойцов. Все смотрели на Берлин. Но разглядывать его некогда было. Из леса по направлению к автостраде выходила колонна немцев. По команде капитана Маринкевича дивизион принял боевой порядок. Ещё минута, и первые снаряды полетели в сторону противника. Немцы обезумели от страха и метались, пытаясь спастись от нашего огня. Несомненно, они были озадачены нашим появлением. Десятки трупов немецких солдат устлали лесную опушку, то и дело вспыхивали бронетранспортёры, в щепки разлетались повозки.

Мы понимали, что противник не замедлит подтянуть сюда крупные силы, чтобы отбросить нас от автострады. Я поставил пулемётчиков на флангах батареи и между орудиями, всем бойцам велел иметь наготове автоматы и гранаты.

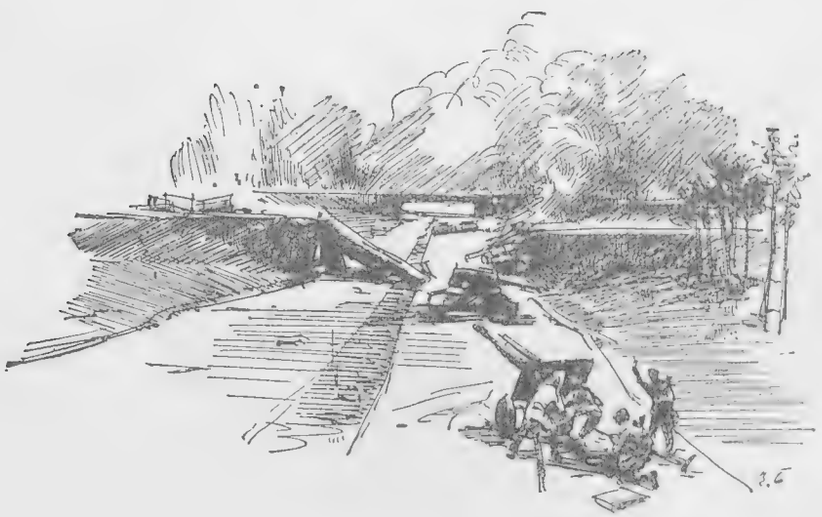
В полдень под прикрытием артиллерийского огня враг предпринял наступление на наши позиции. Моя батарея располагалась в непосредственной близости от автострады. Поэтому нам пришлось выдержать особенно яростный натиск немцев. Они двигались пригнувшись, отдельными группами. Их было до батальона. Как только немцы подошли метров на пятьсот, я скомандовал расчётам: «Огонь!». Огонь открыли пушки и пулемёты.

Было очевидно, что неприятель стремится проникнуть в стыки между батареями. Но все его попытки приблизиться к нашим огневым позициям терпели крах. Вражеские цепи таяли и вынуждены были повернуть назад.

Через полчаса немцы снова пошли в атаку. На этот раз пехота шла в сопровождении бронетранспортёров, с которых немцы стреляли из пулемётов. Теперь противник двигался более рассредоточенно, на широком фронте. Наши артиллеристы сделали паузу, а затем снова обрушились на противника всей силой своего огня. Нужно было видеть, с каким вдохновением работали номера у пушек. Залпы размеренно следовали один за другим. Вот загорелся один бронетранспортёр, другой,

подбитый, беспомощно остановился на месте. Но немцы наседали, стремясь обойти нас с флангов. Одной группе немцев удалось довольно близко подойти справа к нашей батарее. Я приказал расчёту Кордюка повернуть орудие на 90 градусов и ударить картечью, а сам прильнул к ручному пулемёту. Эта атака также закончилась для немцев провалом; оставляя убитых, они отошли на исходный рубеж.

Так удерживали мы в своих руках автостраду до подхода нашей пехоты.



ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

КАПИТАН

А. ЛЕБЕДЕВ

*

У ворот Берлина

22 апреля, преследуя противника, отступавшего в Берлин, мой батальон натолкнулся на заранее подготовленную гитлеровцами оборону у пробкового завода в районе Панков. Это уже пригороды Берлина. Передний край немцев, одним флангом примыкавший к каменным постройкам завода, проходил по густому, заросшему кустарником саду. Здесь просматривались только аллеи, — сойдёшь с аллеи, и в нескольких шагах ничего не видно. Как потом выяснилось, сад пересекали три противотанковых рва полного профиля и три линии траншей, обшитых тёсом. Немцы имели тут до батальона пехоты, батарею миномётов и две батареи тяжёлой артиллерии.

Когда мы натолкнулись в этом саду на противника, начало уже смеркаться. Батальон занял оборону метрах в двухстах от немцев.

В 7 часов утра я получил приказ перейти в наступление. Ближайшая задача — овладеть заводом, последующая — посёлком и станцией Панков. Мой батальон поддерживали дивизион лёгкой артиллерии, батарея 120-мм миномётов, семь танков «ИС» и четыре самоходки. Наступление началось в 9.30 после десятиминутного налёта из всех видов орудий. Танки пошли в одной линии с пехотой, даже немного сзади, так как из-за каждого куста можно было ожидать выстрела фаустника. Артиллерия должна была при подходе пехоты к передним траншеям немцев выдвинуться вперёд для стрельбы прямой наводкой по огневым точкам в глубине обороны противника. Но мы не знали, что здесь были противотан-

ковые рвы. Подойдя к ним, танки, а затем артиллерия сгрудились в аллеях. Я бросил на помощь им резервную роту. Бойцы забросали ров мебелью из соседних покинутых населением домов, разбитыми заборами, засыпали землёй. На это ушло минут тридцать. Тем временем 1-я рота под командой младшего лейтенанта Сумарокова, молодого офицера, только что прибывшего из училища, подошла уже ко второй линии траншей и начала гранатный бой. Когда вторая линия траншей была взята после ожесточённой рукопашной схватки, танки и артиллерия еще только переходили первые траншеи. Так было и в дальнейшем: вся тяжесть боя легла на пехоту. Она была уже у третьей линии траншей, а танки и артиллерия стояли, сгрудившись, перед второй линией, ожидая, пока расчёты и экипажи с помощью резервной роты завалят хламом и землёй второй противотанковый ров.

К 13 часам батальон прошёл с боем все линии траншей и вышел к станции. Артиллерия и танки стояли в это время перед третьим рвом.

У станции мы натолкнулись на новые неожиданные препятствия. Все железнодорожные пути были забиты вагонами с тёсом. Для того чтобы растолкать вагоны на переездах, надо было прежде всего сбить противника, занявшего оборону по ту сторону дороги и державшего её под огнём. Здесь батальон понёс большие потери. Пока боец пролезал под вагоном, он был прекрасной мишенью для немцев, — не успевал он спуститься к насыпи, как его поражала пуля.

Мы сбили немцев и тут, но для развития наступления мне пришлось ввести в бой резервную роту сразу, как только она растолкала вагоны у переезда и пропустила вперёд артиллерию и танки.

Было уже 3 часа дня, когда батальон подошёл к центру района Панков. За шесть часов мы прошли с непрерывным боем три километра пригородной местности.

Здесь было больше садов, огородов, пустырей, чем построек. А за железной дорогой начинался уже сплошной городской массив. За черепичными островерхими крышами небольших каменных домов поднимались стены многоэтажных домов. До центра Берлина оставалось несколько километров, но те препятствия, которые мы преодолели, казались пустяками в

сравнении с тем, что предстояло преодолеть в этом громадном, полуразрушенном городе. Я представлял себе все трудности уличных боёв в фашистском логове, но то, что ожидало нас на заваленных грудами битого кирпича улицах Берлина, нельзя было вообразить. Представьте себе на пустыре или в саду огромный четырёхугольник, мрачное, похожее на тюрьму здание в пять-шесть этажей, с железобетонными стенами толщиной в два с половиной метра, с окнами, закрытыми массивными броневыми плитами, с многочисленными прорезями бойниц. Это — приспособленное к обороне наземное бомбоубежище. Такие вот крепости в сочетании с полевой обороной в парках, с траншеями, проволочными заграждениями, надолбами или баррикадами на улицах составляли узлы сопротивления, запиравшие все входы в Берлин.

*

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

П. СИНЕЛЬНИКОВ

*

Первая ночь в Берлине

Это было в районе Панков. Моя батарея поддерживала стрелковый батальон. Батальон вырвался вперёд, и фланги его оказались открытыми. Воспользовавшись этим, немцы переулками и дворами пробрались ночью к нам в тыл. В это время как раз все три орудия только что снялись с огневой позиции и были в походном положении. Ожидая приказания, одно орудие стояло на большом дворе, окружённом трёхэтажными домами, а два — на перекрёстке улиц.

Артиллеристы, стоявшие на перекрёстке, услышали вдруг окрик: «Хальт!». В тот же момент младший сержант Нелюбов и красноармейцы Автайкин и Гапонов срезали из автоматов двух выскочивших из-за угла немцев. С другой стороны вдоль стены дома подбиралась к орудиям большая группа противника. Огнём из автоматов артиллеристы рассеяли эту группу. На мостовой и тротуаре возле наших орудий осталось пятнадцать немецких трупов. Но только я приказал командиру орудия, стоявшего во дворе, старшему сержанту Желобаю: «Галопом к железнодорожному мосту», как нас начали обстреливать фаустники. Один фаустпатрон разорвался в нескольких шагах от орудия Сачкова, побил лошадей. При взрыве Сачкова ударило по голове камнем, и он на моих глазах упал, сражённый насмерть. Из-за угла и из ворот соседнего дома с криком выскакивали немцы. Расчёт Сачкова, успевший снять орудие с передка, не разводя станины, дал по бегущим на нас немцам два выстрела осколочными снарядами. Это задержало противника на несколько минут. Потом

он опять с криком бросился на нас. Произошла рукопашная схватка. С нашей стороны в ней участвовало восемнадцать человек, немцев было в несколько раз больше. Мы пустили в ход всё ручное оружие, некоторые отбивались прикладами.

Не пойму, как это произошло: оглянувшись, я вдруг обнаружил, что стою на мостовой у пушки один, рядом труп Сачкова, вокруг стрельба, но людей не видно. Оказалось, как это часто бывало потом в Берлине, схватка, начавшаяся на улице, сама собой переместилась в подъезды и подвалы домов, так как люди инстинктивно жались к стенам. Я решил, что прежде всего мне надо добраться до орудия Желобая, который успел выскользнуть из окружения. Пришлось ползти вдоль домов, из которых стреляли. Пули в нескольких местах пробили одежду, но ни одна не задела меня. Орудие Желобая стояло под железнодорожным мостом в походном положении. Я приказал развернуться и открыть огонь по перекрёстку, чтобы не позволить противнику подойти к нашим пушкам, оставшимся там. После нескольких выстрелов два бойца пошли разведать положение; вернувшись, они сказали, что к пушкам можно подойти, что немцы отогнаны от них. Тогда я взял у Желобая ездовых с лошадьми и вместе с ними пошёл вывозить пушки. Когда мы благополучно вывезли одно за другим оба орудия, ко мне прибежал связной от командира части и передал его приказание вывезти одну пушку на соседний двор, чтобы оттуда вести огонь по улице. В этот двор въезд был через арку. Едва мы выкатили пушки из-под арки, как попали под огонь немцев, стрелявших с чердаков. Пришлось отбежать под арку.

Пушка осталась во дворе. Оставив у себя под аркой несколько человек, я послал всех остальных артиллеристов на второй и третий этажи, приказав им вести огонь по двору, не подпускать немцев к орудию. Из подвала и подъездов противоположного дома немцы несколько раз бросались к нашей пушке, но мы отбрасывали их гранатами и ружейным огнём. Вскоре с третьего этажа прибежал ко мне командир отделения разведчик Беляков и сказал, что у его бойцов вышли все патроны.

— Отбивайтесь чем попало, — приказал я.

На третьем этаже была разбитая стена. Разведчики стали забрасывать немцев, пытавшихся подобраться к пушке, кирпичами. У бойцов, стрелявших вместе со мной из-под арки, тоже было уже мало боеприпасов. Я послал бойца Гапонова на улицу поискать, нет ли где поблизости патронов. Он насобирал порядочно, принёс и опять побежал собирать. Так как борьба затягивалась, мы решили попробовать как-нибудь

Пушки расчищают путь

втащить пушку под арку. Красноармейцы сняли с трёх артиллерийских упряжек все постромки, связали их. Деменков и Горельский вызвались подползти к пушке и прикрепить постромки к хоботовой части. Под прикрытием огня остальных артиллеристов им удалось это сделать. Но когда стали подтягивать пушку под арку, сошник врезался в землю. Деменков и Горельский опять поползли. Они подняли сошник. Мы подтянули пушку ещё на несколько метров, и сошник снова упёрся в землю. Смельчакам ещё раз пришлось ползти к пушке под огнём немцев, стрелявших с чердаков и подвалов соседних домов. Наконец, удалось втянуть орудие под арку, поставить на огневую позицию. Артиллеристы бросились к снарядам, и всё пошло нормально.

Под утро батарея была переброшена в другой квартал. По пути, в саду у железнодорожного моста, мы похоронили своего первого павшего в боях за Берлин героя — старшего сержанта Сачкова. В батарее его все очень уважали. Он — ленинградец, начал воевать под своим родным городом, был тяжело ранен, выздоровел, снова пошёл воевать. Один артиллерист хорошо сказал про него: «Вот человек, который делает всё так, как надо, служит так, как положено». Все выступавшие на его могиле клялись доканать фашистов в их логове, водрузить над Берлином знамя Победы во славу Красной Армии и нашего Верховного Главнокомандующего товарища Сталина.

☆

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ГВАРДИИ ПОЛКОВНИК
А. ИГНАТЬЕВ

*

Красный флаг над Марцаном

Ночью 21 апреля наша часть подошла к восточной окраине Берлина — пригороду Марцану, превращённому немцами в крупный узел сопротивления. Когда мы были в полутора километрах от него, я вызвал командира приданного нам полка танков и приказал с ходу прорваться в Марцан. Три минуты спустя группа танков миновала боевые порядки нашей пехоты и рванулась вперёд по широкому асфальтовому шоссе. Почти тотчас же из Марцана на нас обрушилось множество снарядов. Наши танки продолжали было двигаться к Берлину, но очень скоро вражеский снаряд угодил в головную машину; вслед за ней загорелся и второй танк. Я решил не рисковать людьми и распорядился прекратить лобовое продвижение по шоссе, сосредоточить танки между каменных домов близлежащего посёлка и разведать окружные пути.

Две группы стрелков отправились в обход Марцана. Вскоре связной из группы, ушедшей налево, принёс донесение. В нём сообщалось, что с этой стороны Марцана проходит большой противотанковый ров, наполненный водой. Я решил ждать донесения второй группы. Оно не замедлило — справа обнаружена глубокая лощина, поросшая зеленью. Я отдал приказ, и в лощину двинулись стрелковые батальоны гвардии майоров Елсакова и Мойсеня. За ними вкатили в высокую зелень свои орудия расчёты дивизиона истребительной артиллерии. Чтобы отвлечь от них внимание противника, я приказал минометчикам и артиллеристам усилить огневую активность на участках, прилегающих к

главной дороге на Марцан. Хитрость удалась. Немцы решили, что основной удар по Марцану последует с шоссе, и стянули к нему все силы. Завязалась сильная стрельба. В жару перестрелки немцы не заметили (а может быть, не поняли) сигнала к решающей атаке — в небо взвился трассирующий снаряд, вслед за ним серия красных, зелёных и белых ракет. Минуту спустя батальон майора Елсакова, приблизившийся тем временем к самому Марцану и занявший исходное положение, поднялся в атаку. Ещё через несколько минут расчёт 76-мм орудия на механической тяге ворвался сквозь огонь противника на полном ходу в Марцан. Подразделения полка охватили этот пригород полукольцом и пошли широким фронтом, блокируя дома, где сидели гитлеровцы.

Над крайним домом Марцана сквозь дымные огни Берлина засветлело родное красное знамя. Это был первый наш флаг на восточных окраинах Берлина. Его водрузил младший сержант Анатолий Погребняк.

*

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
М. ДУКА

*

На лодках через Шпрее

После прорыва на Зееловских высотах меня вызвал командарм.

— С дивизией справитесь, Дука? — спросил меня генерал-полковник Чуйков.

Я вспомнил годы, когда руководил партизанским соединением, вспомнил учёбу в военной академии и почувствовал, что наступает самый ответственный момент в моей жизни.

— Справлюсь, товарищ командарм, — ответил я.

— Дивизия хорошая, сейчас взяла Мюнхеберг, надо пришять её на ходу и итти на Берлин, — сказал командарм. — Получи предписание. Ни пуха, ни пера.

Немедленно выехав в дивизию, я застал моих гвардейцев готовыми к бою. Здесь был последний рубеж немцев перед рекой Шпрее. Я вспомнил слова Александра Сергеевича Щербакова, сказанные им в докладе, посвящённом памяти Ленина: «Гитлеровцы досокращаются до того, что самая короткая линия фронта для немецкой армии будет проходить по реке Шпрее . . .»

На мой наблюдательный пункт, на чердак, привели нескольких пленных немцев. Один из них, офицер, бросился бежать. Его поймали и привели снова.

Мы узнали от пленных силы немцев и их расположение.

После хорошей артиллерийской подготовки гвардейцы стали продвигаться по лесу бегом и сбили врага с его последнего перед Шпрее

рубежа. У немцев началась паника. Мы шли вперёд сутки, обходили опорные пункты немцев, пересекли берлинскую кольцевую автостраду и вошли в юго-восточные пригороды Берлина.

Вечером гвардейцы ворвались на завод «Кодак». Я залез на чердак, гвардейцы мои заняли несколько этажей. В подвалах завода ещё находились немцы, человек триста.

На чердаке была установлена стереотруба. Я стал наблюдать. Впереди был Берлин, а совсем рядом выложенные камнем берега Шпрее, водная станция со спортивными гичками и байдарками. Лодочки лежали на берегу, вверх днищами. Сразу же созрело решение переправляться через Шпрее на этих спортивных лодочках. Я увидел два целых моста, но они находились не на нашем участке, и можно было только позавидовать соседям.

Ночь была лунная, по Шпрее ходили синие волны. Я собрал командиров полков. Мы с ними отправились на рекогносцировку. Нет, отправились, это слишком красиво сказано. Мы просто-напросто поползли на животах к домам, стоящим около Шпрее.

Форсирование Шпрее было назначено на 10 часов утра. Я пошёл в головной полк. Артподготовку мы вели лишь по западному берегу, несмотря на то, что немцы были ещё на восточном берегу. Мы боялись побить снарядами лодки, на которых предстояло переправляться.

На пути к реке было страшное побоище. Немцев полегло здесь столько, что негде было ступить.

Когда мы подошли к Шпрее, я сказал бойцам:

— Счастливого пути!

Вода кипела от пуль. В это время на берег выскочило несколько машин с пушками на прицепах. Это были наши противотанкисты, которыми командовал гвардии майор Репин. Репин сидел за рулём первой машины. Он развернул дивизион, подбежал ко мне.

— Куда стрелять, товарищ генерал?

Я показал на воду, которую секли пулемётные очереди.

Репин открыл огонь по домам, откуда били немецкие пулемёты.

Первыми через Шпрее переправились вплавь четыре бойца. Достигнув берега и уничтожив там два вражеских пулемётных расчёта, они закурили, и это промедление в бою стоило им жизни.

Вскоре на тот берег переправилось несколько батальонов. Но бойцы не продвигались — залегли. Это был очень опасный момент.

Я не мог удержаться, приказал дать мне лодку, сел вдвоём с командиром артиллерийского полка гвардии подполковником Зотовым. Мы оттолкнулись от берега и поплыли через Шпрее. По реке рвались снаряды, нас бросало на волнах. Две трети реки мы преодолели, в это время снаряд ударил совсем близко, лодка рассыпалась, и мы очутились в воде. Не знаю почему, вода показалась мне горячей. Я скинул шинель и поплыл. Плыть было трудно, вокруг падают снаряды, волна бьёт. Генеральская фуражка каким-то чудом удержалась на моей голове. Бойцы увидели её, и кто-то крикнул:

— Хлопцы, генерал плывёт!

Гвардейцы рванулись вперёд, и когда мы вылезли на берег, там уже никого не было. Передовые батальоны уже прошли вперёд.

Не успела с меня стечь вода, как пришлось принимать рапорт радиста:

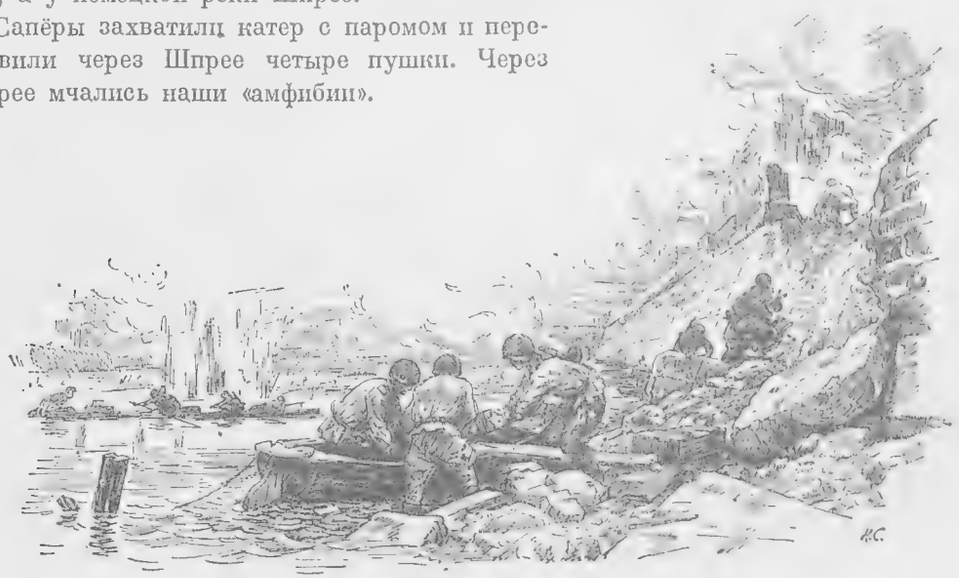
— Рация переправилась, связь с комкором есть.

Комкор передал мне по радио:

— Держитесь за плацдарм, расширяйте его.

После апрельского купанья было очень холодно. Развели на берегу костёр. Связисты набрали в котелок оглушённой снарядами рыбы, решили варить уху. Вспомнились партизанские деньки. Только сидели мы теперь не в русских лесах, не у русских рек, а у немецкой реки Шпрее.

Сапёры захватили катер с паромом и переправили через Шпрее четыре пушки. Через Шпрее мчались наши «амфибии».



ГВАРДИИ МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ
А. КЛИМКОВИЧ

*

Сапёры у баррикады

Вот, наконец, между развалинами разрушенных домов мелькнула голубая полоска воды. Шпрее! Последняя водная преграда на пути к победе.

Сапёр гвардии старший сержант Анатолий Логунов и его бойцы переправлялись с первыми пехотинцами. Приказ старшего командира гласил: «Центральная улица, по которой должны пройти наши танки, забаррикадирована немцами. Приказываю расчистить путь, разобрать баррикаду!».

Едва лодки наших воинов отчалили от берега, как одновременно с разных сторон заговорили огневые точки гитлеровцев. Казалось, гвардейцам не преодолеть этот сплошной огонь, становившийся с каждой минутой всё сильнее. Кругом кипела вода от пулемётных очередей. Рвавшиеся мины вздымали столбы водяной пыли. Из ближайших домов открыли огонь фаустники.

Но наши лодки двигались вперёд.

Всё ближе и ближе берег, сверкавший вспышками выстрелов. Вот уже до него осталось несколько метров. Старший сержант Логунов первым выскочил на набережную и, строча из своего автомата, бросился вперёд. За ним последовали остальные бойцы. Им удалось ворваться в один из домов и уничтожить его гарнизон.

Под огнём врага быстро наводились мосты. Одна за другой прибывали новые лодки, высаживались новые гвардейские подразделения и шли вперёд, очищая квартал за кварталом.

Штурм баррикады

Вот уже пройдена половина улицы, взята баррикада. Сапёры Логунова повесили автоматы за спину и приступили к работе. Вдруг из подвала углового дома застрочил пулемёт. К нему присоединилось несколько автоматов. Стреляли также из окон чердака. Пришлось залечь. А с того берега одна за другой неслись радиограммы: «Начинаем переправлять танки. Спешите!», «Быстрее обеспечивайте проход танкам!».

Старший сержант Логунов приказал продолжать работу, несмотря на огонь врага. Он посмотрел на гранаты, висевшие у него на поясе, и побежал к дому, где сидел пулемётчик.

Немцы заметили храброго воина и открыли по нему стрельбу. Гвардеец бежал, прижимаясь к стенам домов, падал и снова вскакивал.

Прошло всего несколько минут, но казалось, что часы прошли, пока Логунов преодолел последние метры улицы. Две гранаты полетели в окно подвала. Вражеский пулемёт замолк.

Ещё горячей закипела работа у сапёров. С чердака раздавались автоматные выстрелы, но на них никто не обращал внимания. Уже доносился гул моторов с нашего берега.

Вместе с сапёрами работал и их командир. Во время поединка с немецким пулемётчиком Логунов был ранен в ногу. Но надо было как можно быстрее разобрать баррикады, и старший сержант забыл о ране.

Проход был сделан во-время. Переправившиеся советские танки неудержимой лавиной устремились в него, ринулись вперёд по широкой улице, вперёд, к центру Берлина, к победе. А на их броне вместе с десантами автоматчиков сидели отважные сапёры гвардии старшего сержанта Логунова. Впереди было ещё много улиц и много баррикад.

*

ГВАРДИИ КАПИТАН

ИВАНИХИН

*

Первый залп по Берлину

Пройдены Зееловские высоты, позади остался Мюнхеберг. Мы стремительно движемся к Берлину...

На остановках бойцы спрыгивали с машин, нетерпеливо подбегали к табличкам и дорожным указателям, чтобы узнать, сколько осталось до города, и прикидывали, когда дивизион вступит в него. Никто не сомневался, что мы будем в Берлине. Стоял лишь вопрос — когда? Завтра или послезавтра? В те дни нам казалось, что сопротивление противника будет всё слабее и слабее. В воздухе уже не висело столько вражеских самолётов, куда реже стал артиллерийский огонь, всё чаще и покорнее подымали руки «тоталыные» фрицы в широченных шинелях и огромных пилотках, съезжающих на глаза.

По мере приближения к городу в полку завязывались споры: кто первым даст залп по вражескому логову. И, как водится, гвардейцы каждого дивизиона были уверены, что первыми дадут залп именно они. Вызывала опасение мысль, что другие полки могут опередить нас, но эту мысль отгоняла уверенность, что танкисты, которые шли впереди, нас не подведут, а мы от них не отстанем. У всех было приподнятое, праздничное настроение. Многие вспоминали битву под Сталинградом, славный путь, который прошёл полк с тех пор, вспоминали пророческие слова товарища Сталина и с гордостью говорили: «Вот и на нашей улице праздник!»

Наконец, на пути стали появляться первые дачные посёлки. Начина-

лись юго-восточные пригороды Берлина с их маленькими домиками и разбитыми на прусский лад садами. Возле домов стояли немки и немцы, подобострастно улыбавшиеся нам.

До Берлина оставалось не более 10—12 километров. Меня и моих людей стала мучить боязнь: не подошёл ли какой-нибудь из наших дивизионов раньше нас на дистанцию залпа. Но нет, все три дивизиона полка были примерно в одинаковом расстоянии от цели.

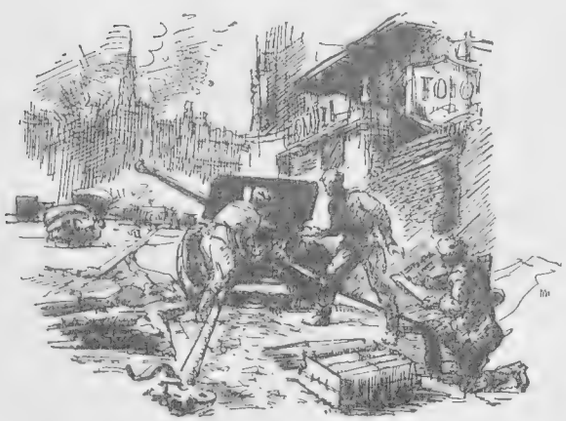
Перед вечером 22 апреля мы остановились в лесу у пригорода Берлина—Уленхорст. На улицах и площадях ещё шли горячие бои. Всю ночь гвардейцы Катукова выкуривали немецких фаустников и автоматчиков из подвалов и чердаков.

Утром в 8.00, когда дивизион был уже на северо-западной окраине Уленхорста, меня и командира 2-й батареи старшего лейтенанта Пастухова вызвал к себе командир дивизиона капитан Украинский. По какому-то необычному виду капитана мы сразу догадались, какое получим задание.

— Готовьте данные по Берлину! — сказал он. — Стрелять по Силезскому вокзалу. Огонь вести двумя установками: одна из вашей батареи и одна из второй. Залп дать ровно в 8.30... Ясно?

— Ясно, товарищ капитан! — в один голос ответили мы. — Разрешите выполнять?

Получив необходимые разъяснения, мы побежали на батареи сообщить радостную весть и готовить данные. Радость солдат была безгранична. Люди чуть не плясали. Каждый просил назначить на огневую позицию его орудие. Я выбрал первый расчёт командира орудия гвардии сержанта Донченко. Со своим орудием он отличился еще в боях под Белгородом, дал за это время свыше ста залпов и сохранил установку в исправности, хотя на её железном теле было много пробоин и царапин. Пастухов выделил для ведения огня расчёт старшего сержанта Силаева.



За десять минут до срока обе установки заняли огневые позиции. Противник вёл жестокий артиллерийский и минометный обстрел наших боевых порядков. Но данные для стрельбы уже готовы, командиры

батарей и огневых взводов заняли места в установках, чтобы лично вести огонь. Направляющие орудий с тяжёлыми минами устремились в сторону Силезского вокзала. Все замерли, следя за командиром дивизиона, который стоял тут же с часами в руках. Эти последние минуты были самыми томительными. Вражеский огонь становился всё более ожесточённым. Осколки снарядов бороздили воздух, но все смотрели только на своего командира и его часы. Вот он, не отрывая глаз от стрелки, расстёгивает кобуру, достаёт пистолет и подымает его вверх.

— По фашистскому логову, залпом... — громко звучит протяжная команда, — огонь!

Вместе с последним словом гремит пистолетный выстрел. «Катюши» грозно скрежещут, и в сторону немецкого вокзала уносятся огненно-дымные молнии тяжёлых реактивных снарядов...

— Ура!.. — радостно кричат солдаты.

Первый залп по Берлину дан!

*

СТАРШИНА
А. ВОЛКОВ

*

Баррикада под мостом

Это было, когда наш артиллерийский полк вступил на окраины Берлина.

Батарея поддерживала наступление танков.

Выводить на огневые позиции пушки на машинах было невозможно, потому что с фронта и флангов стреляли немецкие танки и фаустники. Я решил сломать забор и на руках катить орудие по двору. Через тридцать минут уже была выбрана огневая позиция в сарае. В стене был сделан пролом, так что наружу выглядывал только ствол. Отсюда можно было простреливать две улицы.

Поступил приказ двигаться вперёд. Танк, поддерживаемый моим орудием, пошёл, но уже у следующего дома в танк полетел фаустпатрон. К счастью, этот снаряд не причинил ему вреда. Я успел заметить, откуда бил фаустник, и, пока тот готовил второй выстрел, одним снарядом уничтожил немца. Мы заняли ещё один дом. Немецкие автоматчики и пулемёт, стрелявшие в упор из окон этого дома, также были уничтожены.

Продвинулись ещё метров на двести и были вынуждены остановиться, так как шоссе, вдоль которого мы наступали, уходило под железнодорожный мост, а под мостом была воздвигнута баррикада, из-за которой стреляла немецкая противотанковая пушка. Кроме того, оттуда били автоматчики и фаустники.

Это была первая баррикада, которую мы встретили в Берлине.

Снаряд моего орудия не пробивал её сорокасантиметровых брёвен. Тогда я решил подняться на железнодорожное полотно и действовать оттуда.

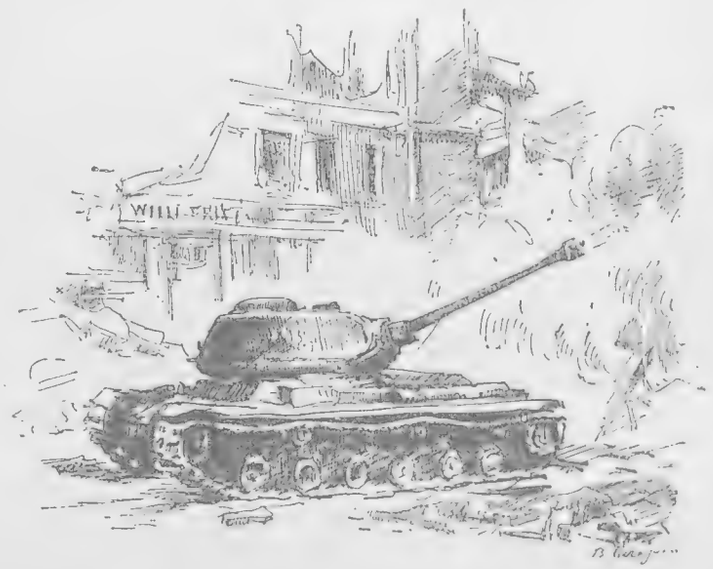
Через огород, через канаву мы покатили орудие на руках, но на полотно взобраться не удавалось: откуда-то бил немецкий снайпер. Надо было выследить, откуда же он стреляет. Несколько раз высунув каску, мы установили, что стреляет он из-за трубы, с крыши четырёхэтажного дома. Тут же, развернув орудие, я снял снайпера первым снарядом. Но полотно простреливали также и автоматчики, так что пушку нам пришлось катить стволом вперёд, прикрываясь от пуль щитком орудия.

Заряжающий стал готовить снаряды. Вдруг откуда-то сбоку застрочил автоматчик. Пришлось залечь, причём единственным укрытием были рельсы.

Хорошо, что лежать пришлось недолго. Танкисты сразу заметили автоматчика и сняли его выстрелом из орудия. Представилась возможность действовать. И надо сказать, что действовал наш расчёт молниеносно. Никого не пришлось торопить. Каждый отлично понимал, что промедлишь секунду — и останешься здесь, на полотне, навсегда. Пока пушку готовили к стрельбе, я обнаруживал цели: два фаустника, стрелявшие из щелей в баррикаде, крупнокалиберный пулемёт метрах в двухстах от баррикады, в подвале ближайшего дома, и один автоматчик на балконе этого же дома, время от времени дававший короткие очереди.

Я указал цели наводчику сержанту Чурикову и приказал уничтожить сначала фаустников, затем автоматчика, — ведь он каждую минуту мог подняться и обстрелять нас, — а затем уже бить по немецкому пулемёту, что в подвале.

Орудие открыло огонь. Действовали только наводчик и заряжающий сержант Куклин, остальные находились в укрытии. За две минуты были уничтожены все четыре цели, и я махнул танкистам пилоткой: «Вперёд!» Поддерживаемый моим орудием, танк двинулся дальше.



ГВАРДИИ СТАРШИНА

Г. ЧЁРНЕНЬКИЙ

*

У знамени

Кончился боевой день 21 апреля.

Командир полка Герой Советского Союза гвардии майор Кузов приказал покормить людей и быть настороже, так как противник находился в трёхстах метрах от нас.

Артиллерия вела редкий огонь. В штабе полка рассматривали карту, обсуждали результаты боя за истекший день и намечали план боя на завтра.

Настало 22 апреля. 7 часов утра. После ночной передышки все ждут приказа о наступлении. Улица, по которой мы должны продвигаться, забита обломками зданий, кирпич навален грудами. Посреди улицы длинной колонной стоят танки и прогревают моторы.

Гвардии майор Кузов спросил одного танкиста, зашедшего в штаб:

— Ну, танкист, готовы вы к продвижению?

— Так точно, готовы, товарищ гвардии майор... Только уж вы предупредите своих орлов, а то время сейчас — сами знаете...

— Что именно?

— А то, что, говорят, части генерала Кузнецова уже подходят. До рейхстага ведь не больше трёх километров осталось.

Командир полка усмехнулся и сказал:

— Понятно. Вы боитесь, как бы генерал Кузнецов нас не опередил... Что ж, бейте по точкам противника, как били вчера, а за моим народом остановки не будет!..

Мне не пришлось дослушать этот разговор. Гвардии ефрейтор Сердечный, который сидел у телефона, крикнул мне:

— Товарищ гвардии старшина Чёрненький, вас к телефону!

Взял я из рук Сердечного трубку и говорю:

— Слушаю.

У телефона был мой командир батальона гвардии майор Демиденко. Он приказал, чтобы связь командира полка с генералом работала, несмотря ни на какие трудности. Повторив приказание, я передал трубку телефонисту и направился в другую комнату.

В дверях встретился мне командир полка. И он о том же:

— Как связь?

— Связь имеется, товарищ гвардии майор, — докладываю.

А сам подумал: «Жаркое будет дело сегодня».

Командир полка прошёл к себе и сел с тремя офицерами завтракать.

Я ещё с полчаса наблюдал, как наши артиллеристы прямой наводкой били по тем домам, откуда немецкие снайперы стреляли по отдельным красноармейцам и офицерам, которые делали перебежки от двери к двери, чтобы поближе подобраться к противнику.

Вдруг слышу, что командира полка вызывают к телефону.

— Кто? — спрашивает гвардии майор Кузов на ходу.

— Генерал, — тихо отвечает связист.

Кузов взял трубку и сказал своим спокойным сипловатым голосом:

— Я вас слушаю, товарищ генерал.

Видимо, они сверили часы, потому что гвардии майор Кузов сказал:

— У меня девять часов.

Как я потом узнал, генерал объяснил майору задачу, стоящую перед полком. Генерал предупредил, что в 9.50 начнётся артподготовка и будет продолжаться до 10.00.

— Есть, товарищ генерал. Задача будет выполнена. Есть!

С этими словами он передал трубку, откашлялся и пошёл к столу кончать завтрак. За столом (это была пустая бочка, поставленная кверху дном), как ни в чём не бывало, продолжался оживлённый разговор.

Время шло. Майор Кузов окончил завтрак, закурил и подошёл к телефону.

9.45. Звонок. Связной берёт трубку и тут же докладывает гвардии майору:

— Генерал.

Кузов крепко затянулся папиросным дымком и взял трубку.

— Да, я готов, — ответил он, выслушав вопрос генерала.

Последние минуты на исходе.

И вот ударили «катюши», заговорила наша артиллерия, которая стояла у моста в 150—200 метрах от нас. Этот мост был переброшен через улицу; под ним и стояли наши пушки. В ту же минуту заревели моторы танков, тех самых, что были у нашего дома.

Командир полка подошёл к дверям и сказал:

— Ну, фрицы, держись! Мы начинаем.

Каждый, кто где мог, пристраивался, чтобы наблюдать за ходом боя и за вспышками от выстрелов из окон, где засели немцы — снайперы и фаустники.

Десять минут шёл громкий разговор артиллерии.

А в это время командир полка вызывал к телефону комбатов.

Он приказывал:

— В десять ноль-ноль — вперёд! В десять ноль-ноль — вперёд!

Артподготовка закончилась, и советское оружие сменило громовый голос на более частый и трескотливый.

Наши автоматчики перебежками двинулись вперёд по заваленной кирпичами улице.

Головной танк тронулся. Остальные закрыли люки и стали на месте поворачивать башни то вправо, то влево, приспосабливаясь вести огонь по домам, из окон которых стреляли немцы.

Вдруг передний танк остановился. Из него повалил дым. Это фаустпатрон угодил в цель. Танк горит. Три танкиста выскочили наружу и попадали у гусениц. Через пару минут двое поднялись, подбежали к дому и скрылись в дверях. Третий не подымается. Мы все увидели, что он шевелится и поводит руками. Это — водитель. Он обожжён. К нему подползли два пехотинца, взяли его и быстро переправили в дом.

Танк, стоявший у нас под окном, дал выстрел из пушки. Зазвенело в ушах и спёрло дыхание от пороховых газов.

Слышу крики «ура». Это наши автоматчики совместно с пехотинцами штурмуют угловой трёхэтажный дом.

Тут меня позвал мой помощник, гвардии старший сержант Целых.

— Товарищ командир взвода, — сказал он, — связи нет. Кому прикажете итти на линию?

Я его едва слышал от шума в ушах. Приказал итти Сердечному.

На одной из берлинских улиц

Гвардии ефрейтор Сердечный схватил аппарат, полкатушки кабеля и выбежал на улицу. При таком сильном движении танков можно угодить под гусеницу. Но Сердечный, не обращая внимания на свист пуль и минных осколков, применялся к движению танков; он перебегал от танка к танку, от дома к дому, пока не скрылся из виду.

А на улице не видно ничего, кроме танков «ИС», которые медленно продвигаются вперёд и стреляют из своих длинноствольных пушек, в частности, по дому, который стоит на углу улицы Хольцмаркштрассе и Маркусштрассе. За этот дом немцы яростно дерутся, в этом направлении ушёл Сердечный...

Телефон ожил. Связь восстановлена за десять минут. Время идёт, а Сердечного всё нет. Ну, думаю, погиб.

И в эту самую минуту слышу звонок. Схватил трубку и кричу:

— Жанр слушает!

— Это Жанр? — слышу в трубке.

— Да, Жанр.

— Я с линии. Ну как, связь есть?

— Есть! Приказываю пробираться ко мне.

Вдруг слышу, кто-то кричит:

— Командир взвода связи!

Оглядываюсь — командир полка. Подлетаю к нему и докладываю тоже во весь голос:

— Слушаю вас, товарищ гвардии майор!

Он мне говорит:

— Сейчас штаб полка должен перейти вон в тот дом. Туда надо дать связь. Но смотри — осторожно, с дома, что на передней улице, бьёт пулемёт.

— Да, — говорю, — вижу. Дело не шутейное. Но если надо, то будет выполнено. Целых! — крикнул я своему помощнику. — Приказываю дать связь вон в тот дом. Берите с собой две катушки кабеля и один аппарат, даю в помощь двух бойцов. Ввиду тяжёлой обстановки срок вам — сорок минут.

— Есть, — ответил гвардии старший сержант Целых и пошёл брать имущество связи.

Через пять минут, сгибаясь под тяжестью катушек, он выбежал за дверь. За ним следовали гвардии сержант Алексеев и Сердечный, который только что возвратился с задания.

Противник их заметил и дал очередь из пулемёта, которой ранило одного пехотинца, тоже делавшего перебежку. Ну, думаю, не решатся мои хлопцы дальше тянуть — и выбежал сам. Добрался до угла дома, где они остановились, вижу — Целых нет. Спрашиваю: где помкомвзвода? Мне говорят, что Целых ушёл на поиски обходного пути. Целых явился с неудачей — другого пути не оказалось.

Тогда я принял решение:

— Потянем прямо по дороге.

Целых взял катушку и пополз по кирпичам. Я с аппаратом последовал за ним.

Связь была наведена через сорок пять минут. За нами, также перебежками, пришёл гвардии майор Кузов, а за ним и весь штаб полка.

На этом месте штаб находился до следующего дня. Бой продолжался, не утихая, и всё время командир полка имел бесперебойную связь с командиром дивизии.

*

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
МАРШАЛ БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК
П. РЫБАЛКО

*

Удар с юга

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Я сидел в большом кабинете в квартире какого-то эсэсовского полковника. Его жена постучалась в дверь. Услужливо улыбаясь, она положила передо мной «Атлас командира РККА». Этим она, должно быть, хотела снискать моё расположение.

На книге была печать библиотеки Полтавского ДКА. Этот атлас похитил муж немки и привёз его в свой берлинский особняк как трофей.

Я невольно открыл лист с картой Германии и нашёл Берлин. Вот он, чёрный паук, который и на карте выглядит как паук, со всеми своими дорогами, автострадами и кладбищами.

Ещё когда мы подходили к Висле, на моём командном пункте висел план Большого Берлина. Я запоминал названия улиц германской столицы, расположение заводов, парков и площадей, изучал подступы к Берлину.

Никогда не забыть, как однажды маршал Конев, наклонившись ко мне, как бы по «секрету», тихонько сказал:

— Имей в виду, Берлин будем брать.

И я также «потихоньку» начал настраивать своих генералов, офицеров и солдат на мысль о том, что мы будем брать Берлин.

Правда, я думал, что нам придётся брать Берлин с востока. Оказалось иначе.

Когда мы вышли на исходные рубежи у реки Нейсе, стало ясно, что путь наш значительно южнее — на город Бранденбург.

Неужели все труды по изучению Берлина пропали даром? Признаюсь, хотя я отлично понимал, что и на этом направлении мы участвуем в Берлинской операции, это известие ошеломило меня. Но только на минуту. Так или иначе, я был уверен, что где-нибудь да «подвернут» нас к Берлину.

С первого дня операции все наши действия можно охарактеризовать одним словом — стремительность. На реке Нейсе танки прорывали вражескую оборону в боевых порядках пехоты. Мы не стали ждать, пока будут наведены переправы через реку. Танкисты тщательно задраили люки и пустили танки вброд. Никогда не забыть мне надписи на одном танке: «У меня заправка до самого Берлина».

В 3 ч. 10 м. 18 апреля, когда мы были в двух километрах от Шпрее и устремлялись на Бранденбург, я получил директиву от командующего фронтом форсировать Шпрее и развивать стремительное наступление в общем направлении Фетшау, Гальсек, Барут, Тельтов, южная окраина Берлина.

Итак — стремительно на Берлин! Как этот приказ окрылил нас!

Начался марш-манёвр частей 1-го Украинского фронта к Берлину.

Ночью 18 апреля по глухим лесным дорогам соединения вышли к реке Шпрее. Здесь противник ожидал нас меньше всего.

В районе Брензихен танкисты нащупали слабое место в обороне немцев. Через коридор, проделанный передовыми отрядами, на оперативный простор вырвались все танковые соединения. Сотни машин устремились к переправе. На реке Шпрее танковые соединения оторвались от пехоты.

Немцы не сумели занять подготовленной ими обороны на западном берегу Шпрее. Противник был упреждён.

Шпрее быстро осталась позади. И дальше события развивались с такой же стремительностью. Всё бралось с хода. Меня немного тревожило, что мы не встречаем серьёзного сопротивления. Сопротивлялись только небольшие гарнизоны. Создавалось впечатление, что где-то противник держит кулак, готовый к удару. Пленные давали нахальные показания. Некоторые из них так и говорили: «Ну, что ж, вы под Берлином, а мы тоже были под Москвой».

И поэтому, когда в Цоссенских болотах и лесах мы встретились с более серьёзным сопротивлением, это даже обрадовало меня.

Севернее Цоссена проходило внешнее кольцо обороны Берлина, прикрываемое многочисленными заграждениями — завалами, рвами,

минами. Цоссен имел расположенные вкруговую доты с очень сильными гарнизонами. Здесь находилась ставка верховного германского командования. Прогрызая десятикилометровую полосу цоссенских позиций, мы задержались на два дня. 22 апреля войска овладели Цоссеном.

Нам некогда было лазить тогда по подземным убежищам, в которых были расположены кабинеты гитлеровских генералов. Ставка Гитлера бежала, но мы надеялись на встречу в Берлине.

Мы шли вперёд в то время, как позади нас оставались ещё недобитые немецкие дивизии. Мы не боялись за наши коммуникации, так как знали, что высшим командованием приняты все меры для ликвидации этих недобитков. Фланги и тыл в продолжение всей операции были надёжно прикрыты.

Взятые в плен немецкие генералы признавались, что никто в Берлине не ожидал появления русских танков с юга, что оборона на южной окраине Берлина была занята немецкими частями лишь тогда, когда русские танки уже прорвались к Цоссену.

И здесь просчитался немецкий генштаб, недооценивший оперативных возможностей советских танковых соединений.

Манёвр больших масс советских танков спутал все карты немецкой обороны.

Пусть люди, которые мало знают нашу страну и не понимают природы советского человека, объясняя наши победы, говорят о чуде. Мы же, советские люди, знаем природу наших чудес. И чудесная стремительность наших войск в продвижении к Берлину имеет под собой крепкие и ясно ощутимые корни. Эту стремительность воспитала в нас партия Ленина — Сталина. Эта стремительность выковывалась в сражениях Отечественной войны от одного боя к другому. Эта стремительность была основана на высоком воинском мастерстве и на желании скорее закончить войну и уничтожить фашизм.

Мы — люди сталинского наступления.

Никогда за весь свой боевой путь во время Отечественной войны я не помню другого такого дружного, сокрушительного удара, как удар, который обрушился с юга на ошеломлённый Берлин.

Всё сделал противник, чтобы не пропустить нас через Тельтов-канал. Были взорваны тридцать мостов.

Тельтов-канал представлял собой огромный противотанковый ров, наполненный водой. Не только для танкистов, но и для пехотинцев этот канал был серьёзным препятствием.

Прорыв обороны немцев на Тельтов-канале — триумф взаимодействия всех родов войск. Вместе с танкистами и мотострелками дружно работали артиллеристы и славные лётчики.

24 апреля мой наблюдательный пункт на берегу Тельтов-канала посетил командующий фронтом маршал Конев.

Маршал поднялся на чердак шестиэтажного дома, с которого была видна южная часть Берлина. Но оказалось, что с моего наблюдательного пункта не всё было видно, что хотел видеть маршал. Мы перешли на наблюдательный пункт командира авиационного соединения генерал-майора Никишова. С плоской крыши открывалась огромная панорама. И лес Грюневальд, и Ботанический сад. А за ними — магистрали, застроенные многоэтажными домами.

Через груды развалин лезли танки. Немецкие солдаты, оборонявшие Тельтов-канал, были вооружены фаустпатронами. Фаустники сидели во всех щелях, подворотнях, подъездах... Но вместе с нашими танками шли автоматчики, снайперы. Они выковыривали и уничтожали фаустников. Воин с автоматом в руке рядом с танком — какую роль сыграл он в этих уличных боях!

Танки метр за метром углублялись в центр Берлина. Видно было, где затухал бой, где разгорался.

Генералы и офицеры, окружавшие маршала, смотрели с крыши на Берлин, окутанный дымом, на вспышки разрывов и огни пожарищ.

Командующий фронтом приказал выдвинуть вперёд тяжёлую артиллерию.

Всё двигалось вперёд, подпирая и содействуя друг другу.

Советские танки в Берлине! Разве это не классический ответ на крик немецкого генерала Гудериана: «Внимание, танки!»?

*

МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ
Н. ФАХРУТДИНОВ

*

На подходе к Тельтов-каналу

В Германии стояла весна. Горели леса, подожжённые немцами, и хлёсткий весенний ветер швырял в нас запахи гари и кипящей в огне смолы. Падали на шоссе обугленные ели. На лице оседали копоть и дым, и каждый метр дороги, каждый камень мы добывали кровью. В этот незабываемый день мы пришли к Берлину, чтобы взять его, чтобы победить. В этот день я радовался, как никогда. Несмотря на то, что в течение четырёх суток мы не отдыхали, я себя чувствовал бодрым и свежим, как в праздник. Не я один — все.

Вот мы выходим из леса. Командир миномётного дивизиона капитан Серый смотрит на часы, потом на карту и говорит:

— До пригорода три с половиной километра. А направо ещё ближе, всего восемьсот метров. Вон виднеется, это уже пригород Берлина — Лихтенраде.

Я стоял на крыле машины и смотрел вперёд. За леском виднелись длинные заводские трубы и редкие каменные дома, без окон, выкрашенные в жёлтую краску. Далеко направо впереди горели железнодорожные вагоны — от них в воздухе поднимался густой чёрный дым, сливавшийся с облаками. Лес, заводские трубы, жёлтые дома, пожар — всё это представляло знакомую картину, часто встречавшуюся на войне. Я совсем не думал, что это уже пригород Берлина. Когда капитан Серый сказал, что до Берлина всего восемьсот метров, я посмотрел на карту, чтобы самому удостовериться. Да, приблизительно так и есть. Мы идём с юга

на север. Вот она, опушка леса, полевая дорога. В трёхстах метрах от нас маленькое немецкое село Биркхольц. От Биркхольца до Лихтенраде 800—900 метров, через автостраду. Строго на север по автостраде три километра — и пригород Берлина — Марienфельде. Туда наш путь.

Заезжаем в село Биркхольц. Населения нет. Пусто. На улице валяются немецкие каски, шинели, ботинки. Все улицы усыпаны винтовочными патронами, повсюду разбросаны винтовки, гранаты, фаустпатроны. Через каждые сто метров дерево-земляные завалы с двухметровыми проходами, баррикады из наваленных телег, бричек, ящиков, молотилок, колёс, столов и стульев. Возле проходов баррикад лежат трупы немецких солдат, раздавленных гусеницами наших танков, прошедших здесь всего полчаса назад, — мы видим их свежие следы.

Этот маленький населённый пункт немцы собирались превратить в узел сопротивления. Вокруг села нарыты траншеи, окопы, сооружено множество дотов и дзотов. Внезапный удар наших танкистов ошеломил немцев, они убежали, оставив здесь всё, что ими было приготовлено для обороны, даже не успели закрыть проходы в завалах и баррикадах.

Воздух контролируют наши истребители. Они помахивают крылами, приветствуя нас.

Проехали Биркхольц. За нами — бесконечные колонны автомашин с пехотинцами, боеприпасами, горючим и продовольствием. Одни поворачивают вправо, на Лихтенраде, другие — влево, на Тельтов. Мы едем, не изменяя курса, — прямо на север. Дорога изрыта воронками от авиабомб.

Погода резко изменилась. Облака обложили небо. Стало пасмурно. Будет дождь, это нам на-руку.

— Нажми, товарищ, — говорит капитан Серый водителю, комсомольцу Кривенко.

Вот мы перешли первый мост, начали подниматься. Машина Кривенко быстрым рывком выскочила на бугор. Отсюда видны жёлтые и красные кирпичные дома с черепичными крышами.

— Это Берлин? — спрашивает сидящий в кузове красноармеец Киселёв.

— Да, это южный пригород Берлина, — говорит капитан Серый.

Видимость такая, что на первый взгляд ничего нельзя было различить, кроме домов. Мы знаем, что там немцы. Ещё в двадцати километрах к югу от Берлина капитан Серый получил маршрут и боевую задачу. У него на карте простым карандашом была нанесена большая чёрная точка — место остановки машины у этих домов.

Через 10—15 минут мы будем там. Но вот дома исчезают — перед нами сплошная мгла. Мелкие, тёплые, какие-то густые капли дождя обмывают наши лица и руки.

Капитан Серый наносит на карту вторую точку.

Не доезжая до окраины Мариенфельде, он поворачивает дивизион вправо с полевой дороги, чтобы, пользуясь дождём, через огороды и парники выйти к забору у отдельно стоявших домов — к новой точке, отмеченной на карте.

Кривенко добавил газ, и машина рванулась вперёд. За Кривенко следовал Роман Скалозуб на трофейном бронетранспортёре. За Романом ехала батарея старшего лейтенанта Петрова, за Петровым — батарея старшего лейтенанта Фазлыева и остальные.

Наше внезапное появление на огороде под сильным дождём ошеломило немцев. Подъезжая к забору, мы ожидали, что противник встретит нас здесь огнём, но никто не стрелял. Разведчик Баранов, вспоминая этот момент, говорит:

— Несколько секунд было даже скучно.

СОВЕТСКИЕ ТАНКИ В БЕРЛИНЕ

Немцы не успели повернуть стволы пулемётов против нас, как наши воины, на ходу спрыгнув с машин, начали крошить их гранатами и расстреливать из автоматов. Из правого крайнего дома выбежали трое, из левого дома — четверо немцев.

— Никуда не убежите — догоню, — громко крикнул разведчик Баранов и побежал наперерез немцам.

За ним побежали, стреляя по немцам из автоматов, наводчики красноармеец Забаров и младший сержант Голышев. Голышев догнал одного немца и сбил его с ног ударом приклада. Баранов, перерезав дорогу второму, заставил его поднять руки. Остальные немцы были перебиты.

Так были заняты два крайних дома в Мариенфельде.

Мы зашли в один из этих домов. Осмотрев комнаты, спустились в подвал. Здесь нас встретили две испуганные старые немки и немец с поднятыми вверх руками. Когда мы спросили, есть ли у них оружие, седой немец сухо ответил: «Нет», а немка с большим животом, хозяйка дома, стала клясться, что у них нет никакого оружия, что они не имеют ничего общего с военными. Служанка молчала. При проверке оказалось, что у этого арийца в кармане лежит пистолет, а под постелью — восемь гранат, два фаустпатрона, винтовка и патроны. Седой немец начал дрожать и сразу научился говорить по-русски:

— Не моё, Гитлер дал.

Стрельба на улице не прекращалась. Немецкие зенитки начали обстреливать Мариенфельде шрапнелью, к ним присоединились минометы и пушки. Мы вышли на улицу. К этому времени прошёл дождь, облака разошлись и скрылись куда-то далеко за большие дома, за заводские трубы.

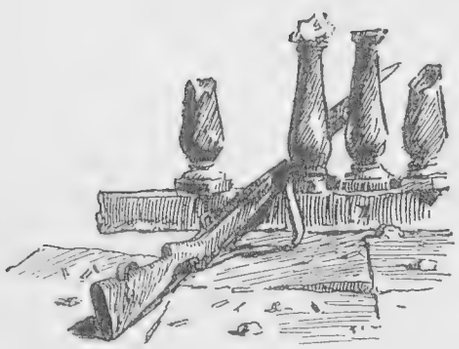
На нас смотрело заходящее солнце и поздравляло нас своими алыми лучами с вступлением в район Большого Берлина. Хотя только что прошёл дождь, в воздухе стоял запах пороха.

С писарем дивизиона сержантом Яновским мы отправились в соседний дом, в котором уже поместилось управление дивизиона. Дом весь разбит, без крыши, без потолка, в окнах нет даже рам. Кровати и другие домашние вещи — в подвале. На середине двора стоит маленький сарайчик, оборудованный под жильё. Немцы только что покинули его. В плите ещё не потух огонь. Здесь я нашёл свежие номера берлинской газеты. В газете напечатано вчерашнее выступление Геббельса по радио. Геббельс уверяет немцев, что они войну ещё не проиграли, призывает превратить каждый дом, каждую квартиру в очаг сопротивления и надеяться на божью милость.

С огневой позиции старший лейтенант Заремба сообщает: «Немцы контратакуют справа». Вскоре раздаются весёлые голоса: «Отбили», «Удирают».

К вечеру батарея Зарембы продвинулась на сто метров вперёд, встала на новые огневые позиции в очищенных немецких траншеях на правом фланге. На левом фланге батарея старшего лейтенанта Петрова подавила огневые точки немцев в монастыре, где последнее время был немецкий госпиталь. Батарея старшего лейтенанта Фазлыева тоже двинулась вперёд. Так были очищены первые кварталы Мариенфельде. В полночь в наших руках был достаточный плацдарм для дальнейшего штурма города.

«Мы движемся на Тельтов-канал. Немцы сопротивляются яростно, но ничего им не поможет. Напрасно машешь руками, психопат, брехун, безнадёжны твои дела, доктор Геббельс», — так записал я в своем дневнике 22 апреля 1945 года, в первый день боёв в самом Берлине.



КАПИТАН

М. СИНОЧКИН

*

Приказ — на Берлин

Приказ о манёвре артиллерийских частей к Берлину был получен, когда наши бригады вслед за пехотой торопились к Эльбе. Всё было в движении. Противник сопротивлялся слабо, и мы уже готовились к встрече с американцами и англичанами. Берлин оставался где-то в стороне.

Колонны обгоняли юркие штабные машины: «Стой! Пакет командиру бригады».

— Приказ — на Берлин! — решили красноармейцы, наблюдая, как шоферы разворачивают боевые машины на восток. Скоро уже все знали, почему развернулась колонна. Стихийно возникали митинги.

Марш-манёвр был начат. Навстречу общему потоку пришлось двигаться до Люккау. От Люккау на север маршрут проходил по местам недавних боёв гвардейцев-танкистов.

Убрали тенты с машин, проверили автоматы. Ехали настороже. И справа и слева тянулись леса Форст Барут, а в лесах было много блуждающих немцев.

Ночью, за Барутом, остановились. Короткий отдых. К утру в подразделениях артиллеристы читали свежий номер дивизионной газеты с лозунгом: «Вперёд, на Берлин!»

Снова тронулись в путь. В три ряда шла на Берлин могучая советская техника. Тракторные поезда с орудиями большой мощности двигались по обочинам. Их обгоняли лёгкие ЗИС-2 с миномётами на крюку. Сильные грузовики тащили гаубицы и тяжёлые миномёты.

Оперативные группы бригад, опередив свои колонны, уже вступили в контакт с танками генерал-полковника Рыбалко.

Танкисты ждали нашего огня для того, чтобы форсировать Тельтов-канал.

Сроков по сути не было. Всё нужно было делать немедленно.

За операции зимы и весны 1945 года наши штабы научились быстро организовывать работу подразделений при подготовке артиллерийского наступления. Иногда приходилось укладываться в три дня. Но тут не было дней, ни трёх, ни двух. Мы располагали всего-навсего двадцатью часами. За этот срок надо было оборудовать и занять боевые порядки, организовать наблюдение и разведку, спланировать артподготовку и наладить взаимодействие.

Пока командиры производили рекогносцировку, подходила материальная часть. На огневые позиции орудия ставились рядом с танками.

Наступила ночь. С упоением работали на огневых артиллеристы капитанов Гурьянова и Бендера. За пять часов были отрыты окопы полного профиля.

На КП в Тельтове составляется план, по которому утром тонны металла упадут на Берлин. В основу кладётся централизованный массированный огонь. Огонь направляется на военные объекты, узлы сопротивления, на перекрёстки улиц, станции метро и железные дороги.

К утру планирование дошло до расчётов.

Вот уже выложены и рассортированы боеприпасы согласно таблице огня. На снарядах и минах надписи: «По Берлину — за Ленинград!», «За Сталина!», «За Родину!».

Приготовления закончены.

— По Берлину — огонь! — скомандовал генерал-майор артиллерии Краснокутский, смотря на часы.

Было 10 часов утра 24 апреля. Сотни командиров повторили команду. Давно ждали этой команды солдаты, шедшие от Москвы, Волги, Ленинграда и Кавказа. Дождались!..

Снаряды прорезали воздух, пророкотали «катюши» — артподготовка началась.

Прямо в садах Тельтова и Рульсдорфа стояли пушки-гаубицы. Война достигла сердца Германии. Страшна была врагу её нарастающая поступь. Цивильные немцы растерянно и блудливо смотрели на наши орудия, что-то говорили друг другу, льстиво улыбались нашим бойцам:

«Штарк артиллерия», а артиллеристы, утирая пот с разгорячённого лица, отвечали: «То-то!»

Немецкое логово сотрясали залпы сталинской артиллерии. 85 минут артиллерийского огня достаточно было для того, чтобы мотопехота начала бой на северном берегу канала. Вместе со стрелками двигались офицеры-артиллеристы. По их сигналам массировался огонь. Три-четыре дивизиона орудий разного калибра, подчиняясь воле командира, обрушивали свой огонь на те кварталы, где противник еще сопротивлялся. Пока одни стреляли, другие подготавливали огонь.

Бой уходил дальше. Танки вышли на улицы Целендорфа и Лихтерфельде, к железной дороге Бранденбург—Берлин. Плацдарм был захвачен.

Первый день штурма подходил к концу. Через переправы бесконечным потоком шла артиллерия, догоняя танки. Минутные остановки — и в гуще битвы слышны неторопливые солдатские разговоры:

— А, пожалуй, Берлину от нас крепко досталось.

— Что и говорить!..

— А ты знаешь, как Сталин сказал: «Артиллерия — бог войны!».

Стягивались силы на плацдарм. В короткие ночные часы снова заводилась пружина наступления.

Утром опять в бой. Из рук в руки передаются листовки: «Мы в Берлине!», «Победа близка! Сильнее удары по врагу!».

*

ГВАРДИИ МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ

В. РОМАНОВ

*

На восходе солнца

На пути к Берлину наше стремительное наступление преградил Тельтов-канал.

Этот последний водный рубеж у врат своей столицы немцы особенно укрепили, они прикрывали его сильным огнём.

Каждый понимал, что исход Берлинской битвы решит исход всей войны, что дорог каждый час. Бойцы молча смотрели на северный берег Тельтов-канала, на большие каменные дома, откуда немцы били прямой наводкой из орудий, градом пуль и осколков усыпали южный берег.

Канал как канал и не очень широк, но течёт он уже в самом городе, в бетонированных берегах. Немцы взорвали все мосты через канал, а все подходы к нему заранее пристреляли.

И всё же мы знали, что этот канал задержит нас ненадолго, что в ближайший час будет наведена переправа.

Несмотря на усталость, как-то не спалось в эти апрельские ночи. У всех было приподнятое настроение. Ещё не было сказано, когда именно начнётся штурм, но уже всё было приготовлено к нему.

Мы заняли огневые позиции на юго-восточной окраине Рульсдорфа, в трёх километрах от канала.

На тёмных улицах пригорода стоял неумолкаемый гул моторов и лязг брони. Лучи прожектора что-то искали в небе, со всего размаха падали на город, как будто хотели одним ударом покончить с ним.

Ночью меня вызвал командир батареи капитан Кузнецов. Он передал приказание, которое я повторил с особой радостью.

Сегодня же при восходе солнца мы должны дать батарейный залп по минометной батарее противника, которая обстреливает подходы к каналу. Дорога на огневую простреливается, пробираться будем без света. Дистанция между машинами — 50 метров.

И вот настал этот час.

— По местам! Выводить!

— Моторы!

Расчёты быстро заняли боевые места, и машины с рёвом покинули укрытия.

Со снятыми чехлами «катюши» вихрем помчались к огневой позиции.

Приближался рассвет. В воздухе запахло сыростью и прохладой. Уже близок канал.

Мы мчались по дороге, обсаженной с обеих сторон деревьями. Тут же стояли танки. Пока они притаились.

Мы слышали, как приветствуют нас танкисты:

— Гвардейцы, успокойте их! — кричали нам.

Немцы то и дело обстреливали берег минами и снарядами — они разрывались совсем близко, но ничто не могло нас остановить.

На передовой машине был наш командир батареи.

Впереди кладбище. Около него, замедлив ход, остановилась первая машина. Комбат дал знак разворота, и мы поняли, что здесь-то и есть наша огневая.

Установки заряжались с какой-то особенной быстротой, как никогда быстро работали подъёмные механизмы, и 64 направляющих заняли полувертикальное положение. Командиры доложили о готовности орудий к стрельбе.

Капитан сам проверял наводку. Он быстро ходил от одного орудия к другому, исправляя ошибки.

С визгом пролетели три вражеские мины и разорвались метрах в тридцати от нас.

— Спокойно, спокойно, товарищи. Скоро замолкнут.

Первый луч солнца осветил огневую позицию. Впереди проговорила длинная очередь пулемёта. Снова пролетело несколько мин противника. Томительно шло время. Капитан несколько раз подносил часы к уху, прислушиваясь, не остановились ли они.

Но вот настал долгожданный миг. В 6 часов 30 минут утра раздалась команда:

— По немецким извергам... огонь!..

И словно брошенные одной рукой, множество огненных стрел вонзилось в небо. Началось. Всё кругом осветилось заревом.

Залп «катюш» послужил сигналом для артиллерийской канонады. Загрохотали советские пушки, тысячи снарядов разрывались за каналом. Всё заволокло дымом и пылью.

В воздухе появилась наша авиация, шли соединения штурмовиков и бомбардировщиков.

Со всех сторон было слышно:

— Ну, фрицы, теперь держитесь!

— Эх, братцы, дадим же по Берлину!

ПОСЛЕДНИЙ БРОСОК

ГВАРДИИ СЕРЖАНТ

И. ПАДОРИН

*

К победе

Наша часть, войдя в прорыв, преследовала отходившего противника. Под городом Миттенвальде и в самом городе нам пришлось ломать новый оборонительный рубеж немцев.

Здесь каждый дом был превращён в дот, улицы забаррикадированы, закрыты двойными заборами из толстых брёвен, между которыми насыпан камень.

В большом каменном здании засел противник. Отсюда вели огонь два пулемёта. Наши стрелки не могли продвигаться. Тогда нам, семи бойцам, во главе с младшим лейтенантом Красницким было приказано блокировать дом, уничтожить его гарнизон.

Мы ткнулись в одно, в другое место, не пройти: огонь. Пришлось попросить помощи у самоходки. Пушка развернулась, ударила, снаряд проломил каменный забор. Мы проникли через образовавшуюся пробоину и вышли немцам в тыл. Немцы вели огонь перед своим фронтом. Мы неожиданно ударили им в спину. Уничтожив оба пулемётных расчёта, мы перебрались в следующий дом. Вскоре этот дом окружила группа немцев, человек в двадцать пять. Пришлось занять круговую оборону у окон. Немцы, укрываясь за развалинами, стали подползать к дому. Они были совсем близко, но мы молчали, мы ожидали, пока они соберутся покучнее. Вдруг немцы закричали и бросились к дому. Один вскочил на окно и, швырнув в комнату к нам гранату, крикнул, коверкая русские слова: «Германия буде жиль!»

— А ты, собака, подохнешь! — ответил старшина Карогодский и, полоснув по фашисту автоматной очередью, сразил его наповал. В короткой схватке мы перебили до двадцати немцев, остальные бежали.

Миттенвальде взят. За чертой города на дорожном столбе значилось: «На Берлин. 28 км».

Вторые сутки лил дождь. Шинели набухли. Непрерывные бои, бессонные ночи измучили людей, но об отдыхе не было мысли. По автостраде в несколько рядов шли танки, самоходная артиллерия, машины, повозки, пехота. Всё, насколько хватало человеческого глаза, было запружено нашими войсками и нашей техникой; всё двигалось на Берлин, к победе.

Я вспомнил «Непокорённых» Горбатова, старого рабочего Тараса, и мне захотелось крикнуть: «Смотри, старый Тарас, как изменились времена!».

Низкая облачность ограничивала видимость, бойцам казалось, что до Берлина ещё далеко, и они ускоряли свой шаг.

Ночью мы подошли к Тельтов-каналу. Немцы взорвали все мосты через канал, пристреляли каждый метр ближних подступов, прибрежные улицы превратили в укреплённый оборонительный рубеж. По ту сторону высоко в небо врезалось огромное зарево горящего Берлина, отчего обрывистый берег бросал на воду чёрную тень и тем затруднял противнику наблюдение. Мы нащупали уцелевшую ферму разрушенного моста. Она опустилась под воду, но свободно выдерживала несколько человек. Нас укрывала тень берега, мы бесшумно перешли на ту сторону и ворвались в один из прибрежных домов. Гранатами и автоматным огнём мы перебили вражеских пулемётчиков, овладели первым этажом и сейчас же заняли здесь оборону.

Я с двумя товарищами стал у окна справа, левую сторону оборонял сержант Гайманов с двумя бойцами. Старший сержант Диденко, старший сержант Шабаянц, сержант Докучаев и младший сержант Савельев занялись вторым этажом, старший сержант Резниченко стал швырять гранаты в подвал.

За разрушенным домом укрылась группа немцев, обстреливавших переправу фаустпатронами. Когда мы сразили автоматными очередями двух из них, по нашему этажу враг открыл пулемётный огонь; одновременно немцы, находившиеся во втором этаже, бросили несколько гранат и с криком рванулись вниз по лестнице: тут они были встречены огнём автоматов и все перебиты.

Началась массовая переправа наших подразделений, и солдаты растекались по улицам, подобно тому как полая вода, прорвавшая плотину, заливает низины.

*

ГВАРДИИ СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

ЭДЕЛЕВ

*

Через канал

Густую синеву ночи лизали огненные языки пожарищ. Серые развалины зданий мрачно освещались пламенем. Там, за каналом, — Берлин...

Помню, сидели мы тогда у сгоревшей пристройки. Пепелище ещё дышало жаром. Синие огоньки гаснущих углей вздрагивали от лёгкого ветерка. Слышно было, как где-то рядом трещит черепица. Против меня, устроившись на кирпичах обвалившейся стены, полулежал пехотинец. Глаза его были прищурены. Он о чём-то думал и про себя улыбался, выпуская большие клубы табачного дыма.

— А что, товарищ лейтенант, правда, что наши были когда-то в Берлине? — ударяя палкой по дымящейся головешке, спросил сидевший тут же молодой красноармеец.

— Были, и мы будем, — ответил я.

Пехотинец, отмахиваясь от летевшего сверху пепла, приподнялся с кирпичей и громко заговорил:

— Завтра будем. Берлин, вот он — за каналом, я к нему от самой Москвы на своих ногах шёл. На Волге ранило, а я опять в строю. Да и махнул к самому Днепру. Тоже пускать не хотели, они не хотели, да мы хотели...

В густом тумане появилась бледная полоса зари, несколько красных ракет взметнулось в небо. В сторону канала ударили огненные стрелы. Земля задрожала от грома орудий.

Всколыхнулся туман, и над дымящимися развалинами домов поплыл пепел.

Ещё били орудия, когда на канале с крутого берега спускали тяжёлую плоскодонку.

— Эх, взяли...

— Ещё раз, взяли...

Лодка ползла вниз. Несколько человек стояли по пояс в холодной воде. Я и мои разведчики бросились на помощь. Упираясь руками изо всех сил в смолистый борт лодки, я стоял на коленях в жижице грязи и тоже кричал «взяли». Наша тяжёлая артиллерия продолжала свой поединок с дальнобойными орудиями врага. Этот труд под огнём казался священным. Вдруг незнакомый мне старший сержант покачнулся и упал на лодку.

— Ваня, Ваня, — позвал и тронул его за плечи высокий, худой сержант. — Немного не дожил.

Сержант выпрямился и повернулся лицом в сторону немцев. По его щекам катились крупные слёзы.

Наконец, лодку спустили на воду. Откуда-то появились доски и длинные шесты. Хватаясь за борта, бойцы полезли в лодку. Она тяжело оседала. При каждом неожиданном толчке казалось, что лодка зачерпнёт воды или перевернётся. Упираясь шестами в дно и загребая досками, двенадцать бойцов отвалили от берега и медленно поплыли в туман.

— Уходите с берега. Все, все. Вон наверху окопы, туда приказано, — кричал красноармеец комендантской службы.

Все медленно полезли по крутому берегу, провожая взглядом удаляющуюся лодку.

Я со своими разведчиками пошёл вдоль берега. Ноги тяжело вязли в топком иле.

Артиллерийский гул стихал. Утренняя заря бледнела в отсветах пожаров. Лодка была уже на середине канала. Её осыпал град пуль и осколков. Вода точно кипела кругом. Одни гребли, другие вели огонь прямо с лодки. С нашего берега кричали:

— Нажимай, нажимай!

— Ещё немного...

— Держись, хлопцы, держись...

Лодка всё ближе и ближе к тому берегу. Кто-то из сидевших в лодке выронил доску, которой грёб.

— Ранило...

— Ты что, ошалел, что ли, рот-то разинул, не видишь — немец, вон, вон! — закричал вдруг мой разведчик Бутусов и, выхватив у растерявше-

гося пехотинца ручной пулемёт, открыл огонь по тому берегу. Стреляя, он кричал:

— А... а... гады.

Мы не спускали глаз с лодки. Она была уже в нескольких метрах от того берега. Высокий сержант вдруг очутился по пояс в воде. Ему подали шест. Ещё кто-то выпрыгнул. Лодку притянули к берегу. Несколько человек потащили тяжёлый канат и закрепили его за ствол дерева. Другой конец каната был привязан на нашем берегу. Переправа была готова. Два бойца, быстро перебирая руками канат, уже гнали лодку обратно. Остальные же ползли по тому берегу Тельтов-канала. Видно было, как ливень пуль прижал к земле ползущих.

К нам подошёл майор, командир батальона.

— Зацепились — это главное, — сказал он, глядя на плотно прижавшихся к земле людей на том берегу.

Туман быстро рассеивался. Лучи утреннего солнца скользнули по воде. Гул почти стих. Всюду вдали полыхали пожары. Дым серыми клубками поднимался над громадами зданий.

На воду спустили вторую лодку. Переполненная людьми, она медленно отчалила от берега. За ней вторым рейсом плыла первая лодка.

Немцы ещё огрызались. Высокие столбы воды поднимались недалеко от лодок. Раненых осторожно укладывали на поперечные доски и, не замедляя движения, плыли дальше. У берега все быстро выскакивали, карабкались по насыпи, ползли, прижимаясь к земле. Теперь и на той стороне уже строчили наши пулемёты.

Пустые лодки причалили к нашему берегу. Мы бегом бросились к ним. Хотелось скорей перебраться через канал. Шестом оттолкнулись от берега. Лодка, покачиваясь, поползла вперёд. На середине канала прямо над головой что-то засвистело. Вода плеснула в лицо, и неприятно зажужжали осколки.

— Вот так душ!

Я оглянулся назад. Это говорил рыжеусый боец. Он утирал рукавом мокрое лицо и улыбался. Борт лодки пробило осколком. В отверстие хлынула вода. Мы быстро заткнули дыру пилотками и стали пригоршнями выплескивать из лодки мутноватую воду. До берега оставалось немного. Запели пули. Шлёпаясь в воду, они оставляли после себя расходящиеся круги. Один из бойцов быстро отдёрнул от каната руку, и по воде алыми кружочками поплыла кровь. Лодка ударилась о берег — все качнулись вперёд, с чувством облегчения выпрыгнули на землю. Прижимаясь к

земле, бойцы поползли вверх, а я сел, повернувшись лицом к каналу. Теперь можно считать — мы в Берлине.

Как-то сразу представился весь тяжёлый путь от Орла, широкий Днепр. И всё это далеко, далеко позади. Вспомнились друзья. Где они? Что с ними? Многих уже, наверное, нет в живых, а я здесь, в Берлине. Знала бы моя мать, что её сын вошёл в Берлин!

Причалила и другая лодка. На берег выпрыгнули связисты и разведчики. Тесно прижимаясь к нам, они ждали приказаний.

Я услышал голос командира нашей миномётной батареи.

— Телефон поставьте здесь. Скрипниченко, вы передавайте команды телефонисту.

Обращаясь ко мне, командир батареи сказал:

— Ну как, стрельнём?

Я поднялся, и мы, пригибаясь, полезли по крутой насыпи вверх.

Пули просвистели над головами. Пришлось лечь.

Справа и слева, прижавшись к земле, лежали бойцы. Немцы были где-то недалеко. Но куда вести огонь?

Я быстро вскочил, окинул взглядом впереди лежащую местность и камнем упал на землю. Десятки пуль пролетели мимо. Мгновенного взгляда было достаточно: противник — в окопах, метрах в восьмидесяти от нас.

Я приказал разведчикам Шишкину и Бутусову отползти в разные стороны и при разрывах мин на мгновенье вскакивать и смотреть, где появится дымок.

Подали команду. Мина зашуршала над головой. Шишкин крикнул:

— Плюс метров сто.

Полетела другая мина. Она со свистом упала где-то совсем рядом.

— Хорошо, — прокричали одновременно оба разведчика.

— Батарея, четыре мины. Беглый огонь!

Длинными показались секунды напряжённого ожидания. Засвистели мины. Одна, другая, и частые, частые взрывы. Дым смешался с землёй. Запахло порохом. От звона в ушах разламывалась голова. В висках застучала кровь.

— Даёшь Берлин. Ура... а... а... — закричал кто-то совсем рядом. — «За Родину, за Сталина!» — Все подхватили боевой клич и ринулись вперёд, в дым.

Наши бойцы врывались в траншеи, дрались врукопашную. Сапёры разминировали минные поля.

Метр за метром расширялись наши плацдармы на северном берегу, а тем временем через канал уже наводились мосты.

Немцы в панике выскакивали из окопов и, рассыпавшись по полю, бежали к домам. Кто не успел выскочить, поднимал вверх трясущиеся руки. Мы приказали немедленно вылезти оставшимся в окопах. Пожилой немец поспешил и, вылезая, окованным ботинком упёрся в окровавленную грудь раненого. Тот глухо застонал.

— Эх, собаки вы, а не люди, — сказал один из наших бойцов, плюнул и отвернулся.

Стрелки были уже у крайних домов. Оттуда доносилась автоматная перестрелка.

По мелкой ложбинке, пригибаясь от пуль, мы побежали вперёд.

— Смотри! Смотри!

У трубы высокого дома взметнулось широкое алое полотнище.

*

МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ
Р. ШАРИКОВ

*

Гордость

Артиллерия закончила обработку переднего края и перенесла огонь в глубину обороны противника. В это время поднялись и побежали вперёд наши автоматчики. Их встретили ружейно-пулемётным огнём уцелевшие в траншеях немцы. Автоматчики залегли на берегу канала. Они ожидали от нас поддержки.

Миномётчики не заставили себя ждать. Первая мина упала недалеко от цели. Маленький доворот, и немецкий пулемёт замолчал.

Наши разведчики открыли автоматный огонь из окон наблюдательного пункта. Это тоже помогло. Пехотинцы уже плыли в лодках через канал. Немцы выскакивали из траншей и бежали к куче брёвен, но и там они не могли укрыться от наших мин. Они побежали в сады, и здесь мины опередили их. Один немец вытащил белый платок и замахал над головой.

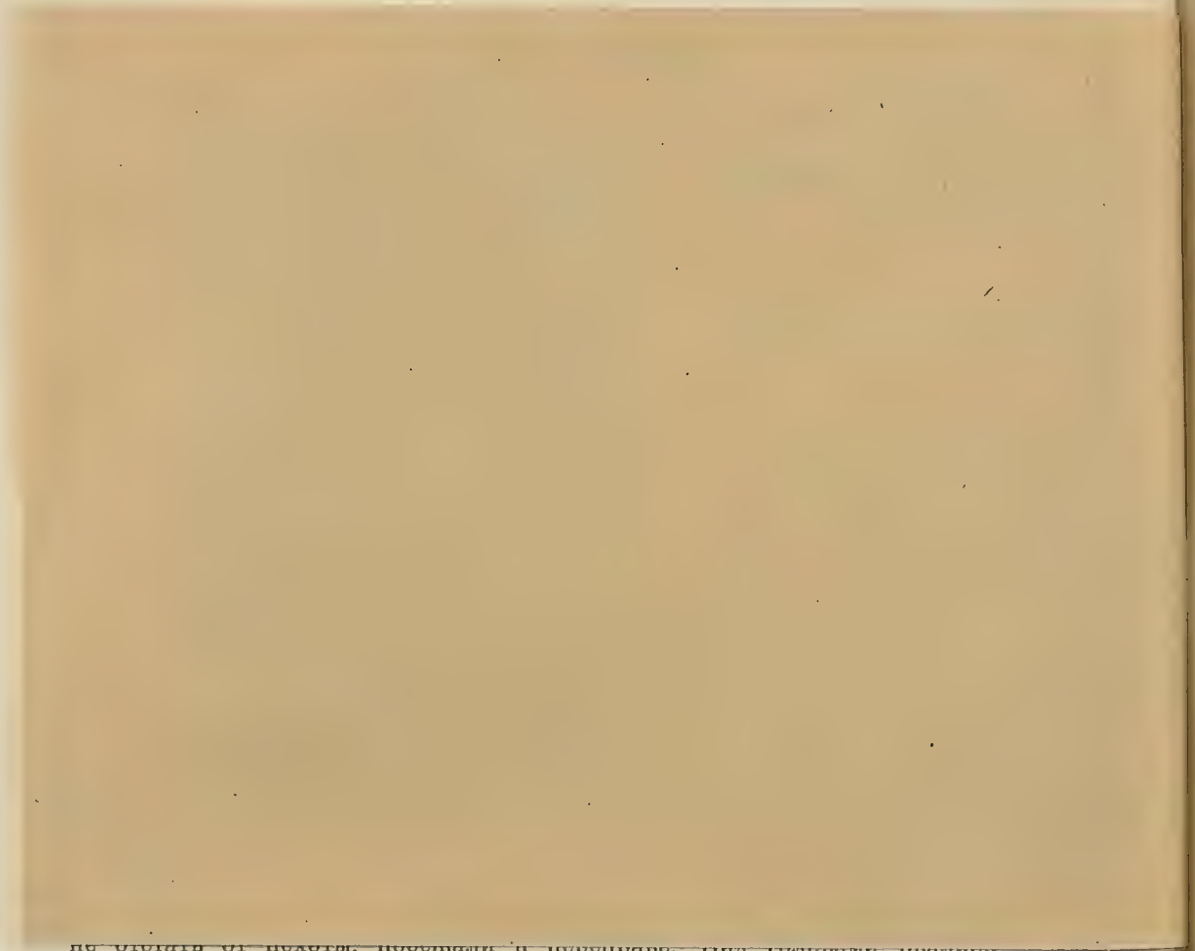
С криком «ура», пробежав через траншеи и сады, автоматчики ворвались в первые дома. Сапёры бросились наводить мосты. Мы, чтобы не отстать от пехоты, побежали к переправе. Над головами рвались бризантные снаряды противника. На это мы не обращали внимания. Каждый из нас знал, что впереди автоматчики, им нужна помощь. Карабкаясь по обломкам взорванного моста, взвод управления перелез через канал, но тут совершенно неожиданно нас встретили огнём уцелевшие немцы.

Немецкие танкисты не выдерживают

МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

Р. ШАРИКОВ

*



не отстать от пехоты, побежали к переправе. Над головами рвались бризантные снаряды противника. На это мы не обращали внимания. Каждый из нас знал, что впереди автоматчики, им нужна помощь. Карабкаясь по обломкам взорванного моста, взвод управления перелез через канал, но тут совершенно неожиданно нас встретили огнём уцелевшие немцы.

Немецкие танкисты не выдерживают

С разведчиками, красноармейцем Кучером и младшим сержантом Вагиным я побежал вперёд. Подбежав к бруствeру, мы залегли. Поддержанные нашим огнём, автоматчики уже давно дрались на улицах города, там, где-то впереди. Мы слышали голос боя. Этот голос звал нас вперёд, он призывал нас не отставать — автоматчикам нужна наша поддержка.

Младший сержант Вагин поднялся и бросился в окоп, за Вагиным бросились вперёд и мы. Немцы с искажёнными от ужаса лицами подняли руки вверх. Я вырвал у унтер-офицера пистолет, из которого он целился в меня.

Мы подоспели во-время. Наши автоматчики задержались перед завалом, из-за которого немцы стреляли из пулемётов и автоматов.

Быстрая команда по телефону — и наши мины уже рвутся за баррикадой.

Автоматчики бросились в атаку, и баррикада была взята.

...На огневых позициях все понимали величие этого дня. Старший на батарее взволнованно подавал команды, записывая их в своей карточке. Его восторженное волнение передавалось расчётам.

— Ну-ка, ещё одну пошли! — кричит установщик-красноармеец Величко, подавая снаряжённую мину заряжающему.

— По берлинским гадам! — командует младший лейтенант Дубовицкий, и расчёт громким «ура» провожает свои мины. На минах надписи: «Гитлеру от миномётчиков», «Геббельсу от 1-й батареи».

— Смотрите, как быстро наши продвигаются! — кричит командир расчёта сержант Мамедов. — Как быстро растёт прицел! Скоро уже не будем доставать.

— Так оно и должно быть, — отвечает сержант Федотов. — Не будем доставать — ближе подъедем.

— Отбой! — подаёт команду Дубовицкий.

Быстро прицеплены к машинам минометы, погружены боеприпасы. Под сильным огнём противника батарея подъезжает к переправе.

Одна за другой на полном газу автомашины с миномётами проскакивают мост.

Мне казалось, что сердце Берлина сжимается в судорогах, не выдерживая громовых ударов сталинской артиллерии. Да, я слышал стон Берлина. И меня охватила гордость за свою страну, за мой народ, за партию Ленина—Сталина. И скажу даже — гордость за мою батарею.

*

ГВАРДИИ СЕРЖАНТ

И. ЖУРАВЛЁВ

*

Штурм товарной станции

Кажется, нехватит сил выразить те чувства, которые пережили мы все, когда наша гвардейская механизированная бригада переправилась через Тельтов-канал по наведённому понтонёрами мосту и вступила в Берлин. Именно тут произошёл запечатлевшийся в моей памяти бой за товарную станцию. На этой станции сходилось очень много железнодорожных линий. Одна линия с крутой насыпью преграждала нам путь. С насыпи летели мины, оттуда же били длинными очередями немецкие пулемёты. Стоя в подъездах домов, мы проверяли оружие, пополнялись боеприпасами и ждали сигнала атаки. Понеслись огненные стрелы гвардейских миномётов, раздались оглушающие залпы нашей артиллерии.

— Артподготовка, — прошептал, обращаясь ко мне, гвардии младший лейтенант Шитяков, командир нашего взвода противотанковых ружей.

Я подумал, почему у нашего молодого командира такой голос, как будто он таится. Я смотрел туда, где кипели разрывы наших снарядов.

— О чем ты задумался? — спросил меня командир взвода.

— Об Урале, — сказал я. — Удивительно, смотришь на огонь и думаешь об Урале.

— Неправда, это ты себя обманываешь. Ты думаешь не об Урале, — сказал он и побежал к командиру роты, к которой был придан наш взвод.

Гвардии младший лейтенант Шитяков, вернувшись, коротенько объяснил нам задачу и сказал, что сигнал атаки — две белые ракеты. Всё

было ясно — и своя задача, и задача части. Оставалось только дождаться сигнала атаки. Под прикрытием артиллерийского огня мы приняли боевой порядок и, всем телом прижимаясь к кирпичной стенке разбитого недавней бомбардировкой дома, продолжали смотреть на кипевший впереди ад. «Вот ведь, где трудно, там всегда увидишь нашего комбрига гвардии полковника Гаврилова», подумал я. Он проходил вдоль стены и старался заглянуть в глаза каждому бойцу, чтобы узнать, как себя чувствуют боевые товарищи. И вдруг у меня возникла такая мысль: а ведь с нами не только комбриг, с нами и командарм, с нами и командующий фронтом, с нами и сам великий Сталин, все они сейчас думают о нас, о штурме Берлина.

— Сигнал, — сказал стоявший рядом со мной красноармеец Ловягин.

Взглянув вверх, я увидел две белые ракеты, с шипеньем улетавшие в сторону противника.

— Вперёд, орлы, за победу! — раздался голос комбрига, и его дружно подхватили все командиры.

С возгласом «За победу, за Сталина!» мы оторвались от стены и, именно как орлы, полетели к станции. Начались те минуты, которые отделяют жизнь от смерти.

Противник вёл сильный пулемётный огонь. Казалось бы, головы нельзя высунуть, но люди бежали вперёд, невзирая на огонь, падали, поднимались и снова бежали. Перед нами предстало одноэтажное кирпичное здание с выгрузной площадкой. На этом промежуточном рубеже мы на минуту задержались. Надо было нырять под горящие вагоны, в которых беспрерывно рвались боеприпасы. Иного пути для нас не было. За вагонами было видно паровозное депо и трёхэтажное здание, откуда вели огонь немецкие пулемётчики, державшие под обстрелом выгрузную площадку. Через эту площадку мы перебегали бросками по одному и мелкими группами проникли в депо. Я со своим отделением зашёл слева. Отсюда видно было, как из окон трёхэтажного дома бьют немецкие пулемёты. Указав расчётам цели, я приказал открыть огонь по этим окнам. Когда пулемёты замолкли, мы кинулись в депо и завязали там бой с немцами, которые вели огонь из-под колёс паровозов, с тендеров, из всех углов. Тут уже пришлось пустить в ход гранаты. Немцы не выдержали гранатного боя; преследуя их, мы вышли на противоположную сторону станции. Здесь к нам пришёл комбриг. Он поздравил нас с успешным боем и сказал:

— Станцию взяли. Скоро, орлы, и Берлин будет наш.

*

СТАРШИЙ СЕРЖАНТ
А. РАДЗЕЙОВСКИЙ

*

В танке № 376

Нас было четверо. Пятый, радист, после ранения ушёл в медсанбат.

Вечерело. Ветер и мелкие брызги дождя били в лицо.

Командир танка № 376 младший лейтенант Демышев спрыгнул с башни и отбежал в сторону, чтобы найти объезд. На дороге зияла огромная воронка от авиабомбы. Начинался Берлин.

— Ну что? Как там? — нетерпеливо спрашивали мы командира.

— Объезжать слева, — ответил он, рассчитывая провести танк между двумя толстыми стволами деревьев, поваленных на землю.

Я включил мотор. Танк послушно развернулся, и вслед за нами двинулись остальные машины разведки.

Впереди раскинулось поле, а слева тянулась дорога, зажатая с обеих сторон двухэтажными и трёхэтажными домами. Дорога вела в самый центр фашистской столицы.

Добавляю газа. Сквозь шум мотора слышу спокойный голос командира:

— Тут придётся проскочить метров восемьсот.

Машина набирает скорость. Где-то впереди блеснула вспышка, и мимо нас, со свистом, оставляя огненную трассу, пронёсся снаряд.

— Прямо пушка, — успел крикнуть я, но моё предупреждение оказалось лишним. Командир орудия старший сержант Василенко уже навёл своё орудие, и выстрел покрыл мои слова.

Машина неслась с бешеной скоростью. Пулемёт извергал снопы пуль, оставляющих разноцветные трассы.

Хотя был сумрак, но нам удалось разглядеть результаты выстрела Василенко: немецкая пушка лежала вверх колёсами, около неё чернели два трупа. Пулемётные очереди из нашего танка сыпались вправо и влево по окошкам подвалов.

Двигаться дальше нельзя было. Я замедлил ход и отвёл танк под защиту дома. Нужно было выяснить, что делается за углом.

Автоматчики спустились в подвалы; оттуда послышались выстрелы, взрывы гранат. Вскоре командир отделения автоматчиков Блин, улыбаясь, притащил трофейный фаустпатрон. Фаустника, пытавшегося подбить наш танк, он убил в рукопашной схватке.

Оказалось, что впереди на перекрёстке, кварталах в трёх от нас, немцы закопали танк. Мы решили проскочить улицу, площадь за ней и уничтожить вражескую машину, но в этот момент четыре взрыва раздались рядом. В приоткрытый люк ударил воздух с такой силой, что у меня с головы слетел шлем.

— Шашку! — крикнул командир танка.

Наощупь я схватил шашку и передал её заряжающему, сержанту Жукову. Через мгновение она зашипела, и клубы чёрного дыма заволокли машину. Мы имитировали горение танка.

В это время из дома, откуда стреляли фаустники, прибежал автоматчик и, задыхаясь от бега, сообщил:

— Наши на втором этаже, немцы на третьем и чердаке. Нужен огонь.

Башня повернулась, и три снаряда успокоили «жильцов» третьего этажа. По чердаку же ударил танк, следовавший за нами. Вскоре из окна высунулась белая тряпка — «жильцы» не выдержали и с поднятыми руками выскочили из дома.

Уже совсем стемнело, когда подошли наши главные силы. Улицу во всех направлениях пронизывали трассы снарядов. Бой разгорался.

Теперь наша задача заключалась в том, чтобы, оставаясь на месте, по вызову (сигнал ракетой) помогать пехоте и автоматчикам.

В это время из-за угла снова раздался выстрел. Гусеница рядом стоящего танка оказалась подбитой, но его экипаж развернул пушку в сторону выстрела и открыл огонь. Мы добавили. Два снаряда продырявили закопанный на перекрёстке немецкий танк.

Ради безопасности мы изменили место стоянки, так как по вспышкам выстрелов нас могли засечь.

— Вот и добрались до Берлина, — сказал мне заряжающий. — Тут им и конец.

Разведка

— Конец близок, да голенького и с поясном добавить придётся, — кто-то ответил ему.

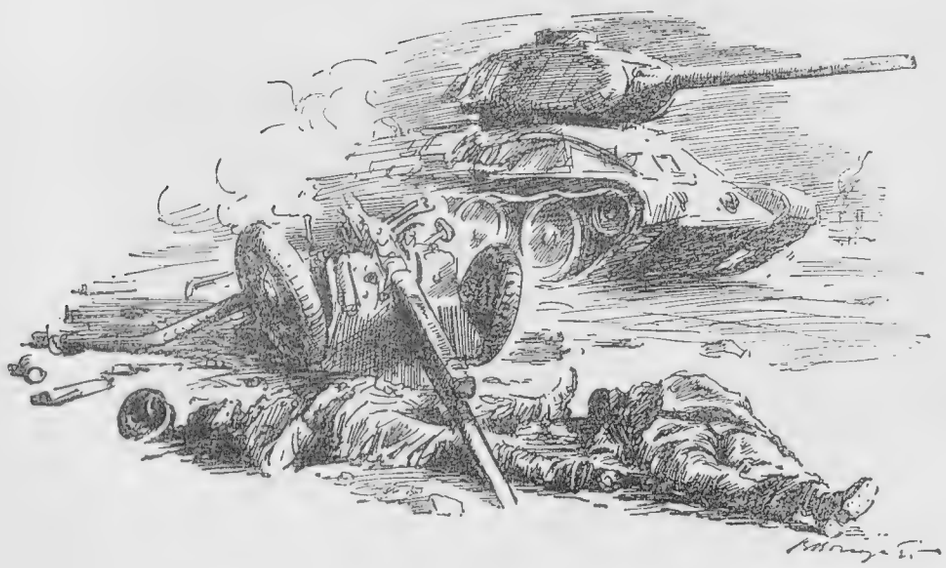
На языке танкистов «голенький» — это осколочный снаряд, а с «поясном» — бронебойный.

До рассвета осталось часа полтора.

Чуть начало сереть, мы завели машины и двинулись дальше.

И вот в тот момент с чердака какого-то дома фаустники открыли огонь. Наш танк загорелся. Я подал машину назад; товарищи принялись забрасывать пламя шинелями и одеялами. Дышать становилось всё труднее и труднее. На несколько мгновений я оторвался от рычагов управления и передал наверх огнетушители. В течение нескольких минут пламя удалось загасить, но мотор начал «чихать», так как горючее поступало плохо. Мотор заработал лишь после того, как питание его было переключено с кормового бака на бортовой.

Пока мы гасили пожар, остальные машины продвинулись вперёд метров на сто, и наше место сразу же занял другой танк.



МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ
В. ТАГАНЦЕВ

*

Встреча в тоннеле

23 апреля полк, в составе которого действовал наш батальон под командой гвардии капитана Волощука, прорвав глубоко эшелонированную оборону немцев на ближних подступах к Берлину, вступил в город. Здесь нам сразу пришлось разбиться на мелкие штурмовые группы, от трёх до десяти человек в каждой. Я был парторгом батальона, но тоже вошёл в одну из групп.

Моя группа в составе пяти человек одной из первых завязала с противником бой внутри Силезского вокзала. В первые дни боёв в Берлине сопротивление, которое мы встретили в Силезском вокзале, было, я бы сказал, самое сильное. Немцы засели в станционном здании, в окнах установили станковые пулемёты, на чердаках укрыли снайперов.

Я решил ворваться в это здание с тыла, через одно из окон, выходящих на перрон. Нырнув в окно, мы оказались в коридорчике, потом на лестнице, выводившей в комнаты, из которых немцы вели огонь по улице. В некоторых комнатах немцы оборонялись уже от наших бойцов, проникших в здание. Старший сержант Быковский загнал группу противника в крайнюю комнату. Они заперлись в ней. Быковский позвал меня на помощь. Я схватил топор с пожарной доски и стал взламывать дверь. Когда дверь была взломана, мы забросали немцев гранатами. В этой комнате оказалось двенадцать немцев. Ни один из неё не вышел. Покончив с ними, мы поспешили на помощь товарищам, дравшимся на третьем этаже. Я услышал, что в одной из комнат за железной дверью

строчит пулемёт. Попробовал взломать дверь, но она не поддавалась. Тогда я приказал своей группе остаться здесь и наблюдать, чтобы ни один из немцев не удрал, а сам спустился вниз, выскочил через окно, побежал на командный пункт майора Волощука и доложил ему, что требуется помощь артиллерии. Но замеченный мною пулемёт снаружи так хорошо замаскирован, что артиллеристы его не видят. Тогда майор Волощук берёт телефонную трубку и вызывает танкового командира. Не прошло и десяти минут, как подошёл танк «ИС». Я побежал показать танкистам место, откуда виден немецкий пулемёт. Вдруг меня оглушило. Это разорвался рядом с танком фаустпатрон. Я подумал: заметили, проклятые, и закричал во весь дух танкистам:

— Товарищи, видите на третьем этаже окно со шторой, там пулемёт.

Танкисты с первого выстрела сбили этот пулемёт.

После этого я бегом вернулся к своей группе и продолжал бой внутри здания. Мы ворвались в тоннель, по которому проходили рельсы узкоколейки. Света не было; преследуя немцев, мы освещали карманными фонариками рельсы, вагонетки, кабины лифтов и разные тёмные закоулки. В какой-то маленькой конурке горела тусклая лампочка. Когда мы приблизились, из этой конурки выглянули две молоденькие девушки. Не успел я подумать: до чего похожи на наших русских, как они закричали по-русски и бросились нас обнимать и целовать. Это, действительно, были русские девушки. Девушки сразу сказали, как их звать. Одну звали Рая, другую — Маруся. Они были угнаны немцами из Сталинградской области.

— Роднепькие, дождались вас, кончилась наша каторга, — говорили они со слезами на глазах и тащили нас куда-то.

Они обязательно хотели угостить нас пивом. Мы вошли в подземелье, оказавшееся рестораном. Немцы только что убежали отсюда. Выпив с девушками по кружке пива, мы попросили их быть нашими проводниками. Они пошли вперёд, показывая нам все подземные норы, в которых могли ещё скрываться гитлеровцы. Потом мы простились с этими девушками, поблагодарили их и обещали встретиться с ними на родине.

*

Штурм вокзала

Письмо санинструктора[1]

Наш самоходный артиллерийский полк наступал вместе с танкистами. Мы мчались вперёд, прижимаясь к горячей от солнца и стрельбы броне. О своём виде не буду говорить — вся пыль и грязь с гусениц летели на меня. С левого фланга противник открыл по нас огонь из нескольких пушек, но самоходки благополучно проскочили под огнём и, развернувшись, стали бить по пушкам противника. Противник открыл огонь и с правого фланга. Что тут делалось! Бойцов самоходчиков и танкистов много, а из медработников я одна. Раненые падали, и во всех концах раздавались голоса: «Нина, помоги, оттащи». Я совсем забыла, что и меня могут ранить, соскочив с брони, я забегала, стараясь скорее перевязать всех раненых и оттащить их в укрытие. Командование обдумывало, как удобнее и выгоднее провести манёвр. Если отходить назад, противник будет бить по жалюзи и бензобакам, а оставаться тут невозможно — две самоходки уже горели, я перевязывала обгорелых водителей. Принято было решение: отвести самоходки в сторону и зайти немцам в тыл. Легко раненных посадили на самоходки, а тяжело раненных оставили со мной. Другого выхода не было.

Я перетащила пятнадцать раненых в подвал одного сарая. Подбинтовала их. Делая уколы, я вспомнила, что самоходки ушли и со мной не

[1] Это письмо, полученное редакцией по почте, не имеет подписи. Вместо подписи автор сделал приписку: «Служу санинструктором в самоходном артполку, за участие в штурме Берлина награждена орденом Славы 3-й степени и медалью «За отвагу».

осталось ни одного здорового бойца, а противник в трёхстах метрах. Я подумала, что всё-таки надо вести наблюдение, взяла у одного танкиста бинокль и выбежала со своим автоматом из сарая. Напротив был какой-то блиндаж. Я не знала, есть ли там кто-нибудь, решила на всякий случай проверить. Что это был за момент, когда я спускалась в блиндаж! Сердце отчаянно билось и в голове — тысяча мыслей. А вдруг меня убьют, что тогда будет с ранеными? Они останутся одни, и их тоже убьют. Много передумала я в эти секунды. Но итти надо было. Опасности здесь не оказалось. В блиндаже прятались от обстрела три гражданских немца и две немки. При виде меня они подняли руки. Мне надо было только проверить, нет ли у них оружия. Проверила, ничего не нашла и побежала назад. Немецкий снайпер, наверно, меня уже раньше засёк. Когда я перебегала улицу, он стал бить из-за камня. До ранения я служила в пехоте, знала, как и где надо маскироваться, где пробежать, где упасть и пролежать минутки четыре, а потом бежать в противоположную сторону. Я сама была снайпером раньше, так что легко запутала этого снайпера. В общем добралась до подвала. У раненых всё было хорошо.

Я ждала, когда стемнеет и, пользуясь темнотой, к нам подойдёт санитарная машина. Маскируясь во дворе за сараем, я вела наблюдение за противником, который каждую минуту мог подойти сюда. Потом я забралась на крышу и наблюдала из-за трубы. По дороге недалеко от нас отступали немцы. Они бежали во весь рост, не пригибались, а мне не из чего было стрелять на такое расстояние — ни «максима» не было, ни «дегтярёва». Вдруг, вижу, справа, в тылу у меня, кто-то ползёт. Соскочила с крыши и притаилась, но, увидав, что это наш боец, подошла к нему. Это был пехотный разведчик с ручным пулемётом. Я стала просить его, чтобы он прогулялся очередью по дороге, которой отступали немцы. Он не соглашался, говорил, что у него специальное задание и ему нельзя отвлекаться на пустяки. Я вижу, что он напускает на себя чересчур много важности, и мне ужасно досадно, что немцы убегут. Я ему говорю:

— Тебя, солдат, девушка просит.

Тогда он согласился из вежливости. Установив в кустах пулемёт, он выпустил полдиска. Потом я сама легла к «дегтярёву». С 1943 года я не стреляла из пулемёта, занималась медициной на самоходках, но рука легла попрежнему, и пулемёт заработал. Все же полдиска «дегтярёва» — это же не лента «максима». Патронов больше не было. Каково

было мое положение — добыча живая уходила! Немцы залегли было, но когда я перестала стрелять, они опять побежали, правда, некоторые хромали, а некоторые остались лежать. Однако негодование моё ни к чему не привело. У меня всегда имелась под рукой граната, но на таком расстоянии она была бесполезна. Я принуждена была стоять, беспомощно опустив руки, и смотреть с крыши сарая, как немцы безнаказанно бегут по дороге. Одна у меня надежда была, что наши самоходки подвернутся им где-нибудь на пути. Так и вышло. Из леса раздались выстрелы, и я подпрыгнула от радости, увидев, как на дорогу вырвались наши танки и немцы заметались в панике.

Вернувшись к раненым, я напоила их, приласкала, успокоила, но сама я все-таки волновалась: а вдруг в суматохе забыли, что оставили меня здесь с ранеными, и не пришлют санитарной машины. Беспокоилась я ещё, что там бой идёт, а на самоходках «медицины» нет.

Когда стемнело, проходила мимо одна наша самоходка, после ремонта догонявшая полк. Я остановила её, связалась по рации с командованием, доложила, что санитарная машина ещё не пришла. Об этом сообщили полковнику, и он приказал немедленно послать за ранеными машину. После этого ждать долго не пришлось.

К утру я разыскала свой полк. Среди самоходок я снова почувствовала себя на месте. Здесь всё было в порядке.

Очень утомившись, так как не спала несколько ночей, я уснула в подвале одного дома на окраине Берлина. Меня разбудил связной. Он сказал, что самоходки уже ушли. Я быстро вскочила и побежала. Но куда бежать, в каком направлении? Улиц много. Я побежала по едва заметному на мостовой гусеничному следу. Бежала недолго, потом стала пробираться вдоль домов, чтобы не попасть под пули снайперов, которые стреляли из разных щелей. До самоходок было уже недалеко, надо было только перебежать улицу. Но как перебежать, если на третьем этаже углового дома засел какой-то поганый фриц с пулемётом? Я заметила, что там, где наши падают убитые или раненые, гражданские немцы свободно переходят улицу, и решила пойти на маленькую хитрость. У ворот валялась старая корзинка. Я положила в неё санитарную сумку, пилотку, сняла шинель, вывернула её наизнанку, накинула на себя, как плащ, взяла в руки палку и пошла через улицу медленно, по-старушечьи. Наши товарищи, стоявшие за домами, наблюдали за мной с напряжённым вниманием. Я сама много пережила, пока шла, мысли кружились в голове. Но всё обошлось хорошо. Фриц принял меня за свою: не выпустил ни

Участница боёв за Берлин, санинструктор, старшина Мотя Нечипорчукова, кавалер трех орденов Славы. Раненые бойцы любовно называли ее «ласковые руки».

одной пули. Приняв снова боевой вид, я побежала к самоходкам. Первым я встретила механика-водителя, высматривавшего место, где бы поставить машину, чтобы бить и не быть подбитым. Только я подошла к нему и спросила, есть ли раненые, как рядом разорвался снаряд. Я почувствовала, что меня крепко ударило по ноге. Прижавшись к гусенице машины, потрогала ногу — нет ли крови, но, увидев, что другие нуждаются в медицинской помощи, я подумала, что моё ранение в сравнении с другими — ерунда, и не стала возиться с перевязкой. Сгоряча я чувствовала себя ничего. Забравшись в самоходку, в боевое отделение, я вытаскивала осколки у водителя. Но и у меня кровь все-таки бежала по ноге. Перевязав водителя, я решила перевязать и себя. Но не успела — опять разорвался снаряд, и опять потребовалась медицинская помощь. Выбравшись из самоходки, я едва ступала на ногу, больно — хоть кричи. Вдруг, вижу, другая самоходка разворачивается, а под самоходкой лежит наш раненый. Меня охватил ужас, я подумала, что раненого задавят. Боль в ноге сразу прошла, я не подбежала, а подлетела к самоходке и замахала руками, так как стоял страшный гул и моего голоса никто бы не услышал. Ничего не произошло, самоходка проехала, не задев раненого. Я подхватила его и перетащила в подъезд одного дома. В это время прибыла санитарная машина с врачом. Врач занялся ранеными, а я села в подъезде и стала лечить себя. Врач спросил, что я делаю. Я сказала, что вытаскиваю из ноги осколки, которые видно. Он спросил: «А которые не видно?» и приказал ехать в медсанбат. Мне помогли сесть в кабину. Доехала до медсанбата. Там было много раненых. Ждать мне было некогда. Я поехала назад, решила лечить себя сама. Вид у меня был жуткий, вся в крови, в пыли, но звёздочка на пилотке и партбилет в кармане давали мне знать, что все трудности, лишения и невзгоды я переношу не одна.

Вот и вся эта коротенькая история, самая обычная в Берлине, — миллионная доля, может быть, всего штурма.

*

ЕФРЕЙТОР

Я. НОРЕЦКО

*

На мосту

Место, где нам надо было ставить переправу через первый канал, сильно простреливалось немцами. Под ураганным огнём противника сделали бросок к берегу около взорванного моста. С исключительной скоростью мы выгрузили лодки и принялись за работу.

Каждый сапёр знал, что тысячи советских бойцов ждут переправы. Мы понимали, что от нас много зависит и решили закончить переправу в заданный срок, не обращая внимания ни на какие трудности и обстрел. Сапёры, которые работали вместе со мной, смотрели смерти прямо в глаза, они не жалели крови и жизни, зная, что завоёвывают счастливую жизнь нашему поколению. Комбат майор Чернышёв, Виктор Сергеевич, наш отец, наблюдавший за работой, всё говорил нам:

— Дорогие друзья, вы как львы, большая вам за это благодарность.

Когда мы окончили переправу, когда прошли первые орудийные и миномётные расчеты, наши сердца затрепетали от счастья.

С радостью смотрел наш геройский комбат, как шли пушки и машины. Как любовался он переправляющимися войсками!

Хотя переправа была закончена, хотя наши войска хлынули на тот берег, немецкий обстрел не прекращался.

Вражеский снаряд разорвался у здания, возле которого стоял Виктор Сергеевич Чернышёв. Его ранило смертельно осколком в бок, и он в тот же день скончался в госпитале.

Он был всегда с нами в самом пекле. Под его боевым руководством наш батальон немало сделал для победы, стал Краснознамённым, награждён был орденом Александра Невского, получил семь благодарностей нашего Верховного Главнокомандующего товарища Сталина и наименование «Лодзинский», а теперь, после смерти комбата, — ещё и «Берлинский».

Когда мы прощались с телом нашего командира, никто из нас не мог удержать слезу. «Редко встретишь, чтобы молодой человек был так всесторонне развит, как наш комбат», — говорили товарищи над его гробом, — и это правда. Говорил заместитель по политчасти и не закончил, махнул рукой и заплакал, как ребёнок. Выступил наш парторг, мужественный воин, а и у него слеза поглотила прощальное слово. Да, любили мы своего командира, и сейчас мы свято чтим память его. Дали мы прощальный салют, и машина с телом командира ушла.

Мы стали продвигаться к центру Берлина.

И только на втором канале немцам удалось на некоторое время приостановить наше продвижение.

Через канал было четыре моста. Три были взорваны, а четвёртый уцелел. Это был большой и широкий мост с двумя колеями железнодорожного пути. Не успев его подорвать, немцы стянули к нему массу всяких войск.

Первыми промчались по мосту наши танкисты. Их встретили градом снарядов, мин и фаустов. Два наших танка загорелись. Но танкисты пошли напролом.

Двинулись по мосту и орудийные расчёты. Немцам удалось прямым попаданием фаустпатрона подбить одну из наших пушек как раз посредине моста. Убиты были два бойца из орудийного расчёта и две лошади. Это орудие с лошадьми перегородило дорогу и приостановило продвижение войск, которым во что бы то ни стало следовало итти на помощь переправившимся частям и танкистам.

Мы получили приказ, как можно быстрее сбросить с моста разбитую пушку с лошадьми. Трудность была в том, что обе стороны моста были огорожены перилами, сантиметров в тридцать вышиной. Через эти перила и надо было перебросить пушку.

Часть сапёров под огнём всех родов оружия бросилась к пушке, часть — к лошадям.

Я оказался у пушки. Нас было четверо, кроме меня — старший сержант Донсков, младший сержант Ломонцов и ефрейтор Еременко Ваня. Двое взялись за щит, а мы с Донсковым — за хвостовую часть орудия.

Забыл сказать, что уже давно стемнело; мы и заметили, что ночь наступила, лишь потому, что вокруг нас засвистели светящиеся пули. Откуда только сила взялась! Мы схватили пушку и подняли на перила. Фаустпатрон взорвался метрах в семи от нас, и мы на секунду приземлились. Андрей Донсков и говорит мне:

— Ну, Яша, мы почти выполнили задание, ещё секунда — и пушка полетит!

И скомандовал:

— Взяли... разом!

Но в это мгновенье вражеская пуля угодила ему в спину, в позвоночник. Я было подхватил его, чтобы унести, но он рванулся от меня и закричал:

— Ребята, дорогие, бросьте вы меня и кончайте задание, ведь мне всё равно не жить!

Пушку мы тогда сбросили единым махом — она и так уже качалась, повиснув на перилах. Я сейчас же взвалил нашего дорогого товарища себе на спину и с помощью бойцов вынес его из-под обстрела. У меня самого была прострелена нога ниже колена, моему напарнику немцы прострелили руку. Когда мы сошли с моста, наши рубахи были мокры, как от дождя. Тут мы увидели, что тысячи бойцов ждали нас и следили за каждым нашим движением, как будто от нас зависела их судьба.

Хочу ещё помянуть добрым словом Андрея Донскова, товарища моего. Только успели донести мы его до санбата, как он умер. Наши сердца хранят память о нём. Геройский друг наш был награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, Славы 3-й степени, медалью «За отвагу» и значками «Отличный сапёр» и «Отличный минёр».

Пусть наши советские дети узнают, как их отцы и старшие братья сражались в Берлине за нашу Родину, за нашего Сталина. Можно бы ещё много описать — и то, как наши «катюши» опалили небо на той стороне последнего канала и как рухнули стены больших зданий, откуда строчили немецкие пулемёты, но я очень разволновался, пишу от всего сердца и никогда ещё столько не писал.

*

Из дневников и писем

23 апреля

Кто на лодке, а кто по разбитому мосту перебирался на ту сторону Тельтов-канала, чтобы скорей там зацепиться. Поплыли и мы в лодке. Уже многие бойцы переправились на тот берег и забрасывали немецкие траншеи гранатами.

Выскочил и я из лодки и вижу у ног своих вырытый немцами окоп. Я прыгнул в этот окоп и прямо на немца попал. Я сижу на нём, а он руки кверху тянет и всё бормочет по-своему: «Русс солдат гут, Гитлер капут». Мне даже смешно стало.

— Конечно, капут, когда я уж сижу на тебе, — сказал я ему в ответ.

Гвардии рядовой А. ИЗМАН

*

Мост через Тельтов-канал выдерживал 16 тонн, гаубица и трактор весят более 25 тонн. Дело рискованное, но медлить было нельзя.

Первым на переправу пошёл тракторист Авдеев. Брёвна и железные рельсы под тяжестью гнулись до самой воды. Вода хлестала выше настила на 20—25 сантиметров. Несмотря на это, полк быстро переправился на северный берег канала и с хода занял боевые порядки на том берегу. Через час после занятия боевых порядков орудия большой мощности были готовы к ведению огня по рейхстагу. Трудно было проложить связь с огневой позиции на наблюдательный пункт — вражеские снайперы и автоматчики, засевшие на крышах и чердаках, беспрерывно обстреливали

улицу. Всё же старшие сержанты Демченко и Зайнулин и красноармеец Хидашели протянули провод.

10 часов 50 минут. Наводчик Соколов держится за шнур. Заряжающий Кутосевич, волнуясь, говорит:

— Неужели командир дивизиона опоздает передать команду, и мы последними откроем огонь по рейхстагу?

У телефонной трубки, почти не дыша, сидит старший по батарее. И вот она, наконец, долгожданная команда: «По сердцу фашистского логова — рейхстагу, дивизионом, шесть снарядов, огонь!» Один за другим полетели тяжёлые снаряды в сердце германского империализма.

Расчёты у орудий работают с утроенной энергией. На ходу, со снарядом в руках, красноармеец Панчук говорит красноармейцу Шелестуну:

— Вот тот день и та минута, за которые мы дрались четыре года.

Майор ЛАДЫНИН

*

В 9.00 комсомольцы батальона Героя Советского Союза майора Алексеева прорвались к водонапорной башне, что у Силезского вокзала, и водрузили на её вышке знамя с надписью: «Слава Красной Армии!» Немцы, увидев на башне красное знамя, открыли по нему пулемётный и орудийный огонь. Два раза сбивали они знамя, но каждый раз знамя через пять минут снова появлялось на башне.

Младший лейтенант К. ГРОМОВ

*

Наш полк занял помещение одной из крупнейших детских больниц Берлина. В глубоких подвалах здания мы нашли много больных детей, преимущественно ясельного возраста. Родители их в большинстве находятся там, где немецкие войска продолжают ещё своё бесцельное сопротивление. Линия фронта ещё проходит по улицам и площадям города. Вот уже несколько дней, как больные дети не получают никакого продовольствия, им грозила голодная смерть. Наш командир распорядился обеспечить детей провизией на ближайшие 2—3 недели. Директор больницы тотчас получил для своих питомцев рис, сахар, мясо, хлеб и даже четыре дойные коровы. Какой пассаж для зловещей геббельсовской пропаганды насчёт ужасов, которые русская армия якобы несёт немецкому населению! Растерянность и изумление медицинского персонала непередаваемы.

Гвардии капитан А. БРОНШТЕЙН

*

Сегодня я ещё раз увидел, на что способны сыновья нашей Родины.

Мы получили приказ пробиться через сделанный немцами завал у перекрёстка. Первыми двинулись танки взвода гвардии лейтенанта Раткевича. За ним на расстоянии пятидесяти метров — мой взвод. Раткевич вёл огонь по автоматчикам и фаустникам противника. Вдруг я заметил, что в дом, напротив которого двигался взвод Раткевича, перебегают немцы, хотят пропустить нас и ударить с тыла.

Я приказал радисту сообщить обстановку командиру роты гвардии капитану Архангельскому, а сам открыл взводом огонь из всех видов оружия. Из окна подвала застрочил пулемёт по нашей пехоте. На танки посыпались фаустпатроны. Одна машина загорелась.

Двое из экипажа этой машины были убиты. Командир и один боец вылезли из танка окровавленные и обожжённые. В машине остался водитель гвардии старший сержант Анатолий Иванов. Выглянув из люка, он воскликнул: «За Родину! За Сталина!!!» и помчался на пылающем танке прямо на завал. На наших глазах произошёл страшный взрыв. Танк взорвался, вероятно, на мине, у самого завала.

Взрыв раскидал часть завала, сделанного из камня и металла, но сидевшие за ним немцы продолжали сопротивляться. Пехота не могла продвинуться вперёд. Мы били по завалу из пяти танков. Но наши снаряды не в состоянии были разбить прочное укрытие немцев. Тогда мы с Раткевичем решили взорвать оставшуюся часть завала. На это дело вызвался один молодой голубоглазый солдат из мотострелков. Фамилии его я не знаю. Под градом пуль он пробрался к завалу и, уже раненный, заложил взрывчатку и поджёг бикфордов шнур. Вернуться назад он не смог. Герой остался на каменных глыбах, которые при взрыве взлетели в воздух.

Гвардии лейтенант ШАБРОВ

*

Я подумал: что служит источником этого небывалого подъёма духа наших воинов, нарастающего с каждым днём сражения? По-моему, главный источник в самом этом слове — «Берлин», олицетворяющем очаг войны, воплощение самых чёрных сил на земле. Всё выстраданное за годы войны, вся ненависть, сжигавшая душу, обрушились огненной лавой,

ливнем пуль, снарядов и мин на логово зверя. Святую ненависть несут на штыках наши воины, её суровые отблески озаряют лица, торжественные и строгие, и образ великого Сталина осеняет нашу армию наступления. Сколько раз в Берлине я был свидетелем того, как человек сбрасывал невидимую тяжесть, прижимавшую его к земле, расправлял грудь и устремлялся вперёд, следуя звучащему в сердце зову Родины и велению вождя.

Гвардии старший лейтенант К. ИВАНОВ

*

ФОРСИРОВАНИЕ ШПРЕЕ

Река Шпрее с её высокими каменными берегами пересекает Берлин с юго-восточных его окраин до северо-западных и проходит центром города. В черте города Шпрее пришлось форсировать и войскам, наступавшим с севера, и войскам, наступавшим с востока. Первыми в пределах Берлина подошли к Шпрее войска генерал-полковника Берзарина.

*

Гвардии старший сержант
Н. ВАСИЛЬЧЕНКО

*

Разведчики на Шпрее

Штаб нашей дивизии был ещё в пригородном посёлке Бисдорф, когда командование поставило перед нашей группой задачу: проникнуть в центр Берлина, до реки Шпрее, и выяснить, какие мосты ещё целы, а какие уже взорваны. С нами была рация. Выполняя это задание, мы должны были попутно сообщать командованию обо всём, что происходит в Берлине.

Сколько раз я уже ходил в тыл врага, но когда меня назначили в эту группу и сказали, какое ей дано задание, по правде говоря, я подумал: справимся ли? Риск был большой, но и честь какая: первыми проникнуть в фашистское логово! К переднему краю немцев мы подползли ночью кюветами шоссе. Впереди около дома блеснул огонёк и сейчас же потух. Наш командир послал вперёд четырёх разведчиков узнать, что это был за огонёк. Вернувшись назад, они притащили с собой немецкого солдата. Он стоял на улице и преспокойно курил. Это был фольксштурмовец. Он не успел вскрикнуть, как разведчики заткнули ему рот. Мы завели его в маленький пустой домик и стали допрашивать. Сначала он мычал, как одуревший, не понимал, что с ним произошло, но потом он бойко заговорил. Мы узнали от него, что линия обороны немцев здесь не сплошная. Он показал, какие дома использованы под оборону, где стоят пулемёты.

Из этого домика мы сообщили по радио о своём местонахождении начальнику разведки и, отправив в тыл пленного, двинулись дальше по улице вдоль стен. Вдруг услышали шум мотора. Навстречу нам ехала без света легковая машина. В ней сидело четверо немцев. Мы пропустили

Герой боёв в Берлине красноармеец Трайдуков. Он предотвратил взрыв моста через канал и дал возможность нашим частям развивать наступление.

её, но вперёд не пошли, хотели выяснить, куда направлялась эта машина. Она проехала метров шестьсот в сторону нашего переднего края и остановилась у железнодорожного моста. Здесь её встретили наши огнём. Стало ясно, что немцы намереваются взорвать мост, и мы повернули обратно и открыли огонь по автомашине с тыла. Все четверо, ехавшие в автомашине, были убиты. Отбежав скорее подальше отсюда, чтобы не привлечь на себя внимания немцев, мы оказались среди каких-то развалин. Решили пробираться этими развалинами вдоль улицы. Чем ближе к центру, тем развалин было больше. Они нам очень помогли. Где ползком, где согнувшись, а где идя во весь рост, за разрушенными стенами домов, по дворам, заваленным кирпичом, перебираясь через заборы, залезая в подвалы, медленно, но зато совершенно скрытно, преодолевали разведчики один квартал за другим, наблюдая всё время за улицей. В нескольких шагах от нас по тротуару и мостовой проходили небольшими группами немецкие солдаты, изредка проносились танкетки.

Рассвет застал нас неподалеку от Шпрее, в подвале какого-то разбитого дома. От верхних этажей осталась только груда развалин, а подвал был цел. Мы пролезли в него через окна, так как вход был завален битым кирпичом. Подвал оказался огромным и совершенно пустым. Мы расположились в нём четырьмя группами в разных углах. Ориентируясь по имевшемуся у нас плану Берлина, передали свои координаты в штаб и стали вести наблюдение через окна за подходами к Шпрее.

Мы просидели в подвале целый день, несколько раз передавали по радио в штаб свои наблюдения. Несмотря на страшный грохот приближавшегося боя, мы не только слышали шум каждой проезжавшей по улице машины, шаги проходящих солдат, но и разговоры немецких солдат, из которых ясно было, что немцы уходят на тот берег Шпрее. Под вечер неподалеку от нас раздалось два сильных взрыва. По улице к переправе прошло ещё несколько групп солдат, затем установилась тишина.

Когда стемнело, мы вылезли из подвала и стали пробираться дальше к реке. Мост, к которому выводила улица, оказался цел, а два других, чуть видневшихся в свете пожаров справа и слева, были взорваны. Но только мы залегли возле уцелевшего моста в развалинах одного дома, как откуда-то быстрым шагом к нему подошёл отряд немцев, около роты. Немцы перебежали мост, и через несколько минут он тоже был взорван. К реке подходили передовые группы наших войск.

*

ГВАРДИИ КРАСНОАРМЕЕЦ
Н. ШЕВЧЕНКО

*

Знаменосцы

Наш батальон, овладев Силезским вокзалом и обувной фабрикой, вышел на реку Шпрее, к мосту.

Мост был двухэтажный, по нижнему пролёту пролегал автотракт, по верхнему — железная дорога. Немцы направили весь свой огонь на нижний пролёт моста, предположив, что именно отсюда им следует ждать нашей атаки. А наше командование решило перейти Шпрее верхним пролётом.

Батальон предпринял штурм моста 24 апреля около 12 часов дня. Атаку начинала наша рота. Пока тяжёлая артиллерия обрабатывала передний край противника, командир 2-го взвода гвардии старшина Гусейнов Сардар принёс знамя и перед строем взвода торжественно передал его гвардии сержанту Коржину. Коржин, принимая знамя, поклялся перенести его на другой берег Шпрее. Гусейнов повёл бойцов на мост. Взвод успел достичь верхнего пролёта без потерь. Но скоро немцы заметили наших бойцов и открыли по ним огонь из всех видов оружия. Мост утонул в огне и дыму, многих ранило и убило. Но бойцы второго эшелона, с замиранием сердца следившие за движением своих товарищей по мосту, всё время видели впереди красное знамя — значит, атака не захлебнулась.

Примерно на половине пути наступающих встретил настолько отчаянный огонь из фаустпатронов и миномётов, что взвод вынужден был всё-таки залечь на мосту. На помощь храбрецам пошёл первый взвод

Красное знамя на Шпрее

седьмой стрелковой роты под командованием гвардии лейтенанта Сулейманова. Увидев подкрепление, Гусейнов возобновил атаку, и все, кто был жив, бросились за командиром. Но Коржин, пробежав метров десять, упал и не смог уже подняться. Он был тяжело ранен. Тогда к нему подскочил Гусейнов, выхватил знамя из его ослабевших рук и высоко поднял его, чтобы все бойцы, идущие следом, хорошо видели красный стяг. Продвижение по мосту продолжалось. Немало бойцов пало смертью храбрых на этом мосту. Ранило Сулейманова, но он продолжал руководить отважной вылазкой. Санитар Корнев вытаскивал раненых из горячих мест в безопасные углы. Вдруг у самого моста разорвался тяжёлый снаряд. Осколки обрушились на мост, а когда дым развеялся, все увидели, что командир Сулейманов убит. Но Гусейнов и бойцы Хмиль, Гудз, Матушайтис и Гырбу были уже у самого берега. Ещё минута — и мост позади. Возглавляемые Гусейновым, бойцы рванулись вперёд с возгласами: «За Сталина, за Родину!» Влево от моста возвышался большой каменный дом — крайнее здание у реки. Гусейнов с бойцами тотчас же бросился туда и вышиб из дома противника. Храбрецы взобрались на второй этаж, и там Гусейнов, уже будучи раненным, водрузил на балконе знамя. Немцы, однако, не утихли. Они возобновили контратаку, обстреливая одновременно и дом, и мост, так что пройти на помощь отважной пятёрке было невозможно. До самого вечера пятеро боевых друзей одни держались в здании, автоматчики очередями и гранатами защищали знамя. Вечером все наши подразделения перешли Шпрее.

*

ПОЛКОВНИК

В. КУРНАЦИШВИЛИ

*

Борьба за плацдарм

Под грохот орудий, трескотню пулемётов, почерневшие от пороха и дыма пожарищ, продвигались мы всё ближе к самому центру фашистского логова. В дыму и огне блеснула лента воды. Это Шпрее. Два передовых батальона останавливаются в нерешительности. Мост, перекинутый через реку, в полной исправности. Что это — не ловушка ли? Но вот четверо выходят из рядов и быстро перебегают мост. Это были старший сержант Кудашев, сержант Калота, ефрейтор Белаковский и красноармеец Абрамян. За ними тотчас же двинулись оба батальона, и вскоре закрепились на том берегу, заняли гараж и дом. Теперь надо поскорее переправить туда технику, а затем и весь полк. Приказываю сапёрам обследовать мост. Под ураганным огнём противника сапёрам не удаётся осмотреть его детально, внешние признаки минирования не были обнаружены. Сигнал — и к мосту подходят тяжёлые танки. С волнением следим мы, как взбирается первый танк. Но только вступил танк на мост, — раздался страшный грохот, и мост обрушился.

Положение критическое. Плацдарм под угрозой, под угрозой наши батальоны. Лишённые техники, отрезанные от нас, они могут быть раздавлены противником. Единственный выход — оградить плацдарм от противника плотным огнём. Наши артиллеристы быстро подтягивают свои пушки к берегу, и сквозь бреши прибрежных домов высовываются стволы орудий. Свой командный пункт я перевёл к самому берегу, в подвал разрушенного дома. Командный пункт от противника отделяет теперь лишь

ширина реки. Явственно слышится частая автоматная стрельба. Это наши отбиваются от немцев, перешедших в контратаку... Но огонь нашей артиллерии преграждает противнику путь.

Враг атакует всё ожесточённее. Повидимому, немцы решили напрячь все силы, чтобы сбросить наших людей в воду. Напряжение боя нарастает. Прерывается связь — провод порван в десятках мест. И, как всегда, находятся отважные люди. На утлой лодчонке, под непрерывным обстрелом, переплывают реку начальник связи капитан Дубовицкий с красноармейцем Давыдовым, чтобы натянуть новый провод. Замолчавший было телефон ожил.

— Товарищ полковник, — докладывает мне радостно дежурный, — на «Малой земле» всё в порядке. Контратаки отбиты. Даны целеуказания артиллерии.

Артиллеристы наши хорошо поработали. «Малая земля» попросила повторить — «уж больно хорош концерт».

В течение всего дня не прекращаются атаки врага. На «Малой земле» нашим приходится отбиваться от атак и одновременно тушить пожары

в занятом доме. К вечеру я узнаю, что кольцо врага вокруг плацдарма сомкнулось — немцами заняты все прибрежные дома. Единственный выход — перейти «Малой земле» в наступление и прежде всего захватить дом, господствующий над полем боя. Отдаю приказ артиллерии перенести огонь на этот дом. Борьба за дом не прекращается и после того, как наши заняли нижний этаж. Артиллеристы перенесли огонь на верхние этажи. Небывалый случай: по нижнему этажу бьют немцы, по верхним — мы. Вскоре узнали радостное известие — задача выполнена, весь дом перешёл в наши руки. Но враг не унимается. На обоих берегах запылали дома, горит наш командный пункт. Под огнём противника мы переходим на новое место. Затем загорелись провода, и «Малая земля» снова замолчала.

На душе становится всё тревожнее. Я знаю, что у них мало боеприпасов. Удержатся ли они? Послать к ним связных невозможно, противник держит оба берега под непрерывным огнём. Скорей бы ночь.

И вот, наконец, ночь наступила. Под покровом темноты пробираются наши люди на тот берег — одни по уцелевшим балкам моста, другие на лодках, — туда везут боеприпасы, обратно раненых. Оказалось, что «Малая земля» держалась хорошо, ни одной пяди не уступила противнику.

Сапёры тем временем приступили к восстановлению моста. На рассвете мост «заработал». «Малая земля» соединилась с «Большой». При содействии соседа слева противник был обращён в бегство. Дорога к рейхстагу открыта. А на прибрежном доме, в котором почти сутки отбивались наши люди от превосходящих сил немцев, красуется надпись: «Здесь храбро дрались и мужественно умирали герои боёв за Берлин».

*

ПОЛКОВНИК

П. КУЗЬМИН

*

Переправа в районе Варшауэрштрассе

К реке Шпрее мы вышли в районе Варшауэрштрассе после упорных боёв на улицах Берлина, следы которых надолго останутся неизгладимыми. Мост через реку был взорван. Противник, укрепившись на противоположном берегу, привёл в действие все свои огневые средства, чтобы задержать нас у этой последней водной преграды, прикрывающей центральную часть Берлина.

Время было дневное, но день этот ничего общего не имел с нашим привычным представлением о дневном времени. Такие дни видели только те, кто штурмовал Берлин, когда нельзя было разобрать, есть ли солнце или небо заволокло облаками, а если не посмотреть на часы, то в полдень можно было подумать, что наступили вечерние сумерки. Всё кругом окутывала плотная стена дыма от горящих зданий, слившаяся с пылью от рушащихся строений. Сквозь эту мрачную, мглистую стену не мог проникнуть ни один луч солнца. Ядовитая пыль, смешанная с гарью, ела глаза, и стоило больших усилий держать их открытыми.

Надо было прежде всего выбрать место и способ переправы. Вдоль берега пополз, прикрывшись плащ-палаткой, наш инженер подполковник Спицын с двумя офицерами. Результаты их обследования оказались неутешительными. Берега Шпрее, одетые в камень на всём протяжении, крутыми отвесами свисают над рекой. Переправляться без вспомогательных сооружений очень трудно.

Плацдарм захвачен

Решили использовать взорванный мост. Очевидно, немцы взрывали мост в последний момент, впопыхах, и разрушенными оказались лишь верхние своды, которые, рухнув, засыпали уцелевшую проезжую часть моста обломками. Сапёры Елецкого и Блинова, напрягая все силы, сдвигали одну глыбу за другой. Противник, обнаружив движение на мосту, поднял яростный огонь из пулемётов и миномётов. На мосту начали взрываться фаустпатроны. Ряды сапёров редели, уже не одного унесли с моста. Выбиваясь из последних сил, сапёры всё же продолжали свой героический труд. Но чем ближе к берегу, занятому противником, тем плотнее, ожесточённее огонь. Стало ясно, что продолжать расчистку моста бесполезно, так как всё равно нельзя будет пустить пехоту под такой обстрел.

Мы переключаем всех сапёров на десантную переправу. На берегу позади разрушенного строения были к тому времени подвезены прорезиненные и складные лодки. Предстояло спустить лодки по отвесному булыжному берегу в воду. Спешно приготовляются трапы, к лодкам прикрепляются верёвки. Вот одна лодка уже готова. Шесть сапёров несут её и затем, по-двое взявшись за концы верёвок, начинают спускать. Лодка, шурша резиновым днищем о камень, медленно приближается к воде. Но вдруг раздаётся оглушительный взрыв — сапёров отшвыривает в стороны, лодка среди фонтана серебристых брызг с шипением, точно от злобы, выпускает воздух и погружается на дно. Такая участь постигает не одну лодку. Но никакие фаустпатроны не могут уже остановить переправы. Одна за другой направляются к противоположному берегу лодки с бойцами полковника Курнацишвили. От разрывающихся мин и фаустпатронов вокруг бойцов поднимаются высокие столбы воды, и нам кажется, что лодки плывут в кипящем котле. Чувства наши напряжены до предела. Сердце так стучит, что, кажется, ещё немного и пробьёт грудную клетку. Голова точно сдавлена обручем. Но вот лодки одна за другой достигают берега. Мы видим, как бойцы быстро карабкаются по откосу и с ходу ведут автоматную и пулемётную стрельбу, которая с каждой прибывающей лодкой становится всё сильнее и громче. Сердце начинает биться ровнее, спокойнее. Переправа удалась.

*

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ
А. СУРЖОК

*

На „Малой земле"

Батальон капитана Решетнёва шёл в авангарде полка, ведя бои на улицах Берлина. Перед ним была поставлена задача выйти к Шпрее, форсировать реку в районе большого холодильника и, захватив плацдарм на левом берегу, удерживать его до подхода главных сил.

Передовые боевые группы продвигались вперёд, оставляя в тылу блокированные опорные пункты врага, с которыми расправлялись двигавшиеся следом другие подразделения батальона. Прочёсывая улицы, подвалы и верхние этажи домов, где отсиживались ещё немцы, они быстро приближались к реке. Скоро стало ясно, что немцы оставили мысль удержаться на этом берегу реки, что они хотят оторваться от наших подразделений и ускользнуть по мосту на ту сторону, где у них была организована новая линия обороны.

Командир батальона приказал взять мост с хода. Наши боевые группы преследовали немцев по пятам.

Особенно стремительно продвигалась группа преследования старшего сержанта Скоробогатова. Она, не оглядываясь на соседей, далеко вырвалась вперёд.

— Вперёд, орлы, вперёд! — торопил бойцов командир, перебегая обстреливаемую улицу.

Вот уже позади серая махина большого холодильника. Вот-вот должны показаться река, мост, а за ними тот берег — цель движения батальона.

Первым выбежал на набережную младший сержант Емельянов. Вслед бежит, что-то яростно крича, красноармеец Файзуллин. Почти сейчас же показываются на набережной и другие бойцы. Они тяжело дышат, выскакивая из ворот серого дома. Файзуллин, размахивая автоматом, вбегает на мост. Но в этот момент воздух сотрясается от мощного взрыва, вскидываются вверх огромные столбы воды, и ближние к тому берегу пролёты моста тяжело рушатся в реку...

Через несколько минут подоспели бойцы лейтенанта Акимкина, катя станковые пулемёты. Они открывают огонь по немцам, засевшим на той стороне реки. В ответ стучат пулемётные очереди. На мосту и на набережной начинают рваться фаустпатроны...

Когда подошли другие подразделения полка, была сделана попытка форсировать реку на понтонах, под прикрытием дымовой завесы, но вследствие сильного артиллерийского и миномётного огня противника эта попытка не удалась. Решено было форсировать реку ночью, под покровом темноты. Для этой цели наше командование подготовило штурмовые группы и их прикрытие.

В ночь на 24 апреля штурмовая группа старшего сержанта Скоробогатова, пользуясь подручными материалами, перешла реку по разрушенному мосту и неожиданно для врага ворвалась в ближайший дом на той стороне. Вслед переправились штурмовая группа старшего лейтенанта Молодякова и моя группа поддержки. Немцы всполошились. В воздух полетели ракеты. Загремел артиллерийский и миномётный огонь, но было уже поздно: в окне третьего этажа большого дома на той стороне реки появилось красное знамя, поднятое старшим сержантом Скоробогатовым, — знак, что всё в порядке и дом занят прочно.

Чтобы обезопасить себя от дальнейших неожиданностей, немцы зажгли второй дом рядом с мостом и при свете пожара начали жестокий обстрел дома, занятого нашими группами.

Утром немцы под прикрытием огня пулемётов и артиллерии предприняли контратаку. Их было в несколько раз больше, чем нас. Паля из автоматов и закидывая в окна гранаты, они пытались ворваться в дом, но наш убийственный огонь заставил их повернуть вспять. Несколько раз они повторяли свои попытки, но ничего не добились. Нас оставалось пятнадцать человек, и мы все решили скорее умереть, чем сдать занятый дом. И мы победили. Ни один немец не смог ворваться к нам...

К вечеру противник, закидав нас фаустпатронами, поджёг дом. Тогда артиллерийский разведчик-корректировщик, бывший с нами, вызвал

огонь нашей артиллерии и миномётов. На ближайшие к нам дома, занятые немцами, обрушился град снарядов и мин. В это же время старший лейтенант Молодяков с тремя красноармейцами выбрался из горящего здания, пробрался через подвал в соседний дом, занятый неприятелем, и с тыла напал на него. Ошеломлённые неожиданным нападением, немцы стали выскакивать из окон второго этажа под огонь наших автоматов.

Вслед за Молодяковым ринулись в атаку и мы.

Нам удалось выбить противника ещё из трех домов. Так постепенно расширялась наша «Малая земля».

Ночью к нам переправилось первое подкрепление с «Большой земли».

ГВАРДИИ МАЙОР

С. ГУСАРИН

*

На Шпрее у парка Трептов

Наша гвардейская мотострелковая часть, пройдя Карлхорст и северную окраину Шеневейде, вышла на берег Шпрее. На противоположном берегу в парке Трептов скопились резервы противника. Здесь, на последнем водном рубеже перед центром Берлина, немцы заняли подготовленную оборону. Но мы не думали долго задерживаться на берегу. Быстро была проведена рекогносцировка подходов к переправе, сапёры стали налаживать подвезённые лодки, и к ночи всё было готово для того, чтобы начать переправу.

А вокруг всё бушует. Наша артиллерия своими мощными залпами крошит огневые точки и живую силу немцев. Противник отвечает периодическими огневыми налётами...

Командир части гвардии полковник Федорович тут же на берегу лично руководит переправой. Первым форсировал реку батальон под командой гвардии майора Безматерных. В шесть лодок — весь наш наличный парк — быстро погрузились вторая мотострелковая рота и отделение связистов. Противник, измотанный нашей артиллерией, не зная, где именно мы будем переправляться, вёл по берегу беспорядочный огонь. Первый отряд смельчаков быстро и бесшумно переправился через реку и, внезапно обрушившись на противника, уничтожил около взвода сопротивлявшихся немцев.

Последующие рейсы происходили под всё возрастающим вражеским огнём — пулемётным, миномётным и артиллерийским. Но всё же весь ба-

тальон переправился, понеся небольшие потери. Вслед за ним на захваченный плацдарм стал переправляться батальон старшего лейтенанта Рудакова, который имел задачу расширить плацдарм вправо. Ещё через 40 минут на западном берегу Шпрее уже было три батальона. Через реку была установлена прочная связь — телефонная и по радио. Немцы стали подтягивать резервы. За ночь противник предпринял три контратаки в надежде сбросить нас в реку, но бойцы с честью удерживали плацдарм.

Остаток ночи сапёры готовили плоты для перевозки артиллерии. С наступлением рассвета противник получил возможность отлично наблюдать за скоплением наших войск у места переправы. Тогда капитан Строков начал задымление. Густая полоса дыма застлала всю реку. Под прикрытием этой завесы в течение двух часов на плацдарм были переправлены артиллерийский дивизион и зенитно-пулемётная рота.

Это была нелёгкая задача. Во всех домах на чердаках и в подвалах Трептова засели немецкие автоматчики и фаустники. И как только лодки и плоты появлялись из-за дымовой завесы, они сразу попадали под огонь противника. Наши люди действовали исключительно героически. Командир батареи, ныне Герой Советского Союза, Азаров находился всё время с расчётами, которые выкатывали орудия одно за другим на прямую наводку и в упор расстреливали огневые точки немцев.

Днём немцы стали ещё активнее. Они подтянули сюда танки, самоходную артиллерию и начали ожесточённые контратаки. Всю тяжесть этих контратак приняли на себя артиллерийский дивизион и переправившаяся за ночь пехота, поддерживаемые мощными залпами корпусной артиллерии. Наши расчёты понесли в этом бою большие потери — на орудие оставалось по два-три человека, но всё же темп огня наши пушки не снижали, и три сильные контратаки были славно отбиты.

Не всё шло гладко: на правом фланге во время второй немецкой контратаки был ранен командир батальона старший лейтенант Рудаков. Произошла заминка, и правый фланг несколько отошёл. Положение, однако, было очень быстро восстановлено личным вмешательством командира части Федоровича. Были введены в бой из резерва роты автоматчиков и противотанковых ружей. Немецкая контратака захлебнулась.

Под вечер плацдарм был прочно закреплён.

*

КАПИТАН

М. ШЕРСТОБИТОВ

*

Смерть героя

Окопавшись на восточном берегу Шпрее, батальон Героя Советского Союза капитана Оберемченко готовился к прыжку в парк Трептов, находящийся по ту сторону реки. Ночью капитан обходил роты. Он умел душевно, по-отцовски говорить с бойцами. И всё у него получалось как-то особенно просто. Люди понимали его с полуслова. А уж прикажет — разобьются, но сделают!

В два часа ночи, под покровом темноты старший лейтенант Зотов быстро, без потерь переправил через Шпрее свою роту и, сделав стремительный 250-метровый бросок вперёд, начал закрепляться.

Сразу же разгорелся жаркий бой. Старшие сержанты Герасимов и Матвиенко со своими бойцами открыли по немцам шквальный огонь из винтовок и автоматов. Под их прикрытием переправились остальные роты и стали занимать позиции.

Батальон обеспечил переправу остальных подразделений и утром первый принял на себя удар немцев, бросивших в контратаку два батальона при поддержке пяти самоходных орудий и четырёх бронетранспортёров.

Капитан Оберемченко передал по ротам:

— Сталинцы не отступают!

Подготовив гранаты, стрелки стали ожидать приближения вражеских машин. В кустарнике замаскировался бронебойщик красноармеец Бердников. Вот самоходки уже в двухстах метрах. За ними в сотне метров во весь рост следует немецкая пехота.

Комбат выпустил две красные ракеты, наша артиллерия на том берегу приняла сигнал и заставила немцев залечь. Одна немецкая машина загорелась, несколько машин повернуло назад, но одна самоходка и два бронетранспортёра продолжали все-таки двигаться вперёд.

Тут ударил находящийся в засаде Бердников. Он угодил в гусеницу, и подбитая вражеская машина завертелась на месте. Улучив мгновение, когда пушка повернулась бортом, бронебойщик сделал ещё два выстрела. Самоходка задымилась. Бронетранспортёры повернули.

Бойцы услышали голос капитана Оберемченко:

— За мной, орлы, вперёд! — и все поднялись по зову своего командира. В это время вражеская пуля сразила комбата. Он упал на открытом месте парка Трептов. К раненому капитану бросился оказавшийся поблизости рядовой Пелипенко. Засевшие в одном доме немцы вели по этому месту сильный огонь, однако Пелипенко, невзирая на опасность, подобрал раненого командира и отнёс его в укрытие. Рана оказалась смертельной.

Весть о геропческой гибели Оберемченко глубоко потрясла батальон. Бойцы и офицеры, перенёсшие не одну смерть своих друзей, ко многому привыкшие за долгие суровые годы войны, со слезами на глазах говорили о смерти своего командира.

Но вот раздался голос заместителя командира по политической части капитана Давыдова:

— Отомстим за смерть командира, вперёд!

Трудно передать, с какой яростью бойцы бросились на врага. Батальон сразу вырвался далеко вперёд, обогнав соседей.

*

ГВАРДИИ СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ
К. КОНДРАТЮК

*

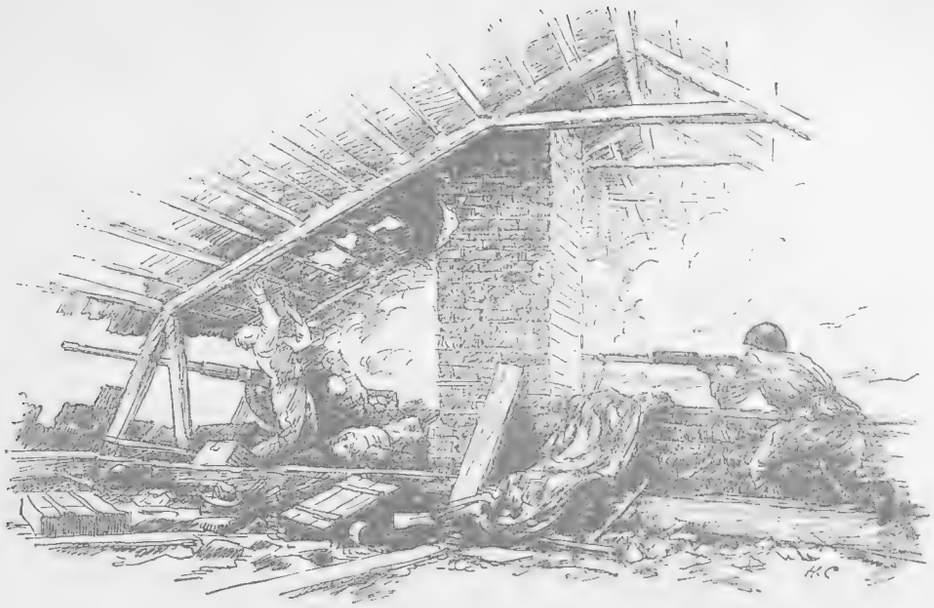
Пушка на чердаке

В то утро я находился на наблюдательном пункте. Моя батарея минометов была придана пехотинцам. Впереди протекала Шпрее. Ночью поступил приказ форсировать реку.

Когда наши героические пехотинцы с возгласами «Даёшь Берлин!» кинулись в реку, немцы открыли убийственный огонь. Сотни снарядов и мин вздымали на реке фонтаны, но ничто не могло остановить наших героев. Вот первые храбрецы уже на том берегу, вот их накапливается всё больше и больше, какая-то группа уже ворвалась в ближний дом...

Наблюдая за противоположным берегом, мы заметили, что с одного чердака бьёт по нашей пехоте зенитная пушка. Дом этот отстоял от берега метрах в шестистах, и накрыть пушку точным огнём минометов не представляло труда, но это было рискованно. Наши бойцы уже закреплялись на берегу, и поблизости этого дома, если не в нём самом, могли оказаться свои. Всё же мы быстро подготовили данные и даже сделали пристрелку. Я уже готов был подать команду «Огонь», как вдруг вражеская пушка смолкла. Это нас озадачило: что бы это могло быть? Возможно, что это просто хитрость: немцы ждут, чтобы наша пехота подошла поближе, и тогда они расстреляют её в упор.

И в самом деле, спустя несколько минут, пушка на чердаке снова заговорила. Только что это? Снаряды ложатся не там, где действуют наши пехотинцы, а там, где ещё немцы!..



Я раздумывал, не зная, что делать, когда меня вызвал к телефону командир батальона. Смеясь, он говорит в трубку:

— Вы не вздумайте накрыть нашу пушку...

— Как нашу? — удивленно спрашиваю. — Ведь это же немецкая!

— Правильно, — говорит комбат, — была немецкой, а стала советской...

И лишь после боя я узнал, что произошло. Взвод нашей пехоты окружил дом, с чердака которого действовала немецкая пушка. Старшина Белкин с ручным пулемётом пробрался на чердак. Там группа немецких солдат, переодетых в гражданское платье, орудовала у пушки. Немцы не успели опомниться, как Белкин быстро расправился с ними. Затем старшина, не дожидаясь, пока к нему подойдут на подмогу товарищи, развернул пушку, выбил черепицу в противоположной стороне крыши и стал стрелять по немцам.

Так и не пришлось накрыть из минометов обнаруженную нами немецкую пушку...

*

Из дневников и писем

24 апреля

Перед батальоном последняя преграда, которая отделяет его от центра Берлина, — река Шпрее.

Ночью, под прикрытием темноты, бесшумно подтянули к берегу два катера. Отделение старшего сержанта Шкурко первым занимает места. Стоящий у штурвала моряк-балтиец, увидев в руках Шкурко развёрнутое знамя, шопотом говорит ему:

— Я вас в один миг на тот берег доставлю.

Когда первый катер достиг уже середины реки, немцы открыли по нему огонь. Пуля ранила Шкурко, но он только крепче сжал обеими руками древко знамени.

Толчок в берег — и солдаты соскакивают прямо в воду. Вот заработал ручной пулемёт, застрочили автоматы, и пока батальон переправляется через реку, горсточка бойцов, водрузивших знамя над зданием водной станции, расширяет маленький плацдарм до двухсот метров по фронту и на сто метров в глубину.

Безуспешной оказалась предпринятая на рассвете попытка противника сбросить нас в воду, — батальон ворвался в центр Берлина. Над городом стоят столбы пламени; зарево освещает путь батальону. Не отставая от пехоты, идут танки и артиллерия. Чёрные от копоти танкисты с уважением глядят вслед Шкурко, перебегающему от здания к зданию со знаменем в руках.

Капитан КУЗЬМЕНКО

*

Наши сапёры наводили переправу, чтобы пропустить на тот берег танки, самоходки, машины с боеприпасами.

Немцы вели огонь по участку переправы. Каждые 3—5 минут разрывался снаряд, а с чердаков дальних зданий вёлся обстрел берега из крупнокалиберных пулемётов.

Когда я подъехал к реке, дорога была запружена боевыми машинами, ожидающими переправы. Самоходчики и танкисты подняли меня насмех:

— Тебя ещё здесь нехватало! Долго придётся твоему борщу дожидаться переправы, закиснет.

Конечно, я и сам понимал, что мою кухню пропустят на противоположный берег в последнюю очередь. Коль так, значит, не на переправу надо надеяться, а на самого себя.

Вместе со своим помощником ефрейтором Горюновым я связал пару шпал, спустил их в воду и погрузил на шпалы термосы с пищей. Переправившись вплавь на тот берег, я добрался до миномётчиков. Командир роты старший лейтенант Корнюшин, увидев меня, удивился:

— Как ты сюда попал, ведь переправа еще не наведена?

— Так же, как и вы, — ответил я. — Мое дело такое, надо людей кормить.

Ефрейтор И. ТЕРЕНТЬЕВ

*

Мутные воды Шпрее напомнили мне русскую реку Ловать. На берегу этой реки у города Старая Русса в июле 1941 года ко мне обратилась кудрявая шестнадцатилетняя девушка, очень напуганная тем, что мы отступаем.

— Товарищ сержант, что же это будет? — спросила она.

Я спросил, как её звать. Она сказала:

— Надя.

Я стал перед ней, как солдат перед командиром, и сказал:

— Не беспокойтесь, Надя, всё будет в порядке, мы будем в Берлине.

Она посмотрела на меня недоверчиво, потому что я шёл со своей гаубицей на восток.

И вот моя гаубица со мной, и мы в Берлине. Когда наши орудия дали первый залп по рейхстагу, я вспомнил башни Кремля, возле которых проезжал со своей гаубицей осенью 1941 года.

Лейтенант Е. КАКАШВИЛИ

*

— Какое сегодня число? — спросил разведчик Александр Басенко у командира разведки гвардии старшего сержанта Харитонова.

— Сегодня 24 апреля, — ответил Харитонов и вдруг вскрикнул: — Смотри, танки наши, а на дороге немецкие фаустники лежат.

Басенко, не сказав ни слова, побежал наперерез танкам.

— Стой, стой! — кричал он, размахивая руками.

И не добежал шести метров до первого танка — упал, сражённый немецкой пулей. Танкисты, заметив что-то неладное, внимательно огляделись кругом и, увидев фаустников, быстро расправились с ними. Танки были спасены.

Когда Харитонов подбежал к Басенко, тот был ещё в сознании.

— Послушай, Харитонов, — сказал Басенко, — напиши на родину, что жизнь моя дорого обошлась фашистам и что погиб я в самом Берлине.

Это были его последние слова.

Красноармеец Л. ГЕРАСИМОВ

*

Надо было разведать прилегающую улицу, занятую противником, и установить наличие и характер инженерных сооружений, чтобы затем расчистить улицу и дать проход танкам.

Выполнение этого задания было поручено комсоргу нашей сапёрной роты сержанту Родионову. Он взял с собой двух комсомольцев — красноармейца Панкова и меня.

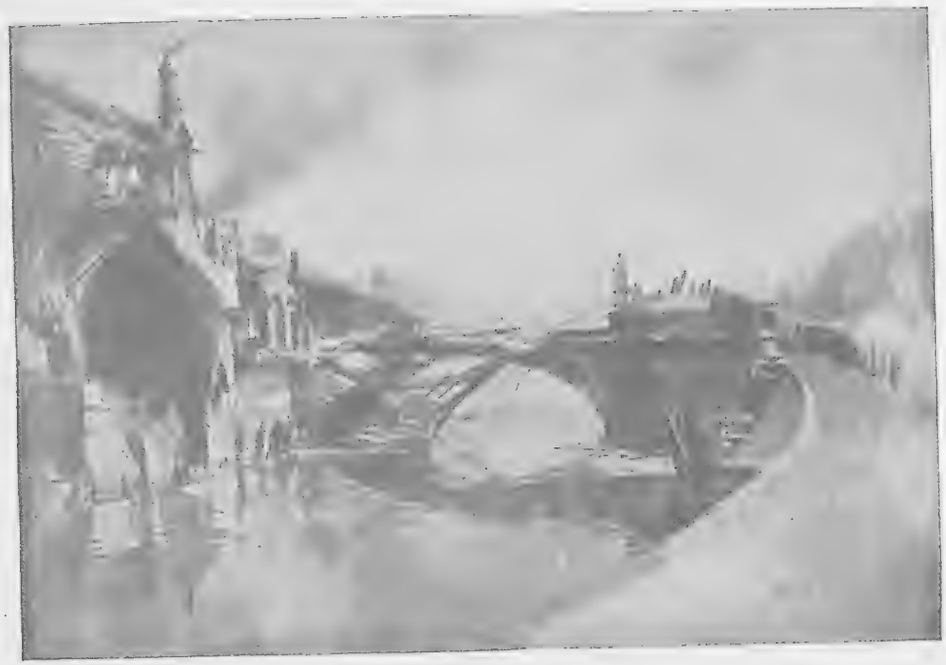
Мы пробирались по развалинам домов, между уцелевшими стенами. Шли, пока ливень пуль не заставил нас залечь. Дальше можно было двигаться только по-пластунски. И вот, ползком, раздирая до крови лицо, руки и ноги, по остроконечным камням и железу, мы добрались до баррикады. Кроме неё, на всём протяжении улицы никаких сооружений не оказалось. Небольшие завалы кирпича в счёт не шли.

Сержант Родионов быстро нанёс схему укрепления, сделал расчёт на подрыв, изучил вместе с нами пути подхода и отхода при взрыве.

Разведка произведена, надо скорее доложить о результатах командиру роты.

И тут началось самое трудное.

Обратный путь был отрезан противником. Пришлось двинуться в обход. Благополучно отползли от баррикады и попали в тихий переулок, где слышны были только отдельные выстрелы. Подошли к Шпрее. Прошли



два моста. Стрельба стала сильнее. У третьего моста противник нас заметил. Мы залегли. Там была небольшая площадка с каменной будкой.

Решили пробираться до будки по одному, но потом передумали — все трое сразу вскочили и в несколько прыжков достигли будки. От будки надо было ещё порядочно пробежать, чтобы укрыться за углом фабрики, стены которой тянулись вдоль набережной Шпрее.

Как быть? Немецкие пулемётчики и снайперы уже взяли нас на прицел. Неужели же ждать до вечера? Нет, нельзя, нужно опять попытаться перебежать.

Вот вырвался Панков. Прыжок, второй — и он в воронке от снаряда.

Остался я с Родионовым.

Родионов кинулся вперёд.

И тут пуля снайпера навсегда оборвала молодую жизнь нашего комсомольского вожака. Горе охватило меня. Но время не ждёт. Я задумался. Родионов убит, Панков, видимо, ранен. Значит, сведения о разведке доставить должен я — теперь на мне вся ответственность.

Я выскочил из будки. Град пуль обрушился на меня. Пришлось прыгнуть в воронку. Залёг рядом с Панковым. Так и есть: он ранен.

— Я тебе помогу, — говорю ему, — будем пробираться вместе.

А он говорит:

— Ты комсомолец или нет?

Я был удивлён этим вопросом. Он рассердился.

— Как ты смеешь тратить время на меня, не доложив результатов разведки! Иди один. Я перевязался и подожду до темноты.

Я приготовился к прыжку. До угла фабрики оставалось всего три метра.

Набрался сил и одним прыжком был за углом.

Так я вышел из огня. Донесение командованию было доставлено вовремя.

Панкова мы потом выручили, а дорогого товарища Родионова пришлось похоронить. Это был отважный разведчик, лучший командир отделения.

Ефрейтор Д. КАТКОВ

*

Наша огневая позиция была расположена на самой границе центральной части Берлина, у небольшого канала, вытекающего из Шпрее. За каналом прямо на нас смотрело мёртвыми квадратами окон длинное серое пятиэтажное здание. Мы узнали, что за ночь до нашего подхода этот дом огрызался изо всех окон, мешая продвижению нашей пехоты.

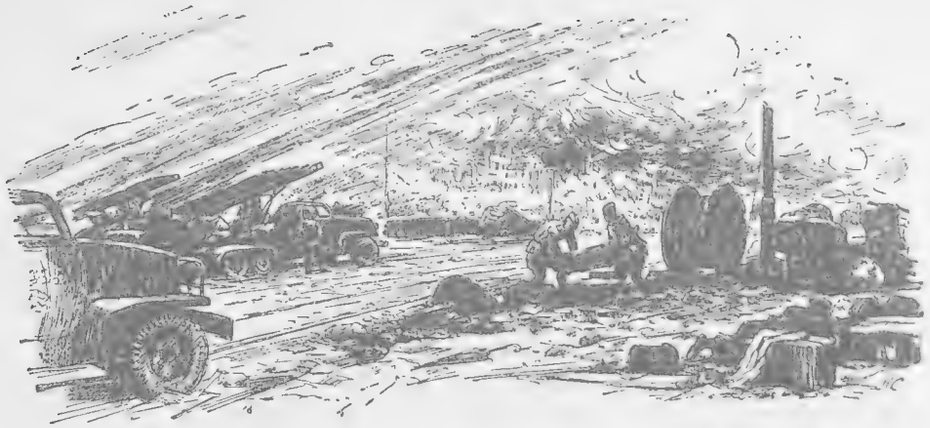
Здесь мы обнаружили труп красноармейца, который товарищи, сражавшиеся в это время в самом центре, не успели предать земле. Так хотелось дать залп по этому дому!

Правее нас через канал к широкой улице вёл железобетонный мост. К нему стекались немцы — беженцы из центральной части Берлина. Они устремлялись прямо на наши боевые установки.

Гвардии капитан Львович стоял посреди моста, угрожающе размахивал руками и кричал:

— Стой! Назад! Назад, говорю!

Берлинцы, не понимая, чего хочет от них этот запылённый с ног до головы человек, продолжали напирать. Когда ему удалось задержать первые полтора десятка, шедшие сзади остановились. Но несколько человек с правого и левого края проскользнули, волоча домашний скарб — кто в мешке, а кто в детской коляске. Тут в большинстве были пожилые мужчины и женщины, были и дети.



День стоял безоблачный, но сквозь пороховую гарь и дым солнце смотрело тусклобагровым диском. Нам хорошо было видно, как длинные языки пламени лизали стены одного из домов за каналом.

— Огонь давать по моей команде! — кричал во всё горло капитан Львович, преграждая беженцам дорогу к нашим орудиям.

Все подготовительные работы на огневой были окончены. Наши рамы стояли строго в шеренгу. Чёрные головы снарядов уставились вверх, готовые по команде ринуться на центр Берлина.

Я не отрывал глаз от капитана. Вот он поднял руку. До меня донеслось:

— Ого-онь!..

Резкий удар заглушил голос капитана. Это заговорили по всей линии орудия, стоявшие позади нас.

— Огонь! — отчётливо раздалось совсем близко от меня.

Взлетели наши мины, волоча за собою огненные хвосты. В воздух поднялось всё: песок, пыль, камни, образуя густое серое облако, сквозь которое ничего нельзя было разглядеть.

Мины уходили одна за другой, рассекая стену пыли и дыма и скрываясь где-то в вышине над нею.

Меня завалило песком. Вылезая из своего «подрывного» окопчика, я почувствовал, как задрожала земля, и услышал потрясающий грохот. То наши снаряды сокрушали центральные кварталы города.

Вытряхнув из-за воротника песок, я посмотрел в сторону моста.

Вся эта пёстрая масса людей, которая минуту назад стремилась прорваться через мост, лежала в пыли на мостовой. Весь скарб был брошен.

Люди лежали, тесно прижавшись друг к другу. Изредка кое-кто осмеливался поднять голову, но тут же в ужасе опускал её.

Впервые берлинцы воочию увидели наше чудесно-грозное оружие. Легендарные «катюши», о которых по слухам, шопотом немецкие обыватели передавали друг другу страшные подробности, стояли перед ними.

Не знаю, сколько времени пролежали бы немцы в таком оцепенении. С трудом подымали их красноармейцы, говоря:

- Вставайте! Залп окончен. Можете проходить...

Они подымались, заискивающе улыбаясь.

– Русс гут, — говорили они. — Русс гут... Берлин капут!

Такова была первая встреча берлинцев с «катюшами» в момент, когда мы дали наш гвардейский минометный залп по сердцу Берлина — рейхстагу.

Гвардии старший лейтенант С. БАРЫШНИКОВ

*

На следующий день после того, как наши войска заняли предместье Берлина — Адлерсхоф, мы подыскали здесь помещение для госпиталя. Госпиталь наш двигался вместе с войсками от самой Москвы. В последние дни наши санитарные машины мчались рядом с танками и самоходными орудиями, и нередко знакомые уже нам танкисты высовывались из люков, чтобы приветствовать нас.

— До встречи в Берлине! — кричали они нам. — Смотрите, не задерживайтесь. Передайте привет Ивану Анатольевичу и Софье Христофоровне!

Сорок шесть раз развёртывался наш госпиталь для приёма раненых. В первый раз это были защитники Москвы. Сейчас мы принимаем раненых в боях за Берлин, в боях, завершающих Великую Отечественную войну. Весь персонал работает с удесятерённой энергией. Не прошло и суток, а в госпитале всё налажено. Операционная блестит белизной, ровные ряды коек аккуратно заправлены.

Раненые прибывают к нам прямо с улиц Берлина. Они возбуждены, глаза блестят. Редко услышишь стон. Почти каждый считает своим долгом доложить обстановку, офицеры называют улицы и кварталы, занятые нашими войсками. К сортировке подходят машины с ранеными. В тот же миг к машинам подскакивают санитары и вместе с шофёрами вносят и вводят раненых в здание. В помещении тесно, но нет нервозности, как обычно при больших скоплениях раненых.

На огневой позиции в Берлине

Из бани уже доносится смех. Начальник бани младший сержант Ченчиков в порядке «усовершенствования банного дела» повесил зеркала не только в предбаннике, но и в мыльной. Раненые острят по этому поводу, а Ченчиков снисходительно улыбается, довольный тем, что его инициатива пользуется таким успехом.

Подполковник медицинской службы В. ВОЛКОВ

*

Сопровождая передовые подразделения пехоты, наши батальоны выдвинули свои боевые порядки в район Уленхорст. По пути колонну время от времени прошивали короткими очередями ещё недобитые группы вражеских автоматчиков; с верхних этажей нередко летели гранаты. Но колонна шла, заглушая гудением моторов шум разрывов и пулемётную дробь. То и дело нам встречались большие группы людей с котомками за плечами. Это наши, русские. Куда держите путь, родные? В Чернигов, в Житомир, в Киев, в Воронеж? Вместе с нашими, советскими, идут французы в изношенных костюмах, поляки, греки, датчане, англичане. Все держат курс на восток, на землю, освобождённую Красной Армией. Берлинцы тоже на улицах. Удивлёнными глазами смотрят они на бесконечное движение советской техники. Они уже научились распознавать марки наших танков и самоходок и порой становятся в очереди у наших кухонь.

Капитан П. СЕНЧА

*

В СТАЛЬНЫХ КЛЕЩАХ НАШИХ ВОЙСК

25 апреля войска 1-го Белорусского фронта, совершив стремительный манёвр, обошли Берлин с северо-запада и в районе Потсдама соединились с войсками 1-го Украинского фронта. Таким образом немецкая группировка в Берлине была полностью окружена. Одновременно юго-восточнее Берлина войска этих же фронтов окружили в озёрно-лесном районе у Вендиш-Бухгольц крупную группировку немецких войск, не успевших отступить к Берлину. После нескольких дней ожесточённых боёв эта окружённая группировка противника была ликвидирована.

★

МАЙОР

В. НАЗАРОВ

*

В обход Берлина

ИЗ ДНЕВНИКА

21 апреля. 24.00

Вместо движения к центру Берлина мы неожиданно поворачиваем в сторону и предпринимаем бросок на запад.

В 14.00 из Бернау вышли наши танки с десантом пехоты на броне. Боевые машины отправились в рейд по тылам врага, имея целью дезорганизовать его оборону и проложить дорогу дивизии на запад в обход Берлина.

Одновременно готовятся к выступлению пехота, артиллерия, парки, штабы. Подходят части, идущие во втором эшелоне.

К исходу дня передовые части дивизии заняли Шенов и овладели северной окраиной Шильдов, перерезав таким образом автостраду и железную дорогу Берлин—Грос-Шёнебек, важнейшие северные коммуникации германской столицы.

22 апреля. 12.00

Капитан Ф. Белоус, участник танкового рейда, рассказывает:

В 14.00 танки с пехотой на броне устремились на юг по дороге в Цеперник. Миновав этот пункт, мы ворвались в Бух и после короткого удара по ошеломлённым фашистам круто повернули на запад.

Первое организованное сопротивление врага мы встретили лишь на десятом километре по выходе из Бернау. Боевые машины только

что вышли из Буха, как навстречу нам из мелкого сосняка справа от дороги показались пять вражеских танков с автоматчиками.

Наши танки быстро приняли боевой порядок. Пехота соскочила с брони и залегла. Завязался бой. Часть танков обрушила огонь по вражеской пехоте, остальные завязали огневой бой с вражескими машинами. Бой был быстротечный. Через несколько минут одна за другой вспыхнули и запылали подбитые нами две вражеские машины. Остальные, не выдержав обрушившегося на них огня, поспешно развернулись и скрылись в лесу. За ними в панике побежала и немецкая пехота...

В таком же стремительном темпе происходило дальнейшее движение колонны. Она двигалась скачками от одного населённого пункта к другому, то круто поворачивая на север, то устремляясь к западу.

Все-таки за день нас несколько раз настигали немецкие самолёты. Обстреливали и бомбили. Ночью с воздуха опасности не было, но двигаться стало труднее.

Нам, пехотинцам, то и дело приходилось соскакивать с брони и автоматным огнём прочёсывать рощи, уничтожая фаустников и гранатомётчиков, пытавшихся подобраться к танкам. В свою очередь и танкисты не раз выручали нас из беды, сметая огнём пушек вражеские пулемёты.

Во второй половине ночи мы рассеяли вражеский гарнизон во Фронау и, не задерживаясь, устремились к конечной цели рейда — переправе через канал Гогенцоллерн. Но едва передовой танк показался вблизи канала, как мощный взрыв впереди известил нас, что мост взлетел на воздух. В то же время с западной стороны канала немцы открыли ожесточённый огонь из всех видов оружия.

Мы заняли оборону на восточном берегу. Утром сюда начала подтягиваться наша пехота, прорвавшаяся вслед за нами через дачные пригороды Берлина — Глиникке и Фронау.

23 апреля. 10.00

Командир нашего соединения генерал-майор Выдриган принял решение форсировать канал двумя батальонами правее и левее взорванного моста и захватить на западном берегу плацдарм, под прикрытием которого сапёры будут наводить мосты для переправы нашей дивизии, танков и артиллерии. Роте лейтенанта Новикова приказано было ворваться

по горящему мосту на тот берег и огнём прикрыть места высадки лодочных десантов. Пехотинцы скрытно сосредоточивали в лесу лодки, сапёры заготовили лес и всё необходимое для наводки мостов, артиллеристы и минометчики вели разведку огневых точек противника...

В 16.30 артиллерия и минометы открыли сосредоточенный огонь по боевым порядкам противника. Батальоны уже изготовились к броску через канал. Выждав, пока огонь перешёл в шквальный, лейтенант Новиков подал команду и первым бросился к горящему мосту, увлекая людей за собой...

Вот бойцы уже вбежали на пылающий мост. Пламя обжигает им лица, дым и искры слепят глаза, но они бегут по горящему настилу. Вражеские пули свистят вокруг бегущих, но они, то исчезая в клубах дыма, то вновь появляясь из него, продолжают движение. Вот они уже у взорванного пролёта. Помкомвзвода сержант Якушко под пулями противника быстро принимает длинные толстые доски и делает из них первые мостки между исковерканными взрывом балками. Бойцы перебегают по ним дальше, карабкаются по обрушившейся ферме вверх и помогают уложить вторые мостки. Неприятель усиливает огонь. На мосту и рядом непрерывно рвутся мины и снаряды. Они вздымают громадные фонтаны воды. Волны и падающая вода смывают людей, но их подхватывают за протянутые руки товарищи и вытаскивают на балки разрушенных ферм...

— Вперёд, товарищи! — кричит командир роты, размахивая автоматом.

Он вместе с рядовым Беззубко скрывается в клубах дыма и, перебежав горящий настил, скоро появляется уже на той стороне моста, откуда бьют из автоматов гитлеровцы. За ними бегут остальные.

В это время на пылающем мосту появляются пулемётчики старшего лейтенанта Пономаренко. Прикрывая лица от нестерпимого жара, расчёты сержантов Галкина и Журавко с трудом преодолевают по мосткам взорванный пролёт и втаскивают станковые пулемёты на ту сторону моста. Едва они успевают перебежать по горящему настилу, как от удара вражеского снаряда остатки настила обрушиваются в воду. Через минуту на том берегу уже гремят очереди наших пулемётов, слышатся крики «ура» и сквозь клубы дыма можно разглядеть бегущих от моста немцев. Отстреливаясь из автоматов, они скрываются за насыпью дороги и в домах.

На берегу правее и левее взорванного моста показываются первые подразделения. Они тащат на руках лодки и быстро спускают их на воду. Немцы открывают по ним шквальный пулемётный и миномётный огонь, но первые группы десантников уже вскакивают в лодки и плывут к вражескому берегу. Противник сосредоточивает по плывущим лодкам артиллерийский огонь. Вокруг клокочет и каскадами вздымается вода, визжат осколки. Бойцы гребут изо всех сил, стараясь скорее выйти из-под обстрела. Каждый понимает, что дорога секунда, и лодки с предельной быстротой несутся к берегу. Он уже близко. Не ожидая, пока лодка причалит, бойцы выпрыгивают и по воде бегут к берегу. Одна за другой разгружаются подплывающие лодки. От громадной волны, поднятой взрывами, последняя лодка перевёртывается, но бойцы — кто вплавь, кто вброд — добираются до земли и спешат к насыпи.

Через два часа оба батальона полностью переправились на тот берег. Отбив ожесточённую контратаку, батальон на плечах противника ворвался на восточную окраину Геннингсдорфа. Под покровом темноты сапёры уже приступили к постройке переправ. Всю ночь под неослабным артиллерийским и миномётным обстрелом кипит здесь работа. К шести часам утра оба моста готовы, и пехотные части дивизии первыми начинают переправу...

За ними, растянувшись в две колонны более чем на километр, стоят в ожидании переправы наши танки, самоходки, артиллерийские батареи и крупнокалиберные пулемёты. За этой грозной лавиной боевой техники в ближайших лесах уже сосредоточились части второго эшелона, предназначенные для развития успеха.

Немецкая авиация несколько раз пыталась бомбить мосты и забитые техникой подходы к ним, но плотный многослойный огонь наших зениток быстро разгонял фашистских лётчиков, и переправа продолжалась беспрепятственно.

В 7.00 наши передовые части закончили очистку от неприятеля Геннингсдорфа. Полк майора Сергеева, назначенный прикрывать наш правый фланг, начал дальнейшее продвижение на запад. Остальные части вместе с переправившимися танками, самоходками и артиллерией круто повернули на юг и устремились вдоль цепи озёр Хавель в обход немецкой столицы с запада.

Исторический момент настал: войска 1-го Белорусского фронта двинулись навстречу войскам 1-го Украинского фронта, уже начавшим обход Берлина с юга...

23 апреля. 18.00

События продолжают развиваться всё более стремительно. Сегодня части соединения, продолжая наступление, вышли на северо-западную окраину Большого Берлина.

Генерал приказал сопровождавшей нас гаубичной батарее артполка дать залп по центру Берлина.

Орудия быстро развёртываются. Короткая команда, и на рейхстаг и имперскую канцелярию обрушиваются смертоносные залпы советских орудий.

Только что получен боевой приказ. Поставлена задача выйти к городу Потсдам, овладеть им и замкнуть кольцо окружения Берлина.

Все воодушевлены почётной задачей, выпавшей на долю соединения, и рвутся вперёд.

Каждый понимает значительность момента: фашизм находится при последнем издыхании. Нужно ещё одно, последнее напряжение, и конец войне...

25 апреля. 12.00

Ночью части, обойдя Шпандау с северо-запада, перерезали важнейшие железнодорожные коммуникации немцев, идущие от Берлина на запад, а утром с хода ворвались в Дальгов и сейчас же устремились дальше на юг к Потсдаму.

Сегодня зачитан приказ Верховного Главнокомандующего товарища Сталина № 342 от 25 апреля. С восторгом бойцы, сержанты и офицеры прослушали волнующие слова приказа:

«Войска 1-го Белорусского фронта перерезали все пути, идущие из Берлина на запад, и сегодня, 25 апреля, соединились северо-западнее Потсдама с войсками 1-го Украинского фронта, завершив таким образом полное окружение Берлина».

В числе других благодарность Верховного Главнокомандующего объявлена и нам — бойцам, сержантам и офицерам соединения генерал-майора Выдригана.

27 апреля. 10.00

Потсдам окружён с севера, востока и юга сплошной цепью каналов и широких озёр. Наиболее узкой водной преградой на пути нашей дивизии был канал севернее озера Юнгферн. Естественно, что немцы ждали нашего наступления на город именно с этой стороны.

Генерал-майор Выдриган приказал сапёрам немедленно начать усиленную подготовку к устройству переправы именно на этом канале. Сапёры принялись за работу на глазах у немцев.

Между тем полки получили приказ наступать не через узкий канал с севера, где немцы сосредоточили свои силы, а через широкое озеро Юнгферн с востока. В течение всего 26 апреля и следующей ночи сюда были скрытно подвезены переправочные средства. Для успешного форсирования озера был придан специальный батальон с автомашинами типа «амфибия».

В ночь на 27 апреля на эти «амфибии» был посажен один из батальонов подполковника Лазебникова и под покровом темноты перевезен на юго-западный берег озера. Скрытно высадившись, батальон внезапной атакой разбил группу немцев, прикрывавших Потсдам с этой стороны, и прочно закрепился на захваченном плацдарме.

Немедленно вслед за этим началась переправа остальных батальонов подполковника Лазебникова и полка майора Водовозова. Пере-

права производилась на специальных плотах, сбитых из понтонов. К десяти утра таким способом были переброшены, кроме обоих полков, также отдельный истребительный противотанковый дивизион и пушечный дивизион артполка.

На юго-западном берегу озера сосредоточилась мощная ударная группа, способная начать наступление на город...

27 апреля. 13.00

Наступление на город началось в 10.30, т. е. через полчаса после того, как через озеро Юнгферн переправились последние орудия артполка.

После короткого, но интенсивного артиллерийского налёта подразделения подполковника Лазебникова и майора Водовозова устремились на город. В результате хорошо подготовленного и стремительно проведённого манёвра вражеские группировки, защищавшие Потсдам с севера и юга, были разобщены и, потеряв управление, стали поспешно отступать. Весь путь отхода был покрыт сотнями трупов немецких солдат и офицеров.

На плечах отступающего противника оба полка ворвались на северную и западную окраины города и завязали уличные бои. Немцы ожесточённо сопротивлялись, цеплялись за каждый дом. Они вели сильный огонь из орудий, бивших прямой наводкой, применяли в огромном количестве фаустпатроны, непрерывно переходили в контратаки. Несмотря на это, уже в полдень вся центральная часть города была в наших руках.

В 12.00 наблюдательный пункт был перенесён в обширный фамильный замок германских императоров, над которым уже реял наш советский государственный флаг.

Ключи от замка были вручены нашему командиру генерал-майору Выдригану.

*

ГВАРДИИ КАПИТАН
Н. МЕШКОВ

*

На рубеже Фрейдорф

Это были дни самых ожесточённых боёв с немецкой группировкой, окружённой юго-восточнее Берлина. Немцы предпринимали отчаянные усилия, чтобы вырваться из кольца.

Ценой больших потерь нескольким батальонам врага удалось вклиниться в наши боевые порядки и к исходу 26 апреля выйти на рубеж Фрейдорф. Наш истребительный противотанковый полк получил приказ спешно выдвинуться в район прорыва и преградить дорогу противнику. Спустя полчаса головная батарея полка уже подходила к северной окраине Фрейдорф. Внезапно из ночной темноты на батарею обрушился сильный огонь немцев. Колонна остановилась...

Первым развернулось и открыло беглый огонь орудие гвардии старшего сержанта Дорохова. Немецкие цепи замялись, но скоро пришли в себя. Большая группа немцев стала обходить слева разворачивающуюся батарею. Передние, треща автоматами, уже подбегали к домикам села. Ещё немного, и они были бы в тылу у нас.

Но разведчики Трошкин и Елисеев опередили их. Быстро установив в окне дома пулемёт, они открыли сильный огонь вдоль улицы по подбегавшим немцам. Те залегли. Залегла под огнём пушки и передняя цепь. В этот момент открыли огонь и остальные орудия второй батареи. Почти вслед загремели залпы и первой батареи. Вспыхнули зажжённые снарядами дома. Положение сразу изменилось. Немцы в беспорядке заметались по полю, стараясь спастись от убийственного огня двух бата-

рей. Батареи, преследуя их огнём, начинают поорудийно выдвигаться вперёд.

Для преследования немцев были посланы батарейные разведчики. Вместе с подоспевшими бойцами пехотного батальона они на плечах врага ворвались в соседнее село Тейров и овладели им. К утру туда подошли наши батареи и встали на огневые позиции на окраинах. Немцы отошли к лесу и заняли оборону по опушке.

Весь день противник заметно нервничал, беспорядочно обстреливая наши батареи. С наступлением сумерек артогонь врага усилился. Усилилась и трескотня пулемётов и винтовок. Противник, видимо, готовился к контратаке. Действительно, едва стемнело, большие группы немцев двинулись в атаку на село с севера. В темноте вражеские цепи обозначались только сотнями вспышек выстрелов. Мы не отвечали, ожидая сигнала. Расчёты замерли у орудий и пулемётов. Наконец, с наблюдательного пункта командира полка взлетела зелёная ракета. Мгновенно вспыхнули десятки осветительных ракет. Стало светло, как днём. Немецкие цепи шли в несколько рядов. Но вот воздух сотрясают залпы орудий, трещат пулемётные и автоматные очереди. Прицельный огонь батарей сразу отрезвляет врага. Немцы ложатся, расползаются по сторонам, потом бегут назад.

В течение ночи немцы ещё три раза пытались атаковать наши боевые порядки, но каждый раз с огромными потерями откатывались в лес. Перед рассветом бой, наконец, стих.

Истомлённые двухсуточными непрерывными боями, батарейцы и пехотинцы задремали у своих орудий и пулемётов. Неожиданно в предрассветной тишине послышались крики. Торопливо, словно спросонок, затрещал пулемёт, загремела беспорядочная ружейная стрельба. Вспыхнули ракеты. В их неровном ярком свете показались сплошные массы немцев, молча двигавшихся на село. На этот раз они шли без единого выстрела густыми ровными цепями на северо-западную окраину села. С бугра, отстреливаясь, уже отходили мелкие группы наших пехотинцев. Оттуда проскакала упряжка с 45-мм пушкой без снарядов.

В немецком тылу послышался шум моторов...

Большая группа противника прорвалась к орудию гвардии старшего сержанта Соколова. Отважные гвардейцы отстреливаются, закидывают врага ручными гранатами. Прямым попаданием фаустпатрона убиты командир орудия и весь расчёт. Орудие лежит с отвалившимся набок стволом. Пулемётчик Савченко отползает со своим пулемётом назад и из

окна подвала продолжает косить немцев, ворвавшихся на огневую. Его очереди прижимают врага к земле. Но вот пулемёт смолк. Кончились патроны. Немцы зашевелились. Но едва они подняли головы, как Савченко снова открывает огонь, на этот раз из подобранного автомата...

К орудию Сафаева немцы подползли почти вплотную. Из-за домов движется на батарею вражеский бронетранспортёр. Прильнув к панораме, Сафаев, заменивший только что убитого наводчика, быстро наводит орудие на вражескую машину. Но в этот момент на него кидаются пятеро немцев. Гвардии красноармеец Попандопул видит это, вскакивает на ноги и короткой автоматной очередью в упор срезает их. В тот же миг гремит выстрел орудия — и подбитый бронетранспортёр вспыхивает.

Ожесточённый бой одновременно развернулся на соседней, второй батарее. В самый разгар боя на дороге в тылу батарец показался немецкий бронетранспортёр. Он на полной скорости мчался в село. В это время красноармеец Сайер минировал дорогу. Не разглядев в утренних сумерках фашистских знаков, он принял его за свой транспортёр и торопливо кинулся к нему навстречу.

- Стой! — закричал он, размахивая руками. — Куда едешь, — мины!

Бронетранспортёр резко затормозил, остановившись в двадцати шагах от орудия командира взвода гвардии лейтенанта Долицина. Тот обернулся. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, в чём дело. Лейтенант быстро подал команду. Расчет стал поспешно разворачивать орудие. Бронетранспортёр открыл по орудию огонь и, дав полный ход назад, попытался скрыться. Но выстрел из нашего орудия уже прогремел. Взорванный бронетранспортёр вспыхнул ярким снопом пламени и замер, заволакиваясь густым чёрным дымом...

Несмотря на огромные потери, немцы прорвались к центру села, им удалось разрезать оборону полка на две части. На восточной окраине продолжали биться четвёртая и вторая батареи. На западной окраине неравный бой с огромными массами немцев вели первая и пятая батареи.

К огневым позициям первой и пятой батарей немцы подошли ещё в темноте. Неся страшные потери, они буквально наседали на стволы пушек. В то же время целые группы их, по 150—200 человек каждая, начали ползком обтекать фланги батарей с востока и запада. Гвардейцы, освещая поле боя ракетами, вели непрерывный огонь по ползущим отовсюду немцам. Их меткий огонь косил врага, прижимал его к земле. Но уже на исходе снаряды. Кончаются и ракеты. Немцы подползают всё ближе.

Орудия гвардии лейтенанта Бражникова смолкли первыми: кончились снаряды. Лейтенант послал за ними к соседнему орудию, а сам с разведчиками продолжал отстреливаться от ползущих немцев из автоматов. Раздаётся крик:

— Товарищ лейтенант, сзади немцы!

Бражников оглянулся. Из темноты рядом с ним выросла фигура немца. Прежде чем лейтенант успел сделать движение, тот в упор выстрелил из пистолета. Раненый офицер, падая, сильным рывком за ногу опрокинул врага на землю. Подоспевший разведчик Рудат автоматной очередью убил врага.

На исходе снаряды и в пятой батарее. Немцы перерезали путь подвоза, заняв дорогу в тыл. Командир взвода управления гвардии старший лейтенант Тихонравов собирает свой взвод и ведёт его в контратаку. Орудие младшего сержанта Опищука открывает беглый огонь по кустам у дороги, где засела большая группа немцев. С другой стороны на немцев неожиданно обрушивается на машине сержант Андропов с разведчиками. Они расстреливают немцев из пулемёта, забрасывают ручными гранатами. Немцы бегут. Следом за ними на дорогу врывается машина, и вместе с бойцами Тихонравова разведчики Андропова атакуют вторую группу немцев, обороняющих дорогу. Не выдержав стремительного натиска, противник, отстреливаясь, покидает шоссе. Дорога свободна. Взвод Тихонравова занимает её. Через полчаса батареям подвозят снаряды.

На рассвете первая и пятая батареи открыли сильный огонь по западной окраине села, где удерживалась большая группа противника. Одновременно начинают обстрел и батареи, находившиеся на восточной окраине, а два наших бронетранспортёра, на которых были командир полка и помощник начальника штаба, на полном ходу врываются в село. Немцы пробуют оказать сопротивление, но их хватает ненадолго, и они начинают группами сдаваться в плен.

*

ГВАРДИИ КАПИТАН

ПАКУЛОВ

*

У Хальбе

Нам было известно, что немецкое командование поставило своим окружённым у Вендиш-Бухгольц войскам задачу прорвать кольцо в районе Хальбе и пробиться к Берлину. По показаниям пленных, эту задачу было приказано выполнить, не считаясь ни с какими потерями.

28 апреля наш истребительный противотанковый полк получил приказ занять оборону в Хальбе. Совершив форсированный марш через лес, кишевший блуждающими группами немцев, и отразив нападение автоматчиков противника, полк прибыл в назначенный район. Здесь и в лесу южнее Хальбе уже шли ожесточённые бои.

Времени на рекогносцировку местности не было, и полк, развернувшись в темноте под огнём противника, с хода занял огневые позиции по опушке леса и западной окраине села.

Позиционный район Хальбе очень труден для обороны. Этот населённый пункт находится в юго-западной части большой поляны, окружённой с трёх сторон сплошными массивами леса. Впереди, на противоположной опушке леса, были церковь, железнодорожная станция, кирпичный завод. Лесные заросли и постройки служили хорошими подступами для противника, давая возможность его мелким группам скрытно подходить и обстреливать наши орудийные расчёты автоматным огнём. Орудия имели ограниченные секторы обстрела. Тем не менее все батареи полка были расположены таким образом, что с какой бы стороны ни шли немцы, на них могла обрушиться вся мощь огневых средств батарей.

Первую попытку прорваться через Хальбе противник предпринял почти немедленно после нашего прибытия сюда. Удар наносился из района железнодорожной станции, кирпичного завода и леса, что севернее их, силами до 800 человек пехоты при поддержке двух танков, двух самоходок и пяти бронетранспортёров. Основной удар приняла правофланговая третья батарея, занимавшая западную окраину села.

Подпустив немцев на четыреста метров, командир батареи гвардии старший лейтенант Калитвянский приказал открыть огонь пулемётчикам и орудию гвардии старшего сержанта Фоминых. После первого же выстрела из орудия вспыхнул шедший впереди бронетранспортёр. Пулемётчики косили вражескую пехоту, густо облепившую танки и бронетранспортёры. Не выдержав огня, немцы начинают покидать броню. Командир орудия переносит огонь на танки. Снаряд сносит башню первого неприятельского танка. Второй танк и самоходки развернулись и отошли. Пехота, оставленная своими танками, начинает метаться по полю под убийственным огнём наших батарейцев. Еще немного, и часть немцев бежит обратно в лес. Большинство же бросает оружие и с поднятыми руками идёт к батарее. Это первые 230 пленных, взятые здесь нами.

Ровно в полночь противник предпринял вторую атаку гораздо более крупными силами пехоты с бронетранспортёрами. Сплошные колонны немцев напролом ринулись из леса севернее Хальбе, стремясь прорваться через батареи в западный массив леса. Мы расстреливали их шквальным огнём всех орудий, пулемётов и автоматов. Немцы несли большие потери, но остервенело продолжали лезть вперёд. В ослепительном свете горящих ракет мы видели их искажённые лица. В ход были пущены ручные гранаты...

Большая группа немецких автоматчиков прорвалась в промежуток между батареями и атаковала наблюдательный пункт полка, помещавшийся у шоссе в отдельном домике. Горсточка бойцов и офицеров отстреливалась от сотен немцев, окруживших с трёх сторон дом.

Положение спасли два бронетранспортёра второй батареи, вызванные по радио.

До утра противник произвёл ещё четыре атаки, но ничего не добился, потеряв лишь много сотен своих солдат.

Особенно сильной была последняя атака, шестая по счёту. Она началась в 6.30 утра. Нанеся главный удар силами 12 танков, 27 бронетранспортёров и до 2500 человек пехоты, противнику удалось смять

личный состав стоявшего правее нас дивизионного артполка и прорваться в районе церкви к лесу. Таким образом правый фланг нашего полка оголился, и противник получил возможность почти беспрепятственного выхода из окружения. В горло прорыва устремились немцы.

Командир правофланговой батареи гвардии старший лейтенант Калитвянский принял смелое решение: он быстро выдвинул к месту прорыва взвод гвардии лейтенанта Борисова, приказав ему перекрыть огнём образовавшийся проход.

Под сильным обстрелом противника взвод быстро занял новую позицию и почти в упор начал расстреливать двигавшиеся колонны немцев. В месте прорыва образовался непроходимый затор из горевших повозок и автомашин...

В это время два вражеских танка и самоходка прикрытия ринулись на огневые позиции орудий Борисова, стреляя с хода. Гвардии лейтенант хладнокровно выждал, пока танки приблизились. С первого выстрела одного из орудий правый танк закрутился на месте с перебитой гусеницей. Вторым снарядом наводчик добил его и по приказу командира перенёс огонь на самоходку. Другое орудие в это время тремя снарядами расправилось со вторым танком и тоже перенесло огонь на самоходку. Ещё мгновение — и от снарядов, выпущенных одновременно обоими орудиями, самоходка взрывается и горит...

Расправившись с танками, взвод снова обрушил огонь на пехоту. С появлением прикрытия она было ободрилась, но быстрая расправа с танками и возобновившийся убийственный огонь пушек окончательно дезорганизовали её: немцы в беспорядке заметались по полю, падая под огнём орудий и пулемётов...

В самый разгар боя из леса севернее станции вышел немецкий бронетранспортёр в сопровождении 150 автоматчиков и стал продвигаться ко второй батарее. На транспортёре был поднят белый флаг. Первый ряд автоматчиков шёл без оружия, тоже под белым флагом. Батарейцы замерли у орудий. Бронетранспортёр медленно приближался к ним. Командир батареи гвардии старший лейтенант Таран, не доверяя мирным намерениям врага, приказал гвардии сержанту Васькину держать бронетранспортёр в панораме орудия. Когда бронетранспортёр приблизился на пятьдесят метров к огневой, командир батареи пошёл к нему навстречу. Внезапно белый флаг исчез, ствол пулемёта быстро опустился, и над головой офицера свистнула очередь. Таран упал и крикнул: «Огонь!» Мгновенно раздался выстрел, и бронетранспортёр запылал. Выскочивший

экипаж был полностью истреблён. В числе убитых оказались один генерал и восемь старших офицеров...

В этот же день большая группировка противника, скопившаяся в южном лесу, подверглась сильному нажиму наших войск с юга. Не выдержав его, немцы стали отходить на север и вышли к шоссе в тыл нашей второй батареи. Командир батареи гвардии старший лейтенант Таран быстро перестроил свой боевой порядок и встретил отступавших немцев плотным пушечно-пулемётным огнём.

Немцы, разъярённые этой новой, неожиданной преградой, огромными массами ринулись на батарею. Они, как безумные, лезли на расстреливавшие их в упор пушки и пулемёты. Горы трупов устилали подступы к нашим огневым позициям, а всё новые и новые толпы немцев, охваченные каким-то психозом, шли на верную смерть. Наконец, лавина вражеских войск стала редеть. Сотни фрицев сдались в плен, остальные отступили. Еще два раза в этот день под продолжающимся нажимом наших войск с юга немцы предпринимали подобные же отчаянные попытки прорваться на север, но и они кончились полной неудачей...

Притихшая окружённая группировка немцев до вечера не проявляла активности. С наступлением темноты начались короткие схватки с мелкими разведывательными группами противника. В 23.00 крупная группа немецкой пехоты, численностью до 1500 человек, с танками, автомашинами, бронетранспортёрами, вновь атаковала батареи, стремясь прорваться по шоссе через Хальбе на запад.

Несмотря на огромные потери, немцы дошли до самых огневых позиций и в нескольких местах вклинились в наши боевые порядки. Положение стало крайне напряжённым. Батареи были фактически отрезаны друг от друга. Связь поддерживалась главным образом радио. Телефонная связь почти не работала, несмотря на чудеса отваги и самоотверженности, которую проявляли телефонисты.

Артиллеристы уже почти полностью израсходовали весь свой запас патронов. В этот критический момент очень помогло умение владеть трофейным оружием. Полк использовал в этом бою много захваченных у немцев пулемётов, автоматов и ручных гранат.

Расчёт гвардии старшего сержанта Брежнева почти весь вышел из строя. Остался лишь сам командир с одним номером. Пушка повреждена, вышли все ручные гранаты и фаустпатроны. Немцы наседают всё ближе и ближе, а в руках артиллеристов один автоматы. Немецкий бронетранспортёр пошел прямо на замолкшее орудие, чтобы раздавить уцелевших

возле него людей. Храбрецы поливали вражескую машину ливнем пуль, но она без выстрела ползла на орудие. Еще секунда — и машина наваливается бронированным брюхом на окоп. Раненый гвардеец Брежнев потерял сознание. Когда он очнулся, бронетранспортёр медленно удалялся по улице. Ненависть к врагу подняла на ноги Брежнева. Прыгая через воронки и трупы, он побежал под ливнем пуль к своему бронетранспортёру, сражавшемуся за домом. Несколько прыжков — и он на машине.

— Вперёд! — скомандовал Брежнев.

Советская машина, взревев мотором, ринулась в погоню за немецким бронетранспортёром. Тот не успел далеко уйти. Быстроходный «М-9» едва не врезался в немецкий «Гономак». Выпущенная Брежневым длинная очередь крупнокалиберного пулемёта прошила его корму. Бронетранспортёр загорелся, окутываясь клубами густого чёрного дыма.

В это же время в районе командного наблюдательного пункта полка шла ещё более ожесточённая схватка. Десяток бойцов и офицеров с двумя бронетранспортёрами под руководством гвардии майора Тихонова отбивался от большой группы немцев. Наши боевые машины давили немцев своими гусеницами, пулемётчики и автоматчики расстреливали их в упор.

В дыму боя сержант Плехов разглядел немца, прицелившегося в майора Тихонова. Сильным рывком сержант бросает майора на землю, и вражеские пули свистят мимо. В следующее мгновение очередь автомата прошивает врага. Всё произошло так быстро, что майор не сразу понял, в чём дело, а когда понял, благодарить за спасение было некого — сержант Плехов сражался уже далеко.

Бой достиг своей кульминационной точки. И вдруг немцы, словно им кто-то дал сигнал, начали почти одновременно бросать оружие на землю и поднимать руки.

*

ТРИЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ГВАРДИИ ПОЛКОВНИК

А. ПОКРЫШКИН

*

На аэродроме у Ютербог

В упорных боях, проведённых нами от предгорий Кавказа до центра Германии, воздушные воины моего соединения налетали тысячи часов, прошли в воздухе в общей сложности около 12 миллионов километров. Тридцать лётчиков соединения за высокие подвиги были удостоены звания Героя Советского Союза; у каждого нашего лётчика на боевом счету числились сотни вылетов, десятки сбитых вражеских самолётов. Опытными бойцами, волевыми и умелыми командирами, в совершенстве владеющими техникой, подошли они к берлинскому рубежу. Все мы были уверены, что через несколько дней будем в Берлине.

За день до начала наступления мы оставили свой импровизированный аэродром на автостраде и перелетели на полевые площадки ближе к реке Нейсе. Когда же наши части начали штурм Берлина, мы перебазировались ещё ближе к переднему краю — на аэродром у города Ютербог, южнее Берлина. Мы находились теперь совсем рядом с нашими войсками, ведущими небывалое в истории человечества сражение.

Интересна история «освоения» этого аэродрома. Город Ютербог с двумя аэродромами, расположенными по соседству с городской чертой, был захвачен стремительной атакой танкистов генерал-полковника Лелюшенко, с которыми взаимодействовало мое соединение. Удар танкистов был настолько ошеломляющим, что командование немецких воздушных частей сумело лишь частично повредить материальную часть на одном аэродроме. На втором — центральном аэродроме немецкой истребитель-

ной авиации ПВО всей Германии — нами была захвачена богатая добыча. Все ангары, самолёты, в том числе и реактивные, все аэродромные здания с их оборудованием, запасы горючего, боеприпасов остались в целости.

Овладев аэродромом, танкисты немедленно сообщили нам об этом, и мой заместитель полетел в Ютербог. Вместе с инженерами он детально обследовал аэродром и подготовил его для принятия наших самолётов. Оказалось, что одна из окраин аэродрома заминирована, но танкисты быстро произвели разминирование. Батальон аэродромного обслуживания взял на учёт и подготовил места для размещения лётных подразделений. Одновременно со старых наших аэродромов прибыли продукты питания, оборудование, авиатехническое имущество и всё, что необходимо для нормальной боевой работы.

И вот, подлетая к новому аэродрому, я увидел очертания этого весьма удобного лётного поля, его строения и город Ютербог, с неизбежной киркой, торчащей посредине городской площади. Прошло несколько часов, и новый аэродром зажил своей обычной хлопотливой жизнью. Вскоре к нам прибыл генерал-полковник Красовский, и я получил от него указания по организации боевой работы на новом месте.

В 10—15 километрах от нас — и на западе, и на востоке — в лесах шли ожесточённые бои. На востоке, почти совсем рядом с аэродромом, в большом лесу находилась окружённая нашими войсками крупная немецкая группировка. Она стремилась вырваться из кольца, и единственным путём для неё на запад был путь через наш аэродром, мимо города Ютербог.

В этой обстановке было очень важно наладить регулярную воздушную разведку, чтобы следить за каждым передвижением немцев в лесах. В любую погоду, в дождь, туман, зачастую бреющим полётом ходили лётчики-разведчики над весенними зеленеющими лесами, аккуратно расчерченными просеками на квадраты. Трудно было ловить врага, скрывавшегося в лесу. Разведку и последующие штурмовки осложняло то, что противник располагал большими огневыми средствами. Тем не менее такие лётчики, как Герой Советского Союза капитан Комельков, лейтенант Ворошилов и другие разведчики, доносили нам о малейшем передвижении противника. Они умело засекали переходы даже мельчайших групп противника из одного квадрата в другой.

Немедленно по получении сведений самолёты вылетали на штурмовку, причём, благодаря хорошо налаженной радиосвязи, мы успевали настигать

Над горящим Берлином

врага на открытых местах. С утра до вечера группы истребителей штурмовали немецкие войска, сбрасывая на них бомбы, расстреливали пулемётно-пушечным огнём. Противник нёс большие потери от нашей штурмовки — и не только убитыми и ранеными. Командир пехотного корпуса, с которым мы взаимодействовали, сказал мне: «После каждой штурмовки немцы партиями сдаются нам в плен!..»

Приходилось летать на штурмовку окружённых немцев и мне. Получив однажды радиограмму о том, что враг затеял переброску своих сил в западном направлении, я в паре с Героем Советского Союза капитаном Труд отправился на штурмовку. Мы настигли колонны немецких машин в то время, когда они двигались по просеке. Врагу негде было укрыться, и пять наших заходов по машинам и людям заставили немцев, понеся большие потери, разбежаться по лесу.

В другой раз на штурмовку врага вылетели две восьмёрки самолётов: одна под моим командованием и вторая под командованием лётчика Трофимова. Во время первого захода у меня в пулемёте разорвался патрон, и пришлось вернуться на аэродром. После возвращения товарищей мы снова ринулись на штурмовку.

Уже смеркалось, и в сумерках были видны горящие машины и лес — горело всё, что видел внизу глаз, но враг продолжал сопротивляться. Пикируя в паре с лётчиком Голубевым, мы ударили по немецким зениткам и заставили их замолчать.

Часто отдельные группы немцев, пытавшиеся прорваться на запад, показывались на восточной стороне аэродрома, у опушки леса, и тогда размеренная жизнь аэродрома несколько нарушалась. Весь свободный лётный состав вместе с техниками и другим обслуживающим персоналом, вооружась винтовками, автоматами, отражал врага. Немецкие солдаты и офицеры шли на нас цепями и даже сомкнутыми рядами. Они стреляли, падали, но, движимые отчаянием, одна волна за другой, снова появлялись из леса.

Но и во время этих боёв, происходивших на аэродроме, боевая лётная работа не прекращалась. Попрежнему самолёты уходили на выполнение боевого задания, возвращаясь, садились на аэродром, на окраинах которого велись ожесточённые схватки. Был день, когда положение на окраине леса стало таким напряжённым, что пришлось вызвать на помощь комендантскую роту из Ютербога. В другой раз, в тяжёлый момент наземного боя, нас выручили две самоходки, случайно проходившие в районе аэродрома. Расстреливая врага в упор, они решили исход схватки.

Невзирая на ухудшившуюся погоду — туман, дожди, мы продолжали штурмовать врага в лесу, рядом с аэродромом. Чем интенсивнее происходили эти штурмовки, тем меньше попыток прорыва на аэродром делали немцы. Наконец, в последних числах апреля окружённые немецкие части, энергично теснимые нашими войсками со всех сторон, стали группами выходить из леса и сдаваться в плен. Окружённая группировка немцев была полностью ликвидирована. Самолёты нашего соединения, по заявлению командира пехотного корпуса, уничтожили около 8000 немецких солдат, десятки машин и много вооружения. На аэродроме воцарилось то относительное спокойствие, какое может быть на боевом аэродроме вблизи переднего края.

Всё время до нас доносилась оглушительная канонада с севера, где армии 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов стальным кольцом сжимали центр фашистского логова. Высокое напряжение владело в эти дни нашими лётчиками. Все рвались в бой — в дымное небо Берлина.

Каждый день приносил нам радостные вести о доблестной работе сталинских соколов. Так, например, старший лейтенант Сухов и Герой Советского Союза старший лейтенант Бондаренко, во главе двух четвёрок наших самолётов, ведя бой над переправой через Шпрее, встретились с двадцатью вражескими самолётами. В результате боя около станции наведения упало девять фашистских самолётов, а остальные удрали. Наша группа и танки на переправе потерь не имели.

Особенно порадовал меня необычайно красивый бой, проведённый младшим лейтенантом Берёзкиным южнее Берлина; он один принял бой против двенадцати «Фокке-Вульфов-190» и сбил трёх из них. Это был результат умелого использования облаков и ряда ловких маневров.

Несколько замечательных воздушных побед одержал в эти дни прославленный асс Дмитрий Глинка, летавший на Берлин, а затем и в район Дрездена, где мы прикрывали переправу через Эльбу.

Мне вместе с моим напарником Голубевым также довелось побывать и над Эльбой, и над Берлином.

В облаках дыма, поднимавшегося к зениту над Берлином, можно было встретить в эти дни сотни наших самолётов. Советские лётчики полностью господствовали в воздухе. Группы «мессершмиттов» и «фокке-вульфов», которые нам приходилось встречать, почти всегда удирали, не принимая боя.

*

1 Рейхстаг
2 Министерство внутренних дел
3 Полицей-президиум
4 Ратуша
5 Дворец Вильгельма
6 Ангальтский вокзал
7 Бранденбургские ворота
8 Александер плац
9 Шлосс плац
10 Кенигс плац

СХЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ
БЕРЛИНА

В ЦЕНТРАЛЬНЫХ КВАРТАЛАХ

Войска 1-го Белорусского фронта с востока, севера, северо-запада и юго-востока, а войска 1-го Украинского фронта с юга и юго-запада пробивались к центру Берлина — к рейхстагу, ведя упорные бои за каждый квартал, за каждый дом. По мере приближения к центру города напряжение боёв возрастало. Наибольшего ожесточения бои достигли, когда войска генерал-полковника Берзарина вышли к центральной площади Берлина — Александерплац, войска генерал-полковника Кузнецова достигли северных подступов укреплённого района рейхстага, войска генерал-полковника Чуйкова и танки генерал-полковника танковых войск Катукова форсировали Ландвер-канал, а в южном и юго-западном районах Берлина вели бои танки генерал-полковника танковых войск Рыбалко, двигавшиеся навстречу танкистам генерал-полковника танковых войск Богданова, наступавшим с севера.

*

ГВАРДИИ КРАСНОАРМЕЕЦ
А. КОЛОМИН

*

Аэростат над Берлином

Наше воздухоплавательное подразделение было придано гвардейской артиллерийской части. Вместе с этой бригадой мы шли с Одера, чтобы направлять огонь пушек по Берлину.

Аэростат быстрее и легче вести в воздухе на 75-метровом тросе автолебёдки, но в целях маскировки мы вели его на руках до самого Берлина. На отдых останавливались редко, спать приходилось по два-три часа в сутки. Достигнув назначенного пункта, мы немедленно получали приказание продвигаться вперёд. Шли только по просёлкам.

Ноги бойцов вязли в сырой почве. Ветер рвал из рук большой аэростат. Машины, нагружённые воздухоплавательным имуществом, застревали в грязи. Бойцы подпирали их, вытаскивали на твёрдую землю, и подразделение продолжало двигаться дальше.

Боевой расчёт аэростата не чувствовал усталости. Берлин, о котором мы с ненавистью думали в тяжёлые дни под Москвой, под Великими Луками, под Варшавой и в Лодзи, — этот город, казавшийся раньше таким далёким, был теперь перед нами. И каждый из нас напрягал все силы. Мы знали, что эта битва будет последней.

25 апреля подразделение вступило в предместье Берлина — Фридрихсхаген. Здесь у переправы через Шпрее скопилась большая масса техники, движущейся на Берлин. Грохочут по мостовой танки, гудят моторы грузовых автомашин, тяжело нагружённых боеприпасами и вооружением; проходят установки гвардейских минометов, с которых уже сброшены

брезентовые чехлы; ползут тягачи, таща за собой мощные орудия крупнокалиберной артиллерии; среди тяжёлых машин ловко снуют виллисы, легковые машины генералов; колонны пехотинцев беспрерывными потоками идут к переправе.

Мы поражаемся количеству и разнообразию техники, брошенной на штурм Берлина.

Между машин пробиваются беженцы-немцы и освобождённые из немецкого рабства русские, французы, итальянцы, чехи. На рукавах проходящих можно увидеть самые разнообразные повязки, почти всех национальных цветов Европы. С белыми повязками, знаком капитуляции, идут хмурые и подавленные немцы со своими велосипедами, чемоданами, детскими колясками. Тут же оживлённо балагурят французы, весело блестят глазами смуглые сухощавые итальянцы, хохочут русские девчата — они радуются своему освобождению из немецкого рабства, радуются тому, что, наконец-то, снова попали в среду своих, русских.

И вот мы в Берлине. Серые дома, похожие на каменные коробки, смотрят на нас битыми стёклами окон, из которых выставлены белые флаги. Угрюмые цивильные немцы вылезают из своих подвалов и ничего не выражающим взглядом смотрят на наш аэростат. На стенах домов еще сохранились фашистские лозунги. У разрушенных зданий среди груд кирпича и камней застряли разбитые немецкие танки, орудия и автомашины, рядом — трупы немецких солдат. Наши батареи прямо с улиц бьют по центру города. Гудят машины, грохочут танки, с шумом проносятся самолёты над крышами.

К полудню аэростат прибыл в назначенный пункт — парк Кернера. Капитан Грамотеев не ошибся. Он выбрал очень удобное место для работы и стоянки аэростата: парк расположен в низине, его прикрывают бетонированные стены — здесь можно надёжно скрыть аэростат.

Расчёт выстраивается. Капитан Грамотеев ставит ему боевую задачу.

— Через два часа начинаем боевую работу, — говорит он, — а сейчас необходимо оборудовать постоянный бивак.

Закипела работа. Застучали топоры, зазвенели пилы. Под умелым руководством старшего лейтенанта Аглиуллина расчёт быстро оборудовал бивак. Аэростат был установлен среди высоких деревьев, которые хорошо маскировали его сверху.

Радист сержант Попов связался с бригадой. Капитан Грамотеев доложил по радио о своём прибытии на место и готовности к боевой работе.

В ответ было принято приказание: подняться в воздух и наблюдать за противником, обо всем замеченном сообщать в штаб части.

— Расчёт — к аэростату!

Бойцы выводят аэростат из укрытия. В гондолу влезает лейтенант Трухан с аэрофотоаппаратом. Загудела лебёдка, аэростат взмыл над Берлином. Лейтенант фотографирует центральную часть города, где находятся еще немцы. Эти снимки после внимательного изучения дадут ценные сведения о противнике.

В воздухе появляются немецкие самолёты. Их семь штук. Один за другим они идут на аэростат. Вот первый проносится над аэростатом и даёт пулемётную очередь зажигательными пулями. Лейтенант услышал, как мимо него пролетели пули, он осматривает серебристое брюхо аэростата. Нет, не видно ни дыма, ни огня, значит, мимо, просчитался немец. Разворачивается второй самолёт... «Опустить вас?» — спрашивают лейтенанта по телефону с земли. Он отвечает: «Нет, я ещё не всё сделал».

В строй немецких самолётов уже врезалось несколько советских истребителей. Немцы разлетелись в разные стороны, точно стая воробьёв, в которую запустили камнем, и стали по одному выходить из боя, удирать на запад. С земли начали бить зенитки.

Вдруг лейтенант услышал над головой какое-то шипение. Пробита оболочка, газ выходит наружу. Лейтенант крикнул в телефон:

— Выбирайте быстро аэростат!

Оболочка оказалась пробитой в двух местах. Вероятно, в неё попал осколок зенитного снаряда. Такелажник старший сержант Алексеев быстро заклеивает пробоины, расчёт добавляет в оболочку газ из запасного газгольдера, и аэростат снова готов к подъёму.

На этот раз поднялся старший лейтенант Довженко. Он долго смотрит в стереотрубу, смотрит на карту Берлина и, наконец, сообщает на землю: «Квадрат 2062—86960 — трёхорудийная зенитная батарея. В районе Шарлоттенбургер взрыв большой силы, — вероятно, немцы взорвали мост. По Берлинерштрассе двухстороннее движение автомашин, насчитал 60».

Лейтенант Довженко спускается. Вскоре капитан Грамотеев получил радиограмму с приказом немедленно поднять аэростат для корректировки артиллерийского огня по скоплению противника в районе Кёнигсплаца и рейхстага.

В гондоле воздухоплаватель старший лейтенант Егупов. Он ещё раз проверил связь с землёй, осмотрел все приборы, повесил на видное место

планшет с планом Берлина и оглядел. Перед офицером раскинулся Берлин, теперь похожий на тот, что у него на планшете. Повсюду, насколько хватает глаз, крыши и крыши, рассечённые линиями улиц на геометрические фигуры кварталов. Там и сям над крышами поднимаются трубы заводов. Блестит извилистая лента Шпрее, светлыми полосками протянулись прямые каналы. Вдалеке среди клубов чёрного дыма хаотической массой выделяются разрушенные кварталы центральной части города. Серым полукругом ясно вырисовывается большое поле Темпельхофского аэродрома. Там расположились батареи, огнём которых должен был управлять сейчас воздухоплаватель.

Аэростат замер. Воздухоплаватель взглянул на стрелку высотомера — 900 метров. Теперь пора приступать к работе. Он ориентирует по компасу планшет, сравнивает план Берлина с тем, что видит внизу. Приложив к глазам бинокль, офицер быстро разбирается в этом огромном втором плане раскинувшегося под ним Берлина, находит Кёнигсплац и внимательно изучает этот пункт. Затем взгляд наблюдателя скользит вдоль ленты Шпрее; здесь на берегу должно быть здание рейхстага. Вот оно.

— Передайте, — говорит он в телефон, — в районах Кёнигсплаца и рейхстага вижу скопление техники. Приготовиться к стрельбе!

— Приготовиться к стрельбе! — повторяет радист.

Корректировщик быстро готовит данные для стрельбы по Кёнигсплацу и после короткой пристрелки одним орудием командует:

— Залп!

Рявкнули пушки. С воем понеслись снаряды на Кёнигсплац. Корректировщик приложился к биноклю: на площади взметнулись столбы разрывов. Хорошо!

- Беглый огонь!

Площадь окуталась дымом. Старший лейтенант уже не видел за дымом

разрывов, но он знал, что снаряды ложатся точно в цель, и продолжал командовать:

— Огонь! Огонь!

В небе появились самолёты. Два немецких бомбардировщика в сопровождении четырёх «фокке-вульфов» кружились над городом, — они, очевидно, искали цель для бомбёжки. Вот пара немецких самолётов отделилась от строя и пошла к аэростату. Но только они стали разворачиваться для атаки, как появляется пятёрка наших истребителей. Немцы обращаются в бегство.

— Опустите меня ниже! — скомандовал старший лейтенант и перенёс огонь на рейхстаг.

С земли передали:

— Генерал вашей работой доволен. Аэростат можно опустить.

☆

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

МАРТЫНОВ

*

Во втором эшелоне

Памятной ночью 26 апреля наш батальон перешагнул Шпрее и расположился у здания берлинской обсерватории. Гул артиллерии доносился издалека. Это значит, что бои идут уже в центре Берлина. Нам обидно, что мы не там, а топчемся у порога города — во втором эшелоне и, может быть, нам вообще не придётся принимать участия в этих боях. А ведь многие в батальоне припрятали за бортом шинели неведомо где добытый заветный кусок красной материи, в тайной надежде первыми взобраться на крышу рейхстага. Зависть к первому эшелону вползает в наши души, и мы довольно понуро проводим отдых.

Но вот всё пришло в движение. Приказано подниматься и проверить боеготовность. Старшина Марочкин вертится волчком, чтобы побыстрее раздать боепитание. Мои связисты хлопочут у аппаратов — одни старательно прозванивают, протирают капсюли микрофонов, другие сгружают с брички неприкосновенный резерв отборного кабеля, который мы специально берегли для Берлина.

Батальон получил задачу, двигаясь в северо-западном направлении между Шпрее и Ландвер-каналом, очищать кварталы, по которым уже прошёл первый эшелон. Мы двинулись ночью. Но горящие здания, точно гигантские факелы, освещают нам путь, и света столько, что я свободно прочёл табличку на одном из перекрёстков: Нойе Якобштрассе.

Наступаем безостановочно. У нас уже большой опыт уличных боёв. Особенно многому нас научил успешный бой у Одера, в городке Гросс-

Нойендорф. Бойцы идут быстро, уверенно, умело маневрируют, когда из зияющих провалов домов вдруг начинают щёлкать пули.

Нам, связистам, стоит большого физического напряжения обеспечивать в этом непрерывном наступлении постоянную связь между комбатом и ротами. Работаем мы перекатами: две команды разматывают нитку вслед за командиром наступающей роты, третья подматывает освободившийся хвост линии. Всю эту ночь командир батальона майор Ковалевский не выпускал из рук микротелефонную трубку — то ему приходилось умерять пыл зарвавшегося вперёд командира роты старшего лейтенанта Торадзе, то, наоборот, надо было подтолкнуть несколько медлительного командира другой роты капитана Пугача.

К 12 часам следующего дня комбат уже охрипшим голосом докладывал штабу полка, что задача выполнена, батальон прочесал на своём пути каждый дом — от подвала до мансарды — и закрепился в квартале Риттерштрассе. К этому времени КП батальона обосновался под аркой ворот какой-то фабрики, верхние этажи которой горели. Роты же продолжали продвигаться дальше к центру, и телефонист то и дело сообщал, что Пугач и Торадзе «переменили квартиру».

Чем ближе к центру, тем сопротивление врага сильнее. Хозяйство Ковалевского разрастается. Батальону приданы почти все виды боевой техники: самоходные пушки, мощные танки, миномёты, артиллерийские орудия таких калибров, каких мы никогда раньше в батальоне не видели. Значительно усложнилась и наша работа связистов. Все приданные части тянули за собой кабель, и только опытный связист мог разобраться в этой густой разноцветной паутине проводов, что связывали штаб батальона с боевыми порядками пехоты, позициями артиллеристов, вышестоящими штабами, соседями и т. п. Круглые сутки телефонисты перекликались, корректировали огонь, запрашивали и докладывали обстановку, требовали боеприпасы, проверяли исправность линий.

За эти дни мы воочию убедились, как важна бесперебойная телефонная связь, когда бои ведутся на улицах, да еще застроенных огромными домами. Здесь командиру никакой бинокль не поможет — за развалинами и в дыму пожарищ даже на близком расстоянии нельзя увидеть свои боевые порядки. Для взаимодействия пехоты с приданными частями использовались ракеты, но для руководства штурмовыми группами самым надёжным средством связи оказывался телефон. Всё наше внимание и было поэтому направлено на то, чтобы ни на одну минуту не прерывалась

телефонная связь. Нас было немного, и от всех нас требовалась особая изворотливость, мастерство, мужество и, наконец, выносливость. Телефонистам приходилось по нескольку суток не отходить от телефона, под обстрелом устанавливать связь.

Мне запомнился один из моих бойцов, жизнерадостный украинец Ваня Ангелов. Из всех домов бьют пулемёты, а Ваня Ангелов с катушкой за плечами идёт по берлинской улице, словно не слышит свиста пуль, как будто он не на поле боя, а в своём селе спешит на вечеринку.

В дни лагерной учёбы мы основательно отрабатывали все темы учебной программы, относящиеся к организации связи в наступлении, продумывали все возможные варианты. Надо мной даже подшучивали в батальоне: «Ну, сегодня какой вариант у тебя — номер семь, что ли?»

Между тем «варианты» эти весьма пригодились нам здесь, в Берлине. Мне, командиру, радостно было видеть, как мои бойцы быстро ориентировались в любых сложных обстоятельствах, находили новые «варианты». Однажды в напряжённый момент боя, когда под прикрытием танков наша пехота перебегала через простреливаемый перекрёсток в следующий квартал, связь по телефону внезапно оборвалась. На линию стремглав выбежал младший сержант Владимир Абаза, и через несколько минут в телефонной трубке послышался шорох — ротная станция ответила на вызов. Запыхавшийся Абаза доложил мне:

— Наш танк развернулся на перекрёстке, оборвал линию и утащил гусеницами метров сто кабеля.

Возвращаться за кабелем, чтобы сделать вставку, — ушло бы много времени. Абаза увидел провод, свешивавшийся со столбов городской телефонной сети, и вставка в нашу линию была готова.

В другом месте фаустник целил в танк, но угодил рядом, взрыв раскромсал в куски провод, лежавший поперёк улицы. На линию к месту повреждения прибежали навстречу друг другу два связиста. Как соединить концы кабеля, оставшиеся на противоположных тротуарах, если даже мышь не проскользнёт живой по улице под этим ливнем огня, как перехитрить немца?

Абаза быстро распустил висевший у него на поясе моток кабеля, привязал к нему обломок кирпича и подал знак товарищу, что был на той стороне улицы: «Лови». И через минуту линия связи была восстановлена. Этот метод вскоре широко распространился среди связистов.

Прославился у нас старший сержант Ярулин Карим, кавалер ордена Славы, лучше других умевший находить лазейки в бесконечных лабиринтах подвалов и подземных ходов, которые тянулись на целые квар-

талы. Когда Ярулин прокладывал связь, ведя команду по проверенным лазейкам, мы за линию были спокойны.

Хорошим экзаменом для всего батальона и для нас, связистов, был один из последних дней штурма — 29 апреля.

Подвал, где расположился штаб батальона, ходуном ходил от взрывов. На улице был, что называется, «кромешный ад»: грохот выстрелов самоходных пушек, разрывы фаустов, трескотня рвущихся в огне патронов, оставшихся в домах, откуда улепетнули немцы...

Связь с ротами и штабом полка прерывалась чуть ли не каждые десять минут. Провода наших линий горели, их рвали гусеницы танков, взрывные волны... Сотни метров кабеля ушло на устранение повреждений, на вставки, на устройство обходных линий...

Вдруг с оглушительным грохотом рухнул верх здания, в подвале которого обосновались командир батальона и его штаб. От дыма и едкой гари стало трудно дышать, языки пламени уже лизали деревянную обшивку входа в подвал. Прогорел потолок, грозя обвалиться нам на голову.

Майор Ковалевский отдал приказ своему штабу и находившимся у него в резерве миномётчикам выбираться из подвала. Очередь связистов была последней. Мы не могли уйти, не сняв провода, так как весь резерв его исчерпался. Дорог был каждый метр кабеля. В то же время надо было немедленно развёртывать новый КП... А людей — раз-два и обчёлся... Сейчас кажется просто невероятным, как это мы успели всё это сделать и подвал не стал для нас крематорием. Когда последний связист выполз с катушкой кабеля из подвала, защищая рукой глаза от нестерпимого жара, дом рухнул, и к небу взметнулся огромный столб дыма с огнём.

Так шли дни в непрерывном движении, в жестоких боях. Уже не одну центральную улицу Берлина очистил от гитлеровцев наш батальон, и давно никто не думал о том, что он во втором эшелоне.

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

Н. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ

*

Среди развалин

Наш командир старший лейтенант Тележенко приказал мне с группой бойцов проверить два квартала. Через эти кварталы только что, не задерживаясь, прошла наша пехота и вышла на одну из центральных улиц.

Мы двинулись.

Проверили первый квартал и ничего не обнаружили.

Затем по одному быстро пересекли переулок и сосредоточились в подъезде разбитого дома второго квартала.

Я шёл первым. За мной на определённой дистанции шли бойцы. Впереди громоздились груды кирпича. То здесь, то там высились пустые стены, готовые рухнуть от малейшего содрогания воздуха. Это были ещё так недавно громадные дома — и вот всё, что от них осталось!

Над нами прошла шестёрка «ильюшиных». Сразу в воздух взлетело несколько ракет. Это наша пехота указывала цель штурмовки.

Лучи солнца изредка пробивались сквозь плотное облако дыма и пыли, скользя по грудам развалин. Я вскинул перед собой свой автомат и начал пробираться.

Слева мне открылся дом, на который я обратил внимание потому, что у него уцелела крыша. Одна стена, обрушившись, обнажила лестницу от первого до последнего этажа. Выбирая, куда ступить, высматривая забитые кучами кирпича норы, ходы в подвалы и укрытия, мы направились к этому полуразрушенному дому.

Осмотревшись, мы решили подойти к единственному входу, который нам был виден. Оставалось только пересечь небольшую кучу кирпича.

Я пригнулся, помогая себе одной рукой, другой поддерживая автомат, и не сводил глаз с входа в дом. Кирпич сорвался у меня из-под ноги, и я на минуту выпустил из виду объект наблюдения. А когда взглянул — увидел, что у входа стоит немец.

Только я схватился за рукоятку затвора, как немец исчез — словно растворился в темноватом квадрате входа. Я хорошо его запомнил. Он был в синей шинели, сильно запылённой, — видимо, попал под обвал. На его маленькой голове была высокая синяя фуражка с белой кокардой. Из-под фуражки торчал острый нос, придавая что-то крысиное его лицу.

Это был офицер. Значит, там есть еще кто-нибудь.

— Бегом за мной! — скомандовал я, подбежал к входу, бросил туда гранату и последовал за нею. От взрыва поднялась густая пыль, и я, вскочив на площадку, чуть не кубарем покатился вниз по лесенке. Поднявшись на ноги, я увидел рядом своих молодцов; они попали сюда таким же порядком — и впереди всех старший сержант Григорий Иванович Костыря, молодой донбассовец.

Мы наскоро осмотрелись. Оказалось, что попали на небольшой двор-колодец, плотно окружённый тремя корпусами дома. Я приказал в подвалы не ходить, а осмотреть квартиры. Люди разошлись.

В этот момент пуля свистнула у меня над головой и ударилась в стену. Я укрылся в какой-то комнате. Подумал, где могут быть фрицы и откуда они в меня стреляли.

Вернулись бойцы и сообщили, что в квартирах нет никого, но в подвале слышен топот кованых сапог.

Вход в подвал простреливал снайпер через арку, он же стрелял в меня. Не прошло и пяти минут, как уже три снайпера простреливали двор через арку. Они ранили сержанта Полтавца и старшего сержанта Алексеева.

Я поручил немецких снайперов ефрейтору Романенко. Он взял два фаустпатрона, забрался на третий этаж. Раздались два выстрела, и взрывы двух фаустпатронов слились в один продолжительный. В ту же минуту я забросал подвал гранатами. И вот из пыли вырисовывается знакомая фигура немца-крысы. Вслед, один за другим, вышли девять немцев и бросили к нашим ногам своё вооружение, довольно сильное: фаустпатроны, противотанковые гранаты, пистолеты, карабины и автоматы.

Мы не спрашивали их, зачем они остались в подвале, отправили в штаб батальона и доложили, что задание выполнено, квартал проверен надёжно.

*

ГВАРДИИ СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

КИМ

*

С напильником на огневой

Ночью немцы произвели артиллерийский налёт на наши огневые позиции. Загорелся дом — один из двух уцелевших здесь каким-то чудом. А я только что собрался поспать в подвале этого дома! Мне, как начальнику мастерской нашей миномётной батареи, пришлось очень много поработать, и спать хотелось смертельно.

Но разве до сна тут было? Я вышел из подвала. Во втором этаже уже хозяйничал огонь. Машина, стоявшая в воротах, тоже загорелась. Шофёр Калягин не успел даже её отвести: второй снаряд угодил прямо в стоявшую на машине бочку с бензином, и она запылала.

Надо было уходить со двора. Но в это время в машине начали рваться мины. Мне и двум бойцам пришлось снова спуститься в подвал и просидеть там с полчаса, пока происходили взрывы. Потом мы снова вышли во двор. Теперь уже пылал весь дом. Я никогда раньше не думал, что каменный дом может так гореть! Как выбраться из этого ада? Дом горел с трёх сторон, с четвёртой — высокий брандмауэр без единой щели.

Вдруг я увидел, что отбежавший в сторону боец энергично машет нам рукой. Голоса его не было слышно в шуме пожара. Мы подбежали к нему и увидели, что одна комната в первом этаже, хоть и полна дыма, но ещё не горит. Рассудив, что за этой комнатой есть другая, с выходом на улицу, мы, недолго думая, влезли в окно. Ощупью, по коридору, утопая в горячем пепле, мы действительно выбрались на улицу как раз в

тот момент, когда над нашими головами загорелись стропила и начал рушиться потолок.

Свежий воздух, ветер, как хорошо дышать... Но надо искать новое пристанище. Разрушенных домов было сколько угодно, и я заночевал в одном из них. Думал, что теперь меня и пушками не разбудить, однако рано утром проснулся без всяких пушек. Словно толкнул кто-то.

Я поднялся, вышел на улицу и направился на огневые позиции тяжёлых миномётов. Там всё было спокойно. Вчерашний наш приют уже догорал. Миномёты стреляли каждые две-три минуты. Рядом слышалась трескотня автоматов. Время от времени над головой, будоража воздух, проносился вражеский снаряд и оглушительно взрывался неподалёку.

Осмотрев миномёты, я собрался было заняться завтраком. Но тут прибежал боец из первой лёгкой батареи. Она стояла квартала на три впереди, рядом со стрелковым батальоном, который мы поддерживали.

Взволнованный, разгорячённый бегом, красноармеец доложил:

— Товарищ старший лейтенант, у нас миномёт не работает.

И добавил:

— Идёмте, пожалуйста, скорее!

Так как мастера мои уже были разосланы, пришлось итти самому. Я торопливо собрался, взял сумку с инструментом, и мы пошли.

Без особенных препятствий пробрались мы к батарее. У миномёта третьего расчёта не работал подъёмный механизм. С помощью командира расчёта я разобрал миномёт. Оказалось, что была несколько изогнута направляющая втулка ходового винта. Её надо было немного подпилить.

В это время ко мне подошёл командир второго взвода лейтенант Игнатьев.

— Скоро атака, — сказал он, — ведь мы поддерживаем пехоту. Уж вы постарайтесь... поскорее...

Железо упорствовало. Визга под напильником не было слышно, но я знал, что визжит, по тому, как идёт инструмент. А управиться надо было как можно скорее, ведь и думать нельзя, что атака начнётся, а орудие будет вне строя!

Когда такая мысль гложет мозг, то не замечаешь ничего вокруг. Рядом разорвался снаряд, меня бросило на землю, подымаюсь, а мысль всё та же: «Успеть бы только».

Снова вздрогнула земля, снова, обгоняя друг друга, проносятся осколки. И опять, опять взрывы, осколки — явный артиллерийский

налёт, который как-то ощущаю, но не осмысливаю, потому что поглощён работой.

Налёт прекратился. Засуетились миномётные расчёты. И сразу же команда:

— Огонь!

Рявкнули пять миномётов. «Эх, не успел! — мелькнуло в голове. — Но вот и конец. Готово. Теперь собрать бы побыстрей».

— Огонь!

Гайки завинчены. Винт идёт совсем свободно.

— Расчёт — к орудию!

– Огонь!

На сей раз стреляет вся шестёрка. Темп огня нарастает. Там где-то за домами гремит «ура», врываясь в хор миномётов.

Пехота пошла. А когда я вернулся к тяжёлым миномётам, там уже все готовились к переходу.

— Наши ещё два квартала заняли, — сказал мне адъютант, бежавший в штаб.

КРАСНОАРМЕЕЦ

Я. КАВАЛЕРИСТОВ

*

По пути на батарею

Было это в Берлине, но в какой день, не помню, так как дневник сгорел. Пушки наши находились где-то на прямой наводке. Где они были — знал лишь наш командир сержант Болдырев. Он и повёл нас на батарею. По пути мы пересекли канал, которых здесь множество, и остановились перед громадным зданием. Верхний этаж горел, освещая всё вокруг.

Было половина первого ночи. Наше внимание привлекла группа красноармейцев, стоявшая у ворот здания. Мы подошли. Их было немногим больше, чем нас. Это были артиллеристы. Их пушка стояла на углу переулка. Они горячо обсуждали вопрос о том, как быть с засевшим в здании гарнизоном.

В кучке артиллеристов мы разглядели молодую немку, как мне показалось, лет двадцати. Она была страшно перепугана, бледность её лица поражала при свете пожара. От артиллеристов мы узнали, что в горящем доме сидит целый отряд, не желающий сдаваться. Он занимает подземные помещения. Со слов немки, которую допрашивал капитан, известно стало, что в отряде сорок человек, вооружённых фаустпатронами и пулемётами. На втором этаже лежат 120 раненых немецких солдат.

Этот гарнизон оказал упорное сопротивление нашей пехоте и был обойдён; наши пулемёты уже трещали где-то далеко впереди. Так как гарнизон угрожал нашему тылу, мы решили его уничтожить. Но нас смущало одно: в подвале вместе с гитлеровцами находилось много немецких женщин с детьми. Как они туда попали — не знаю, тогда это нас

не интересовало. Молодая немка, сказавшая об этом капитану, сама была в доме.

Мы предложили немке, чтобы она вернулась в дом, вывела оттуда женщин с детьми и предупредила гарнизон, что, если он немедленно не сдастся, мы взорвём здание.

Она согласилась и, сопровождаемая нами, пошла к дому. У входа в подвал стояли два наших бойца с автоматами. Капитан приказал им пропустить немку, а всем быть настороже. Немка скрылась в дверях.

Вдруг из глубины подвала донёсся шум. Кто-то кричал, голос — женский, плакали дети. Шум стал приближаться. Внизу открылась дверь, и по лестнице начали подниматься женщины и дети. Мы зорко наблюдали за ними и, вмешавшись в их толпу, стали спускаться по лестнице. Наверху часовые тщательно осматривали женщин и указывали им дорогу в тыл. Вместе с женщинами вышли и были задержаны десять немецких солдат.

Это происходило наверху. А внизу мы тем временем проникли в подвал и стали продвигаться по длинному коридору. Впереди шёл капитан с пистолетом в руке, а за ним шли мы с автоматами наизготовке. Нас было не более 15 человек.

В открытую дверь мы увидели высокого немца с винтовкой. Немец непонимающе смотрел на нас и вдруг, как бы опомнившись, схватился за винтовку. Но было уже поздно. Четыре наших бойца навалились на него. Он всё же сопротивлялся. В эту минуту из боковой двери грохнул выстрел. Наш капитан с искажённым от боли лицом схватился за руку. Один из наших бойцов дал короткую очередь по двери. Бойцы, державшие немца, бросились на помощь капитану. Гитлеровец воспользовался этим и выбежал в коридор, желая, видимо, укрыться в одной из боковых дверей. Но стоявший рядом со мной боец Данилов выстрелил, и немец вытянулся у двери.

Капитан приказал немедленно покинуть помещение, потому что нас могли из любой двери забросать гранатами. Мы же гранат не имели.

Немцы, видимо, были ошеломлены нашим вторжением. Откуда-то из глубины подвала доносился топот и крики. Наш маленький отряд медленно подымался по лестнице. Замыкающим был я.

Забыл сказать, что помещение было ярко освещено электричеством; где-то слышался работающий движок.

Внезапно крики и топот приблизились. Я увидел, как изо всех дверей начали выбегать пьяные немцы. Вместе со мною несколько бойцов уда-

рили по ним из автоматов. Немцы завопили. Некоторые упали, остальные скрылись в подвале.

Мы вышли во двор. Раненого капитана заменил старший лейтенант. Решено было в последний раз предложить немцам сдаться. Эту миссию взял на себя один из пленных. Но не успел он войти в подвал, как раздалась автоматная очередь, и мы больше не увидели парламентёра.

Решение с нашей стороны последовало немедленно. По приказанию старшего лейтенанта мы помогли расчёту подкатить орудие, жерло пушки направили в угол здания под самый фундамент. Старший лейтенант подал команду:

— Бронебойным... 5 снарядов... беглый... Огонь!

Выстрелы последовали один за другим.

Голос орудия сразу отрезвил немцев. На лестнице с поднятыми руками показался комендант гарнизона — майор — в сопровождении всей своей пьяной оравы. Приём пленных начался.

Видя, что товарищи уже не нуждаются в нашей помощи, мы отправились на свою батарею.

ГВАРДИИ КРАСНОАРМЕЕЦ

И. СЕМИН

*

По подвалам и крышам

С Великих Лук я воевал с двумя сынками-бойцами Галкиным и Грушевым. Они называли меня отцом, а я их — сынками, потому что это были ещё молодые ребята, рождения 1920 года. А я хотя тоже ещё не старик, но в 1920 году уже воевал на Кавказе. Не думал я, что в Берлине придётся мне вспоминать, как в гражданскую войну на Кавказе по верёвке перебирался с одной скалы на другую. Пригодилась мне эта сноровка в Берлине, не будь её, не раз бы закружилась у меня голова и когда-нибудь да полетел бы в пропасть...

Я со своими сынками в Берлине обеспечивал связь командиру дивизиона капитану Минаеву, который находился всегда на наблюдательном пункте в боевых порядках пехоты. Мы продвигались через Мальхов, Хайнерсдорф, Панков, а дальше уже разными «штрассами» и «плацами», которые я не стал запоминать. Сначала сынки всё спрашивали меня:

— Почему это, отец, большой город, а крыши черепичные и стены все — голый кирпич, мрачные.

Они не понимали, почему у немцев такой стиль архитектуры, и я им объяснял, что стиль архитектуры зависит от характера народа: мрачный народ, и мрачная у него архитектура. Потом архитектуру мы уже не замечали, потому что пришлось воевать в подвалах, под землёй. По улице не протянешь линии — завалена вся разрушенными домами, где окно уцелело — из него стреляют в спину, а если и проползёшь — сейчас же назад возвращайся, сращивай провод, его уже перебила пуля или оско-

лок. Мы сразу нырнули в подвалы. Там тогда всё немцы цивильные сидели, женщины и дети. Столько их налезло в подвалы, что ступить негде было. Но когда мы проталкивались со своими катушками, эти цивильные немцы старались посторониться.

В первые же дни боёв в Берлине кто-то из нашего брата, из связистов, заметил на стенах какого-то подвального помещения таинственный знак, сделанный белой краской, — круг и в нём крест. Пробили у этого знака стену, и оказалось, что тут подземный ход в соседний дом. В подвале соседнего дома стали искать такой же знак и нашли. Все подвальные помещения соединялись друг с другом подземными ходами. Не знаю, для чего немцы их устроили, но нам они очень пригодились для проведения линий связи вдоль улиц. А если надо было провести линии через улицу, мы искали во дворе канализационный люк и проводили линию по трубе.

Однако не на каждом дворе был люк. Однажды надо было нам перебросить провод через переулок, который простреливался с двух сторон. Во дворе люка не нашли, но я увидел пожарную лестницу,

висевшую на стене дома, и подумал, что она может заменить нам канализационную трубу. Грушевой остался у аппарата, а я с Галкиным стали втаскивать лестницу на крышу. Лестница была очень большая, вдвоём нам сладить с этим делом не удалось. Тогда мы позвали своих разведчиков и с их помощью втащили лестницу на крышу, привязали к последней перекладине верёвку и, поддерживая за верёвку, перекинули лестницу через переулок на крышу соседнего дома. Получился у нас навесной мост. Я переполз по нему, за мной мои сынки, а за ними дивизионная разведка во главе с лейтенантом Карбашьяном. Немцы всё свое внимание направили вдоль улицы, вверх никто из фрицев не догадался взглянуть. Мы над их головами благополучно перебрались с проводом и аппаратом через переулок. На крыше соседнего дома мы быстро разобрали черепицу, устроили на чердаке наблюдательный пункт, и я сейчас же начал передавать по проводу команды Карбашьяна на батарею. Немцы заметили наш воздушный мост, когда мины уже летели через крышу в их траншеи, вырытые в саду. Они открыли по лестнице артиллерийский огонь, сбили её, но провод уцелел, а мост нам уже и не нужен был.

Потом мы не раз ещё перебирались так через переулки и наводили линии по крышам домов. Бывало, в нижних этажах немцы сидят, а мы с разведчиками взбираемся по пожарной лестнице на чердак и тянем за собой провод. Внизу бой идёт, а мы лазим по крышам, корректируя огонь своих миномётных батарей. Тут моим сынкам снова очень не понравилась немецкая архитектура, особенно остроконечные крыши, по которым лазить труднее, чем на Кавказе по скалам.

*

Из записок радистов

1

Навсегда останется в моей памяти день 23 апреля, день, когда мы вступили в Берлин. Город пылал. Рушились горящие здания. В воздухе проносились огромные головешки. Наступила ночь, но мы едва заметили это. Всё было озарено пламенем пожаров и окутано густым дымом.

Узкие берлинские улицы были усыпаны грудами кирпича, обломками мебели, среди них валялись вражеские трупы.

Штаб, который обслуживала наша радиостанция, двигался метрах в 600—800 от передовой. Радиостанция, смонтированная на автомашине, шла с командным пунктом, менявшим по нескольку улиц в сутки. Радисты при каждой такой смене должны были дать сигнал — «связь кончаю», свернуть радиостанцию, чтобы вскоре, по приезде на новое место, развернуться и начать восстанавливать потерянную на время переезда связь с корреспондентом, который в этот момент, быть может, сам переезжает из горящего дома...

Такое напряжение продолжалось все дни штурма. Несколько суток кряду мы не спали — сон стал недосягаемой роскошью. Но о себе никто не думал. Беспокоились только о связи. Приходилось преодолевать, казалось, непреодолимые трудности, чтобы сберечь рацию.

Приезжая на новое месторасположение, первым долгом бросаешься искать укрытие для радиостанции. Более или менее надёжно укрыть её от осколков, пуль и огня можно только в подворотнях или в достаточно

просторных вестибюлях зданий. Подыскав подходящую по ширине и высоте подворотню, мы вгоняли машину и развёртывали радиостанцию. Антенна ещё только укреплялась наверху дома, а дежурный радист, включив питание, уже вслушивался в эфир.

Улицы кишели автомашинами и танками, и от работы моторов в наушниках стоял неистовый треск. Но острый слух опытного радиста всё-таки улавливал среди этого сплошного шума, усугубляемого работой тысяч радиостанций, слабый писк своего корреспондента.

Надо было видеть, с каким напряжением сидел в такие минуты радист с наушниками и какой радостной улыбкой озарялось его лицо, когда ему удавалось поймать «уходящую» волну. Казалось, что вся жизнь твоя зависит от этих едва слышимых звуков. Впрочем, это недалеко от истины. Ведь порой жизнь не только радиста, жизнь тысяч таких же, как и он, солдат зависит от точности приёма нескольких цифровых групп.

Мне особенно запомнилась одна боевая ночь. Расположившись, как обычно, под аркой ворот и войдя в связь со своими корреспондентами, мы решили впервые за сутки поесть. Вдруг прибегает часовой:

— Дом горит!

Вслед за часовым появился командир роты капитан Мехедько. Он в минуту опасности всегда мгновенно появлялся на радиостанции, словно из-под земли. Капитан приказал свернуть рацию для переезда в другое место. Радисты помчались искать новое укрытие. Подвели рацию к одному подъезду, попытались въехать — не тут-то было: потолок оказался низким. Пришлось ехать в другой конец квартала, но и здесь подворотня оказалась не по размеру: узка. Командир роты приказал нам расширить проход. Сняв с петель ворота и расколов сложенные из гранита выступы, мы вогнали машину и, развернув радиостанцию, решили продолжать прерванный ужин. Но не суждено нам было в ту ночь получить передышку. Через полчаса помещение, в котором мы находились, стало наполняться дымом, а ещё минут через пять—десять мы уже возились на новом месте...

Так было всю ночь. И только к утру, сменив седьмую стоянку, нам удалось обосноваться более или менее прочно.

Красноармеец З. МИЛЬМАН

2

Во время боёв в Берлине из-за скопления огромного количества раций на сравнительно небольшой площади весь диапазон волн был сильно загружён. Не оставалось, кажется, ни одного градуса шкалы, на которой можно было бы работать без помех. Приходилось всячески ухищряться, всячески напрягать свой слух, чтобы обеспечить командиру части связь со своими подразделениями.

Поступил приказ форсировать Шпрее и занять плацдарм на левом берегу. Командир части выбрал новый наблюдательный пункт. Нам предстояло установить там нашу рацию.

Разведгруппа, которая была послана для выяснения пути подхода к этому новому наблюдательному пункту, установила, что вся дорога простреливается немецкими снайперами и сильным артиллерийским огнём.

Мы двинулись. Путь преграждал горящий квартал. Всё было окутано чёрным едким дымом, сверху то и дело падали головешки и раскалённые камни... Кое-как, поддерживая друг друга, мы выбрались из этой непроглядной тьмы. Но в следующем квартале оказалось не легче. Пожара здесь, правда, не было, но зато вся местность находилась под сильным артиллерийским обстрелом.

Старший нашей группы гвардии капитан Лобцев скомандовал: «Бегом». Впрочем, бежать пришлось недолго. Ожесточённый артиллерийский огонь прижимал нас к земле, и значительную часть пути мы проползли по-пластунски. Всё это время наше внимание было поглощено лишь одним: как бы не повредить радиостанцию. Она теперь была дороже жизни! В этом бушующем море огня единственным средством, гарантирующим командиру части в бою связь со своими подразделениями и взаимодействующими частями, являлось радио. И от того, донесём ли мы свою рацию в сохранности, зависел, быть может, исход боя на нашем участке. Между тем одно неосторожное движение могло вывести радиостанцию из строя.

Вот, наконец, и развалины дома, в котором располагался наблюдательный пункт командира части. Моментально протянута антенна, и уже через 2—3 минуты мы стали принимать сообщения от наших подразделений. Форсирование началось. Немцы усилили артиллерийский обстрел. Осколками снарядов и взрывной волной то и дело обрывало антенну, но мы быстро восстанавливали её.

Вскоре от раций наших подразделений стали поступать сигналы, что они сворачиваются для перехода на новое место. Для нас, радистов, это весьма ответственный момент. Необходимо с особым напряжением следить за ушедшими станциями. Долго тянутся минуты напряжённого ожидания. Как добрался радист до своего нового пункта? Не сразил ли в пути осколок, донёс ли он в целости свою рацию?..

Командир части нервничает. Он не отходит от стереотрубы и то и дело спрашивает:

— Есть связь с сынами?

«Сынами» он называет командиров своих подразделений. С горечью приходится отвечать, что связи ещё нет.

Вдруг в наушниках раздаётся знакомый голос радиста. Он произносит мои и свои позывные.

Радостно докладываю командиру:

— Связь есть!

Командир части принимает сообщение:

— Задача выполнена. Веду бой за расширение плацдарма!

Гвардии старший сержант В. БАРАНОВ

*

СТАРШИНА

Г. РОЩИН

*

В батальоне Макоева

Это было поздним вечером на Линденштрассе, неподалеку от Монетного двора. Наш батальон несколько дней уже не выходил из боя. Снабжение его было очень затруднено: улицы завалены глыбами и обломками, вокруг — горящие дома, и к тому же каждая площадка, каждый проход простреливался немецкими снайперами и пулемётчиками.

Я с группой старшин должен был доставить в батальон продукты и боеприпасы, но мы не могли найти его. Разыскали командный пункт полка, там нам сказали, что связи с батальоном нет, а находится он «вон в том доме».

— Видите — горит дом, и вон второй, а в третьем — батальон майора Макоева. Только на улицу не очень высовывайтесь, простреливают.

Подняв на плечи свои термосы и сумки, мы вышли на улицу и по одному, прячась за выступы здания, добрались до подъезда, где нас предупредили, что дальше по улице итти нельзя. Дорога, которую нам показали тут, шла через подъезд во двор, со двора в подвал, потом через пролом в стене в следующий дом, в этом доме дорога пошла на подъём — по лестнице на чердак, там, на другом конце, начался спуск по лестнице к подъезду. Спустившись в подъезд соседнего дома, мы остановились, чтобы передохнуть и оглядеться. Впереди — перекрёсток улиц. Направо и налево улица так завалена обломками домов, что пройти по ней совершенно невозможно. Прямо — Линденштрассе, здесь меньше разрушений, но по обеим сторонам горят дома, на улице светло, как днём, и

немцы простреливают её всю из подвалов. Нам обязательно надо было проскочить через эту улицу. Став за угол дома, я посмотрел по сторонам, набрал воздуха, как перед прыжком в воду, и со всей скоростью, на какую только был способен, кинулся через улицу прямо в открытую передо мной дверь дома.

Когда я был уже на той стороне, чьи-то сильные руки схватили меня за плечи, я повернул голову и увидел смеющееся лицо нашего двадцатидвухлетнего комбата майора Макоева.

— Тише, тише, — говорит он, — а то на такой скорости последнюю стенку проломаешь головой.

Неудобно мне стало, подумает еще, что я струсил.

— Товарищ майор, — спросил я, — куда прикажете доставить продукты и боеприпасы, они вон в том подъезде.

— Сюда, в подвал этого дома, только не по этой улице, а то вас тут перещёлкают, возьмите правее, около горящего дома, метров тридцать—сорок пройдёте двором, а потом через улицу в наш дом. И торопитесь: через час тридцать начнём работу.

— Слушаюсь, товарищ майор, — ответил я и направился по указанному направлению.

Минут через тридцать бойцы батальона уже ели горячую пищу: жирный борщ с мясом, отварные макароны со сливочным маслом, потом выпили по кружке сладкого чая. Главное — чай, его больше всего просили тогда и бойцы, и офицеры. Приятно мне было услышать: «Спасибо, старшина, покушали и попили хорошо».

Насытившись, солдаты легли отдохнуть и сейчас же заснули крепким сном перед работой, до которой осталось минут двадцать.

На пороге появился майор Макоев, за ним в подвал вошли командиры рот из приданных батальону средств усиления. Батальон должен был овладеть домом, из которого немцы вели обстрел перекрёстка улиц. Майор поставил задачу каждому офицеру и за

десять минут до начала штурма поднялся и, выходя из подвала, позвал меня:

— Идём, старшина, посмотрим, как наши работают.

Я вышел за ним и не мог поверить своим глазам: безлюдная улица, по которой час назад я летел турманом, сейчас была полна машин, орудий и солдат. Слева через улицу, в двух-трёх метрах от горящего дома, стояли три танка «ИС»; передний грозно водил стволом своей пушки. Справа стояли две самоходки, за бронёй которых расчёты готовились к бою. Артиллеристы выкатывали на руках пушку к самому перекрёстку. Гул моторов заглушал трескотню немецких пулемётов и свист пуль; видно было только, как пули щёлкают по стенам. И вот по общему сигналу танки, самоходки, пушка открыли огонь по дому, в котором сидели немцы. По частоте выстрелов можно было подумать, что огонь ведётся не из шести стволов, а по крайней мере из пятнадцати—двадцати. Через несколько минут дом уже горел, стены были разрушены, но немцы всё-таки ещё стреляли из него. Противник засел в подвальном помещении. Надо выкурить его и оттуда. Позади меня раздаётся команда:

— Все в подвал.

Вбежав в подвал, я увидел, что все ищут места, где своды покрепче. Один связист, смеясь, говорит мне:

— Ну, держись, старшина, начинается.

Не успел он сказать это, как весь дом затрясся, всё зашаталось, посыпалась штукатурка. Начали раздаваться сильные взрывы, один за другим. Все стояли, заткнув пальцами уши и раскрыв рты.

— Теперь можно наступать, гвардейцы-миномётчики поработали крепко, — сказал старший адъютант капитан Воробьёв.

По батальону даётся приказ: «Вперёд!» Мы выскочили из подвала. От мрачного многоэтажного дома, который несколько минут назад стоял, как грозная крепость, остались только объятые пламенем развалины. К нему, используя все укрытия, через проломы в стенах двигалась пехота, за ней по мостовой танки и самоходки. Дом молчал. Немцы вели огонь из других точек.

*

Из дневников и писем

28 апреля

Меня послали на передовую; приказано было доставить продукты в первый огневой взвод, поехавший в Берлин для стрельбы прямой наводкой. Когда я проезжал окраинами города, солнца не было, я думал, что пойдёт дождь, и жалел, что не захватил шинели. Меня пробирал озноб, но когда я приблизился к центру, стало жарко. По обеим сторонам улицы горели пятиэтажные дома. Солнце появилось, но оно выглядело как маленькое красное пятнышко, так как над городом висел толстый слой дыма. Наша гаубица стояла посреди улицы. Взглянул на любимую, и сердце заныло от жалости. На поле она выглядит такой грозной, а тут, в пыли, среди груд разбитого кирпича и громадных, ещё целых домов, она кажется совсем крошечной.

Красноармеец Т. КОВАЛЬ

*

Ещё до Вислы я мечтал сделать артиллерийскую фотопанораму Берлина.

На Висле я удачно сфотографировал весь передний край противника и расшифровал все цели. Когда оборона противника была прорвана, я проверил данные мною цели и установил, что они были точно подавлены. На Одере я дал пять фотопанорам по фронту. Результат ещё более воодушевил меня. Мне очень хотелось дать такую панораму,

которая помогла бы накрыть все основные огневые средства противника.

Наш командир взвода предупредил меня:

— Смотрите, товарищ Пузырёв, приберегите для Берлина самый качественный материал. Там будет очень жарко.

— Есть, приберечь! — ответил я, а сам подумал, что можно было и не предупреждать. Мы со старшим сержантом Мыскиным заранее припасли для Берлина лучшие фотоматериалы и химикаты, а также привели в полный порядок аппаратуру.

И вот мы на окраине Берлина.

Перед решительным ударом по врагу созваны были коммунисты. На вопрос, кто желает драться на улицах Берлина в первых рядах пехоты, все коммунисты выразили желание. А я и говорю командиру взвода:

— Если речь о разведке, то я жду задачи.

Он отвечает:

— Не пойдёте же вы на съёмку ночью.

— Хорошо бы, — говорю, — скрытно подобраться ночью, а с рассветом приступить к работе.

Но командир взвода решил сначала поговорить об этом с начальником разведки.

Между тем развернуты были на позициях батареи, уже велась пристрелка. Я поинтересовался, куда бьют наши пушки. Командир взвода разъяснил обстановку, и мы поняли, что наша артиллерия уже обстреливает центр Берлина, откуда ведут интенсивный огонь немцы. Как раз удобный момент для разведки панорамной съёмкой огневых средств и укреплений противника! И такой момент пришлось упустить...

Но на другой день командир взвода огорчил меня ещё больше. Я-то всю ночь не спал, всё соображал, откуда и как бы получше сделать съёмку. А мне говорят, что наши боевые порядки меняют позиции, переходят поближе к центру. Стало быть, отсюда уже снимать нет надобности. «Что ж, — думаю, — ближе так ближе, ещё лучше фотографировать будем». Но в 12 часов дня командир взвода объявил, что наши батареи ведут огонь по целям, которые дали уже с нового рубежа. Съёмку же производить нельзя, так как наши всё время продвигаются, и авиация висит в воздухе. Весь Берлин в огне и дыму, заслоняющем объекты съёмки!

Что я мог сделать?

- Был в Берлине? — спросят меня.

- Был, — отвечу.

- А какое участие принял в сражении?

Вот тут-то мне и нечего будет ответить... Вдруг появляется командир взвода и поручает мне и двум другим старшим сержантам обследовать только что захваченный нами рубеж обороны противника и дать характеристику работы наших батарей.

Мы отправились. Я рад был хоть этому делу. Приходим — и видим, что наши батареи уже ставят пушки на захваченном рубеже. Вот это была работа! Противник крепко беспокоил батарейцев, но разве можно удержать нашу гвардию! Мы ещё выполняли своё задание, а герои-артиллеристы уже производили пристрелку.

Что мы обнаружили? Каждый дом немцы стремились сделать неприступной крепостью. Надо сказать, что укрепили они дома очень основательно. Но точность и сила нашего огня оказались такие, что эти дома были разнесены буквально в куски, а огневые средства противника разгромлены и не только на позициях, но и на пути отступления. Тут же у орудий валялась перебитая прислуга.

Только теперь моя обида начала униматься. Хоть мне и не пришлось сделать панораму Берлина, — всё же фрицам легче от этого не стало!

Гвардии старший сержант И. ПУЗЫРЁВ

*

Ведём очень тяжёлый бой за типографию. В один напряжённый момент бойцов воодушевил парторг пятой роты старший сержант Санжаров. Он крикнул:

— Товарищи, Сталин приказал нам взять Берлин! — и первый бросился на штурм.

Санжаров погиб, но рота ворвалась в здание. Гибель Санжарова все тяжело переживали. Рота очень любила его. Каждому хочется получить на сохранение завёрнутую в платок горсть родной земли, которую Санжаров пронёс в Германию через всю Польшу. Сколько раз он развёртывал свой платок и говорил бойцам:

- Посмотрите, разве в какой-нибудь стране вы найдёте такую землю, как наша, сравните и помните, за какую землю вы боретесь здесь, в Германии.

Сейчас эта горсть земли, пропитанная кровью Санжарова, стала ещё дороже для солдата.

Старший лейтенант П. БОГОМЯЧКОВ

*

Красноармеец Житков получил сегодня письмо, которое попало к нему, когда он был в самом пекле. Хотя воздух смешался с пеплом и песком, но мы все прочитали это письмо — весточку, присланную из Тамбовской области от девушки Нины Мироновой. Она писала: «Дорогой друг, с часу на час мы ожидаем, что вы возьмёте Берлин. Война скоро должна кончиться. Когда приедешь, наша дружба с тобой будет ещё крепче. И как встретим мы тебя, когда вернешься ты с победой!»

Самые обыкновенные слова, но они запомнятся на всю жизнь, потому что, как никогда, здесь, в Берлине, мы чувствуем за собой родных наших, друзей, любимых.

Красноармеец А. ЯНЕНКОВ

*

Мимо нас нескончаемым потоком шли люди разных народов Европы, освобождённые Красной Армией из фашистской неволи. Мы заговорили с группой русских. Среди них оказались французы. Я спросил одного француза:

— Почему вы идёте вместе с русскими, разве ваша родина на востоке?

Ему перевели мой вопрос. Он ответил:

— Родина моя на западе, но жизнь ко мне вернулась с востока.

Старший сержант И. ЖВАНЧИК

*

На западной окраине рощи берлинского предместья Адлерсхоф мы нашли два изуродованных трупа красноармейцев, убитых отступавшими гитлеровцами. Руки были вывернуты, глаза выколоты, пятки сожжены. Обгорелые клочки документов сохранили нам фамилии героев, которые стойко перенесли пытки немецких извергов, — Заганшин и Гедровец. Это были рядовые стрелки гвардейского полка. Наши бойцы выкопали могилу и похоронили героев. Когда майор Бузик срывающимся голосом произносил прощальные слова, многие солдаты заплакали

тяжёлыми и горькими солдатскими слезами. Через несколько минут раздались грозные залпы — это капитан Мартыненко повёл огонь по гитлеровцам, засевшим в здании Потсдамского вокзала.

Капитан И. СЕНЧА

*

Как только мы ворвались в район Целендорф, из-за угла каменного дома выглянул немец в гражданской одежде. Руки он держал за спиной.

Я скомандовал:

— Осколочным без колпачка, прямо в угол дома, огонь!

В палисаднике, недалеко от места разрыва, забегали немцы.

Короткими очередями заговорил пулемёт, установленный на башне моего танка.

Подъезжаем ближе. Гляжу, в палисаднике рядом с убитыми немцами в гражданской одежде — целый ящик фаустпатронов.

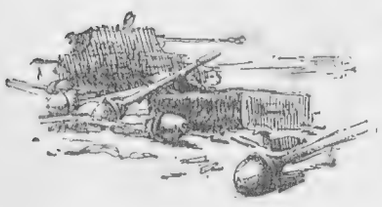
Вскоре, проезжая узким переулком, я встретил ещё одного такого «цивильного». Высокий, в плаще, он стоял против моего танка в 25—30 метрах и целился фаустпатроном прямо в люк. Я взялся за пулемёт. Немец выстрелил. От удара мотор заглох, но не загорелся. Только покорёжило траки, да осколки поцарапали пушку и крыло. Из экипажа никого не задело. Короткая же очередь моего пулемёта изрешетила немца.

Встреч с такими «цивильными» можно было ожидать здесь на каждом шагу.

Гвардии младший лейтенант Ш. ЖУЛМАГАМБЕТОВ

*

На наблюдательном пункте, в комнате третьего этажа большого полуразбитого дома на берегу Шпрее, оглянувшись, я увидел себя в громадном зеркале. «Кто это пришёл? — подумал я, — какой страшный!» Я не узнал себя: лицо совершенно чёрное от пыли и гари. Хоть бы часок поспать, да разве это возможно!



Телефонист, передававший команды на батарею, расположился на мягком диване. По его лицу видно, какое он испытывает удовольствие

от того, что расположился с удобством. Противник стал бить по нашему дому прямой наводкой. Пыль застлала комнату. Я спустился в подвал. Мрак, зловоние. Зажёг спичку. Жавшиеся к стене немки со своими чадами испуганно уставились на меня. Мне было противно здесь, я вышел и направился на огневые позиции.

Трудно было найти своих среди массы артиллерии и людей. Но вот вижу старшего сержанта сибиряка Попова. Он стоит у миномёта, широко расставив свои большие сильные ноги. «Ну, думаю, Попов оседлал Берлин, его отсюда не вышибешь». Я вспомнил один короткий привал на пути к Берлину. Солдаты, щурясь под апрельским солнцем, свёртывали цыгарки. Я подошёл к компании и сказал:

— Значит, Берлин будем брать?

— Про то и толкуем, — ответил Попов и, кивнув в сторону седого украинца, свертывавшего цыгарку необыкновенных размеров, усмехнулся. — Мы с Щербиной мечтаем уже, что вот расковыряем это гнездо и получим от Сталина по бумажке с подписью: дескать, этих двух стариков-героев, отстоявших отечество, отпускаю домой к своим женам и детишкам.

Щербине эта шутка очень понравилась. Он сказал:

— Да, третий раз вот воюю, и всё с немцами. Специально родился, видно, чтобы с немцами воевать. Был у Миколы Щорса, Украину с ним освобождал. Дали мы тогда немцу духа. На этот раз, полагаю, совсем зашибём. И гнездо, верно говоришь, обязательно расковырять надо.

Вспомнил я этот солдатский разговор на привале и оглянулся — где Щербина? В это время раздался взрыв. Батарею окутал зловещий дым. Осколком ранило моего друга старшего лейтенанта Аникеева. Рядом с ним лежал смертельно раненный Щербина. С трудом шевеля губами, он прошептал: «Ну теперь всё, а Берлин...» Он не смог договорить. Каждый про себя договорил за него: Берлин будет взят.

Гвардии старший лейтенант П. РАХМАНИН

*

Во что бы то ни стало надо было овладеть домом, из которого немцы контролировали три дороги, ведущие к вокзалу. Фаустники не давали покоя. И тут знаменосец Шкурко с противотанковой гранатой в одной руке и со знаменем в другой перебежал улицу, прямо к окну, откуда бил немецкий пулемёт. Раздался взрыв, из окон повалил дым, и пулемёт

смолк. Бойцы ворвались в дом и быстро расправились с засевшими там немцами. Тут они опять увидели Шкурко. Он пытался прикрепить к подоконнику древко знамени. Голова у него была в крови, кровь заливала ему глаза. Когда товарищи подбежали к нему, он потерял сознание. За героизм и мужество Шкурко представили к званию Героя Советского Союза.

Капитан КУЗЬМЕНКО

*

Когда по разрушенным улицам Берлина проезжали наши закрытые брезентом машины-красавицы, тысячи людей останавливались и смотрели нам вслед.

— Катюш! — с ужасом шептали цивильные немцы и немки, выглядывая из ворот и подъездов.

— Катюш! — бормотали пленные немцы, проходившие навстречу нашим колоннам.

— Катюш! — говорили с почтением англича́не, американцы, французы, освобождённые Красной Армией.

— Катюша! — радостно кричали советские люди, вышедшие на улицу из концлагерей и тюрем. Они забрасывали наши грозные установки цветами.

— Катя прибыла, значит будет концерт, — говорили наши пехотинцы.

Гвардии ефрейтор Т. ЦУЛУКИДЗЕ

*

Вчера в самый разгар боя за один квартал наша батарея получила задачу открыть огонь прямой наводкой по окнам дома, в котором засели немцы, не дававшие штурмовой группе продвигаться вперёд. Чтобы выполнить приказ, необходимо было перетащить пушки через простреливаемую улицу. Решено было перекатывать орудия поодиночке на себе. Сосредоточив на противнике огонь всех имевшихся у нас средств, мы выбрали минутку, когда немецкий огонь стал реже, и одним махом перекатили пушки одну за другой.

При каждом орудии было по десять снарядов. Их быстро израсходовали. А как доставить новые боеприпасы? Таскать ящики на себе через простреливаемую улицу — это верная смерть, да и, кроме того, всё равно так снаряды не доставишь.

Мы придумали такой способ. Через улицу была переброшена длинная верёвка, к ней привязали ящик со снарядами, а сидевшие в укрытии на противоположной стороне улицы перетягивали верёвку к себе. Так мы питали батарею всё время боя.

Сегодня опыт с верёвкой нам пришлось повторить.

Путь к огневым позициям преграждала железнодорожная насыпь, по которой немцы вели ожесточённый огонь. Можно было, правда, попытаться перескочить через полотно на машинах, но насыпь была слишком крутой, чтобы рисковать машинами и пушками.

Тут вот и вспомнили, как накануне мы таскали снаряды через улицу верёвкой. Почему бы не перетащить подобным образом и пушки? Так и сделали. Конец верёвки, к которой была привязана пушка, перебрасывался через насыпь, а стрелки, находившиеся по ту сторону полотна, дружно взявшись за другой конец, перетаскивали орудие на свою сторону.

Старшина Ф. ЖУРАВЛЁВ

*

Круглый глаз стереотрубы медленно движется справа налево.

Видно, как багровые языки пламени облизывают остатки серых громад, вырываются из тёмных провалов стен, танцуют на ступеньках обнажённых лестничных клеток. Последовательно вырисовываются обгорелые решётки парков, сваленные деревья, расщеплённые и поваленные снарядами телеграфные столбы с обрывками проводов.

И над всем этим висят тяжёлые чёрно-серые тучи дыма и пыли.

Стереотруба поворачивается слева направо, и в её стеклах появляются на момент скрытые ранее пылью и дымом разрывов серые фигурки. Они перебегают, падают, прячутся за выступы, за камни, ползут и снова скрываются в провалах домов.

Командир части тяжёлых гвардейских минометов гвардии полковник Толмачёв разговаривает по телефону с командиром дивизии.

Положив трубку и обведя красным карандашом что-то на плане Берлина, он говорит мне:

— Киселёв, срочно уточните обстановку в районе перекрёстка и дайте команду Кабулыцкову подготовить туда батарейный залп!

С лёгким потрескиванием работает радиостанция.

Не прошло и десяти минут, как с характерным звуком широкие огненные полосы вырываются слева из опалённого сквера. Огненная

дуга разрезает тучи дыма и пыли и опускается на перекрёсток, который отметил на своём плане командир.

Когда рассеялось облако разрывов, в линзах прибора опять замелькали серые фигурки. Вот они пробежали дома, осевшие и развалившиеся от залпа, пересекли перекрёсток, стали взбираться на баррикаду, перегораживающую улицу. Вдруг одна фигурка упала, другая, третья, и все остановились, залегли.

Командир батареи берёт телефонную трубку. Через несколько минут сзади, из-за домов, снова вырываются огненные дуги. Снова за пылью и дымом скрываются баррикада и фигурки людей.

Когда рассеялся дым, уже никого не было видно. Все наши бойцы были уже за баррикадой.

Гвардии капитан ***КИСЕЛЁВ***

*

КАПИТАН

А. ТЕР-АКОПЯН

*

На Коммандантенштрассе

29 апреля наш батальон, ведя уличные бои уже на левом берегу Шпрее, продвигался по Коммандантенштрассе. Вечером, когда мы подходили к Якобштрассе, противник встретил нас ураганным огнём из окон пятиэтажного углового дома. Замешкайся мы тут, и батальон понёс бы огромные потери. Занять временную оборону в этом месте невозможно было. Поэтому командир батальона майор Романенко приказал, невзирая на огонь противника, стрелявшего из автоматов, пулемётов, фаустпатронов и бросавшего гранаты со всех этажей, немедленно ворваться в этот дом.

Батальон кинулся вперёд и с криком «ура» ворвался через окна и подъезды в комнаты первого этажа. Каждую комнату пришлось брать с рукопашным боем. Когда первый этаж был очищен от противника, взвод лейтенанта Фролова спустился в подвал и вступил в бой с засевшими здесь немцами. После пятнадцатиминутной ожесточённой схватки все немцы в подвале были уничтожены. Началась борьба с противником, занимавшим верхние этажи. Это было самое трудное.

Гитлеровцы забрасывали нас со второго этажа гранатами через заранее проделанные в полах и потолках сквозные отверстия. Но вскоре под воздействием сильного огня с нашей стороны немцы начали прыгать из окон второго этажа во двор. Там их поджидали пулемётчики Штырков и Галкин, а также снайпер Санин. Своим метким огнём они уложили под окнами дома около полусотни гитлеровцев.

Уцелевшие на втором этаже немцы поднялись на третий и четвёртый этажи. Мы ворвались на второй этаж, и опять пошла перестрелка, опять через продырявленный потолок на нас падали гранаты. Но вот появились наши гвардейские миномётчики. Они поднялись на второй этаж, неся на руках десять тяжёлых мин.

По предложению артиллеристов батальон был незаметно для противника выведен из дома.

Залп десяти мин поднял в воздух все три верхних этажа с находящимися там немцами.

Больше сюда мы не возвращались, стали продвигаться дальше. Метрах в тридцати от этого здания немцами был подготовлен к обороне другой большой дом. Разведка, посланная в этот дом, не обнаружила противника, и, когда мы приблизились к нему, никто из окон не стрелял. Бойцы беспрепятственно вбежали в подъезд, связисты протянули провод, но только мы вошли в комнаты и в одной из них поставили аппарат, как со всех сторон, неизвестно откуда, посыпался град пуль. Оказалось, что во всех внутренних стенах этого дома были сделаны незаметные бойницы, через которые немцы стреляли из соседних комнат. Командир полка подполковник Чайка, узнав об этом от нас по телефону, отдал приказ: «Вывести бойцов из здания и разбить его артиллерией». Но выйти из здания было уже невозможно. Немцы успели окружить все три комнаты, в которых собралось человек пятьдесят наших солдат и офицеров. Был свободен только один проход — узенький коридорчик, выводящий на двор, но он простреливался через бойницы в потолке немецкими пулемётчиками и снайперами со второго этажа. Несколько бойцов, один за другим, пытались выскочить через этот коридорчик, но все они были убиты на пути.

Положение наше было такое: одни лежали на полу и не имели возможности подняться, так как над головой свистели пули, другие стояли, прижавшись спиной к стене в стороне от бойницы, из которой бил немецкий пулемёт, и не сводили глаз с бойниц противоположной стены, из которой тоже сверкал огонь. Мы чувствовали себя как скованные, ничего не могли предпринять. Но у нас имелась связь, и это придавало уверенность. Все наши надежды были на провод, соединявший нас с командиром полка. И вдруг через открытую в подъезд дверь мы видим, как наш провод поднимается к потолку. Немцы подцепили его крючком и тянут к себе, чтобы порвать. Старшина сержант Емашев, как кошка, кинулся к поднятому проводу. Емашев был убит, но в последнее мгно-

Штурмовая группа ворвалась в дом

вение он успел снять провод с крючка. Потом немцы ещё раз пытались поднять провод, но это им больше не удавалось.

Командир роты старший лейтенант Микаэлян сказал бойцам, которые были с ним в одной комнате, что выйти нельзя, но артиллерия все-таки должна открыть огонь. Он хотел вызвать огонь на себя. Солдаты единодушно ответили: пусть артиллерия даёт огонь. Мнение Микаэляна и его подразделения было передано командиру полка, но решение последовало такое: пока артиллерийский огонь не открывать.

Мы уже шестой час сидели окружённые в трёх комнатах. Немцы, видя, что перестрелять нас из пулемётов трудно, стали вытаскивать пулемётные стволы из проломов в стенах и бросать в наши комнаты гранаты, от осколков которых нам негде было укрыться. Почти одновременно упали тяжело раненные командир стрелковой роты лейтенант Крылов, командир минометной роты лейтенант Смертин, командир взвода лейтенант Фролов. Из всех щелей и дыр раздавался крик на ломаном русском языке: «Русс, сдавайся, капут!» Наши бойцы отвечали: «Вам капут, Берлин капут!»

Из комнаты, в которой находились бойцы Микаэляна, вдруг повалил густой дым. Это бойцы Санин и Колмагоров, по приказанию своего командира, облили горючей смесью мебель и подожгли её. Потом раздался голос Микаэляна:

— Товарищи, сейчас немцам будет крышка, мы подложили тол, через две минуты взорвётся.

Дым, начавший проникать во все комнаты, и это грозное предупреждение Микаэляна, объявленное так, чтобы его услышали немцы, вызвали у них панику. Немцам уже было не до нас. Они бросили оружие у своих бойниц и, спасаясь, кинулись во все проходы из дома. Но наши солдаты оказались раньше их на дворе. Выпрыгивавших из окон и выбегавших из подъездов немцев со всех сторон встречал ружейно-пулемётный огонь.

*

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ
МОНАСТЫРСКИЙ

*

Один бой моей роты

Немцы зацепились за Валльнертеатрштрассе и пересекающую её с севера на юг Александерштрассе. Перекрёсток этих улиц имел для противника особое значение. На Александерплац немцы сосредоточивали пополнение для своих редеющих фольксштурмовцев и по Александерштрассе направляли их на юг, в бесплодной попытке выйти к реке.

В 14 часов меня вызвал на свой командный пункт комбат майор Липодаев и поставил задачу: выбить немцев из Валльнертеатрштрассе, овладеть перекрёстком, затем выйти на Штралауэрштрассе, прорваться через проходящую здесь железную дорогу и укрепиться на перекрёстке Клостерштрассе и Штралауэрштрассе.

Нам предстояло пройти с боем две станции метро, три перекрёстка улиц и, что самое трудное, преодолеть железнодорожную насыпь.

— Имейте в виду, — напутствовал комбат, — чтобы выиграть такой бой, от ваших людей требуется большая напористость и стремительность. Если промедлите — понесёте излишние потери и сорвёте выполнение общей задачи на этом участке.

Майор Липодаев пожал мне руку и пожелал успеха.

Я был уверен в себе, а главное — в моих прекрасных бойцах. Все они в эти дни сражения на улицах Берлина были охвачены жаждой победы, и не было на свете такой силы, которая смогла бы сдержать этот порыв.

Придя в роту, я накоротке собрал свой боевой актив. Командиры взводов и комсорг помогли мне правильно расставить людей. В боях последних двух дней рота понесла значительные потери. Несколько красноармейцев, героически сражавшихся накануне, было ранено. Следовало подменить выбывших из строя ручных пулемётчиков, автоматчиков.

К тому времени прибыли из разведки старший сержант Бурда, сержант Чупихин и красноармеец Лисогор. Они сообщили, что перекрёсток обстреливается из станции метро, а на подступах к железной дороге возведена баррикада.

Я решил начать наступление на западную сторону Валльнертеатрштрассе. Взвод лейтенанта Федоренко начал продвигаться к зданию, которое тянулось вдоль квартала, взвод лейтенанта Антонова готовился к развитию успеха и припас на сей случай гранаты, а также захваченные у немцев фаустпатроны. Зацепившись за угловую часть дома, бойцы Федоренко взобрались на чердак. Чтобы отвлечь от них внимание противника, взвод Антонова бросился очищать от немцев этажи. Тем временем взвод Федоренко пробрался по чердаку на противоположный конец дома и стал пробивать стену, чтобы выйти на перекрёсток Александерштрассе и Валльнертеатрштрассе. В ход было пущено всё, что нашлось под рукой, — топоры, зубила, молоты, кирки, ломы, лопаты. Тем не менее брешь удалось пробить только спустя сорок минут.

Невдалеке от бреши на улице оказалась изрядная воронка от бомбы, и взвод стал туда незаметно просачиваться. Расставив на перекрёстке ручные пулемёты, противотанковые ружья и стрелков, взвод открыл огонь по немецкому пулемётчику, стрелявшему вдоль Валльнертеатрштрассе и по окнам здания, в котором засели бойцы Антонова. Вскоре немец умолк. В это время пулемётчик Еанышев, стоя на крыше, начал строчить по отходившим немцам, и ни один из них не ушел живым. Очистив улицу и дом у перекрёстка, мы тем самым дали возможность подойти находившимся поблизости двум нашим самоходкам. По моим указаниям орудия открыли огонь и с нескольких выстрелов подавили две огневые точки на станциях метро, а также разорили находившуюся впереди баррикаду.

Сосредоточив роту, я броском пересёк Александерштрассе и приказал Антонову овладеть домом, который отделял нас от баррикады и железной дороги. Взвод Федоренко, укрывшись в полуразрушенном доме, держал под обстрелом Александерштрассе и перекрёсток, а само-

ходки перенесли огонь по железной дороге и в глубь Штралауэрштрассе.

Вот тут произошло непредвиденное. От содрогания, вызванного залпами тяжёлых орудий, обрушилась стена, под которой залегли бойцы Федоренко. Несколько человек получили ушибы, четырёх солдат, тяжело раненных, пришлось эвакуировать. На всё это ушло время. В дальнейших боях на улицах Берлина я всегда помнил этот случай и оберегал бойцов от подобных неожиданностей.

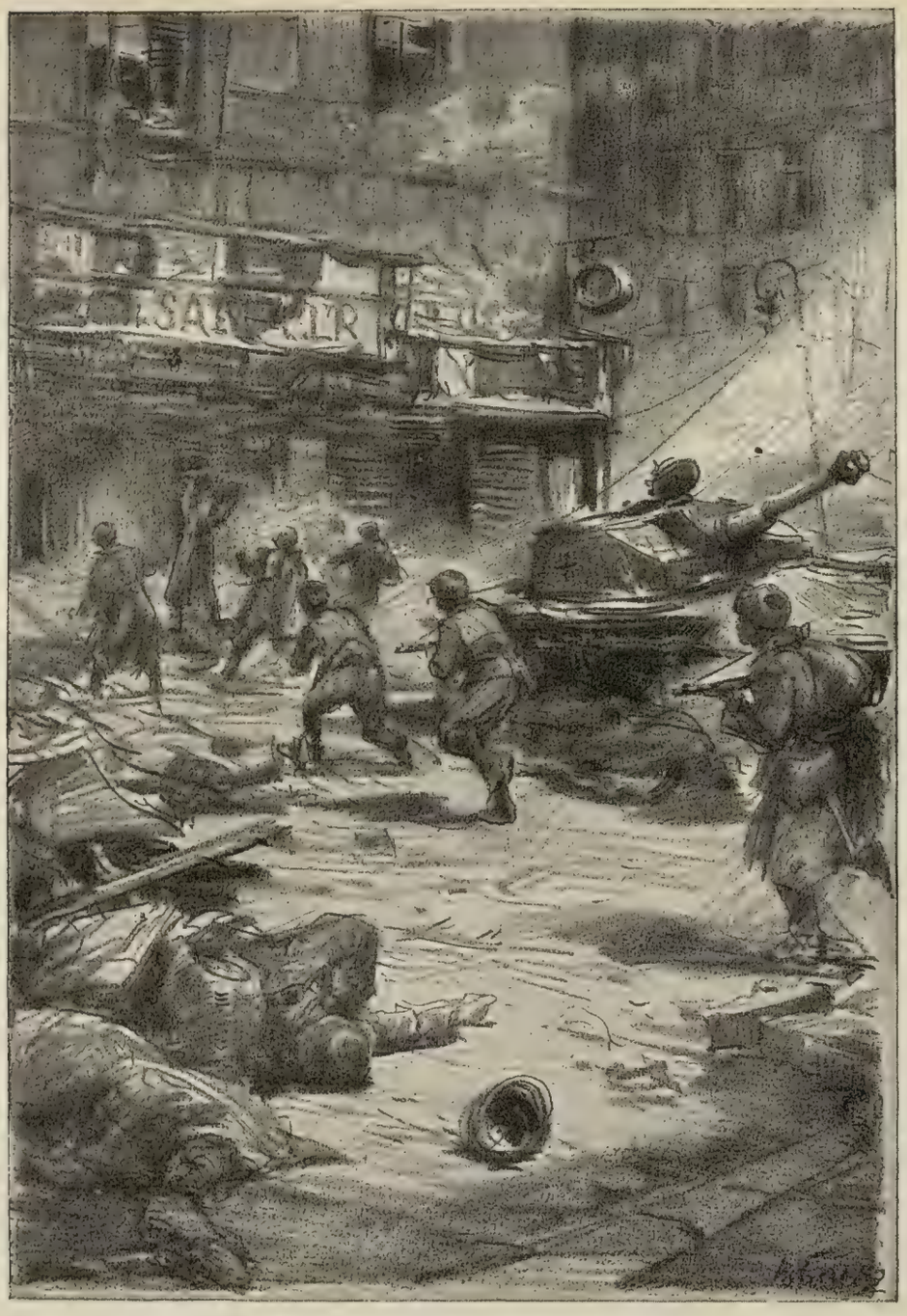
Взвод Антонова сравнительно быстро овладел заданным ему домом и, выпустив из окон четыре трофейных фаустпатрона, зажёг баррикаду, сложенную из брёвен. Под прикрытием огня самоходок и при поддержке наших станковых пулемётов подошедший второй эшелон батальона занял этот важный перекрёсток.

К тому времени рота уже подготовилась для атаки железной дороги. Баррикада продолжала гореть, и, укрывшись дымовой завесой пожара, одно отделение с пулемётчиком подобралось к насыпи на расстоянии 30 метров. Обстреляв засевших здесь немцев ружейно-пулемётным огнём, отделение сержанта Лымаря стремительно ворвалось на противоположную сторону железной дороги. Внезапность наших действий ввела немцев в замешательство, и они стали в беспорядке отходить в глубь Штралауэрштрассе. Ручные пулемётчики Бирюков и Куликовский преследовали убегающего неприятеля огнём.

Сразу же за отделением Лымаря устремилась вся рота. Преследуя противника и прочёсывая дома, мы вышли к указанному нам пункту — на перекрёсток Клостерштрассе и Штралауэрштрассе.

Вскоре я уже докладывал по телефону комбату, что поставленная роте задача выполнена.

*



Автоматчики продвигаются вперёд

КАПИТАН

И. СЕНЧА

*

Штурм Ангальтского вокзала

В ночь на 28 апреля батареи сосредоточились на стадионе у аэродрома Темпельхоф. Отсюда мы двинулись на штурм Ангальтского вокзала. Вокруг горел Берлин.

Улицы то тут, то там были прегражденны баррикадами; сапёры не успевали разбирать их, и артиллеристы в обгоревших шинелях, с потрескавшимися от жара губами то и дело слезали с лафетов и растаскивали завалы.

Наши части плотно блокировали Ангальтский вокзал.

Гитлеровские смертники, укрывшиеся в прочных подвалах вокзального здания, ожесточённо сопротивлялись.

Малокалиберная артиллерия, стрелявшая по вокзалу прямой наводкой, не смогла пробить его толстые стены. Тогда полковник Туроверов подошёл к телефону и, связавшись с генералом, попросил обстрелять вокзал из тяжёлых орудий. Генерал разрешил.

В ночь на 29 апреля орудия пятой и седьмой батарей двинулись вперёд для стрельбы по вокзалу. Шёл дождь, пожарища медленно гасли, и низкий чёрный дым густо застилал мостовые. Но водители находили путь и сквозь дым, и сквозь ночную темь и ловко лавировали среди развалин и разбитых машин.

Впереди каждого «поезда», нередко падая в воронки, шли командиры батарей. Пока ночь, нужно успеть всё поставить на место, чтобы с рассветом приступить к разгрому вражеского гнезда.

Командиры дивизионов майор Кудрявцев и гвардии майор Кириченко пришли на огневую позицию. Наступил рассвет, и, покрывая все шумы боя, грозные залпы потрясли перекрёсток. Посыпалась штукатурка, полетели оконные рамы, целые глыбы кирпичей взлетали в воздух.

— Огонь! — командует лейтенант Глатов.

— Есть огонь! — и снова в подвалы врезаются мощные снаряды, и клубы дыма подымаются в облака. Немцы подняли неистовую стрельбу по артиллеристам. Осколком был ранен командир орудия Дерсалия, его молча заменил ефрейтор Гоца. Упали красноармейцы Иванов, Кутумбаев, Турханов. Повреждено орудие, но артмастер Чайников быстро восстановил его.

Вражеские фаустники особенно яростно обстреливали орудие старшего сержанта Пронина. Он был убит, на его место встал замковый Багнюк. Осколок мины тут же оборвал и его славную жизнь. Один за другим у орудия становились ефрейтор Асарьян, ефрейтор Шлапак, ефрейтор Соловьев, и один за другим падали они на землю, обливаясь кровью. К орудию бросился лейтенант Кожушко.

Дым слепил глаза, но лейтенант сумел разглядеть амбразуру в здании Ангальтского вокзала — огонь! — и туда полетел раскалённый металл.

Наконец, из вокзала поднялась в небо красная ракета. Это был сигнал прекратить огонь, поданный разведчиками Воронцовым и Ивановым, которые вместе со штурмовыми группами ворвались в здание вокзала.

Когда мы хоронили своих товарищей, павших в этом жарком бою, майор Бузик, поднявшись над свежевырытой могилой, сказал:

— Товарищи! Боевые друзья! Солдаты великой армии Сталина! Мы предаем земле павших героев...

Он больше не мог говорить. Бросив в могилу две горсти земли, он закончил:

— Вечная слава вам, богатыри земли советской!

ГВАРДИИ МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

А. ЧЕРНЕНКО

*

Танковый десант на Курфюрстенштрассе

Двигаясь на танках по Курфюрстенштрассе, мы не встречали серьёзного сопротивления. Так было до перекрёстка Курфюрстенштрассе с Кейтштрассе. Здесь засела большая группа гитлеровцев и вела такой огонь из всех видов оружия, что десанту пришлось сойти с танков и вести бой за каждый дом, за каждую комнату до выхода на Кейтштрассе. На улицу вышли с небольшими потерями, но через улицу никак не могли продвинуться. Не помогало и то, что улица, идущая со стороны противника, была совсем разрушена бомбёжкой.

Немцы этот квартал подготовили для длительной обороны. До сих пор вижу перед собой эти ворота и двери подъездов, забаррикадированные изнутри. Помню и угловой дом слева, из которого улица простреливалась зенитками и ружейно-пулемётным огнём. Во всех домах сидели снайперы. Командование поставило нам задачу: во что бы то ни стало занять этот перекрёсток и целиком оседлать Курфюрстенштрассе до Зоологического сада, чтобы в дальнейшем выйти по Кейтштрассе к Ландвер-каналу и Тиргартену. После тщательной разведки мы установили, что вражеская оборона сильна лишь на протяжении 100—150 метров, а дальше немцев не так густо. Таким образом, преодолев этот рубеж, можно было быстро развить успех. Тогда командир танкового батальона капитан Кабанов принял смелое решение.

Большая часть подразделения была вновь посажена на танки. В первую очередь отобрали тех, кто был вооружён автоматами. Несколько танков

отошли назад, набирая дистанцию, и вдруг на полном ходу рванулись вперёд к опасной зоне. Их поддерживали своим огнём самоходки. Десанту было приказано вести непрерывный огонь из автоматов, когда танки будут проходить перекрёсток и оседланную врагом улицу. Приказано было также забрасывать противника ручными гранатами.

Под грохот огня самоходок и непрерывную трескотню автоматов танки мчатся на предельной скорости. Рушатся стены, отчаянно звенит битое стекло, камни и штукатурка летят отовсюду, пыль и дым застилают улицы. Все это на немцев произвело такое сильное впечатление, что одни, побросав оружие, бежали, другие не могли поднять голову.

Немцы всё же бросили несколько фаустпатронов. Но сплошной огонь десанта держал их в отдалении; фаустпатроны не долетали... Один немецкий пулемёт начал было строчить, но его быстро заставили замолчать. Десант, проскочив опасный перекрёсток, окружил засевшую группу немцев. Часть их была перебита, а часть сдалась.

Путь на Ландвер-канал был свободен.

ГВАРДИИ СЕРЖАНТ
А. КУРАСОВ

ГВАРДИИ ЕФРЕЙТОР
П. ПАЮСОВ

*

Гвардейские минометы расчищают путь

На одной из улиц в районе Ландвер-канала немцы засели в большом четырёхэтажном доме полиции. Они ведут из него огонь из всех видов оружия. Фаустники не дают продвигаться танкам. Стволная артиллерия пытается разбить эту серую махину, но снаряды или совсем не пробивают толстые стены, или делают в них лишь небольшие пробоины.

Командир дивизиона гвардейских миномётов гвардии майор Друганов находился в это время на своём командном пункте по соседству с КП танковой части гвардии полковника Моргунова, которую он поддерживал. Оба пункта в самом пекле боя. Соседний дом ещё занят немцами. Они ведут оттуда частый огонь. Он так силён, что нельзя показаться у окон. Гвардии полковник Моргунов за картой. Он тепло встречает майора и подзывает к столу.

— Срочная работёнка, Друганов! — говорит он. — Вот смотри... — Он склоняется над картой и показывает:

— Здесь дом полиции, в нём засели гитлеровцы, и мы не можем их выкурить... Дом надо уничтожить. От этого зависит успех дальнейшего наступления. Понятно?

— Понятно, товарищ гвардии полковник!

— Сможем мы это сделать быстро?

— Постараюсь, товарищ гвардии полковник.

Через несколько минут, уточнив обстановку, майор вышел. Он быстро перебегает обстреливаемый участок, вскакивает в свою машину и мчится к боевым порядкам дивизиона.

Короткая разведка подходов, ещё более короткий разговор с командиром батареи — и боевая установка гвардии сержанта Вагазова стремительно выскакивает со двора. Подымая тучи известковой пыли, она мчится по загромождённой щебнем улице и замедляет ход у завала. Серая громада дома-крепости уже видна. В стенах зияют чёрные дыры пробоин от обстрела. Видны заделанные цементом окна-амбразуры, из которых ведётся огонь. Боевая установка, поблёскивая направляющими с лежащими на них тяжёлыми минами, осторожно сползает с завала и снова обволакивается пылью. В ста метрах от дома она останавливается для стрельбы прямой наводкой.

Разведчик-комсомолец Самуилов во-время замечает первого фаустника. Короткая автоматная очередь предупреждает выстрел немца, но одновременно падает и раненный пулей комсомолец. Лёжа на асфальте, он продолжает бить из автомата по окнам, не давая врагу вести огонь.

Установка уже готова к залпу. Командир орудия и шофёр поспешно занимают места. Сержант Вагазов берётся за пульт управления, и тяжёлые снаряды со скрежетом несутся в воздух. Боевая машина закутывается пылью. Впереди возникают молнии, гремят тяжкие взрывы. Установка начинает разворачиваться. Снова клубы пыли, и, благополучно миновав завал, боевая установка уже мчится по улице.

Задание выполнено: полуразрушенный и осевший от страшных взрывов дом окутывается дымом и пламенем. А ещё немного спустя из подземных казематов показываются с поднятыми руками немногие уцелевшие гитлеровцы...

Лютцовштрассе — обыкновенная берлинская улица: скелеты разрушенных домов, обнажённые лестничные клетки, горы щебня, воронки, исковерканные вагоны трамваев. Это последняя улица перед Ландвер-каналом, за которым Тиргартен, рейхстаг, и вокруг неё разгорелись ожесточённые бои.

Засев в уцелевших домах, немцы устроили завалы и баррикады из обрушенных стен и преградили путь нашей танковой бригаде. Оставшиеся узкие проходы были минированы и простреливались орудийным огнём откуда-то из глубины обороны. Попытки танкистов прорваться или найти обходные пути не увенчались успехом. Надо было предпринимать что-то иное.

Командир передового танкового батальона отправился с несколькими бойцами в разведку. Пробравшись вперёд, он сразу понял всё: за стволами вековых дубов пряталось большое мрачное здание с узкими амбразурами вместо окон. Из этого здания гитлеровцы держали под огнём все завалы и проходы. Массивные бетонные стены делали его неуязвимым для артиллерии сопровождения. К тому же оно почти не было видно из-за деревьев парка. Стало ясно, что, преодолев завалы, танки попадут под огонь этой грозной крепости.

— «Катюшу» бы сюда! — вслух подумал сержант Иванов.

— А действительно! — сказал командир батальона. — Отправляйтесь на батарею и передайте командиру мою просьбу поддержать атаку танков своим огнём.

Сержант пополз в сторону батареи. Но едва он появился на открытом месте, как мёртвый дом ожил и пулемётная очередь прижала его к земле.

— Вправо, вправо, к канаве! — крикнул комбат. — Там не достанет...

— Есть вправо! — отозвался сержант.

Он быстро вскочил и пулей понёсся в указанную сторону. Вскоре он скрылся за углом. Там стояли гвардейские минометы гвардии старшего лейтенанта Быковского.

Гвардейцы-минометчики не заставили себя ждать. После того как начальник разведки гвардии старший лейтенант Попов вместе с танкистами осмотрелся на местности и танки заняли исходное положение для атаки, командир батареи приказал гнать машину.

Шофёру боевой установки гвардии ефрейтору Бережному на этот раз пришлось выполнять обязанности и командира орудия, и наводчика. Получив приказ, он завёл машину, преодолел разминированный сапёрами завал и с хода занял позицию в пятидесяти метрах от цели. То ли потому, что появление боевой машины застало гитлеровцев врасплох, то ли потому, что им не давали прицельно бить наши танки и автоматчики, но расчёт боевой установки сумел изготовиться к открытию огня. Бережной сам подложил под задние колёса бревно, сам навёл установку на цель. Автоматная очередь пробила стекло кабины, но он стал на крыло, хладнокровно закрыл щитком смотровое стекло и полез в кабину.

Бережной взялся за пульт управления в тот момент, когда у машины уже стали рваться снаряды. Страшные взрывы сотрясли воздух. Дом-крепость заволокло дымом. Танкисты, ждавшие этого момента, уже преодолевали завалы. Бронированные машины, с хода ведя огонь, устремились к дому...

Из дома навстречу танкам раздались редкие, разрозненные выстрелы, полетели фаустпатроны. Ожила одна из вражеских пушек. «Катюша» дала залп. Дом вторично заволокся дымом и пламенем.

Командир танкового батальона подъехал к вышедшему из кабины шофёру и обнял его.

— Спасибо, друг! — сказал он. — От всех танкистов спасибо...

Он снова обнял его и добавил: — Никогда не забудем тебя.

Растроганный Бережной улыбнулся и вместо ответа лишь махнул рукой.

Он тогда промолчал. Но когда отгремели последние бои, когда мы прочитали приказ Верховного Главнокомандующего о присвоении нашей части наименования Берлинской, гвардии сержант Бережной, выступая на митинге, сказал:

— Дорогой военных побед, сквозь бурю огня и ливень смертоносного металла пришлось нам притти в Берлин. Мы шли вперёд с именем Сталина в сердце, не помышляя о славе, не жалея жизни. Мы завоевали себе и славу, и жизнь!

ГВАРДИИ ЛЕЙТЕНАНТ

ИЛЮХИН

*

На Ландвер-канале

Подходим с запада к центральным районам Берлина. Танки остановились на Шпандауэрштрассе. Впереди — Ландвер-канал, за ним Тиргартен.

Дожидаясь сигнала к новой атаке, я вышел из машины, чтоб немного поразмяться на свежем воздухе. Моим глазам представилась грандиозная картина боя в германской столице. На Берлинерштрассе горят дома. В бушующем море огня рушатся стены зданий. Грохот сотен орудий сливается в общий несмолкаемый гул. Сквозь дым и пыль едва проглядывает тёмный диск солнца.

Подбегает старший сержант Плутов:

— Вас вызывает командир...

Что это командир вызывает не по рации, а через связного? Видно, он где-то поблизости. И всегда-то лезет в самое пекло!

Так и есть. Командир батальона Герой Советского Союза гвардии майор Бийма стоит у переднего танка чуть ли не под самым огнём немецких автоматчиков.

— Отойдём немного в сторону, — сказал он тихо и дружески взял меня за рукав комбинезона.

Мы хорошо знали своего командира. Если этот всегда очень сдержанный офицер так обращается к своим подчинённым, значит разговор предстоит необычный.

— Слушай, Илюхин, — начал он. — Я сейчас с тобой говорю как коммунист с коммунистом. — И секунду помолчав, продолжил: — Нужно

прорваться к переправе Франклинштрассе и удержать её, не дав немцам взорвать мосты. Трудно, но нужно.

Выйти к переправе... Это означало сбить заслон противника, состоящий из доброй сотни фаустников, нескольких орудий и группы автоматчиков. Затем следовало пройти десяток кварталов, в каждом из которых предоставляется возможность попасть под прямую наводку вражеской артиллерии. Действительно, трудно...

Но раздумывать некогда. Надо без промедления выполнять боевое задание.

Бегу к своим танкам. По пути соображаю: от фаустников прикроемся пулемётами, а что делать с артиллерией — сообразим по обстановке.

Итак, моя рота отправляется первой. Я решил создать штурмовую группу из взвода танков, батареи самоходных орудий и взвода автоматчиков. Через несколько минут наш отряд был уже в дыму и пламени горящих улиц.

На Уферштрассе завязался ожесточённый бой. Стволы орудий накалились, мокрая от пота одежда прилипла к телу, лица почернели от порохового дыма.

Продвижение соседней справа части задержалось, и этот фланг в районе Берлинерштрассе оказался у нас открытым. Немцы бросили сюда до роты автоматчиков и фаустников. Они заняли верхние этажи на одном из перекрёстков Кауэрштрассе.

На помощь моей штурмовой группе пришла основная часть роты, которая прикрыла нас огнём.

Я выхожу из танка. Со взводом автоматчиков мы врываемся в верхние этажи зданий и вступаем в рукопашную схватку. Танкисты, увидев своего командира, действующего с пехотой, бросились с гранатами и автоматами нам на подмогу. Механик-водитель Гахушвян схватил одного фаустника за шиворот и выбросил его в окно с третьего этажа. Другого фаустника, подвернувшегося мне под ноги, я изо всей силы стукнул сапогом в живот. Немец заорал благим матом и, лёжа, поднял руки кверху.

Вскоре взвод автоматчиков выбил немцев со второго этажа. Танкисты младших лейтенантов Павленко и Лебедева, прикрывая автоматчиков, уничтожали огнём гитлеровцев, засевших в соседнем здании. Поднялось облако дыма и пыли. Воспользовавшись этим, танкисты ворвались на Шарлоттенбургштрассе, идущую по берегу Ландвер-канала.

Ещё двести метров, и цель будет достигнута!

В последнем квартале нас встретил огонь оборонявших переправу пушек и миномётов. Запрашиваю командира взвода гвардии лейтенанта Павлова:

— Сумеете смять эти пушки?

— Сомну, — ответил коммунист Павлов.

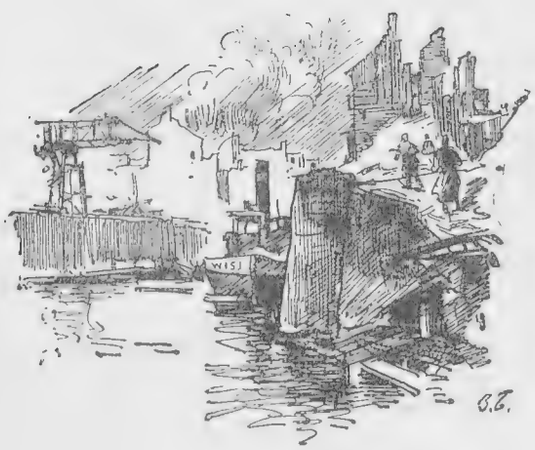
Даю команду:

— Мы вас прикроем огнём, а вы на полном — вперёд!

Открываем шквальный огонь по вражеским батареям. «Тридцатьчетвёрки» лейтенантов Павлова, Сурова и Делянова устремились к переправе, оборонявшие её гитлеровцы стали разбегаться. Мгновение — и мощные гусеницы советских танков превратили немецкие орудия и миномёты в груду лома.

Через несколько минут подоспели остальные танки нашей роты, а затем главные силы гвардии майора Бийма.

Переправа была взята.



ЛЕЙТЕНАНТ

МИЧУРИН

*

Через завал

Наступая с севера, районом Веддинг, наши танки прорывались к центру Берлина, к Тиргартену, навстречу наступавшим с юга танкам генерала Катукова. 29 апреля, когда мы вышли на Шульцштрассе, нам приказано было проскочить Трифтштрассе, ворваться в Тегелерштрассе и к исходу дня перерезать железную дорогу, идущую через канал реки Шпрее.

Я немедленно вызвал к себе командиров взводов, чтобы вместе с ними разведать местность. Низко пригибаясь к земле, мы побежали позади домов садом, заваленным срубленными в цвету вишнёвыми и яблоневыми деревьями, и убедились, что танки надо вести в обход, минуя Трифтштрассе, которую немцы усиленно обстреливали и где нам предстояло делать лишние развороты. Из-за дощатого забора хорошо видна была Тегелерштрассе. Путь к ней преграждали устроенный немцами завал и поставленная впереди него поперёк мостовой трамвайная платформа.

Справа и слева от нас разгорался бой.

На Шульцштрассе к танкам мы возвращались тем же путём через сад, который немцы вырубили для увеличения сектора обстрела.

— За мной, вперёд! — подал я команду и опять побежал через сад, пересёк Трифтштрассе и залёг у углового дома, чтобы лучше осмотреть завал, из-за которого немцы вели огонь.

Когда подошёл передний танк младшего лейтенанта Ширшова, я приказал открыть пулемётный огонь по угловым домам, стоящим по бокам завала, и пушечный огонь по самому завалу.

Раздались первые выстрелы. Кирпичная пыль затянула улицу сплошной пеленой. Пользуясь этой своеобразной завесой, я подвёл танк Ширшова к завалу и приказал автоматчикам снять трос, прицепить его к правой стороне трамвайной платформы и оттянуть её в сторону. Это было сделано быстро. Скрежеща о мостовую, платформа подалась. В образовавшемся проходе я увидел врытые в землю три металлические балки. Пройти через них танки не могли. Тогда я отыскал минёров — они были среди автоматчиков — и велел подорвать балки.

Три раза под огнём противника принимались минёры за это трудное дело. Наконец, две балки им удалось подорвать; третья же, обращённая свободным концом в сторону немцев, попрежнему стояла на нашем пути.

Но танкистов уже нельзя было сдержать. Они были полны решимости одолеть этот проклятый завал.

Танк Ширшова двинулся на первой скорости. Вот он подошёл к балке и, поднимаясь на неё, встал на дыбы. Трудно передать моё волнение в эти секунды. Ведь немцы могли легко расправиться с машиной. Но в следующее мгновение я увидел, что передняя часть танка стала опускаться, а задняя поднялась и не касалась уже асфальта. Под тяжестью машины балка согнулась, и танк рванулся вперёд. За танком Ширшова завал преодолели и танк младшего лейтенанта Баркова и все остальные.

Жаркий бой завязался на улице. Огонь немцев был столь сильным, что продвижение автоматчиков по Тегелерштрассе к каналу приостановилось. Особенно сильный обстрел немцы вели из правого углового дома, стоявшего у железной дороги, из-за железнодорожной насыпи и из-за завала, возведённого под железнодорожным мостом.

Через связного я отдал приказание подтянуть тяжёлые самоходные орудия и открыть огонь по пунктам, откуда стреляли немцы. Танки же продолжали борьбу с фаустниками, укрывавшимися на чердаках и в подвалах домов.

Немцы не могли противостоять нашему натиску. Спустя короткое время автоматчики получили возможность двигаться вперёд. Я приказал им тщательно прочёсывать дома, дворы и подвалы. Мы продвигались вперёд при поддержке самоходок. Вслед за нами шли артиллеристы.

К концу дня улица Тегелерштрассе была занята и железная дорога перерезана.

*

ГВАРДИИ СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

ОСЕТРОВ

*

Переправа у Шарлоттенбургского парка

Наша танковая часть наносила удар с северо-запада. Мы пересекли канал Берлин-Шпандауэр и обогнули Сименсштадт.

Немцы упорно цеплялись за каждый дом, за каждый угол. Казалось, что нет окна, откуда не стреляли бы автоматчики, откуда немцы не бросали бы фаустпатронов. Мотострелковый батальон с боями занимал улицу за улицей.

Ночью мы вышли на северный берег Шпрее. Перед нами лежала в граните чёрная река.

Ещё недавно здесь высилась дуга огромного моста, противоположный конец которого уходил в Шарлоттенбургский парк. Теперь мост был взорван. Обломки пролётов лежали в воде. Ширина реки в этом месте — метров шестьдесят.

Командир батальона гвардии капитан Косов, присев у развалин кирпичной стены, углубился в развёрнутый перед ним план Берлина.

Из раздумья капитана вывел голос старшего сержанта Швачко.

— В чём дело?

— Разрешите переплыть на тот берег, и я приведу лодку. Я уже всё высмотрел.

— Ну что же, — согласился Косов, — хорошее дело.

Капитан вызвал к себе пулемётчика Зайнутдинова.

— Сейчас Швачко поплывёт на тот берег. Устройтесь с ручным пулемётом поудобней и ждите. Как только немцы начнут стрелять, бейте по

их огневым точкам. Только глядите, получше замаскируйтесь, а то и вас собьют, и Швачко погубите.

Швачко пробрался к берегу, разделся, бросился в реку и быстро поплыл. На поверхности видна была только голова, временами пловец вовсе скрывался под воду. Смельчак уже был на середине реки, когда метрах в трёх от него стали вздыматься фонтанчики. Зайнутдинов взял на прицел огневую точку противника и заставил её замолчать. Немцы стали обстреливать старшего сержанта из другой точки, но Зайнутдинов и её обнаружил и залил огнём.

Швачко уже был на берегу и торопливо отвязывал лодку, когда немцы нащупали Зайнутдинова. Вокруг пулемётчика стали ложиться пули, и надо было немедленно менять позицию. Он стал было уже отползать, но вдруг почувствовал сильный толчок в левое плечо. Из раны струилась кровь, рубаха намокла и липла к телу. Мучила резкая боль, но уходить было нельзя: Швачко уже плыл обратно, таща за собой лодку, и нужно было его прикрывать. Забыв о ране, Зайнутдинов плотно припал грудью к земле и открыл огонь по окнам дома, откуда били вражеские автоматчики.

Плыть Швачко было очень тяжело. Вокруг него то и дело свистели пули, но он видел, что пулемёт, у которого лежал истекающий кровью Зайнутдинов, беспрерывно ведёт огонь, и это придавало ему силы. В конце концов вражеские автоматчики замолкли.

Вот уже и берег. Швачко закрепил цепь лодки и юркнул в развалины каменного дома. Товарищи быстро укутали его в шинель, напоили спиртом. Капитан крепко расцеловал героя.

Через час-полтора две роты автоматчиков, переправившиеся на пригнанной Швачко лодке, были уже на противоположном берегу Шпрее, в Шарлоттенбургском парке.

*

КАПИТАН

А. ФОМЕНКО

*

На Бреслауэрштрассе

Торопливо схожу, почти сбегаю в полутёмный подвал, еле освещённый свечой.

— Товарищ майор! Прибыл командир батареи дивизионной артиллерии, назначенный поддерживать ваш батальон.

Майор Яковлев, не теряя времени, знакомит с обстановкой и ставит по карте задачу.

— Батальон наступает вдоль Шпрее по Бреслауэрштрассе... К исходу 29 апреля должен выйти в район Александерплац... Вот здесь! — Он обводит карандашом несколько прямоугольников на карте и продолжает: — Ваша задача неотступно следовать и поддерживать огнём 9-ю роту... Связь по телефону!..

Повторив задачу, прощаюсь и торопливо иду к выходу. На улице стрельба. Немцы засели в нескольких больших домах и поливают Бреслауэрштрассе пулемётным огнём.

«Хватит работёнки!» — думал я и привычно фиксировал ближайшие огневые точки немцев.

Было немного страшновато выходить на обстреливаемую улицу, но раздумывать было некогда, и я побежал. Тотчас же пронзительно визгнули рядом немецкие пули. Я пригнулся, но продолжал бежать. Я был уже совсем близко от тёмной арки, когда в пяти метрах тяжко грохнул взрыв фаустпатрона. Меня швырнуло взрывной волной об стену, и я ненадолго потерял сознание. Очнувшись, ощупал себя. Лицо и руки в крови, но,

кажется, ничего серьёзного. Я поднял голову, пулемётная очередь снова прижала меня к асфальту.

«Надо бежать, — подумал я, — не то не успею поставить задачу батарее».

Я вскочил и снова побежал. Теперь я бежал короткими перебежками, то прячась на минутку за выступами стен, то забегая отдышаться в подъезды разрушенных домов. Батарея стояла у железнодорожного моста. Ознакомив людей с обстановкой, я приказал выкатить два орудия за угол прямо на улицу и хорошенько прочесать дома, откуда отстреливались немцы.

Первым открыло огонь орудие Героя Советского Союза сержанта Тяпушкина. Надо было видеть, как работали артиллеристы. Пули свистели около них, но это словно подхлёстывало номера. Я указал им замеченные мною огневые точки, и через минуту их не стало. Ещё и ещё выстрелы, и одна за другой стали смолкать и скоро совсем смолкли ещё четыре огневые точки немцев. Над домами, куда били орудия, поднялись клубы дыма, дождём валились кирпичи, сыпалась штукатурка... Ещё несколько минут, и можно было разглядеть, как в разных местах улицы стали подыматься бойцы девятой роты. Они шли почти открыто, на ходу поливая из автоматов окна домов. Ответный огонь врага смолкал. Лишь где-то правее, там, где стояли наши танки, были слышны взрывы фаустпатронов...

Задача была выполнена. Пехота пошла вперёд.

Я бросился к отважным орудийным расчётам, не помня себя от радости. Мне хотелось (и я был готов это сделать) расцеловать их за точную и хорошо слаженную работу. Ведь это были мои расчёты! В этот момент я вместе с ними торжествовал победу. Я понимал, что впереди ещё много дела, но сейчас-то была победа!

Но как раз в тот момент, когда я был уже у орудий, мы увидели солдата. Он бежал вдоль улицы, не обращая внимания на пули. Это был танкист — высокий, плотный, весь измазанный в масле. Он тяжело дышал, но ещё на ходу стал объяснять, что из четвёртого этажа дома, уже захваченного нами, немцы бросают фаустпатроны и не дают двинуться нашим танкам.

Он указал мне это место. Там уже пылал один из наших танков, зажжённый фаустниками. Вся беда, говорит он, в том, что ни одна боевая машина не может пройти под аркой через узкие ворота, чтобы добраться до осиного гнезда. Положение было затруднительное. Чтобы выдвинуть туда орудие, надо ослепить уцелевшие огневые точки немцев. Но как

это сделать? В этот миг я увидел, как второй танк выстрелил из пушки. На минуту всё вокруг него исчезло в облаке белой известковой пыли, поднятой взрывом. И меня словно осенило.

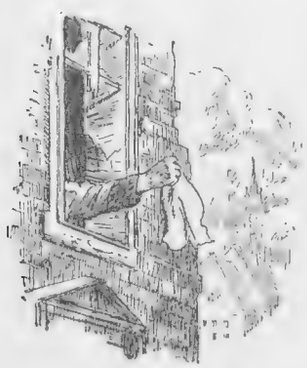
— Вот если бы ваши ребята сделали ещё пяток таких выстрелов по грудам щебня, — сказал я, — то тогда можно было бы подкатить орудие...

— За этим дело не станет, — обрадованно сказал танкист. — Не пять, а десять раз бабахнем.

И он, довольный, побежал к танкам.

Я приказал расчёту приготовиться. Номера бросились к орудию. Через две минуты танк открыл огонь из пушки по грудам щебня. Над тем концом улицы, где еще были немцы, поднялись огромные клубы известковой пыли, в которой скрылись дома и вся улица. Я дал знак, и расчёт быстро покатил орудие к арке. Ещё минута, и орудие исчезло в её темной дыре. Обнаружить цель было недолго. Вместе с грохотом очередного фаустпатрона грянул первый выстрел моей пушки. Из окна четвёртого этажа полетели кирпичи, посыпалась штукатурка. Ещё несколько выстрелов, и рядом, в уцелевшем окне, показалась рука, размахивающая чем-то белым. Я приказал прекратить огонь.

Немецкие солдаты, подняв высоко руки, вышли из дома.



Эпизоды боев за Александерплац

1. БОЙ ЗА ПЕРЕКРЁСТОК

Мы пробиваемся к центральной площади Берлина — Александерплац. Немцы закрепились на перекрёстке двух больших улиц. Они опоясали его баррикадой, преграждая путь нашим танкам и пехоте. Огневых точек врага не видно, но чувствуется, что они притаились где-то здесь, в люках подвалов, у разбитых окон, на крышах и чердаках прилегающих домов.

Действительно, едва наша пехота показалась на широкой улице, как неожиданно ожили и баррикада, и прилегающие к ней дома. Отовсюду вдруг загремели пулемётные и автоматные очереди, засвистели мины и фаустпатроны. Мгновенно вся улица заволакивается клубами дыма и известковой пыли.

Задачу ликвидировать огневые точки врага и обеспечить дальнейшее продвижение пехоты получает командир батареи гвардии старший лейтенант Яшин. Он вызывает к себе командиров орудий старших сержантов Гончаренко и Зыкина. Оба, бывалые воины, участники уличных боёв в Сталинграде, с первых слов понимают командира. Некоторое время они молча рассматривают затихшую баррикаду и улицу, что-то прикидывая в уме.

— Разрешите доложить, товарищ старший лейтенант! — говорит, наконец, Гончаренко. — Отсюда мы фашистов не достанем, придется менять позицию... Пока светло, они нам не дадут выкатить орудия. Разрешите начать с темнотой?

— В вашем распоряжении вся ночь, но утром пехота должна пойти. Понятно?

— Понятно, товарищ старший лейтенант! Утром пехота пройдёт...

В полночь разведчик Липчевский принёс данные о расположении огневых точек врага и сказал, что нашёл подходящее место для огневых позиций. Пушки были отцеплены от машин, и расчёты осторожно покатили их по улице вслед за разведчиком. Катили около двадцати минут, пока Липчевский не подал знак остановки.

— Здесь! — тихо сказал он. — Место хорошее, стрелять можно в двух направлениях...

Расчёты бесшумно принялись за оборудование огневой позиции. Задолго до рассвета всё было готово. Расчёты заняли свои места. Неожиданно слева раздалась короткая очередь автомата. Пули ударили по щиту орудия Гончаренко. Судя по рикошету, немцы стреляли из пятиэтажного дома, что был впереди в двухстах метрах, оттуда же ударила вторая, более длинная, очередь. Немцы стреляли трассирующими пулями.

— Показывает, гад, — выругался Гончаренко.

Действительно, с той же стороны ударил тяжёлый крупнокалиберный пулемёт. Вражеские пули зарикошетировали на мостовой в двух метрах от орудий. Опытный глаз разведчика уже определил месторасположение вражеского пулемёта. Ещё две очереди, и оно засечено окончательно: пулемёт бьет из окна второго этажа правого углового дома. В предрассветной мгле видны даже вспышки огня. Короткая команда Гончаренко, и один за другим гремят три выстрела. Угловой дом заволакивается дымом, веером летят кирпичи, рамы, и вражеская точка смолкает. Ещё некоторое время расчёт выжидает, но пулемёт больше ничем не обнаруживает себя...

— С одной кончили! — удовлетворённо говорит Гончаренко. — Показывай, где спаренный пулемёт! — говорит он разведчику.

Липчевский показывает, Гончаренко подаёт команду, и пушка открывает огонь по новой цели. Второе орудие старшего сержанта Зыкина пока молчит: оно не обнаружено немцами и приберегается для более подходящего момента. Скоро одна за другой уничтожаются ещё две огневые точки немцев. Но то ли немцы опасались преждевременно обнаружить свою систему огня, то ли берегли патроны, — отвечали они очень редко. Совсем рассвело. Вскоре сзади показались наши танки и самоходки. Расчёты изготовились к открытию огня. Наблюдатели и разведчики впились глазами в перекрёсток, чтобы быстро засечь огневые точки, как

только враг откроет огонь. Но немцы молчали. Один танк, с хода ведя огонь по баррикаде, быстро пошёл вперёд. Он уже миновал наши пушки и стал приближаться к перекрёстку, когда вдруг разом ожило несколько огневых точек врага. Слева заговорил второй крупнокалиберный пулемёт. С чердака того же дома полетели фаустпатроны. Грохнули взрывы гранат, заговорили ручные пулемёты. Танк сразу исчез в облаках чёрного дыма и пыли...

Старший лейтенант Яшин быстро распределил обнаруженные цели и, убедившись, что расчёты навели пушки, скомандовал:

— Первое и второе орудия по заданным целям... беглый огонь!

Пушки грянули одновременно. Баррикада и прилегающие дома оделись в клубы дыма. В воздух полетели кирпичи, куски дерева, штукатурка. Сразу в двух местах обвалился угол дома и появились языки пламени.

Пушки продолжают бить. Оживают всё новые и новые вражеские огневые точки. Мимо расчётов, лязгая гусеницами, пронёсся обратно наш разведочный танк. Он был невредим. Словно обрадовавшись его возвращению, открыли огонь и обе наши самоходки...

Пятьдесят минут не умолкают пушки Гончаренко и Зыкина. Свистят вражеские пули, рвутся фаустпатроны, но никто, даже раненые, ни на минуту не покидает места. Одна за другой смолкают огневые точки врага. Жарко горят зажжённые артиллеристами угловые дома. Два наших танка, сопровождаемые бегущей за ними пехотой и самоходками, проносятся мимо закопчённых артиллеристов и, преодолев вражеские баррикады, начинают штурм горящих домов. Артиллеристы прекращают работу.

Позади орудий, прижавшись к стене, стоит разведчик Липчевский, рядом с ним здоровенный немец.

— Где ты его выскреб? — спрашивает наводчик Долгобердов, вытирая с лица пот рукавом гимнастёрки.

— В подвале сидел, пробовал достать вас из автомата, но я зашёл к нему сзади, стукнул по голове и пригласил сюда, — говорит Липчевский.

Гвардии старшина А. БАНДРОВСКИЙ

2. НЕМОЙ ДОМ

На одной из улиц, выходящих к Александерплац, командир нашего батальона капитан Новохатько подозвал к себе командира взвода разведки старшего лейтенанта Середа.

— Надо проверить вон тот немой дом! — сказал он.

Дом этот находился на пути наступления батальона. Из него никто не стрелял, но у командира было подозрение, что в этом доме фрицы притаились, чтобы ударить нам в тыл.

Через несколько минут, ознакомив разведчиков с задачей, старший лейтенант скрытно вывел взвод к улице, которую надо было перебежать под огнём противника, чтобы добраться до подозрительного дома.

В разведку пошли десять человек, в том числе был и я. Первым двинулся старшина Шапошников. Пригнувшись, он одним броском перебежал улицу и исчез в пробоине стены. Несмотря на сильный огонь, открытый фашистами, за Шапошниковым побежали все разведчики. Едва мы начали осмотр первого этажа, как сзади раздался сильный взрыв и грохот обвала. Старшина, не прекращая осмотра, послал туда двух бойцов посмотреть, что случилось. Они скоро вернулись и доложили, что попаданием снаряда разрушена стена, которая завалила выход из здания. Это никого не обескуражило, и взвод, разбившись на две группы, продолжал осмотр. В угловой комнате схватили фаустника. Около него была куча мин. Фаустник признался, что во втором этаже засада. Действительно, едва мы стали пробираться туда, как сверху скатились по лестнице две ручные гранаты. Старшина Акинин спокойным движением ноги отбросил их в стороны, и они разорвались, не причинив нам вреда.

Тут, у лестницы, мы заняли оборону. Надо было срочно донести комбату об обнаруженной засаде, между тем выход из дома на улицу был завален. Решили попробовать пробраться через железные ворота, выходившие на смежную улицу. Правда, они были заперты и находились под огнём немецкой баррикады, но другого выхода не было.

Донесение было приказано доставить бойцу Десяткину. Он взял с собой длинный шнур, две ручные и одну противотанковую гранаты и по-пластунски пополз к воротам. На помощь ему пополз боец Сучков. Они прикрепили гранаты к висевшему на воротах замку, соединили шнур с кольцом и вернулись обратно. Через минуту раздался взрыв. Ворота были открыты. Десяткин опять пополз, потом одним броском перебежал улицу и исчез в развалинах дома, на той стороне.

Несколько раз немцы пытались выбить нас из дома, но мы отбрасывали их огнём автоматов. Потом появился вернувшийся от комбата Десяткин и сказал, что на штурм этого дома идёт стрелковое подразделение, а разведчикам дано новое задание.

Гвардии сержант В. СОРОКИН

3. ПОДВИГ ШОФЁРА

Командир батареи гвардии капитан Демидов получает приказание огнём прямой наводки поддержать движение пехоты. Орудийные расчёты быстро прицепляют пушки к автомашинам, и батарея мчится по центральной улице к Александерплац.

Впереди машина шофёра Настенко. На перекрёстках улиц и в отдельных домах, мимо которых мчатся машины, ещё гремит стрельба. Но опытный водитель, воевавший в Сталинграде, уверенно ведёт машину. Расчёты отстреливаются из автоматов.

Становится горячо. Повсюду дымятся пожары. Где-то здесь должен быть наш рубеж. Машины останавливаются. Неожиданно по ним открывается частая стрельба. У самых машин рвутся мины. Капитан быстро ориентируется. Оказывается, что здесь немцы, прорвавшиеся из соседнего квартала. Он подаёт команду, и машины начинают быстро разворачиваться обратно. Первой развернулась машина гвардии сержанта Яковенко. Часть бойцов по команде капитана уже соскочила на землю и отстреливается из ближайших укрытий. Вслед разворачиваются и остальные машины. Неожиданно передняя машина Яковенко останавливается, загородив узкий проезд. Водитель тяжело ранен. Немцы усиливают огонь... Останавливаются и остальные машины. Их водители тоже выведены из строя. Около них рвутся ручные гранаты и фаустпатроны...

К остановившейся машине Яковенко бежит Настенко. Не обращая внимания на убийственный огонь неприятеля, он заводит мотор, вскакивает в кабину и садится за руль. Рядом у стены разрывается фаустпатрон. Машину заволакивает дымом. В тот момент, когда она уже двинулась вперёд, второй фаустпатрон попадает в самую машину. Водителя взрывом выбрасывает из кабины, и он, оглушённый, падает на мостовую...

Настенко с трудом поднимается, бежит ко второй машине и даёт полный газ. Машина срывается с места и скоро исчезает за углом. Туда же спешит и её орудийный расчёт... Через две минуты снова показывается Настенко. Он подбегает к третьей машине и под неприятельским огнём выводит её на укрытую огневую позицию. Через минуту оттуда звучат первые выстрелы наших орудий. Разрывы снарядов вносят замешательство в ряды противника. Пользуясь этим, отважный Настенко пробирается к своей машине и выводит её вместе с орудием из огня. Пушку Яковенко расчёт укатывает на руках.

Вскоре убийственный огонь четырёх пушек делает своё дело: немцы отходят. Батарея выдвигается вперёд на новые позиции и продолжает беглый огонь.

Всю ночь отважный водитель один поочерёдно работал на трёх машинах, перебрасывал орудия с одних позиций на другие.

Гвардии сержант А. ЛЕЩУКОВ

4. НА ПОДСТУПАХ К ПОЛИЦЕЙ-ПРЕЗИДИУМУ

Всё теснее смыкается кольцо вокруг немцев, обороняющихся в центре города. Вот уже и мрачная громада полицей-президиума. Его громоздкие сообщающиеся корпуса с внутренней тюрьмой, большими пристройками и колодцами-дворами занимают целый квартал у Александерплац.

Моя рота получила приказ штурмовать эти здания, но большая группа неприятеля засела в подвале одного дома и огнём пулемётов и фаустпатронов преградила нам выдвижение на рубеж атаки. Положение осложнялось тем, что дом и особенно подвал нельзя было достать даже артиллерией...

Незадолго до начала штурма ко мне обратился старший сержант Иванов с просьбой выделить ему трёх бойцов, с которыми он попытается ликвидировать немцев, стреляющих из подвала. Ознакомившись с его планом, я дал разрешение.

Старший сержант с тремя автоматчиками пробрался через пролом в стене и скрылся в соседнем доме. Немного спустя они появились среди развалин, ползком пробираясь к дому, где засели фаустники. Их заметили немцы из здания полиции и открыли огонь. Но смельчаки продолжают ползти. Вот они уже совсем близко от цели. В это время пуля ранит старшего сержанта. Он задерживается лишь на несколько минут, чтобы перевязать себя, и снова ползёт, напрягая силы... Еще немного, и вся группа исчезает за рухнувшей стеной.

Превозмогая боль, Иванов первым поднимается на ноги и бросает гранаты в окно подвала, из которого только что прозвучала очередь пулемёта. Вслед за ним бросают гранаты автоматчики Табунюк, Гончарук и Евченко. Они одновременно врываются в подвал через окна и в упор

Бой на улице

расстреливают немцев. Короткая схватка, и одиннадцать уцелевших гитлеровских головорезов бросают оружие, поднимают руки.

Гвардии капитан М. ДАВЫДОВИЧ

5. ПЕРЕД ШТУРМОМ

Командиру роты гвардии старшему лейтенанту Балабкину перед штурмом здания полиции приказано было захватить соседний дом, занятый немцами, из которого они простреливали все подступы к главным корпусам. Для прикрытия роты он назначил мой пулемётный расчёт. Выполняя задание, я вместе с расчётом скрытно пробрался в соседний дом и, заняв позицию в окне второго этажа, открыл огонь по дому, где сидели немцы. Мы расстреливали их огневые точки не только из станкового пулемёта, но также и из автоматов. В это время рота во главе со старшим лейтенантом Балабкиным бегом преодолела опасный участок и ворвалась в дом.

Немцы открыли огонь по моему пулемёту, когда наши были уже в доме напротив. Я приказал наводчику Кондрову быстро сменить позицию, перенести пулемёт на первый этаж. Только он выполнил моё приказание, как немцы увидели нас, и большая группа бросилась на пулемёт.

Выждав несколько секунд, я скомандовал: «Огонь!»

Кондров выстрелил из пулемёта в упор по противнику. Его помощник боец Шепило и я одновременно открыли огонь из автоматов. Фашисты заметались, падая под нашими пулями.

Гвардии сержант И. ПЕСЧАНСКИЙ

6. ШТУРМ ПОЛИЦЕЙ-ПРЕЗИДИУМА

Едва подразделения гвардии майора Илсакова двинулись в атаку на здание полицей-президиума, как на них обрушился сосредоточенный огонь. Это был форменный шквал свинца и стали, который грозил смести всё живое. Казалось, атака должна была захлебнуться, едва начавшись. Но в этот критический момент на мостовой появляется гаубица нашего дивизиона, поддерживавшего батальон. Командиром орудия был гвардии старший сержант коммунист Легких. Пренебрегая смертельной опасностью, расчёт выкатывает орудие на открытую позицию и в упор открывает беглый огонь по зданию полиции. Одновременно вступают в действие

станковые пулемёты. Огонь фашистов сразу слабеет. Один за другим, не переставая, гремят выстрелы отважного расчёта. В воздух взлетают груды кирпича, вывороченные балки, земля, хороня под собой немцев...

Ещё минута, и залёгшая пехота подымается в атаку. Бойцы бегут стремительно во весь рост. Опасный участок уже пройден. В подъезд и окна летят ручные гранаты. Ещё мгновение, и бойцы врываются в здание...

Начинается рукопашный бой в коридорах и на лестницах.

На соседнем участке, у центрального корпуса тюрьмы, противник сопротивлялся ещё ожесточённее. Этот массивный корпус был очень выгодным для обороны всего здания полиции. Из него простреливались все подступы к зданию со стороны Александерштрассе. Пехота не выдержала убийственного огня и залегла.

В это время в наш дивизион прибыл заместитель командира полка гвардии майор Орябинский. Поставив нам задачу, он вместе со мной, парторгом Рябоконь и комсоргом Морозовым отправился на батареи.

После бесед, которые мы провели с членами и кандидатами партии, коммунист командир батареи гвардии старший лейтенант Дергунов принял смелое решение. Он берёт с собой командира отделения разведки коммуниста Попова, двух бойцов и пробирается в дом, находящийся против окон здания тюрьмы. В нём ещё отсиживается группа немецких фаустников. В происшедшей схватке смельчаки уничтожают немцев. Дергунов ранен, но это не останавливает его. Вместе со своими бойцами отважный офицер прорывается на третий этаж и открывает из окон стрельбу по огневым точкам в тюрьме.

Пользуясь этим, расчёт орудия гвардии старшего сержанта Легких выкатил на улицу заранее подготовленную гаубицу и открыл беглый огонь по зданию тюрьмы. В течение нескольких минут огневые точки врага, мешавшие продвижению, были уничтожены, пехота вновь бросается в атаку и на этот раз врывается в здание.

Гвардии майор СТРАТУЛОТ

7. РОТЫ ВСТРЕЧАЮТСЯ ВНУТРИ ЗДАНИЯ

Штурм здания полицей-президиума происходил ночью с разных сторон. По сигналу командира батальона капитана Новохатько наша рота под командой лейтенанта Алфёрова первой начала выдвижение на рубеж атаки. Улица была ярко освещена огнём горевших танков, и немцы сразу обнаружили перебегавших бойцов и открыли по ним сильный пуле-

мётный огонь. Несмотря на это, командиру роты удалось с десятком бойцов ворваться во двор через ворота. Остальные во главе с лейтенантом Симохиным, подобравшись под защитой забора к зданию, закидали гранатами окна и полезли в них. Первым полез сержант Гончаров, за ним лейтенант Симохин с остальными бойцами. Сразу же в комнатах и коридорах загремели взрывы ручных гранат и автоматные очереди...

Немцы отступали в верхние этажи. Часть скрылась в подвалах. Оставляя у входов в подвалы охрану из пулемётчиков, рота продолжала прочёсывать здание. Вдруг мы услышали, как кто-то впереди закричал по-русски: «Немцы, немцы!..» Мы в недоумении остановились, приготовив автоматы и гранаты. Лейтенант Симохин крикнул:

— Кто идёт?

В ответ мы услышали:

— Свои!.. Алфёров.

Это был командир роты лейтенант Алфёров со своей группой. Им удалось ворваться в здание со стороны двора...

Через некоторое время, продвигаясь дальше, мы соединились с ротой гвардии старшего лейтенанта Балабкина, которая ворвалась в здание несколько позднее нас с противоположной стороны. Командир батальона капитан Новохатько сказал нам:

— Отлично, товарищи! Одно дело сделали!

Гвардии старшина К. БЕКБАУ

8. НА АЛЕКСАНДЕРПЛАЦ

Несмотря на то, что после упорных боёв пехота заняла 28 апреля южную часть Александерплац и пала последняя твердыня неприятеля в этом районе — здание полицей-президиума, немцы продолжали сопротивляться в северной части площади. Они закрепились в метро и прилегающих к нему домах и держали под обстрелом всю площадь, не давая нашим подразделениям продвигаться к Александровскому вокзалу. Станция метро стала для них опорным пунктом. В подземельях станции укрывалась значительная группировка противника с сильными огневыми средствами.

Днем 29 апреля мне было приказано подготовить штурм этого опорного пункта огнём своих орудий. Стрелять можно было только прямой наводкой, находясь под огнём противника.

Для выполнения задачи я назначил расчёт командира орудия гвардии старшего сержанта Кузьмова. Ещё до того как выкатить гаубицу на позицию, я, как обычно, организовал своими средствами надёжное огневое прикрытие. Для этого свободные бойцы остальных расчётов были выдвинуты в укрытые места неподалеку от гаубицы. Каждый боец получил для обстрела определённые огневые точки, угрожавшие орудию.

По моему сигналу они открыли сильный пулемётный и автоматный огонь. Под этим прикрытием расчёт старшего сержанта Кузьмова выкатил орудие и стал бить по врагу.

Полтора часа гаубица Кузьмова вела непрерывный огонь. Ствол и рабочие части нагрелись до того, что обжигали руки. Пот градом катился с бойцов. Подносчики еле успевали подносить снаряды.

В назначенный час в нашем тылу послышался шум заводимых моторов. Артиллеристы до предела усилили огонь. Справа заговорили другие орудия. Из-за развалин дома показались наши танки с автоматчиками на броне. Они быстро пересекли улицу и устремились к площади, с хода ведя огонь. Но не успели они покрыть и половины расстояния, как из полуразрушенных зданий и со стороны метро на них обрушился шквальный огонь немцев, стрелявших с новых позиций. В одну минуту площадь скрывается в клубах дыма. Танки вынуждены повернуть обратно. Один из них тянет на буксире горящую машину, разбитую прямым попаданием снаряда.

Артиллеристы ещё яростней начинают бить по ожившим на новых позициях огневым точкам врага.

Гвардии старший лейтенант А. ПАДУНОВ

9. ПОДВИГ КОМСОМОЛЬЦА ЯШАГАШВИЛИ

После неудачной атаки наших танков и пехоты стало ясно, что овладеть оставшейся частью Александерплац можно лишь после того, как будет ликвидирован основной оплот врага — станция метро.

Комсомолец младший сержант Яшагашвили, ординарец командира батальона Ишбулатова, тяжело переживавший, как и все бойцы, каждую задержку в продвижении по Берлину, ищет способа захватить полуразрушенную станцию метро. Надо поразить немцев дерзостью — решает он. Яшагашвили обдумывает свой план, сообщает о нём командиру батальона и просит разрешения действовать. План был действительно очень простой и дерзкий. Командир даёт разрешение отважному комсомольцу. Он хорошо

В центре Берлина

знает Яшагашвили и уверен, что раз тот решил, то обязательно добьётся поставленной цели. Он внёс в его план лишь некоторые коррективы.

Яшагашвили сбросил с себя всё лишнее, взял автомат, запасные диски и, набив карманы гранатами, стремглав бежит к железной изгороди, ограждающей трамвайную линию от проезда улицы. За ним бегут сержант Маскарьян и ещё один солдат. Позади наготове телефонист с катушкой и аппаратом. Перепрыгнув через изгородь, комсомолец устремляется к входу в метро. Ещё на ходу он бросает туда одну за другой ручные гранаты. Они рвутся внутри здания. Почти сейчас же врывается туда и он сам. Стоя в дыму, Яшагашвили бросает ещё несколько гранат в глубь шахты и открывает огонь из автомата. Вслед за ним врываются сержант Маскарьян со своим товарищем. Они тоже бросают гранаты и, преследуя растерявшихся немцев, бегут за ними, в упор расстреливая врага из автоматов.

Телефонист с аппаратом и катушкой был ранен на улице в нескольких шагах от станции. Увидев это, Яшагашвили бросился к нему. Не обращая внимания на огонь из соседних домов, он втаскивает раненого в метро, сам включает аппарат телефона в провод и докладывает комбату о захвате станции...

Гвардии подполковник КАЧТОВ

10. ДОМ У МОСТА

Наша пехота готовилась к атаке вокзала у Александерплац, а запас снарядов у моего орудия был на исходе. Вместе с комсоргом Морозовым я отправился организовать подачу их от машины. Только мы побежали за ними к железнодорожному мосту, где стояла машина, как попали под огонь автоматов. Мы оглянулись и увидели двух немцев, которые, обстреляв нас, побежали к дому у моста и скрылись в нём. Дом был окружён баррикадой. Недалеко от него были видны разбитая 76-мм пушка и трупы убитых около неё бойцов. Ещё дальше стояла 122-мм гаубица с огромной пробоиной в щите. Ясно было, что это дело рук немцев, засевших в этом доме. Вскоре выстрелами из него были убиты два моих солдата, подносившие снаряды к пушке. Надо было что-то предпринять, чтобы не сорвать артподготовку.

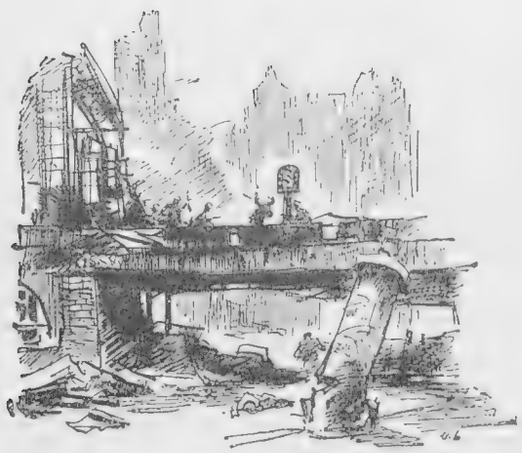
Я собрал несколько солдат, и, обстреляв окна дома, мы ворвались в первый этаж. К моему удивлению, там никого не было, хотя у окон

валялись кучи стреляных гильз и рукоятки фаустпатронов. Только после тщательного осмотра я обнаружил рядом с подъездом вход в подвал. Вглядевшись, мы увидели свет. Я приказал солдатам метнуть туда несколько гранат, после чего мы ворвались в подвал.

Он был громадный и разделялся низкой каменной стеной на две половины. Одна была тёмной, а другая освещённой. В освещённой мы увидели несколько десятков немецких солдат. Они были полуоглушены взрывами. Я приказал им сдаться, но они угрожающе защёлкали затворами винтовок. Мы метнули в немцев ручные гранаты и выскочили обратно. Вслед нам полетели пули...

Я оставил наводчика Андреева и ещё одного бойца у входа в подвал, приказав им стеречь немцев, а сам побежал к машине. Подъехав на ней к орудию, я прицепил его к машине и развернул пушку против здания. Дав сигнал Андрееву, чтобы он возвращался к орудию, мы открыли огонь по дому из пушки. После нескольких выстрелов из подвала показались немцы с поднятыми вверх руками. Их было около ста человек...

Гвардии старший сержант М. ЛЁГКИХ



Эпизоды боев за ратушу

1. ПОД ПРИКРЫТИЕМ ТАНКОВ

28 апреля в 22 часа одновременно с командиром штурмовой группы я получил приказ: завтра рано утром начать штурм ратуши и к вечеру выйти на реку Шпрее, захватить два моста и удерживать их до подхода наших частей.

Танковый батальон, которым я командовал, уже успел накопить в берлинских боях большой опыт по организации и ведению уличных боёв.

От здания ратуши, занимавшего площадь целого квартала, нас отделяли два квартала, а от мостов три квартала.

Офицерская разведка, в которой участвовали все командиры танков, уточнила расположение огневых средств противника в атакуемых кварталах, определила подходы к отдельным строениям. Каждому экипажу было дано направление и указано, какие огневые точки подавлять в первую очередь; каждый экипаж изучил штурмуемый объект и на основе личного наблюдения, и по специальным чертежам. При разборе всех возможных вариантов боя офицерский состав основательно проработал и таблицы управления внутри отряда, и таблицы взаимодействия с пехотой и артиллерией.

В это же время была проделана большая партийно-политическая работа — значение переправ для общего успеха боёв за Берлин стало ясно каждому бойцу.

Штурмовой группой руководил командир танковой роты лейтенант Новиков, молодой, энергичный, бесстрашный офицер, грудь которого

украшали уже три ордена. Всё время штурма он был впереди своей группы, личным примером увлекая на героические подвиги всех танкистов и действующих вместе с ними пехотинцев.

Продвигаясь вперёд, танки занимали удобные позиции возле домов и всем своим мощным вооружением уничтожали огневые точки и живую силу врага. Сообразуясь с обстановкой, пехота штурмовой группы разбивалась на несколько мелких отрядов. Одни занимали выходы на двор и лестничные клетки; другие взбирались на верхние этажи, третьи спускались в подвальные помещения. Таким образом очищался каждый дом.

По мере нашего приближения к ратуше сопротивление врага становилось всё ожесточённее. Особенно густо были насыщены огневыми средствами, в частности, фаустпатронами и крупнокалиберными пулемётами, само здание ратуши и ближайшие подступы к нему. К тому же начался артиллерийский обстрел с флангов, в особенности с Фридрихштрассе, откуда вели огонь артиллерия и танки противника.

Настали минуты такого напряжения, что дальнейшее продвижение вперёд казалось немыслимым. Тогда командиру танкового взвода младшему лейтенанту Бондаренко была поставлена следующая задача: с тремя танками выйти на максимальной скорости к зданию ратуши и обеспечить захват его.

Под прикрытием интенсивного огня артиллерии и танков взвод Бондаренко, ведя огонь с хода, выдвинулся вперёд, подошёл вплотную к ратуше и окутал всё здание дымовой завесой. Этим воспользовались основные силы штурмовой группы и группы обеспечения. Они ворвались в ратушу. Часть засевших здесь гитлеровцев была уничтожена, остальные с двумя генералами во главе взяты в плен.

В решающие моменты штурма танкисты взвода Бондаренко сражались с беспримерным мужеством. Танк, в котором находился он сам, был подбит фаустпатроном, Бондаренко тяжело ранило в голову. Истекая кровью, он продолжал расстреливать огневые точки немцев. При втором попадании снаряда в его танк герой был смертельно ранен и погиб; рука его так и застыла на спуске пулемёта.

Героически сражался экипаж старшего сержанта Догушева. Он с хода уничтожил пушку с прислугой, десятки огневых точек и до двадцати немецких солдат и офицеров. Будучи тяжело ранен, Догушев продолжал руководить своим экипажем при выполнении боевой задачи.

Экипаж старшины Полякова также отличился в этом бою: он расстрелял в упор бронетранспортёр, подбил самоходку и несколько огневых точек.

Захватив здание, мы быстро, с незначительными потерями в технике и живой силе, овладели обоими мостами и удерживали их до утра 30 апреля, когда подошли наши части. Вечером 29 апреля немецкая пехота при поддержке танков и артиллерии дважды пробовала контратаковать нашу группу захвата, но обе контратаки были отражены с большим для врага уроном.

Майор Д. СКВОРЦОВ

2. НА ОГНЕВЫХ ПОЗИЦИЯХ

Мы поддерживали батальон майора Шевченко, которому приказано было занять квартал на подступах к ратуше.

Я был заряжающим миномёта старшего сержанта Усманова, который наступал в составе штурмовой группы. Мы установили миномёт у пере-

крёстка улиц, быстро оборудовали огневую позицию и приготовились к открытию огня. Лёжа у миномёта, мы видели впереди нашей пехоты перебегавших немцев.

— Ну, что же, товарищ старший сержант, — сказал я командиру расчёта, когда всё было готово, — теперь бы закурить!..

Но закурить мне уже не удалось.

Усманов скомандовал открыть беглый огонь.

Мина за миной полетели из ствола. Цели были хорошо видны, и мы точно накрывали гитлеровцев. Под прикрытием нашего огня пехота начала продвижение вперёд.

Мы продолжаем вести огонь, чтобы не дать ожить вражеским пулемётным точкам. Подносчик Макаренко едва успевает подносить из укрытия и подавать мины. Комбат бежит вперёд. Вокруг свистят пули. Противник не жалеет огня. Откуда-то слева резанул пулемёт. Падает убитый наповал Борис Макаренко. Он только что поднёс очередной ящик. Мы залегли. Но едва я подымаю голову и посылаю очередную мину, как новая длинная очередь прижимает нас к мостовой. Убит раненый пехотинец, только что подползший к нам...

Мы лежим около миномёта, стараясь определить, откуда бьёт враг. Штурмовые группы продвигаются вперёд. Командиры групп сигналами требуют нашего огня. Мы понимаем их, но сделать ничего не можем. Огонь настолько силён, что нельзя поднять голову. Много мыслей мелькает в это время в уме. Но ясно одно: молчать больше нельзя, нельзя; надо продолжать огонь, хотя бы это стоило жизни... Вдруг неожиданно слышу рядом с собой автоматную очередь. Оказалось, что Усманов обнаружил, наконец, вражеских пулемётчиков и бьёт по ним из автомата. Не ожидая команды, я подымаюсь и одну за другой выпускаю мины. Пехота зашевелилась, снова продолжает движение. Неожиданно автомат командира расчёта смолкает, и сейчас же снова звучит длинная очередь вражеского пулемёта. Лёжа у миномёта, я испуганно смотрю на Усманова. Неужели убит?.. Но тут же облегчённо вздыхаю: оказывается, он меняет диск. Через минуту снова гремит его автомат. Я подымаюсь и снова выпускаю мину...

Так, под прикрытием автомата командира расчёта, я веду огонь по гитлеровцам. Они отстреливаются, но наши пехотинцы уже выбивают их из одного дома за другим, приближаясь к ратуше. Скоро вслед за ними меняем огневую позицию и мы.

Сержант М. КОСЕНКО

3. ШТУРМ

Батальон капитана Бобылёва получил задачу пробиться к ратуше и совместно с батальоном Героя Советского Союза майора Алексеева овладеть этим опорным пунктом врага.

Несмотря на поддержку танков, самоходной артиллерии и других средств усиления, наступающих встретил такой шквал огня, что продвижение по улицам стало невозможным. Решено было пробиваться к ратуше внутри кварталов, делая проходы в стенах зданий. Вперёд двинулись сапёры. Под сильным огнём противника они закладывали тол и одну за другой взрывали стены зданий. Ещё не успевал разойтись дым от взрывов, как в сделанные проходы устремлялись штурмовые группы и после ожесточённой рукопашной схватки очищали от неприятеля здания и прилегающие дворы...

В начале второй половины дня подразделения закончили очистку соседних с ратушей кварталов и с двух сторон подошли к громадному старинному зданию. Едва только показались наши передовые подразделения, как из глубоких ниш многочисленных окон ратуши, из подвалов, с крыш и чердаков на наше подразделение обрушился ожесточённый огонь немцев.

Перед ратушей появляются наши танки. Они ведут огонь, одновременно ставя дымовую завесу... С восточной стороны прямой наводкой бьют наши тяжёлые самоходки. Несколькими выстрелами они разбивают тяжёлые железные ворота и делают громадные пробоины в стенах — проходы для пехоты. С северной стороны громят здание два тяжёлых танка. Они поливают окна огнём пулемётов. Начинают действовать и огневые средства нашей пехоты. Здание заволакивается густым чёрным дымом. По сигналу пехота со всех сторон устремляется в атаку...

Первым в здание ратуши врывается взвод лейтенанта Маденова. Вместе с отважным лейтенантом бегут бойцы Кондрашев, Крутченко, Кошуровский и другие. Они закидывают вестибюль и коридоры ручными гранатами и завязывают рукопашный бой в глубине здания...

Коридор за коридором, комната за комнатой очищаются от неприятеля. Отовсюду гремят автоматные и пулемётные очереди, тяжко громыхают взрывы. Гитлеровцы отчаянно сопротивляются. Особенно жестоким становится их сопротивление во втором и третьем этажах. Каждую комнату и зал приходится брать с боя. Вот на лейтенанта

Маденова набрасывается здоровый немец. Лейтенант изловчился и, выхватив из ножен фашиста кинжал, убивает им врага...

В одной из комнат четвёртого этажа засели немцы. В ответ на предложение сдаться они яростно отстреливаются. Тогда командир штурмовой группы приказывает сапёрам заложить тол. Мощный взрыв — и одна из стен рухнула, похоронив под собой врагов.

После двухчасовой ожесточённой рукопашной схватки внутри этого громадного здания на башне ратуши взвивается водружённое нами красное знамя.

Младший лейтенант К. ГРОМОВ

4. БОЙ НА ЧЕРДАКЕ

Незадолго перед штурмом ратуши командир батальона вызвал к себе комсорга и поставил ему задачу отобрать комсомольцев, которые хотят первыми ворваться в здание.

Нас собралось семнадцать человек. Всем были указаны места, через которые мы должны были проникнуть в здание.

Я быстро побежал к назначенному окну, бросил в него противотанковую гранату и сейчас же после взрыва вскочил в окно. В комнате был железный ящик. Я лёг за него. Потом вижу: два немца заглядывают в дверь и что-то кричат. Короткой очередью из автомата я срезал обоих. В этот момент в окне появляются два моих товарища, и мы втроём устремляемся в коридор. Тут уже, оказывается, и другие наши бойцы есть.

Мы прорываемся к лестнице, расчищаем дорогу гранатами и автоматами, подымаемся всё выше и выше. Немцы, отстреливаясь, уходят на чердак. Мы понимаем, что они через чердак хотят улизнуть куда-то во внутренние дворы, и не отстали от них ни на минуту. Едва я подбежал к двери на чердак, как навстречу мне кидается с винтовкой немец. Но он не успел выстрелить — я убил его из пистолета. Все-таки борьба у этой двери продолжалась минут двадцать. Я боялся, что немцы улизнут с чердака, но, ворвавшись в него, мы увидели, что этот чердак перегорожен толстой стеной и немцам нет отсюда никакого выхода: одни сбились в противоположном конце, а другие мечутся из угла в угол. Мы залегли за ящиками с песком и открыли по ним огонь. Они не хотели сдаваться, и мы их всех уничтожили.

Младший сержант И. НИКИТЧЕНКО

*

ГВАРДИИ КАПИТАН

В. ИЛЬИН

*

Гаубицы продвигаются вперед

Утро 30 апреля, как и все предыдущие, хмурое и холодное. Моросит мелкий дождь. Вместе с каплями дождя на землю падает пепел. Едкий дым от горящих зданий ест глаза.

Ночью наша артиллерия была переподчинена командиру стрелкового полка гвардии подполковнику Жеребцову.

Наши гаубицы находились в самом центре Берлина, в районе станции Берзе, и каждому орудию была поставлена задача разбить дом. Другим путем выбить фаустников и автоматчиков из зданий не было возможности. Артиллеристы сделали своё дело, и железнодорожная станция была с хода взята. Основные силы немцев откатились, но на перекрёстках улиц они оставили фаустников и автоматчиков, преграждавших продвижение танкам и артиллерии.

Наша пехота, где подвалами, где чердаками, а где просто перебежкой по дворам, продвинулась на два квартала и, встретив сильное сопротивление противника, остановилась. Нужна была поддержка танков и артиллерии. Танки двинулись было на помощь, но первые же три машины, дойдя до перекрёстка улицы, запылали, подожжённые немцами.

Пехота законно требовала поддержки артиллерии, но мы, скованные заградительным огнём противника, не могли двинуться с места. Между тем обстановка не позволила действовать с закрытых позиций — это не дало бы нужного эффекта. Действенной могла быть только прямая наводка. Гвардии подполковник Жеребцов потребовал любыми средствами продвинуть наши гаубицы.

Признаться, мне стало как-то не по себе. Я только что вернулся с одного задания — уточнял расположение каждого орудия. Я видел, что́ представляют собой улицы — это был ад кромешный. За два предыдущих часа я на своём пути каждую секунду встречался лицом к лицу со смертью и уцелел только благодаря счастливой случайности. И по этим улицам предстояло вручную выкатить гаубицы, протащить их к укрытию, где стоят автомашины, а затем, прицепив орудия, на полном ходу проскочить четыре квартала, простреливаемые немцами.

Но разве можно было промедлить хоть минуту с выполнением приказа?

И надо сказать, что орудийные расчёты проявили исключительное бесстрашие. При помощи канатов, а то и просто вручную, под беспрестанным обстрелом автоматчиков орудия были выкачены из простреливаемой улицы.

Но это только часть задачи. Предстояло самое трудное — проскочить под огнём четыре квартала и развернуть орудия к бою.

Чтобы не иметь излишних потерь, я отправил расчёты к месту будущего боевого порядка артиллерии пешком, в обход через проходы, проделанные пехотой, — из дома в дом, из подвала в подвал. Эту дорогу я знал отлично, так как ночью не раз пробирался к командирам дивизионов, находившимся в боевых порядках пехоты.

Затем я собрал шофёров. Их было восемь хороших, обстрелянных ребят. Всех их я близко знал, с некоторыми провоевал уже более трёх лет. Спрашиваю, кто берется проскочить первым.

Все молчат. Но молчание длилось недолго. Я слышу знакомый кавказский акцент:

— Моя машина пойдёт первой, товарищ гвардии капитан!

Это говорил красноармеец-шофёр Николай Григорьевич Марусидзе.

Отдаю приказ «По машинам», сам сажусь к Марусидзе в кабину. Оба молчим. Он спокойно завёл машину, молча посмотрел на меня и с рывка начал набирать скорость. За грохотом мотора выстрелы автоматчиков не были слышны, но то и дело появляющиеся в кабине пробоины показывали, что по нас стреляют. Благополучно проскочили два квартала. Вот впереди Шпрее, и нам надо повернуть направо... Впереди метрах в тридцати разорвался фаустпатрон. Еще секунда, и мы въехали в разостлавшееся при взрыве облачко дыма.

Вдруг Марусидзе слабо вскрикнул. Я только успел заметить пулевую пробоину в стекле и сильно побледневшее лицо шофёра. Руля из руки

он не выпускал. Машина рванула ещё сильнее, виляя из стороны в сторону, проскочила тоннель под железнодорожным полотном, и мы оказались в районе расположения боевых порядков артиллерии прямой наводки.

Пушка была доставлена к месту.

Бойцы из орудийного расчёта поспешили к тяжело раненному Марусидзе. У него еще хватило сил выйти из кабины, но когда его принесли в укрытие, он потерял сознание и больше не приходил в себя.

Не суждено было этому пламенному патриоту торжествовать с нами в праздник Победы. Образ этого беззаветного героя навсегда останется в памяти у всех нас, свидетелей его подвига.

*

МАЙОР

В. ЕРМУРАТСКИЙ

*

Один день

Желтовато-бурая пыль висит в воздухе. Небо застилает дым от горящих зданий. Мы с майором Черновым пробираемся по улицам Берлина в полк полковника Лобко.

Я доволен, что попаду к Лобко. Мы познакомились с ним еще в 1943 году на Кубани, во время ожесточённых боёв. Я хорошо помню Лобко как стойкого и храброго офицера, помню, как любили его подчинённые. В соединении мне сказали, что Лобко уже в течение нескольких суток не выходит из боя. От КП, где нас напутствовали, до полка расстояние необычно короткое — всего каких-нибудь 200—250 метров. Но это, если бы можно было итти напрямик. Здесь же, в Берлине, где улицы насквозь простреливаются, приходится петлять, итти дворами, подвалами, ползти, плотно прижимаясь к стенам домов. По пути мы то и дело натыкаемся на десятки переплетённых проводов разного цвета, красноречиво свидетельствующих, как здорово насыщен участок нашими войсками и техникой. Да и вообще «ландшафт» мог только веселить сердце. Куда ни взглянешь — всюду наши самоходные орудия, танки «ИС», столь вдохновляюще действующие своим «пламенным авторитетом» на наших славных пехотинцев, да и вообще на всех нас.

Радость от изобилия техники несколько смягчает все неудобства нашего путешествия. Мы идём, спотыкаясь о кирпичи, перепрыгивая через железные балки, — впереди связной Гребенюк, позади майор Чернов.

Я чувствую по доносящемуся до меня пыхтению, что Чернову с его грузной комплекцией туговато приходится.

Уже совсем близко от цели Гребенюк вдруг приостанавливается:

- Товарищ майор, эту улицу надо как-нибудь побыстрее пробежать. Вот из того углового дома «он» все время стреляет.

Только мы успели прижаться к какой-то груде кирпичей, перемахнув одним духом улицу, как увидели брызги пыли, отлетевшие от стены. Это предназначавшиеся для нас пули ударились об стену. Благодетельная стена, спасшая нас от пули, оказалась глухой — дальше пути не было. Лишь у самого её основания чуть виднелось отверстие. Гребенюк проворно влезает в дыру, — видно, он уже не раз это проделывал. Я вижу, что лицо майора вытягивается. И действительно, как втиснуть ему свой мощный корпус в эту нору? Но я делаю вид, что всё в порядке.

- Ну, лезь скорее, — тороплю я Чернова.

Нет, я уже как-нибудь проберусь улицей, а то ведь застряну.

- Да ты попробуй.

Чернов машет безнадёжно рукой, но всё же покорно ложится и каким-то образом втискивает плечи в дыру и затем действительно застревает. С большим трудом Гребенюк его вытаскивает за портупею.

- Ну, вот я тебе говорил, что застряну, — всё еще не веря, что уже пролез, ворчит Чернов, недовольно поглядывая на оторванный погон и желто-бурые от пыли брюки и гимнастёрку.

Лобко расположился со своим КП в подвале большой типографии.

Мы застали полковника Лобко склонившимся над планом Берлина. Рядом с ним примостился командир подразделения, приданного для усиления. Несмотря на толстые стены, выстрелы были хорошо слышны. На всех участках шли жаркие бои. Я знал, что всего лишь метрах в двадцати стрелки капитана Левицкого осаждают один дом. В углу подвала сидит у телефона замечательная девушка Аня Комарова. Учительница начальной школы, она пошла на фронт бойцом-телефонистом в тяжёлое для нашей Родины время. В горах Кавказа, на Днепре, на Днестре во время тяжких боёв она сутками не отходила от аппарата, и сквозь гул артиллерийской канонады и разрывы бомб слышался её ровный голос, передающий приказания или проверяющий других телефонистов. И здесь, в центре Берлина, она так же спокойно и точно выполняет свои обязанности. Я слышу, как она передаёт по телефону приказ командира линейного взвода о прокладке обходного провода. Повидимому, ей ответили, что

провод там трудно проложить, потому что Аня насупила брови и резко сказала:

- А перебьют эту линию, тогда без связи сидеть будем? Командир взвода приказал немедленно проложить обходной провод, я передаю его приказ.

По тому как Лобко в разговоре несколько растягивал слова, я понял, что он чертовски устал. После тяжелой контузии, полученной Лобко еще на Кубани, он, когда уставал, начинал заикаться. Речь шла о большом железобетонном здании. Там, очевидно, засели отборные части противника, которые отчаянно защищались. На долю Лобко досталось несколько таких зданий, где размещались центральные правительственные учреждения.

- - Так вот, — продолжал Лобко, — дунь, голубчик, и твоего огоньку.

Приведены в действие все виды огня. Вскоре из осаждённого дома стали выскакивать немецкие офицеры и солдаты с традиционными возгласами: «Гитлер капут!» Я услышал, как один солдат с перевязанной головой возмущённо сказал другому: «Ишь, гады, когда самим капут, тогда и Гитлеру капут, а до сих пор сидели и отстреливались».

... Я в батальоне Левицкого. Агроном по образованию, он с первых же дней войны — на фронте.

— Вот, товарищ майор, — возбуждённо говорит он мне, — подхожу к немецкому госбанку, предъявляю счёт за Украину.

Спрашиваю его о здоровье (у него был процесс в лёгких, да и вообще похварывал).

- Знаете, как только мы вступили на немецкую землю, — отвечает мне Левицкий, — так все болезни прошли. Да что, у меня раненые — еле на ногах держатся, а не желают уходить. Таких только за сегодняшний день оказалось семь человек.

Мимо нас проносят тяжело раненных. До санповозки всего 150 метров. Но это ничтожное расстояние преодолеть труднее, чем несколько километров в полевых условиях. Надо пройти с носилками по узким лестницам, через подвалы, сквозь окна и дыры, пробитые в стенах домов. И так как это всеобщий и единственный путь сообщения, по которому можно добираться от штабов к боевым порядкам, то часто создаются пробки. Пришлось поставить у этих дыр специальных регулировщиков, которым было приказано в первую очередь пропускать раненых и связных. У здания, где мы стояли с Левицким, столпились санитары с носилками. Им пред-

стоит спуститься по узкой каменной лестнице со скользкими, чуть наклонёнными ступеньками. Санитарам помогают бойцы, осторожно передавая один другому носилки с драгоценной ношей. Всё проделывается молча, сосредоточенно. Ведь одно неловкое движение, и носилки могут быть уронены. Я хорошо представляю себе дальнейший путь санитаров. Пройдя узкий проход, они очутятся у той самой глухой стены, которая спасла нас с Черновым от пули. Им придётся пролезть вместе с носилками сквозь дыру, а затем снова темные коридоры подвального лабиринта, которым они выйдут во двор. Там ожидает их санитарная машина.

ВЗЯТИЕ РЕЙХСТАГА

Всё теснее и теснее сжимали советские войска гарнизон Берлина, окружённый в центре города. К 29 апреля бои велись уже в кварталах, прилегающих к рейхстагу. Этот район с его массивными многоэтажными зданиями, глубокими подземельями, опоясанный с севера рекой Шпрее, а с юга Ландвер-каналом, был превращен гитлеровцами в сильнейший узел сопротивления. Уличные бои достигли здесь наивысшего напряжения. Первыми к стенам рейхстага пробились войска генерал-полковника Кузнецова, наступавшие с севера.

*

МАЙОР

К. АКИНШИН

*

В пылающем Люстгартене

В самом центре Берлина основное русло реки Шпрее и её левый рукав образуют остров.

Здесь, в районе Люстгартена, вёл бои полк, в который я был направлен начальником политотдела полковником Глуховым для выполнения боевого задания.

На пути наших наступающих частей — дворец Вильгельма, собор, военный музей, министерство финансов.

В этих местах немцы сопротивлялись с упорством смертников. Они прятались в грязных тоннелях метро, пробирались в тыл наших подразделений, минировали и взрывали пути подхода.

Люстгартен пылал.

Мне и ещё двум офицерам — майору Чеканову и капитану Антипину — предстояло пробраться на самый остров. Попытка перебежать по мосту, ведущему в Люстгартен с Кёпеникерштрассе, не удалась.

К счастью, левее моста оказалась длинная старая баржа. Она протянулась наискось через реку и уткнулась кормой и носом в серые каменные стенки набережных. Баржа была вне поля зрения снайперов, но немецкие миномёты накрывали её своим огнём, и следы разрыва крупных мин были отчётливо видны.

— Давно ли был налёт? — осведомился я у бойца, прибежавшего с того берега.

— Только что, — ответил он.

«Значит, идём», — решили мы и установили между собой очерёдность перебежки.

Путь из укрытия через набережную на баржу и по ней на противоположный берег был проделан стремительно. Последним переправился боец, следовавший с нами.

Осмотревшись, мы отправились дальше.

Когда мы подходили к Фишерштрассе и намеревались пересечь её, нас остановил какой-то артиллерист, неожиданно вынырнувший из полуразрушенного подвала.

— Товарищ майор, мы вас прикроем. Как только выстрелим, так бегите, — сказал он и тотчас скомандовал: — Николай, дай-ка один фугасный!

Оказывается, Фишерштрассе тоже находилась под огнём немецких снайперов. Выстрелом из пушки артиллеристы заставили их замолчать. С помощью этого прикрытия мы удачно пересекли опасную улицу. Артиллеристы приветливо помахали нам вслед.

Итти дальше по верху было нельзя. Свернув на Петриштрассе, мы спустились в подземелье. Отсюда путь лежал по подвалам зданий, соединённых между собой ходами сообщений.

Миновав десятки лабиринтов, скупо освещаемых моргалками, добрались до командного пункта батальона. Здесь в полумраке командир батальона отдавал очередные распоряжения: «Командиру второй стрелковой роты проникнуть в угловой дом на Брудерштрассе, в третью роту отправить связиста, связь с ротой прервана», «Сапёрам подорвать вход в метро: немцы проползают к нам в тыл».

В стороне присели отдохнуть санитары с тяжело раненным бойцом.

Нам объяснили, как попасть на командный пункт полка. «Нужно держаться красного провода, он приведёт к самому месту».

Мы продолжали двигаться по подземельям. Прошли склад с писчебумажными изделиями, потом подвал, в котором расположилась столовая, потом огромное помещение с разным готовым платьем французского и бельгийского происхождения.

В одном из подвалов жили советские граждане, угнанные в Берлин из оккупированных немцами районов. Одна женщина пыталась перебежать двор и стала жертвой немецкого снайпера. Она тяжело ранена в грудь, и сейчас около неё хлопочут санитар и две женщины.

В противоположном конце этого подвала разместился командный пункт подполковника Заверюха — цель нашего путешествия.

С поверхности сюда доносился глухой шум продолжающегося боя. Иногда отчётливо слышались одиночные выстрелы и разрывы не то мин, не то фаустпатронов.

— Снайперы, сволочи, активничают, — сказал старший лейтенант, командир подразделения тяжёлых танков. — Из дома, что правее нас через улицу, бросили два фаустпатрона. Командир полка решил поджечь этот дом, да сейчас послать некого, а с передовой снимать людей нельзя.

Услышав эти слова, два советских гражданина, несколько часов назад освобождённые нашими частями из немецкого плена, вызвались выполнить задание. Не прошло и получаса, как они возвратились и, взволнованные, радостно докладывали:

— Товарищ подполковник, приказ выполнен, фаустники ликвидированы.

К этому времени на командном пункте полка собрались командиры стрелковых и специальных подразделений и их заместители по политчасти. По поручению командования я доложил общую обстановку. Командиры подразделений сообщили положение дел на своих участках. Командир полка подполковник Заверюха приказал полностью использовать технические средства и форсировать уничтожение противника в районе Люстгартена.

В полдень (это было 30 апреля) бойцы пробились к Шлоссплац — площади перед дворцом.

Мрачно-серое здание открылось глазам наступающих.

— Дворец Вильгельма! — передавали по цепи.

В дело вступила артиллерия, действовавшая прямой наводкой.

С трудом маневрируя в узких улицах, заваленных битым кирпичом, к Шлоссплац выдвинулись тяжёлые танки и самоходные орудия.

Сплошной ливень огня был обрушен на дворец и прилегающие к нему здания.

Немцы пытались парировать удар, но силы их с каждой минутой слабели.

Наши стрелки и автоматчики вырвались из укрытий и устремились вперёд.

*

МАЙОР

П. МУРАВЬЕВ

*

На подступах к рейхстагу

Подразделения нашего полка захватили большое угловое здание вблизи рейхстага. Теперь нам предстояло выбить немцев из шестиэтажного дома, расположенного по другую сторону улицы, как раз против нас. Этот высокий дом играл чрезвычайно важную роль в системе наблюдения и огня противника на подступах к рейхстагу. Там сидела сильная группа немецких автоматчиков, пулемётчиков и фаустников. В здании, смежном с нами, тоже были немцы. Наши бойцы, показывавшиеся на улице, попадали под перекрёстный огонь противника.

Однако овладеть противоположным домом было необходимо, и командир батальона с наступлением темноты приказал начать перебежки, чтобы накопиться на другой стороне улицы и предпринять штурм дома. Ночью бойцы стали поодиночке перебегать улицу. Но обнаружилось, что противник располагает здесь не двумя-тремя огневыми точками, как показывали полковые разведчики, а не менее чем десятью. Немцы открыли по улице огонь такой силы, что ни один боец не успевал добежать до дома напротив. Перебежки пришлось остановить. Командир батальона решил ждать артиллерию. Утром артиллеристы прибыли, но ничем не смогли помочь батальону — для стрельбы прямой наводкой не было огневых позиций.

Тогда командир батальона попробовал один взвод переправить через улицу ползком. Сначала немцы молчали, но едва наступавшие достигли середины мостовой, как из первых трёх этажей противополож-

ного дома на них обрушился пулемётно-автоматный огонь, а сверху враг стал вдобавок метать гранаты и фаустпатроны. Потеряв больше половины своего состава, взвод вернулся с полдороги.

Командир батальона решил предпринять ещё одну атаку. Он вызвал к себе на наблюдательный пункт младшего лейтенанта Алиева. Для огневой поддержки взводу Алиева было придано два станковых пулемёта. Как повести наступление, чтобы добиться успеха? Алиев подумал, что порок предыдущих действий заключался в сравнительно медленном продвижении через улицу.

Алиев решил ошеломить немцев внезапностью, перебросить взвод через улицу стремительным броском. Он принял в расчёт огонь из окон смежного с нами здания, против которого наши пулемёты были беспомощны. Алиев разделил взвод на две группы. Не стреляя, первая группа молнией бросилась через улицу прямо в ворота противоположного дома. На бегу ранило только одного красноармейца. Достигнув ворот, первая группа моментально повернулась и принялась обстреливать из ручного пулемёта окна смежного с нами «соседа», а станковые пулемёты из нашего дома затыкали глотки немецким пулемётам, расположенным напротив. Под прикрытием перекрёстного огня вторая группа вместе с командиром тоже броском переметнулась через улицу и вбежала во двор шестиэтажного дома. Между тем первая группа, не мешкая, ворвалась в комнаты нижнего этажа и вступила в рукопашный бой с немцами. Прокладывая себе путь гранатой и автоматом, первая группа быстро очистила нижний этаж и заняла все входы в здание. Вторая группа действовала в верхних этажах. Полчаса спустя взвод Алиева занял все шесть этажей дома. Немцы бросились было в контратаку с улицы и со двора, но взвод встретил их таким сильным автоматным и пулемётным огнем, что они отошли и не делали больше попыток вернуться. Однако взводу угрожала ещё одна опасность, совсем с другой стороны. Наблюдательный пункт батальона не уловил момента, когда противоположный дом был уже захвачен Алиевым, и станковые пулемёты продолжали вести огонь по окнам дома, полагая, что там еще обороняется противник. Как тут было установить связь с батальоном? Кого послать в таком огне, как крикнуть в таком грохоте, какой сигнал подать, чтобы перестали стрелять по своим? Алиев быстро намочил в крови убитого кусок белого полотна и на штыке вывесил его в окно как флаг. Знак был понят, и пулемётчики, не ожидая приказа, прекратили огонь по дому.

★

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ГВАРДИИ ПОДПОЛКОВНИК
В. ПАНФИЛОВ

*

С высоты 100 метров

Наши наземные части, овладев предместьями и окраинами Берлина, завязали уже бои в самом центре города. Их продвижению мешала значительная артиллерийская группа немцев, укрывавшаяся в парке близ рейхстага. Разгромить это артиллерийское гнездо противника и открыть нашим танкистам и автоматчикам путь на рейхстаг — такую задачу поставили перед нами, штурмовиками-гвардейцами.

Погода не предвещала ничего хорошего. Я послал разведчиков Богданова и Городилина. Вернувшись, они сообщили, что высота облачности над целью — сто метров.

Как быть? Посылаю вторую пару разведчиков. Они вскоре возвращаются, и ведущий Жуков с сияющим лицом докладывает:

— Погода улучшается!

Итак, летим. Отдаю команду:

— По самолётам! Запуск по зелёной ракете!

Я уже сижу в кабине. Лётчики выруливают на старт. Жду ракеты, которую должны дать с командного пункта. Вдруг замечаю бегущего к моей машине начальника штаба гвардии майора Ковалева. У меня забилось сердце: неужели отменён вылет? Но нет. Оказывается, получена последняя сводка о продвижении наших войск. Линия фронта с севера продвинулась далеко вперёд. Сейчас наш удар по вражеской артиллерии, прикрывающей подступы к рейхстагу, придётся как нельзя более кстати.

Делаем круг над аэродромом. Видим истребителей, которые должны нас сопровождать на Берлин. Герой Советского Союза гвардии майор

Новичков привёл их точно в срок — секунда в секунду. Все четвёрки заняли свои места. Полк построен в боевой порядок — я сужу об этом по докладам командиров групп, сносящихся со мной по радио.

Ложусь на курс. Идём на запад. Высота — четыреста метров. Показался Одер. Здесь мы уже не раз пролетали. Земля под нами словно изрыта оспой — всюду видим следы недавних сражений.

За Одером погода несколько лучше. Местами проглядывает голубое небо. Поднимаемся на восемьсот метров. Соответственно поднимается и настроение: ведь для нас высота — всё!

Подходим к городу Врицен — это наш поворотный пункт. Всего несколько дней назад мы работали над ним. Мелькают знакомые улицы и даже сады, откуда по нашим самолётам били тогда немецкие зенитки. Сейчас враг отсюда изгнан. Разворачиваемся и идём к Бернау. Ещё один излом маршрута, и мы будем над целью. Но погода против нас. Бернау мы не видим, а угадываем по расчёту времени.

Снова приходится снизиться. Слева от нас Берлин, но густая пелена дождя не позволяет ничего разглядеть. Подходим ближе к городу и видим: Берлин охвачен огнём, над ним нависла густая пелена дыма.

Группа озёр даёт мне знать, что мы уже на западной окраине города. Теперь карта мне уже не нужна — этот район изучен до мелочей. Цель осталась позади. Мы на высоте шестьсот метров. В козырёк стучат крупные капли дождя. Приходится снизиться до четырёхсот метров...

— На цель!

Группы быстро и чётко выполняют мою команду. С резким разворотом влево идём на центр города. Облачность прижимает нас к земле. Но все наши мысли поглощены сейчас одним: приближаются долгожданные секунды штурмового удара по району рейхстага!

Впереди на нашем пути встают дымные шары разрывов зенитных снарядов. Земля просматривается скверно — фонарь захлёстывается дождём. Со снижением пытаюсь разогнать скорость, но нагруженный до предела штурмовик набирает её крайне медленно. Наша высота уж двести метров. Замелькали трассирующие снопы снарядов немецких зениток. Теперь бьёт зенитная артиллерия абсолютно всех видов и всех калибров. Вот слева от меня, совсем рядом, разорвался снаряд. Машину резко бросило в сторону. С трудом выравниваю её.

Различаю парк. Здесь замаскировалась немецкая артиллерия, мешающая нашим героическим танкистам и пехотинцам прорваться к рейхстагу. Все мои лётчики видят цель и идут на неё. Направляю машину

Над рейхстагом

прямо на центр парка. Трудно взять прицел — мы находимся в ливне огня и дождя. Поймал момент — нажимаю кнопку.

Мой стрелок тоже не сидит без дела: он из пулемёта бьёт по зенитками.

Ещё раз захожу на цель и сбрасываю бомбы. Они мгновенно рвутся под машиной. Резким толчком меня швыряет кверху. Едва удерживаю в руках штурвал. Дело сделано. Наши бомбы и снаряды угодили в цель. Наземные части сигналят нам ракетами уже слева от рейхстага. Нужно уходить туда. Но в эти секунды с новой силой, словно в предсмертной агонии, вспыхивает зенитный огонь. Нам преграждает путь сплошная огненная стена. Трассы снарядов молниями мелькают вокруг машин.

Мой самолёт резко вздрагивает всем корпусом — вражеский снаряд пробил правую плоскость.

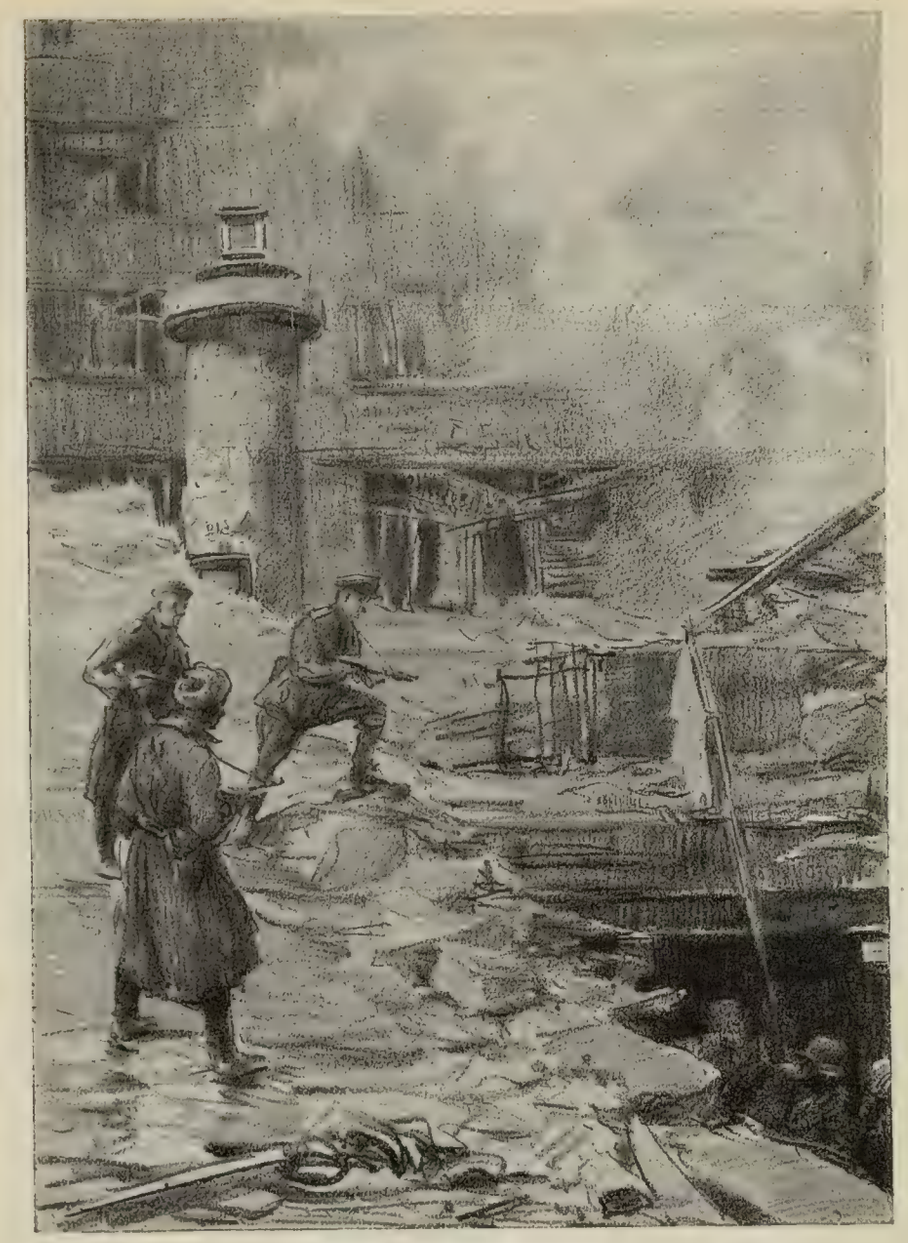
Лечу над пылающим Берлином. В кабине пахнет едкой гарью. Но я не могу уйти, пока не соберу все свои экипажи. Связываюсь по радио с ведущими групп. Всё в порядке!

Проходим над одной из центральных улиц Берлина, где еще держатся немцы. По ней движется колонна автомашин и повозок. Наваливаемся на неё. Заговорила моя пушка. Ей вторят пушки моих лётчиков. Прицелиться точно очень трудно: прицел забрызган дождевыми каплями. Беру поправку и даю ещё очередь. Отчётливо вижу, как трасса прошивает колонну. Высокая заводская труба заставляет отвернуть в сторону. Прочёсываю следующую улицу. Стрелок мой тоже, как только появляется возможность точно прицелиться, даёт очередь за очередью.

Наконец, мы вырываемся из зоны дождя. Видимость улучшилась. Мы пересекли Берлин с запада на восток, и сейчас он остаётся сзади. Но тут, дождавшись приличной погоды, появляются немецкие истребители. Они намереваются отсечь меня и другие головные машины от всей колонны. Мне трудно развить нужную скорость — сказывается повреждение плоскости. Неужели немецким истребителям удастся вплотную подойти ко мне? Нет, наши истребители срывают вражеский манёвр. Потеряв несколько машин, немцы пустились наутёк.

Вздыхаю полной грудью. Берлин остался позади. Набираю высоту и стягиваю в боевой порядок растянувшуюся во время боя колонну. Все налицо. Освобождённые от тяжёлого груза, мы легко и быстро идём домой.

*



У выхода из берлинского метро

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
С. ПЕРЕВЁРТКИН

*

Решающий удар

Все дрались за право и честь быть впереди и в числе первых ворваться в Берлин.

И вот части корпуса пересекли черту Большого Берлина.

Трудно передать словами состояние наших солдат, сержантов и офицеров в этот день. В моей памяти встали все четыре года тяжёлой войны. Витебск, где 10 июля 1941 года я впервые вступил в бой, тяжёлые оборонительные бои, Смоленск, Вязьма, Гжатск, знаменитое Бородинское поле у Можайска, Дорохово, Тучково, Звенигород, разгром немцев под Москвой и, наконец, весь путь наступления через Смоленск, Идрицу, Себеж, Латвию, Литву, Польшу и Померанию. Вспомнились все тяготы и лишения, трудности и жертвы, принесённые во имя победы.

Она была перед нами. Чувство морального удовлетворения вливало новые силы, разжигало пламя боевого содружества и благородного соперничества в деле чести.

Ведя уличные бои на северной окраине города, корпус успешно продвигался вперёд. Пали районы Каров, Бланкенбург, Розенталь и Тегель. Справа соединение Героя Советского Союза генерала Анашкина ушло вперёд на Шпандау. Слева, уступом сзади, соединение генерала Казанкина вело тяжёлые бои.

23 апреля, на исходе дня, меня вызвал к телефону начальник штаба армии генерал-майор Букштынович.

— Деритесь хорошо, — сказал он. — Сегодня в ночь вам приказано

перегруппировать корпус и продолжать наступление в юго-западном направлении с задачей к утру 25 апреля овладеть районом Сименштадт и выйти на реку Шпрее. Всё ли вам ясно и что нужно?

Бегло взглянув на карту, уже изученную до мелочей, я увидел на пути предстоящего наступления прямую голубую ленту канала Берлин—Шпандауэр—Шиффарст.

— Задача ясна, приступаю к её выполнению, но прошу усилить меня переправочными средствами, без них мне будет тяжёло форсировать канал, — ответил я.

— Хорошо. Переправочные средства вам будут даны, подробности задачи получите письменно, желаю успеха.

В течение короткой ночи была проведена перегруппировка, и с утра бой возобновился с новой силой. Прокладывая огнём дорогу, обходя и маневрируя по улицам, дворам, заводским территориям, части продвигались вперёд районом Райникендорф-Ост и к исходу 24 апреля вышли к каналу Берлин—Шпандауэр—Шиффарст. Первым вышло к каналу соединение полковника Асафова.

Переправы все взорваны, ширина канала до 75 метров. На противоположном берегу сплошная траншея, в которой немцы приготовились к обороне.

Не теряя времени, части подполковников Чекулаева и Ковязина под покровом темноты, прикрываемые огнём орудий прямой наводки, миномётов, танков и самоходок, используя подручные средства и просто вплавь, начали переправу. Сапёры приступили к наводке паромов и понтонного моста. Всю ночь длился бой. К утру 25 апреля бóльшая часть соединения полковника Асафова была уже на том берегу и вела бой в районе Плетцензее. Плацдарм был обеспечен, и корпус продолжал выполнять поставленную задачу.

К исходу дня район Плетцензее полностью был очищен от немцев. Справа подошли танковые части Героя Советского Союза генерал-полковника Богданова. Напряжение боёв нарастало с каждым часом.

25 апреля начальник штаба армии вновь вызвал меня к аппарату.

— Корпусу ставится новая задача — форсировать Фербиндунгс-канал и, наступая на юг, юго-восток, полностью очистить от немцев Моабитский район.

Потребовалась новая перегруппировка корпуса.

26 апреля, в 14 часов, после артиллерийской подготовки части начали форсировать Фербиндунгс-канал. Первая атака успеха не имела. Пере-

правившиеся подразделения залегли на самом берегу канала. Губительный огонь немцев сметал всех, кто пытался продвинуться вперёд.

Поддерживая огнём переправившиеся подразделения, отбивая контратаки немцев, мы начали готовить вторую атаку. Были засечены все действовавшие огневые точки противника, подтянуты танки и самоходки, усилена артиллерия, стрелявшая прямой наводкой. В 19 часов под прикрытием огня всех видов части полковника Негода и генерала Шатилова начали вторично форсировать канал. Одновременно ранее переправившиеся подразделения атаковали ст. Бойсельштрассе и северо-западную часть Моабитского района. Немцы были отброшены от канала.

С наступлением темноты сапёры навели мост. Были переправлены артиллерия, танки. Теперь бой шёл внутри района Моабит, старинной и очень густо заселённой части Берлина. Разрушения от бомбардировок с воздуха здесь были сравнительно незначительные. Бой пришлось вести в тяжёлых условиях, штурмовать такие здания, как Моабитская тюрьма.

Преодолев сопротивление немцев, 28 апреля корпус очистил от противника весь Моабитский район и вышел на реку Шпрее, в 500 метрах от здания рейхстага.

Здесь был получен приказ: «Корпусу форсировать реку Шпрее, овладеть зданием рейхстага и водрузить на нём знамя Победы, выйдя на соединение с частями, наступавшими с юга».

Для солдата, сержанта, офицера и генерала всякая боевая задача почётна и важна, но эта задача была особой. В ней все мы видели конец тяжёлой кровопролитной войны.

Весть о том, что нам приказано атаковать рейхстаг и водрузить на нём знамя Победы, быстро облетела все части и соединения. Несмотря на двенадцатидневные непрерывные бои, части рвались вперёд. Коммунисты и комсомольцы становились в первые ряды готовящихся для последнего и решительного боя.

Главным препятствием для нас была река Шпрее, с её высокими гранитными берегами.

Единственной переправой мог служить забаррикадированный, полуразрушенный мост на Альт-Моабит.

Немцы прикрывали огнём все подступы к мосту. На противоположном берегу стояло здание министерства внутренних дел, так называемый «дом Гиммлера». Весь этот район занимали отборные эсэсовские части. В ночь на 28 апреля сюда был сброшен на парашютах батальон моряков из Ростока. Допрошенные мною пленные показали, что Гитлер лично в

имперской канцелярии производил смотр частей, оборонявших район рейхстага. Им была поставлена задача — обороняться до последнего человека.

Предстоял тяжёлый бой.

В ночь с 28 на 29 апреля части полковника Негода и генерала Шатилова под прикрытием ожесточённого огня начали переправу через мост. Одновременно сапёры разбирали баррикады для пропуска артиллерии и танков. Передовые группы ворвались в угловое здание и, действуя огнём, очистили его от немцев.

После тщательной подготовки накопившиеся подразделения атаковали «дом Гиммлера». Весь день 29 апреля бой шёл внутри этого здания. Засевших здесь эсэсовцев уничтожали подразделения полковников Зинченко и Плеходанова. Одновременно очищались от немцев соседние дома.

К исходу дня перед атакующими возникло громадное серое здание рейхстага. Все окна и выходы замурованы, везде бойницы. Вокруг здания и в прилегающем парке Тиргартен сплошные траншеи, зенитные орудия, стоящие на прямой наводке.

До рейхстага осталось всего 200—300 метров. Но что это были за метры! Надо было преодолеть сплошную зону заградительного огня, котлован и ров, наполненные водой, овладеть траншеями.

В ночь на 30 апреля соединения полковника Негода и генерала Шатилова подтянули танки, втащили пушки на верхние этажи домов, в окнах поставили пулемёты.

Путь был один. Из окон «дома Гиммлера» надо было стремительно преодолеть открытое пространство, накопиться во рву и одним броском ворваться в рейхстаг. Каждое подразделение и часть имели красные флаги. Каждому соединению Военным Советом армии были вручены специальные знамёна.

Батальоны капитана Неустроева, Давыдова и Самсонова заняли исходное положение.

В 10 часов 30 апреля началась артиллерийская подготовка. Это был ураган сплошного огня. Тысячи снарядов и мин обрушились на рейхстаг и окружающую его площадь. Под прикрытием огня подразделения преодолевали ров и накапливались для атаки.

И вот в 14 часов, когда огонь достиг своего предела, в сплошном дыму разрывов пехота пошла в атаку.

Нервы были напряжены до предела. «Ворвутся или не ворвутся, всё ли сделано так, как нужно, не напрасны ли будут жертвы, понесённые в этом

последнем бою?» С этими мыслями я стоял у телефонного аппарата, ожидая звонка.

И вот долгожданный звонок:

— Батальон Самсонова, понеся большие потери, ворвался в рейхстаг; вижу знамя, водружённое над входом. Остальные подразделения залегли под сильным огнём из здания и слева из-за реки Шпрее. Принимаю меры, — доложил полковник Негода.

Звоню генералу Шатилову:

— Доложите, как идут дела.

— Неустроев и Давыдов ворвались в рейхстаг, остальные отсечены огнём из парка Тиргартен и залегли перед зданием. Идёт тяжёлый бой. Связи с батальонами, ворвавшимися в здание, нет, — волнуясь, ответил генерал Шатилов.

— Знамя, где знамя, видите его или нет? — спрашиваю я.

— Знамя в полку Зинченко и находится в бою.

Докладываю о ходе боя командующему армией. Генерал-полковник Кузнецов требует скорейшего развития достигнутого успеха.

Приказываю: всей силой артиллерии подавить фланкирующие пулемёты и орудия противника, поставить отсечный заградительный огонь вокруг здания, дать сильный огонь по окнам и верхним этажам, не допустить контратак, не медлить, поднять людей и поддержать ворвавшиеся подразделения.

Вторично звонит генерал Шатилов:

— Знамя в рейхстаге. Внутри идёт бой. Принимаю все меры для выполнения поставленной задачи.

Бой разгорался и внутри здания и вокруг него. Герои штурма загоняли немцев в подвалы.

Весь день напряжение не спадало. К вечеру в здание рейхстага вошли новые подразделения, были взяты прилегающие к нему позиции немцев.

Красное знамя медленно, с этажа на этаж, поднималось всё выше, и вот на багровом фоне пожаров и заката солнца оно заплескалось на куполе рейхстага. Его водрузили два храбрых солдата. Один из них был русский Егоров, другой — грузин Кантария.

Закрепив за собой рейхстаг, отбивая контратаки немцев, части корпуса пробивались на юг через парк Тиргартен на соединение с войсками генерал-полковника Чуйкова.

*

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПОЛКОВНИК

Ф. ЗИНЧЕНКО

*

Со знаменем Победы

26 апреля командир дивизии вручил мне красное знамя и сказал:

— Ваша задача заключается в том, чтобы это знамя Победы развевалось над рейхстагом.

Я радостно ответил:

— Есть, товарищ генерал! Приказ товарища Сталина будет выполнен.

Нам не терпелось увидеть этот рейхстаг. Надо сказать, что у всех нас, по вполне понятным причинам, был исключительно большой интерес к нему.

К этому времени мой полк, шедший впереди дивизии, уже подходил к центру Берлина и вёл бои в районе Моабитской тюрьмы.

28 апреля на рассвете мы прорвались к Шпрее, к мосту Мольтке-Младший. Мост немцы не успели взорвать, они преградили его баррикадами и надолбами. Мы попробовали с хода взять этот мост. Только небольшая группа бойцов и офицеров добралась до второй баррикады, но она вынуждена была повернуть назад. Сколько мы ни бились, нам в этот день не удалось переправиться на тот берег. Дело в том, что я со своими пехотинцами проскочил к Шпрее через узкий проход и технику продвинуть сюда было трудно. Лишь к ночи 28 апреля, когда район Моабита был расчищен, к берегу потянулись танки и самоходная артиллерия. Артиллеристам была дана задача разрушить до основания сильно укреплённые здания на набережной Кронпринцен и Шлиффенуфер, откуда немцы вели обстрел берега реки и моста.

На следующее утро мы начали форсирование Шпрее. Один из моих батальонов под командованием капитана Неустроева устремился на мост и ползком, перебежками перебрался на тот берег. Следом за ним под прикрытием сильного артиллерийского огня прошёл второй батальон Клименкова. Батальоны захватили на том берегу сначала только один подвал белого здания. Рядом, в красном здании, немцы продолжали сопротивляться. Мой наблюдательный пункт помещался в каменном здании в 120—150 метрах от реки. Когда командиру корпуса генералу Перевёрткину доложили, что два батальона форсировали Шпрее, он приказал перебраться туда и мне, чтобы самому руководить этими батальонами.

Командир дивизии, передав этот приказ, пожал мне руку и сказал:

— Смотрите, будьте осторожнее, бой идёт горячий. Примите все меры, чтобы обеспечить свой переход.

Со мной пошло всё управление полка. Я приказал артиллеристам и танкистам сделать короткий, пятиминутный налёт по тем точкам, по которым они били раньше. В этот момент мы и проскочили через мост. Я обосновался в подвале белого дома. Батальоны в это время вели бои за расширение плацдарма. К 8 часам утра мне доложили, что квартал очищен и в наших руках каменное здание 104, которое немцы особенно упорно защищали.

— Я вижу перед собой большое тёмное здание, — докладывает мне по телефону капитан Неустроев.

Когда он это сказал, я сейчас же пошёл к ним, в здание 104, чтобы принять решение, ознакомившись с обстановкой на месте.

Я взял план, сопоставил его с тем, что видел, — явно рейхстаг! Спрашиваю своих командиров:

— Как вы думаете, далеко ли рейхстаг?

Они говорят:

— Метров триста.

— Ну так вот, товарищи, это мрачное здание и есть рейхстаг!

Тут поднялось ликование. Красноармейцы бросились к окнам посмотреть на рейхстаг, — еще за минуту до того это было для них просто тёмное здание.

— Рейхстаг наш, ура, ура!..

Я говорю, что его еще нужно взять. Противник был кругом рейхстага, справа и слева. А мне отвечают:

— Товарищ полковник, можете докладывать, что мы взяли рейхстаг, всё равно мы его возьмём.

В это время раздался телефонный звонок. Звонил командир дивизии:

— Держитесь? Доложите обстановку.

— Обстановка такая, что вижу рейхстаг.

— Как рейхстаг? Вы уже вышли к рейхстагу?

— Он передо мной как на картинке.

— Сопоставьте с картой как следует, я буду докладывать выше.

Я приказал привести одного пленного немца, потом другого, и они подтвердили, что это рейхстаг.

Начиная с утра 30 апреля у нас шла подготовка к штурму, который был назначен командиром корпуса на 14 часов.

Большим препятствием был всё тот же мост Мольтке-Младший. Через него предстояло протащить танки. И нужно отдать справедливость сапёрам майора Белова — они проявили исключительное мужество, настоящий героизм. Под огнём противника, подвергаясь обстрелу из пулемётов, автоматов и фаустпатронов, они разобрали все надолбы и вообще все препятствия, которые были сооружены на мосту и возле него.

Противник сидел за свежевырытым каналом. Всем нашим танкистам и артиллеристам хотелось стрелять по рейхстагу. Один командир истребительной противотанковой батареи, оторвавшийся от своего полка, пришёл ко мне:

— Товарищ полковник, я хочу стрелять по рейхстагу и взять его.

Я сказал ему, что уже заняты все места, откуда можно стрелять. Он решил затащить пушки в здание 104 на второй этаж. В дверь пушки не проходили, а долбить каменные стены было долго. Тогда он поставил их колёсами на бок и так протащил в дверь, по лестнице наверх и поставил к окнам. Миномёты тоже стали затаскивать на второй этаж.

В 14 часов началась артиллерийская подготовка. В 14.25 небольшая группа наших бойцов ворвалась в рейхстаг. Это были бойцы из батальонов Неустроева и Давыдова. Но связь с этой группой прервалась, так как основные наши силы войти в рейхстаг не успели, противник отрезал их и дальше не пускал.

Обстановка была исключительно напряжённая, — знали, что наши люди там, а что с ними — неизвестно. Говорили, что наши входили в рейхстаг, уходили и опять вошли. Я пытался послать туда связного с рацией, но его убили. Я больше никого не посылал. Решил, что если есть там наши, они будут держаться, а в 21.30 начнём новое наступление.

ШТУРМ РЕЙХСТАГА

У главного входа рейхстага

Я выбрал такой час, так как надеялся провести эту операцию в течение ночи, пользуясь относительной темнотой.

В 21.30 началась новая артиллерийская подготовка, но на этот раз стреляли не по рейхстагу, так как оттуда противник огня уже не вёл, а по улицам вокруг рейхстага и по траншеям, которые шли по Шарлоттенбургерштрассе и вдоль канала.

Теперь задачей артиллеристов было обеспечить фланги. На фланги были брошены и основные силы пехоты — батальоны Неустроева и Давыдова.

В 22 часа эти два батальона прошли в нижние этажи рейхстага. Рейхстаг был разрезан как бы пополам. В нижних этажах наши вели бои, в верхних еще сидели немцы, но над куполом рейхстага уже развевалось советское знамя Победы.

Ещё перед штурмом рейхстага я вызвал к себе офицера разведки капитана Кондрашева и приказал ему подобрать двух-трёх хороших разведчиков, которые должны пройти вместе с пехотой к рейхстагу и водрузить на его куполе данное нам красное знамя.

Капитан Кондрашев представил мне двух разведчиков — Егорова и Кантария. Я знал их: это были смелые, храбрые люди, прошедшие огонь и воду. Я им сказал, в чём их задача.

Они загорелись:

— Есть, сделаем, товарищ полковник!

Когда пехота наша прорвалась к рейхстагу, в здание вместе с бойцами ворвались знаменосцы Егоров и Кантария. Поздно вечером 30 апреля капитан Неустроев позвонил мне и сказал:

— Наше знамя водружено на куполе рейхстага.

Я посмотрел на часы: было 22 часа 50 минут вечера.

*

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ГВАРДИИ СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ
К. САМСОНОВ

*

Прорыв к рейхстагу

29 апреля, в десять часов утра, мы увидели огромное темное здание. У главного входа висел большой флаг с фашистской свастикой. Среди бойцов прошёл шопот: «Рейхстаг».

Мне доложили, что первая стрелковая рота без всякого приказа пошла в атаку. Я дал команду и остальным ротам. Позднее я понял, что немного погорячился. Сперва немцы не стреляли, затем открыли огонь из всех видов оружия, и нам пришлось приостановить атаку. Мы пополнились боеприпасами, согласовали свои действия с артиллеристами, уточнили направление каждой роты и лишь затем приступили к делу.

Удивляться тому, что первая рота бросилась вперёд без приказа, не следует. С тех пор как бои развернулись в Берлине, такие случаи бывали. Все рвались вперёд, и удержать людей было чрезвычайно трудно.

До того как мы увидели рейхстаг, батальон получил приказ — наступать вдоль улицы Моабит, выйти к Шпрее и захватить мост. Чем ближе мы подходили к мосту, тем сильнее становился огонь противника. Тем не менее лейтенант Крутых со своим взводом перебежал через мост и ворвался в здание. У немцев в этом доме были большие силы. Это знал Крутых и всё же ринулся туда. Завязался тяжкий и неравный бой. Немцы подтянули танки и самоходы. Лейтенант Крутых был отрезан от батальона. Все слышали, как Крутых ведёт бой в окружении,

но помочь ему в этот момент казалось невозможным. И всё-таки начальник связи капитан Самойлов не вытерпел и, поднявшись во весь рост, крикнул:

— Вперёд за Родину, вперёд за Сталина!

Все бойцы, находившиеся возле моста, ринулись за капитаном. Минуту назад всё это представлялось абсолютно невозможным, а теперь наши бойцы бежали через мост на выручку товарищей. Самойлова ранило, но он не оставил бойцов. За группой Самойлова, как видно, наблюдали немецкие самоходчики. Подкатив ближе свою машину, они начали бить по бойцам. Положение Самойлова стало ещё более тяжёлым, чем положение Крутых. Но вот вдруг всё резко меняется. Самоходка горит, из неё выскакивают немцы. Наши бойцы бьют из автоматов по немецким самоходчикам. Немцы поднимают руки. Оказывается, красноармеец Медведев, заметив, что товарищи его попали в беду, подполз близко к самоходке и со второго выстрела из противотанкового ружья подбил её.

По радио было доложено командованию о происшедшем. Генерал Перевёрткин передал, что награждает Медведева орденом Отечественной войны. Эта весть облетела всех бойцов.

В полночь наша артиллерия, танки и самоходки открыли огонь по немцам, занявшим оборону возле «дома Гиммлера». Вторая стрелковая рота старшего лейтенанта Гончаренко ворвалась на мост и двинулась на выручку взвода лейтенанта Крутых.

Когда мы вошли в дом, героя Крутых уже не было в живых. Командование взводом взял на себя красноармеец Сабуров. Со словами: «За нашего командира, бей немецких гадов» бойцы ринулись в атаку. В этот момент на помощь им ворвался в дом Гончаренко со своей ротой.

К рассвету через мост переправились все подразделения и также артиллеристы. Мы двигались скрытно, — площадь сильно обстреливалась. Выбирали подвалы, находили потайные ходы, пробивали проходы в стенах. Мы старались сберечь свои силы для решающего штурма рейхстага.

30 апреля штурм начался.

Я никогда не забуду, но не могу передать словами то, что я почувствовал и пережил в те минуты, когда мы обратились к бойцам и офицерам — кто желает первым войти в рейхстаг и водрузить красный флаг? Все в один голос попросили, чтобы послали их. Красный флаг был вручён младшему сержанту Ерёмину и бойцу Савенкову.

Под прикрытием артиллерии, миномётов и автоматов герои поползли к рейхстагу. До него оставалось метров 150. В это время ранило Ерёмина, он сделал перевязку и пополз дальше. Немцы, видя белую повязку, стали вести по ней огонь. Тогда Ерёмин сорвал бинт с головы и вместе с Савенковым побежал к центральному подъезду рейхстага.

Все увидели, как развернулся красный флаг в руках отважных воинов, и сейчас же на площади раздалось могучее красноармейское «ура». Весь батальон пошёл в атаку.

*

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СТАРШИЙ СЕРЖАНТ

И. СЬЯНОВ

*

Как мы штурмовали рейхстаг

Утром 30 апреля командир батальона капитан Неустроев вызвал к себе меня со всей ротой. Мы спустились в подвал. Бойцы,— их было 60 человек, — расположились в двух смежных комнатах, а я направился к капитану. На ребят пожаловаться было нельзя. Никто себя не жалел, всё отдавали для победы. С тех пор как я сменил раненого командира роты, они ни разу меня не подводили. Я был ими вполне доволен. Штурмовали Берлин и старые солдаты, которые пришли сюда из-под самого Сталинграда, и молодые, которых только несколько дней тому назад мы вызволили из немецкого рабства.

Капитан Неустроев подозвал меня к окну. Через окно подвала я увидел горящую площадь. Повсюду чернели взрывы. Площадь была завалена деревьями, мешками с песком, машинами. Там стояло много пушек.

Из-за грохота и гула разговаривать было почти невозможно. Капитан указал мне на большое каменное здание и спросил:

— Видишь?

Я увидел дом с высокими колоннами и широкой лестницей. На самом верху виднелся купол.

— Это рейхстаг, — сказал капитан, — перед твоей ротой ставится задача штурмом овладеть им.

Когда капитан говорил, всё время об стены дома, в котором мы стояли, ударялись пули. На площади рвались снаряды, и здание рейхстага слегка дымилось.

«Добрались всё-таки до этого проклятого места», — подумал я. Всего триста метров отделяли меня теперь от рейхстага. Агитатор политотдела дивизии капитан Матвеев шепнул мне: «Сьянов, ты счастливец, — первый штурмуешь рейхстаг». Мне хотелось сразу же кинуться к своим. Дожить до такой минуты! У меня было такое чувство, как будто сам товарищ Сталин смотрит сейчас на нас. Мог ли я думать, что я, Сьянов, бухгалтер из села Семиозёрное, Кустанайской области, поведу роту на штурм рейхстага! Я не вытерпел и высунулся из окна подвала, чтобы получше разглядеть его.

До самого рейхстага тянулась площадь, на которой немцы воздвигли много препятствий. Вся площадь густо простреливалась. Слева в верхних окнах, заложенных кирпичом и превращённых в бойницы, стояли автоматические пушки.

Старший лейтенант Прелов, стоявший за моей спиной, сказал:

— Пока ты будешь здесь, я пойду к твоим солдатам, побеседую с ними.

Я смотрел в окно и мысленно рисовал себе, как поведу роту. Мы должны были двинуться в атаку под прикрытием артиллерийского огня.

— Впереди лежит наша цепь, — объяснил мне капитан, — когда пойдёшь со своей ротой, обязательно подними и её в атаку. Недалеко от рейхстага проходит канал, но мостов через него нет. Для форсирования используй подручный материал. Двигаться на рейхстаг надо быстро, нигде не задерживаться.

— Я на тебя надеюсь, — закончил капитан, — штурм должен быть решительный.

Вглядываясь в стены рейхстага, я по пробоинам определил, с какой стороны будет лучше наступать. Старался запомнить ориентиры: трансформаторная будка, мелкие домишки, афишная тумба.

Справа наступал батальон Давыдова, слева протекает Шпрее, берег её облицован гранитом, за него не уцепишься, немцы там ведут сильный огонь, укрыться негде. Минут сорок стоял я возле окна. Я доложил о своём решении: наступать буду через площадь. Я имел в виду использовать как укрытия ямы, воронки, завалы. Их перед рейхстагом было много.

Вернулись агитаторы Матвеев и Прелов. Они сказали:

— Товарищ Сьянов, мы только что беседовали с твоими бойцами. Золотые люди. Все первыми хотят пойти на штурм.

Было приятно всё это слышать. Я вызвал к себе командиров взводов и отделений и рассказал им задачу. Указал ориентиры первому и второму взводам. Назначил фланговые отделения справа и слева.

Теперь можно было и бойцов подозвать к окнам и показать им рейхстаг.

— Товарищи бойцы и сержанты, — сказал я, — выполним эту почётную задачу?

— Выполним, — с воодушевлением ответили все.

За окном в это время творилось нечто невообразимое. Даже высунуться из окна подвала казалось невозможным, а нам предстояло пойти через эту площадь, на штурм рейхстага, который теперь извергал столько огня.

— Пустите меня первым, — сказал Якимович.

Якимовича я знал, как самого себя. Он был моим связным, затем командовал пулемётным расчётом. Где жарко, там он со своим пулемётом. Бойцы его любили, он был душой роты. Здоровый парень, весельчак, он рвался к жизни. Было приятно слушать, как он мечтал о том, что́ будет после войны.

Прыгунов и Шубкин тоже просили, чтобы их первыми послали на штурм. Этих я меньше знал. Молоденькие ребята. Они воевали с жадностью. Ещё несколько недель тому назад они были у немцев на каторге, а теперь они — бойцы, и им предстояло — штурмовать рейхстаг.

Сержант Гусев, помкомвзвода, пожилой человек, моих лет, как школьник упрашивал меня, чтобы я его первым пустил на штурм. Сержант Ищанов тоже настаивал, чтобы его отделение первым пошло.

Разве можно забыть эти минуты перед штурмом! Я смотрел на своих бойцов, прислушивался к их разговорам, и во мне росла уверенность в успехе предстоящего дела. Принесли брёвна и кирпичи. Сделали подмостки к окнам, чтобы легче было вылезать. Притащили несколько ящиков с гранатами, и мы наполнили ими все карманы. Я проверил у бойцов, полностью ли набиты диски их автоматов и пулемётов.

На площади не умолкал гул артиллерии. Вдруг справа что-то загорелось. Рухнуло большое здание. По земле стал расстилаться чёрный дым. Только я подумал, что хорошо бы сейчас ринуться в атаку, дым послужил бы прикрытием, как услышал голос командира батальона:

— Сьянов, сейчас начнётся артподготовка, с первыми выстрелами надо выдвигаться вперёд.

Командир батальона предупредил, что за мной будут тянуть телефонный провод, и мы условились, что в случае, если провод порвётся, я, как только ворвусь в рейхстаг, даю красную ракету.

И вот уже дружно заговорила наша артиллерия. Я скомандовал: «Вперёд!». Все бросились из окон на площадь. Каждый взвод принял

свое направление, хотя ориентироваться было трудно. Рейхстаг заволокло пылью, дымом, пламенем. Я часто обегал цепь, чтобы не потерять из виду людей. Дважды меня задело осколками, в правую ногу и в правое плечо. Но было не до перевязок.

Перебегая от воронки к воронке, прячась за срубленными деревьями, преодолевая рвы и завалы, по-пластунски переползая открытые места, мы достигли широкого канала, о котором утром говорил мне командир батальона.

Мост через канал был забаррикадирован деревянными брусьями и железнодорожными рельсами. Слева от моста через канал было переброшено несколько пар рельсов. Я обрадовался тому, что рота сможет перебраться через канал, не бросаясь в воду.

Частью через баррикаду, частью через переброшенные рельсы взводы под огнём противника перешли канал и снова приняли строгий боевой порядок. Мне удалось поднять в атаку и ту цепь бойцов, о которой сказал мне командир батальона. Справа и позади роты начали подходить подразделения соседнего полка. Мы бежали по огненному морю, на каждом шагу рвались мины и снаряды. Открыв огонь из всех видов оружия, рота с криком «ура» лавиной бросилась в атаку. Я бежал впереди роты, и мне казалось странным, что я еще живой. Осколки свистят, а я бегу, и вместе со мной вся рота. Нас было впереди человек пять, и мы бросились на ступеньки рейхстага. В это время немецкий снаряд разорвался между высокими колоннами. Справа шёл Якимович. Мы уже поднимались наверх, когда пуля пронзила Якимовичу грудь, и он упал мертвый, с поднятой рукой, в которой сжимал гранату. Кровь Якимовича потекла по ступенькам и запеклась на каменных плитах. Мы похоронили его потом на возвышенности, откуда было видно красное победное знамя, водружённое к тому времени на куполе рейхстага. Ради этого знамени он отдал жизнь, — мы так и написали его старушке-матери.

Когда мы оказались на широкой лестнице, на нас посыпался огненный град. Немцы стреляли из всех окон. Но мы уже коснулись толстых стен рейхстага. Перед нами высилась огромная, в нескольких местах расщепленная снарядами, дверь. Мы закидали трещины гранатами, и в дверях образовались дыры.

В стенах тоже было много проломов, и наши бойцы проникли через них в рейхстаг.

Сначала мы попали в длинный коридор. Казалось, что всё огромное здание шевелится. Где-то гулко отдавались шаги, где-то громко кричали

по-немецки. Сразу разобраться в обстановке было невозможно. Одно было ясно, что в здании находится много немцев и нам придётся повоевать. Конец коридора до самого потолка был заставлен бочками и ящиками. Мы пошли направо и попали в зал. Перед нами промелькнуло несколько немцев. Они с криком бежали и строчили из автоматов. В зале я увидел огромную статую женщины с весами. Сначала мне померещилось, что я вижу живую женщину и чаши весов в её руках колеблются. Но что только не влезет в голову после стольких трудных ночей!

С правой стороны коридора я оставил заслон силою в одно отделение, другое отделение проникло влево. Остальные бросились в два больших зала, откуда немцы перебегали в левую часть здания.

Один зал был свободен, другой заставлен шкафами с книгами и бумагами. Дым. Полумрак. Мы обнаружили два входа в подвал. Я приказал блокировать их. Закрепившись в залах, мы начали разведку верхних этажей. Я дал уже красную ракету, но вряд ли наши могли её заметить. Все было окутано дымом и пламенем. Телефонной связи не было. Командир отделения телефонистов сержант Ермаков уже несколько раз под ураганным огнём перебегал площадь, отыскивая порывы. В конце концов ему удалось восстановить связь, и он первый донёс по телефону из рейхстага, что мы ворвались в рейхстаг и ведём бой внутри здания, что младший сержант Кантария и сержант Егоров уже водрузили знамя на куполе крыши.

Как обрадовались мы, когда появились капитаны Неустроев, Давыдов, старшие лейтенанты Самсонов, Гусев, лейтенант Берест, майор Соколовский и многие другие офицеры, которых я прежде не знал! Пришло подкрепление. Кто-то принес высокий бокал.

— Выпьем, Сьянов, в знак водружения знамени, — сказал мне лейтенант Берест.

Мы по очереди хлебнули из бокала.

Скоро наступила ночь. Стрельба как будто несколько утихла. Я решил пробраться вниз. Но скоро обстановка изменилась. Подземелье ожило. Несколько раз мне докладывали:

— Сильное подземное движение.

— Бросайте туда гранаты, — отвечал я.

Гранаты здесь решали всё.

Мы забрасывали подвалы гранатами. В конце коридора я велел поставить станковый пулемёт. Как только появлялись немцы, их тотчас же

В залах рейхстага

срезали пулемётной очередью. Они появлялись всюду и всюду натыкались на пулемёт или автомат.

С верхних этажей немцы ударили фаустпатроном. Он разорвался между колоннами, как раз на том месте, где на двух ящиках я устроил себе ротный КП. От взрыва полетели камни, и мне пришлось переместить свой КП.

На зорьке кто-то предложил закусить. У нас было масло, сыр, консервы, варенье. Я разрешил бойцам закусить. Во время завтрака все держали гранаты с выдернутыми кольцами, на предохранителе. Несколько раз пришлось прерывать завтрак и закидывать немцев гранатами.

Автоматчики сообщили, что в подвале опять началось сильное движение. У меня мелькнула мысль, не вздумали ли немцы в плен сдаваться.

— Пусть выходят наверх, — говорю я.

— Хенде хох! — кричит солдат Шубкин.

Мы стояли на лестничной площадке, когда перед нами появились три немца в касках, покрытых маскировочными сетками. На груди у них висели автоматы, в руках они держали парабеллумы.

— Не похоже, чтоб в плен пришли сдаваться. Однако стрелять подождём, — сказал я своим, — посмотрим, чего они хотят.

— Мы парламентёры, — объявили они, — дайте нам офицера.

Позвали лейтенанта Береста. Немцы, как увидели Береста, сразу опустили руки. Явилась какая-то фрау в желтой плюшевой жакетке. Это была их переводчица. Вслед за ней пришёл какой-то важный немецкий чин. Берест говорит ему:

— Сдавайтесь немедленно. Прекратите бессмысленное сопротивление.

Немецкий чин попросил двадцать минут на размышление.

И всё это оказалось обычной немецкой провокацией. Разведчики мне сообщили, что с левой стороны рейхстага появились два немецких танка и пехота. В это же время из подвала выскочил какой-то немец и прокричал:

— Сдавайтесь, вы окружены.

Мы не дали ему договорить — пристрелили.

Немцы вздумали наступать. Всю комедию с парламентёрами они затеяли, чтобы отвлечь наше внимание. В одном из углов рейхстага лежала куча щебня и кирпича. Под ней оказался запасный выход. Немцы полезли наверх, стали жечь комнаты. Они решили нас выкурить из рейхстага. В зале, где я находился, вспыхнуло пламя. Загорелись бумаги и книги, ящики, на которых я сидел. У меня шинель загорелась, у кого-то гимнастёрка, у Щербины волосы задымились.

Дорого обошлись немцам эти пожары. Нас они не запугали, мы стали только злее. Я видел, как Иванов отбивался от шести немцев. Всех положил. Вся стена, у которой он дрался, была забрызгана кровью. Я перебрался на второй этаж. Немцы засели там в угловой комнате. Мы закидали её бутылками с зажигательной смесью. Немцы, как ошалелые, выскочили прямо на нас. Один на меня навалился. Я стоял над пролётом, колонна рухнула, и не за что было держаться. Я ударил немца ногой в грудь. Немец ухватился за мою ногу и не выпускает. Тогда я левой ногой ударил его в лицо, и он плюхнулся вниз. Там было довольно глубоко, и вряд ли немец уже встал. Некоторые немцы выбегали из горящей комнаты, не замечая, что перед ними пропасть, и проваливались в неё.

Бой длился почти до трех часов ночи. К этому времени мы очистили все этажи здания. Всё было устлано немецкими трупами.

Вид у нас был жуткий. Все чёрные, в саже. Я потянул полу шинели, чтобы лицо вытереть, но, оказывается, шинель в труху превратилась, вся сгорела.

Стало тихо. Командир батальона вызывает меня и говорит:

— Товарищ Сьянов, передавайте свой рейхстаг Грибову и Антонову, а сами идите отдыхать.

Я показал Грибову и Антонову все опасные места. Принесли ужин. Мы закусили, и я со своими бойцами вышел к подъезду рейхстага, расстелил плащ-палатку, повалился на каменные плиты и тут же заснул.

*

КАПИТАН

И. МАТВЕЕВ

*

С передовым батальоном

ЗАПИСКИ АГИТАТОРА

В ночь прорыва обороны на Одере я находился среди бойцов полковника Зинченко.

Во время артподготовки все мы повыскакивали из траншей и любовались тем, как рвутся наши снаряды в стане врагов. Все испытывали большую гордость от сознания своей силы. Это был действительно богатырский удар артиллерии. Людей водворить в траншеи было невозможно. Помню, какой-то боец, пробегая мимо меня, крикнул:

— Капитан, наша берёт, ура! — и, по-детски подпрыгнув, умчался вперёд.

Этого бойца я затем встретил в рейхстаге. Он вошёл туда одним из первых.

В ту апрельскую ночь на Одере мы не предполагали, что нам выпадет великая честь штурмовать рейхстаг. Но у всех было стремление войти в Берлин первыми. Я не ошибусь, если скажу, что поголовно все бойцы были моими помощниками в работе агитатора политотдела дивизии. У всех находились яркие и простые слова, зовущие вперёд, на подвиг. Значение происходящих боёв понимали все и сердцем, и разумом.

30 апреля меня вызвал начальник политотдела и приказал находиться в батальоне Неустроева, вместе с ним ворваться в рейхстаг.

Наступал вечер. Батальон сосредоточился в подвальном этаже большого дома. Из окна был виден рейхстаг. На пути к рейхстагу был канал с разрушенным мостом.

Рейхстаг со стороны Шпрее

Ждали начала атаки. Скоро должна была начаться артподготовка. Неустроев наблюдал в окно за площадью.

Бойцы с волнением ожидали сигнала к атаке. Предстояло по одному выскакивать из подвала через единственное небольшое окно. Среди бойцов было много молодых, недавно освобождённых из немецкой неволи.

Я рассказал им, какие бои полк провёл, как много в нём героев, прославившихся в боях за Берлин, посоветовал, как лучше действовать автоматом и гранатой в бою за овладение домами, объяснил, почему важно первым броситься в атаку и ворваться в здание. Помню, бойцы слушали меня с затаённым дыханием, когда я говорил о том, как товарищ Сталин привёл нас к победе.

После беседы ко мне подошёл боец Быков Николай Степанович и заявил, что хочет первым бежать в атаку. Он попросил, чтоб я записал его фамилию. За ним с такой же просьбой обратились ко мне бойцы Богданов Иван Иванович, Прыгунов Иван Фёдорович, Руднев Василий Дмитриевич и многие другие.

Артподготовка была короткая, но мощная. Взвилась ракета — сигнал атаки. Бойцы стали выскакивать в окно. Я бежал вместе с старшим лейтенантом Гусевым и капитаном Яруновым.

В рейхстаг наши роты ворвались с главного подъезда. Одновременно с батальоном Неустроева вошли в здание роты батальона Давыдова из полка Плехадонова. В здании было темно, хоть глаз выколи. Повсюду мы натыкались на мебель, обломки статуй, груды бумаги. Здесь уже шёл бой.

Когда перебегали через площадь, я потерял карманный фонарик, и теперь было трудно ориентироваться в темноте.

Скоро в рейхстаг прибыл командир полка полковник Зинченко. Мы ему рассказали обстановку. Была мысль спуститься с переводчиками в подвал и предложить немцам сдаться. Но оттуда всё время стреляли и бросали гранаты.

Впоследствии немцы инсценировали посылку к нам парламентёров, это была их очередная провокация. Немцы всё ещё надеялись выкурить нас из рейхстага. Они послали парламентёров, чтобы усыпить нашу бдительность.

Немцы подожгли внутренние помещения рейхстага. Начался пожар. Гитлеровцы рассчитывали, что мы в панике бросимся бежать. Но этого не произошло. Мне приходилось во время пожара разговаривать с несколькими бойцами. Сколько раз я слышал одно и то же: «Всё равно отсюда не

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ НАД РЕЙХСТАГОМ

150 СТР. ПРОЛЕЧА
КУТУЗОВА II СТ.
УДРИЦК. ДИВ.
79 СК. ЗУА. 16Ф

уйдём», «Мы подняли красный флаг над рейхстагом не для того, чтобы бежать отсюда».

Сначала загорелся круглый зал. Пламя пожара охватило роту Ярунова, которая штурмовала в это время подвал. Огонь распространился у нас в тылу. Затем немцы подожгли северную часть здания. Рота Ярунова выбежала наверх. Немцы решили, что мы оставляем рейхстаг. В действительности дело обстояло так: поднявшись наверх, рота кинулась к запасному входу и обнаружила там немцев. Теперь мы оказались в тылу у немцев. Наши бойцы закидали их гранатами. Немцы побежали вниз. Но здесь их ожидали Сьянов и Греченков. Немцы ввалились в костёр. Огонь был настолько сильный, что никто из них не смог спастись, все заживо сгорели.

Когда в северных комнатах пожар стал затихать, младший сержант Щербина крикнул, что можно пробраться на балкон, проломав стену.

Нашли лестницу, пробили отверстие, поднялись наверх и оказались на балконе. Бой продолжался и на балконе и у входа в подвал, пока мы не заняли все помещения рейхстага. Это было уже 1 мая. Нам принесли газеты с праздничным приказом товарища Сталина. Я не могу передать того чувства, — сказать воодушевление — будет недостаточно, — которое овладело всеми: и теми, кто читал этот исторический приказ, и кто его слушал с оружием в руках, ещё не остывшим от боя, в этом полуразрушенном, дымящемся здании при свете электрических фонариков. Такие моменты остаются в памяти на всю жизнь.

*

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СЕРЖАНТ

М. ЕГОРОВ

*

Знамя Победы над рейхстагом

Рота уже находилась возле канала, когда мне и младшему сержанту комсомольцу Кантария вручили красное знамя. Чувствовалось, что нам поручено дело, которое имеет значение не только для нашей роты или даже полка, а может быть для всей дивизии. Всем хотелось руками прикоснуться к знамени, которое нам предстояло водрузить на самый рейхстаг.

Огонь за окном был сильный. Наступил момент нам выходить, и мы побежали один за другим. Вместе с нами послали радистов и телефонистов, которые должны были, как только мы водрузим знамя, передать об этом командиру полка полковнику Зинченко.

Мы пробежали немного, но пришлось залечь в воронку. С полчаса лежали, потому что огонь был невозможный. Лежим в воронке и всё время смотрим на знамя. Оно было у нас в чехле. Мы боялись, чтобы чехол не развязался, пока бежали. Всё в порядке. Мы выскакиваем из воронки и бежим дальше. До рейхстага было уже недалеко. Мы условились больше остановок не делать. Рота уже перешла канал, теперь стало веселее.

Вот мы уже достигли широкой лестницы. Поднимаемся по ней. Огонь сильный, мы никого не видим, но чувствуем, что из подвала на нас смотрят; из рейхстага, — а там уже были наши, — тоже наблюдают. И командир полка наверняка следит.

На пороге валялась стремянка, я приставил её к колонне на крыльце рейхстага и кричу:

— Развязывай, Кантария, чехол быстрее.

— А чем привязывать будем? — кричит мне в ответ Кантария.

Тут я подумал, что мы ведь, действительно, верёвки не захватили.

— Чехлом привяжем, — кричу я, а сам поднимаюсь по стремянке вверх. Стоять неудобно, стремянка качается, вот-вот упадёт.

Знамя приладили. Оно развевается при входе в рейхстаг.

— Пойдём в середину, — говорит мне Кантария, — посмотрим, что там происходит.

Пошли налево. Темно. Все окна кирпичом забиты. Побежали на второй этаж. Там — горячий бой. Немец бьёт сверху фаустпатронами. У нас было с собой пять гранат, значит и мы тоже могли кое-чем подсобить пехоте.

— Если пехота наверх забралась, значит знамя тоже наверху должно стоять, — сказал Кантария и стал спускаться вниз.

Я за ним. Мы сняли знамя и побежали наверх. Выставили его в бойнице второго этажа. Хотелось бы знамя ещё выше поднять, но пробраться туда невозможно, верхние этажи ещё заняты немцами. Но вот обстановка меняется. Можно теперь проникнуть и на третий этаж. Вскоре знамя уже развевалось там. Мы хотели, чтобы оно было там, где бой идёт.

Пришлось следить, чтобы какой-нибудь немец не подкрался к знамени. А такие попытки они несколько раз делали. Потом наша пехота откинула немцев направо, и образовался проход на чердак. Опять снимаем знамя, пробираемся наверх к самому коню, что стоит на крыше рейхстага. Стало светло, мы со знаменем на самой крыше были. Оглянулись — весь Берлин под нашими ногами лежит. Город горит. Кругом стелется чёрный дым. На крыше снаряды рвутся. Мы стоим со знаменем и обдумываем, куда лучше его поставить. Держимся за железного коня, чтобы воздушной волной нас не снесло. В это время осколок ударил в самого коня и пробил ему брюхо. Конь был полым, и образовалась дыра. Кантария говорит:

— Давай, сюда просунем.

Мы воткнули древко в пробоину железного коня и начали спускаться вниз. Навстречу бежит боец:

— Знамя видно только с одной стороны, — кричит он, — потом, снизу получается, что держит его в руках верховой, что на железном коне сидит. Меня послали переставить его.

— Нет, шутишь, — говорим мы ему, — за советы спасибо, а уж знамя сами поправим.

Мы снова поднялись на крышу. Под ногами скрипит битое стекло. Повсюду осколки снарядов валяются. Куда же знамя поставить, чтобы на весь Берлин было видно? На купол. Но купол весь разбит. Как подняться на него? Стёкла вылетели, остались одни рёбра. Решили по этим рёбрам подниматься. Посмотрели вниз через купол — пропасть глубокая, жутко. Но времени терять нечего. То и дело на крыше снаряды рвутся.

Кантария впереди, а я сзади него, карабкаемся вместе по рёбрам купола. Поднялись на самый верх, выше некуда. Привязали покрепче знамя чехлом и спустились вниз.

Перебегаем площадь. Со всех сторон немецкие снайперы бьют. То в одном, то в другом конце слышатся крики «ура». Это наши воины идут на штурм. Их зовёт в бой знамя, поднятое над рейхстагом. Теперь и мы, оглянувшись, впервые увидели, как оно развевается. На душе стало весело.

Полковник Зинченко встретил нас, как родных сыновей.

— Товарищ полковник, — докладывает Кантария, — ваше приказание выполнили, знамя на рейхстаг водрузили.

— Молодцы, — отвечает полковник и крепко нас обнимает, — теперь отдыхайте.

Нас потянуло в рейхстаг, где товарищи под победным знаменем вели ожесточённый бой. Вместе с группой бойцов мы понесли в рейхстаг ящики с гранатами.

Гранаты доставили, понесли рацию. Каждый раз, пробираясь через площадь, мы смотрели на знамя Победы, развевавшееся на куполе рейхстага. Как-то нам показалось, что древко немного наклонилось. Мы побежали наверх. Проверили, убедились, что это нам померещилось, — знамя стояло прямо.

★

МАЙОР

И. ЗЕНКИН

*

На заседании парткомиссии

Перед прорывом на Одере мы провели 10 апреля заседание парткомиссии на берегу реки. В этот день был принят в партию командир стрелкового взвода лейтенант Кайдаулов Халит. Все мы хорошо знали этого молодого храброго офицера-казаха, недавно окончившего пехотное училище.

В своём заявлении он писал: «Впереди предстоят еще трудные и большие бои. Я хочу в этих боях участвовать коммунистом, бить врага, как этого требует Родина. Звание коммуниста с честью оправдаю».

Во время прорыва обороны немцев на Одере, через несколько дней после принятия Кайдаулова в партию, его взвод первым ворвался во вражеские траншеи.

14 апреля партийная комиссия проводила своё заседание в подвале разрушенного дома на одерском плацдарме. Передний край проходил в 500—1000 метрах от нас. Сильно била артиллерия, и вся жизнь дивизии текла в траншеях и подвалах. Наступление ещё не начиналось, но его все ждали с часа на час. На этом заседании было принято в партию несколько человек. Здесь были разведчики, которым прямо с заседания предстояло отправиться в разведку, артиллеристы, которым выпало счастье в последующих боях выпустить первые снаряды по Берлину. Все стремились на выполнение ответственной задачи пойти коммунистами.

Началось наступление. Теперь работа парткомиссии усложнилась. Было трудно заранее предусмотреть, когда и где провести заседание.

Вызывать людей из частей не представлялось возможным, мы отправлялись в полки и батальоны и там на месте разбирали заявления. Одно из таких заседаний происходило в одном местечке. Мы пришли на позиции противотанкового дивизиона. Немцы вели сильный обстрел из орудий и миномётов. Батарея дивизиона расположилась на окраине местечка, близ леса. Отсюда артиллеристы вели огонь по переднему краю противника. Парткомиссия заседала на восточном склоне высоты в ячейках расчёта. Принимали в партию капитана Григория Сафронова, кавалера трёх боевых орденов. Он только что отошел от захваченной у немцев пушки, из которой вёл огонь по противнику. После разбора его дела он бегом вернулся к пушке и продолжал вести огонь, уже будучи коммунистом.

Тут же мы приняли в партию старшину Штыкина, прославленного в дивизии артмастера, который не только ремонтировал в бою пушки, но и сам не раз становился за орудие и вёл огонь по врагу. Были здесь и наводчики и командиры орудий, которым предстояло своим огнём прокладывать путь нашей пехоте на улицах Берлина.

Не всем, кто стал коммунистом в боях за Берлин, посчастливилось увидеть рейхстаг. Многие отдали жизнь за Родину на подступах к Берлину и на его улицах. Многим тяжёлые ранения помешали вступить на побеждённую берлинскую землю. Бывало часто и так, что тяжело раненные коммунисты упрашивали своих товарищей не отправлять их в госпиталь, а дать возможность хоть одним глазом взглянуть на поверженную фашистскую столицу. Они уверяли, что это подействует на них лучше всяких лекарств.

30 апреля, во время штурма рейхстага, наша парткомиссия пробиралась по улицам, заваленным камнями, сожжёнными машинами и трупами гитлеровцев. Заседание происходило на командном пункте стрелкового полка, помещавшегося в подвале разбитого дома. Товарищей, которых принимали в партию, приходилось подолгу ждать. Отрывать их от дела было нельзя. Мы ждали, пока они смогут освободиться на несколько минут. Пришёл лейтенант Кашкарбаев. Он уже успел прославиться в уличных боях. «Желаю штурмовать рейхстаг членом партии», — писал он в своём заявлении. К моменту его приёма в партию он уже начал этот штурм. Он успел проникнуть в рейхстаг и со своим взводом уничтожил там немало немцев. Его приняли в партию, а уже через несколько минут он опять сражался в рейхстаге, выкуривал немцев из подвалов. Здесь же был принят в члены партии сержант Василий Кива, который своим огнём поддерживал атаку взвода Кашкарбаева.

В разгар заседания парткомиссии над куполом рейхстага было поднято советское знамя. Мы увидели его из окна подвала, и сильное волнение охватило нас всех.

Люди, которых мы только что приняли в партию, совершали великие подвиги.

Следующее заседание уже происходило в самом рейхстаге. На протяжении всего наступления мы не раз произносили это слово. Это была заветная цель всех — водрузить знамя Победы на рейхстаге. Теперь мы в этом здании принимали в партию тех, кто одержал победу. Мимо нас проходили колонны пленных немцев.

Нужно ли говорить о том, как счастливы были те, кого приняли в этот день в партию, как горячо поздравляли их товарищи. Это было незабываемое заседание. Здесь можно было увидеть тех, кто дрался в залах рейхстага, кто первым вступил на лестницу этого здания, кто поднимался на самый купол, чтобы водрузить знамя Победы. Первым на этом заседании был принят в партию командир прославленного батальона капитан Неустроев.

☆

КАПИТАН

А. ПРЕЛОВ

*

Наша листовка-молния

Я увидел этого бойца рано утром на верхних ступеньках главного входа в рейхстаг. Он выбежал из наполненного дымом и пламенем дома и упал без сознания на каменные плиты.

Сюда частенько летели с верхних этажей горящие брёвна, камни и стекло. Я бросился к бойцу, его надо было поскорее унести.

Он лежал лицом к земле. Левой рукой он держался за толстую колонну рейхстага, а правой что-то сжимал. Я сразу узнал один из шести экземпляров нашей листовки-молнии, которая выпускалась в рейхстаге с того момента, как сюда ворвался батальон Неустроева.

Успел ли прочитать этот боец нашу листовку? Всего лишь час тому назад я чернильным карандашом выводил на этом листочке крупными буквами: «На рейхстаге уже реет красное знамя. Немцы поджигают комнаты, они хотят нас выкурить из рейхстага. Этого никогда не произойдёт. Мы все стоим насмерть, защищая честь нашего знамени, честь нашей любимой Родины».

Вся «редакция» находилась в моей полевой сумке. Там хранились чистые бланки и химический карандаш. Только за одни сутки боёв мы издали в рейхстаге 11 номеров по шесть экземпляров. Увеличить тираж я не мог, так как не взял с собой копирки, и каждый экземпляр приходилось переписывать от руки. Я забирался обыкновенно в маленькую комнатушку и, устроившись на ящиках, писал. За стеной рвались гранаты. От гари и дыма сильно болели глаза.

Прочти и передай по цепи

Смерть немецким оккупантам!

С ИМЕНЕМ СТАЛИНА— ВПЕРЕД НА БЕРЛИН!

Воины! Нам приказано нанести врагу в самом его логове еще один всесокрушающий удар, первыми взять Берлин и водрузить знамя победы!

С честью выполним приказ Родины!

ГЕРОИ НАШЕГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

[illegible]

Подразделение командира ____________________

«1» мая 1945 г.

Іодвиги соверша-
ладший сержант
занным от своего
[задыхались, он
пока не выбил
ообщалось в спе-
ьным огнём про-
ый разговаривал
ку. Две листовки
вать от событий.
тага, а листовка

Наша с

Я увидел этого бой
в рейхстаг. Он выбеж
без сознания на кам

Сюда частенько л
стекло. Я бросился

Он лежал лицом к
рейхстага, а правой
пляров нашей листов
момента, как сюда в

Успел ли прочита
назад я чернильным
буквами: «На рейхс
комнаты, они хотят
зойдёт. Мы все стои
нашей любимой Роди

Вся «редакция» н
чистые бланки и хим
издали в рейхстаге 1
я не мог, так как
приходилось перепис
кую комнатушку и,
гранаты. От гари и д

Каждый номер листовки посвящался одному герою. Подвиги совершались на наших глазах, и писать о них было просто. Младший сержант Щербина с горсточкой бойцов оказался в рейхстаге отрезанным от своего батальона. Несмотря на огонь и дым, от которых люди задыхались, он вёл самостоятельный бой в течение нескольких часов, пока не выбил немцев из северного прохода главного здания. Об этом сообщалось в специальном выпуске листовки. Связист Ермаков под сильным огнём противника протянул связь из штаба полка в рейхстаг и первый разговаривал по телефону из рейхстага. Ему тоже посвятили листовку. Две листовки посвятили водружению знамени. Мы старались не отставать от событий. Кантария и Егоров только поднялись на крышу рейхстага, а листовка уже сообщала об этом подвиге.

*

КАПИТУЛЯЦИЯ БЕРЛИНА

Красное знамя Победы уже развевалось над куполом рейхстага, но в соседних кварталах ещё происходили горячие бои. После падения последних опорных пунктов обороны Берлина остатки немецкого гарнизона попытались вырваться из стального кольца советских войск и уйти из города. Только убедившись в полной безнадёжности этой попытки, гитлеровцы начали складывать оружие.

*

КАПИТАН

С. ПОЛУШКИН

*

Подвиг Матвея Чугунова

Командир штурмовой группы подал команду:

— Вперёд!

Бойцы быстро пересекли улицу и открыли огонь по большому угловому дому. Там засел сильный отряд немцев, прикрывавший подступы к площади.

Упорный бой длился до позднего вечера. Только с наступлением темноты горсточке наших бойцов удалось пробить проход в кирпичной стене двора и прорваться в нижний этаж здания. Но немцы имели слишком большой перевес в живой силе; преимуществом для них было и то, что они занимали верхние этажи. Неравная борьба в доме продолжалась всю ночь.

Маленький отряд советских воинов нёс тяжёлые потери.

Погиб костромич Павел Молчанов, упал замертво татарин Ромазан Ситдиков. Тяжкое ранение сразило самого командира штурмовой группы Аркадия Рогачёва. Превозмогая нестерпимую боль в животе, он всё твердил:

— Держитесь, товарищи! Держитесь...

Кончались патроны. Бойцы задыхались в густой пыли, застилавшей глаза. Только по вспышкам выстрелов угадывали бойцы, что их товарищи ещё держатся.

Вдруг, сквозь гром сражения, вверху явственно послышалось «ура!»

И сейчас же раздался огромной силы взрыв.

Ошеломлённые, ещё не понимая, что́ произошло, красноармейцы бросились на второй этаж.

Немцы, сбившись в угол, с ужасом таращили глаза на потолок. Но русские появились снизу — и немцы поспешно побросали оружие.

Советские воины ворвались и на третий этаж. Здесь повсюду валялись вражеские трупы, несколько оставшихся в живых фрицев дрожали от страха.

Разгром врага был полный, но кто учинил этот разгром?

Выскочив на чердак, бойцы увидели двух борющихся людей. Один был немец, другой наш — Матвей Чугунов. «Матвей с Урала», как ласково звали его товарищи. Прежде чем бойцы успели притти к нему на помощь, Матвей рывком приподнял здоровенного рыжего немца и выбросил его в слуховое окно. Грузное тело шлёпнулось об асфальт.

Бойцы обступили Матвея.

— Здорово ты его переправил!

— Силён!

Кто-то спросил:

— Но как ты сюда попал?

— Погодите, братцы, — сказал Чугунов, — всё расскажу по порядку, — дайте только отдышаться.

Вот как было дело.

Матвей Чугунов опытным глазом оценил обстановку ещё до того, как положение наших бойцов стало отчаянным. И он сразу принял решение. Не замеченный никем, он выскользнул из первого этажа и по водосточной трубе взобрался на чердак. Там был пролом на третий этаж, полный немцев. Матвей крикнул «ура» изо всех сил и метнул в пролом связку противотанковых гранат.

— Я побежал было к вам, — продолжал Матвей Чугунов, — но наткнулся на того рыжего немца. Долго пришлось повозиться... он чуть было меня не удушил...

Лукаво прищурив глаза, он закончил:

— А всё же я сделал из него блин! Посмотреть надо, не ожил бы...

Он выглянул на улицу и вдруг закричал:

— Гляди, ребята!

Бойцы повернулись к окну. Над разбитыми коробками домов чернело хмурое здание рейхстага, а над куполом его уже развевалось красное знамя.

*

ГВАРДИИ ЕФРЕЙТОР

А. ЖАМКОВ

*

Бой в метро

В 1939 году, перед уходом в армию, я побывал в Москве. Я восхищался подземными дворцами. У нас в метро всё блестит, а у немцев метро, как погреб. Мы попали туда после долгого боя в подвалах и даже сперва не верили, что это метро.

Задача у нас была такая — пройти под землёй там, где на улицах немцы отчаянно сопротивляются, и выйти к рейхстагу. Конечно, всем хотелось притти к рейхстагу первыми, а тоннель метро был прямым путём туда.

И вот мы в тёмной подземной станции. Ноги ступают на бетон. Вдали мерцает свет — тонкая полосочка. Оцениваем положение как разведчики: наблюдения никакого нет, ориентироваться можно лишь по слуху и наощупь. У противника чрезвычайно выгодные условия для обороны.

Долго не задумываясь, мы двинулись по тоннелю. Триста метров шли вдоль рельсов, не встречая никакого сопротивления. Шли в темноте, как в саже. Но вот в стене ниша, в нише стоит аккумулятор, горит маленькая электрическая лампочка на чёрном резиновом проводе, со щитком. Идущий впереди товарищ докладывает: слышен разговор немцев. Мы легли на дно тоннеля. Нас обдало противной вонючей сыростью. Мне было особенно трудно ползти, потому что я несколько дней назад был ранен пулей в грудь. Повязка стесняла движения, но мне нельзя было подать вид, что я себя плохо чувствую, — сейчас же спровадили бы в госпиталь, и я не увидел бы своими глазами дня Победы в Берлине.

Мы ползли по тоннелю, останавливаясь и замирая через каждые пять метров. Обратили внимание на запахи — пахло табачным дымом, не махорочным, а запахом тонко нарезанного невкусного немецкого табака. Пахло также мясными консервами, теми, что у немцев бывают в килограммовых коричневых банках.

Ясно, что поблизости должны быть немцы. Вдруг впереди засветился фонарик. Немец светил в нашу сторону, а сам находился в тени. Но мы уже получили ориентировку; заметили, что тоннель перегорожен кирпичной стеной, видимо, специально выстроенной для обороны. Мы увидели стальные двери-щиты. Значит, метро использовалось как бомбо- и газоубежище.

Мы продвинулись ещё на сорок или пятьдесят метров. По тоннелю

засвистели пули; казалось, мы находимся в пчелином улье. Нам удалось скрыться в нишах, имевшихся в стенах тоннеля и предназначенных, видимо, для монтёров или путевых обходчиков метрополитена.

Но всё же мы понесли жертвы. Был убит мой товарищ Андрей Полтавец, гвардии рядовой. Тяжело было терять друга, особенно в эти дни, когда чувствовалось, что победа совсем близко.

Снова нам пришлось задержаться у новой стены в тоннеле, биться гранатами, засыпать врага пулями из автоматов. Вся оборона немцев в метро была построена так: пустой участок — стена — снова пустой участок — снова стена.

Четыре дня продолжался бой в метро. Боеприпасами мы пополнялись тут же — всюду валялось много фаустпатронов и ручных гранат. В нишах по бокам тоннеля мы находили пищу, видимо, принесённую немецкими солдатами из домов. В больших стеклянных банках стояло вишнёвое варенье. Много было вина — бутылки в соломенной упаковке. Вина мы не пили, и без него мы качались, так устали. А варенье сперва показалось нам вкусным, но потом залепило глотки, стало жечь. Пить хотелось ужасно, а хорошей воды поблизости не было.

За четыре дня мы прошли под землёй тысячу пятьсот метров. Однако из этих четырех был один день, когда мы едва проползли сто метров — так сильно сопротивлялся враг.

Мы вышли, наконец, из-под земли. Я увидел Бранденбургские ворота, увидел красное знамя на здании рейхстага. «Значит, мы не успели первыми притти сюда», — подумал я.

Немцы на улицах Берлина уже сдавались, а под землёй ещё сопротивлялись изо всех сил. Их там были тысячи; видимо, залезли туда самые упрямые, и выбивать их было весьма трудно.

★

КРАСНОАРМЕЕЦ

Л. ЧХЕИДЗЕ

*

По кровавому следу

Не помню точно, на какой это берлинской улице, занятой уже нами, участились случаи нападения немцев на огневые позиции артиллеристов и на обозы. Немцы группами в 15—20 человек внезапно появлялись и так же внезапно исчезали.

Захватить диверсантов не удавалось. Невозможно было установить, по какой дороге они пробираются. Тогда начальник штаба вызывает меня и говорит: «Ты, Чхеидзе, с Кавказа, охотник, слух у тебя тонкий, а глаз острый. Вот тебе сутки срока и пять солдат в помощь. Ты должен найти место, откуда немцы к нам в тыл проходят».

Командир роты по плану города показал мне, где чаще всего бывают нападения противника. Я посмотрел: справа улица с линией метро, слева также улица с линией метро, линии шли от противника к нам в тыл. «Может быть здесь проходят», — подумал я, но тут же отбросил это предположение, вспомнив, что все станции охраняются нашими. Где же эта лазейка? Её-то и надо найти.

Солнце уже садилось за дома Берлина, когда мы, потные и усталые, закончили осмотр всех подвалов и переулков в указанном районе, так ничего и не обнаружив. У станции нас окликнули. Оказывается, наши стерегли здесь проход. Поговорил я с товарищами, но ничего утешительного от них не услышал. Говорят, что уже два дня сидят, всё спокойно. Я всё же решил обследовать обе линии метро. «Что же в конце концов, — подумал я, — по воздуху, что ли, немцы летают?»

Попросив стоявшего здесь сержанта, чтобы он в случае шума внизу выслал на помощь нам своих бойцов, мы спустились в станцию. Темно, тихо и, признаться, немного жутко. Шли вдоль рельсов, прижимаясь к стене.

Когда спустились, я запомнил время и теперь следил по часам. Тридцать минут ходьбы, и мы могли оказаться у противника.

Прошло двадцать минут. У меня что-то под ногами загремело. От неожиданности мы присели. Я посветил фонариком и увидел под ногами немецкую каску. Это она гремела. Осмотрелись. Один разведчик нашёл пять патронов от немецкого автомата, другой — свежий окурок сигареты. Я же обнаружил между рельсами кровавый след. Куда поведёт нас этот след? Минут через пять мы в нерешительности остановились. След исчез. Осмотрев всё вокруг, обнаружили четыре прорезанных чехольчика немецких индивидуальных пакетов и три окурка сигарет.

Ещё раз обследовали пол, стены. Как будто ничего подозрительного больше нет. Но вот взгляд наш остановился на двух решётках. Мы толкнули их, и они со скрипом открылись. Товарищи подсадили меня, и я оказался в трубе диаметром около полутора метров. Я посветил фонариком и вскрикнул от радости — снова появился кровавый след, теперь уже в трубе. Я позвал своих товарищей, и минут через пять мы по трубе пробрались в воронку. Осмотрели дно и скаты воронки, заметили отчётливые и свежие следы немецких сапог.

«Значит, немцы были здесь вчера, — решил я. — Позавчера был дождь, и если бы эти следы были старые, их бы размыло».

Оставив засаду у воронки, я отправился доложить о результатах разведки. Начальник штаба выделил для засады взвод.

Утром в штаб привели двух пленных, которые подтвердили, что по этой трубе немцы не раз пробирались к нам в тыл. Из пятидесяти немцев, которые направлялись на наши огневые позиции, остались только эти двое, остальные были уничтожены. С тех пор налёты немецких диверсантов на этой улице прекратились.

*

ГВАРДИИ МЛАДШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ
И. ПАЛКИН

*

Выход к зоологическому саду

После того как наши танки перешли разрушенный мост через Ландвер-канал, командир роты сообщил нам, что на очереди — выход в Зоологический сад; снарядов приказано не жалеть и быстрее продвигаться вперёд — бои близятся к концу.

Дело было днём 30 апреля.

Мы заняли места в танках и повели их прямо по Тиргартенштрассе.

Немцы со всех сторон обстреливали нас из пулемётов.

Вскоре нам пришлось свернуть в переулок, потому что немцы стали с обеих сторон улицы бросать фаустпатроны, и несколько танков загорелось. Во второй половине дня, когда мы уже приближались к району Зоологического сада, на перекрёстке нам преградил путь большой завал. Немцы воспользовались нашей заминкой и усилили огонь. В ответ и мы открыли из танков орудийный огонь. Вскоре к нам подоспели сапёры и автоматчики нашего полка. Не прошло и часа, как завал был разобран и танки могли пройти. Командир полка гвардии подполковник Резник вызвал меня и приказал моему танку и танку младшего лейтенанта Мартынова с группой автоматчиков прорваться через брешь в завале и проскочить на следующую улицу, чтобы разведать, каковы в этом месте силы противника и близко ли наши соседние части. Я двинулся первым, Мартынов — вторым. Наши танки ныряли из воронки в воронку, ломая встречные деревья.

Несколько времени спустя я решил, что пора осмотреться, открыл люк и наполовину высунулся. Я ничего не успел увидеть, как из окна второго этажа ближнего дома был брошен фаустпатрон. Он попал в гусеницу и разорвался. На несколько минут я потерял сознание и повис в люке. Контужен был и мой механик-водитель. Но мы быстро пришли в себя. Мартынов из своего танка и сопровождавшие нас автоматчики сковывали своим огнём немецких снайперов и фаустников, а мы тем временем ремонтировали подбитый танк. Через два часа он снова был готов к бою. К этому времени нас догнали остальные танки нашего батальона. Но и немцы усилили здесь оборону. Огонь всё крепчал, фаустпатроны летели из каждого окна, улица была загромождена горящими танками и завалами. Мы с боем продвинулись ещё метров на двести и опять вынуждены были остановиться. Нужно было итти в обход, но открытых дорог не было. Тогда командование приняло решение: проломить дома, сделать проходы для танков и обойти Зоологический сад с другой стороны.

Закипела работа. Автоматчики очистили подъезды ближних домов. Сапёры гвардии капитана Паллера нащупали удачное место для пролома — небольшое строение какого-то склада, соединявшее стены двух смежных зданий. Мы взорвали его и проникли во двор, находившийся возле Зоологического сада. Разрушив ограду, мы увидели в брешь тёмные силуэты деревьев. Был уже вечер.

— Начинаем движение в сад, — сказал командир танковой роты гвардии старший лейтенант Снегирев, и танки медленно поползли в проход. Первый повёл свой танк гвардии старшина Корулько, затем я, а за нами длинной цепью — танки, самоходки, артиллерия на прицепах у грузовиков, автомашины с боеприпасами.

На территории сада мы остановились среди больших аквариумов. Впереди окапывалась пехота. Нам приказано было пополнить свои боеприпасы, чтобы к утру начать штурм немецких укреплений в саду.

☆

ГВАРДИИ КАПИТАН

Г. ОСИНЕЦКИЙ

*

Бой в зоопарке

В канун первомайского праздника мой батальон вышел на угол Будапештер- и Лютцовштрассе. Я посмотрел на карту. Зелёный треугольник был перед нами. Мелкими буквами написано — «Зоологический сад». Большой сад около рейхстага тоже называется Тиргартен, т. е. Зоологический сад. Но перед нами был настоящий зоологический сад, не только по названию. Мы слышали рёв тигра. Мои солдаты смеялись: «Это не то логово зверя, тут гораздо более мирные звери, чем те, с которыми пришлось нам почти четыре года воевать».

Я вызвал гвардии младшего лейтенанта Мозжилина, приказал ему взять взвод, ручной и станковый пулемёты, продвинуться по Зоологическому саду, разведать противника, засечь его огневые точки.

В саду было темно. Слева от нас горела кирха, справа горели дома, но сам сад находился как бы в тени. Вслед за Мозжилиным пошли сапёры с миноискателями и взрывчатыми веществами. Они должны были взорвать кирпичную стену зоосада, сделать в ней проходы. Из сада били автоматчики, стреляло несколько пулемётов. Мозжилин вошёл в сад. Там его взвод залёг и стал вести ответный огонь. Через связного младший лейтенант сообщил мне: остановился возле искусственных пещер.

Это были пещеры для зверей, они были выложены камнем, и немцы использовали их для своих позиций.

Я связался по радио с Героем Советского Союза полковником Шейкиным, командиром полка. Он приказал мне к утру взять зоосад и выйти

на линию железной дороги. Нам была придана артиллерия — четырнадцать автомашин с пушками на прицепах да ещё полковая батарея на конной тяге.

В 3 часа ночи мы пошли в наступление. Немцы группками по два-три человека занимали оборону в различных местах сада, в звериных пещерах и ровиках.

Звери разбежались по саду, сквозь стрельбу мы слышали опять рёв тигра, вой шакала, мяуканье диких котов. Кто-то заметил на высоком ветвистом дереве какую-то фигуру и решил, что это вражеский снайпер — «кукушка». Протрещала автоматная очередь, и фигура кувырком полетела с дерева на землю. Каково же было удивление и огорчение бойцов, когда они увидели, что убита обезьяна.

Мы прошли почти весь Зоологический сад и натолкнулись на кирпичную стену.

Тут я решил применить артиллерию. Подъехали автомашины. Командир второй роты старший лейтенант Кручинин доложил: впереди огромная крепость. Это было для нас некоторой неожиданностью. На карте крепость не значилась. Я подумал, что Кручинин называет крепостью какое-либо укреплённое здание. Но Кручинин настаивал на своём: огромная пятиэтажная крепость, окна заложены стальными плитами; машины развернулись, пушки бьют по крепости, но не пробивают её стен.

Я подошёл и увидел в предрассветной мгле огромную мрачную башню. Серые, бетонные стены её были не обработаны, на них была печать опалубки — досок, которые держали бетон, пока он не затвердел. Мы ходили вокруг четырёхугольной башни-крепости. Внутри её слышался шум. Все двери крепости были плотно закрыты. Из-под стальных щитов, закрывавших окна, немцы вели автоматный огонь. Но мы ходили под самыми стенами крепости и поэтому были неуязвимы. Вокруг торчали рельсы — надолбы и ежи, стояли разбитые осколками наших снарядов автомашины.

Наступило утро. Огонь из крепости прекратился.

Командир полка передал мне по радио:

— Не стреляйте, огонь — лишь в крайнем случае, выжидайте.

Мы кричали по-немецки и по-русски: «Открывайте двери, сдавайтесь!» Но крепость молчала, крики изнутри прекратились, казалось, всё там вымерло.

Неужели немцы, — их там наверняка было много, — ушли по какому-нибудь подземному ходу? Вот это было бы досадно! Но открылись стальные тяжёлые двери, появился немецкий офицер с поднятыми руками.

В это время полковник Шейкин передал мне:

— Будьте готовы к приёму пленных.

Неся ранцы с барахлом, котелки, амуницию, немцы выходили из дверей. Они тут же бросали оружие, и вскоре у выхода из крепости образовалась огромная гора винтовок, автоматов.

По нашей команде немцы строились и партиями под конвоем уходили к нам в тыл. Каких только типов мы не увидели здесь!

Мы вошли в крепость — немцы называли её бункером. Она представляла собой пятиэтажное здание из железобетона с маленькими окнами-бойницами. По углам крепости — полукруглые башни, заканчивающиеся наверху площадками с мощными зенитными орудиями.

На третьем этаже был расположен госпиталь. Когда мои гвардейцы зашли туда, хирург в операционной обрабатывал раненого немецкого офицера. Врач испугался, бросил было работу. Чтобы не мешать ему, гвардейцы ушли.

В крепости работали лифты, горело электричество. Это было хорошо оборудованное убежище, с запасами воды и продовольствия, вентиляцией и отоплением.

Здесь прятались офицеры и солдаты разбитых танковых частей германской армии. За несколько часов мы приняли около двух с половиной тысяч пленных.

В помещениях крепости мы нашли склады топографических карт, комнаты, где работал отдел германского генерального штаба.

Мы вышли на крышу крепости. Тяжёлые зенитные орудия стояли с опущенными стволами. Отсюда, с бетонной площадки, был виден весь Берлин — на север, запад, юг и восток. Серый, разбитый авиацией и артиллерией город. От некоторых высоких домов осталось лишь по одной стене. Но даже и на этих стенах, на их вершинах реяли алые флаги, поставленные нашими смельчаками.

☆

НА ДОМАХ БЕРЛИНА ПОЯВИЛИСЬ БЕЛЫЕ ФЛАГИ

СТАРШИНА

Н. ШАТИЛОВ

*

Материал для последнего номера

Всё это случилось 1 мая. Редактора газеты убило, заместителя тяжело ранило, выбыли из строя шофёр и наборщик. Литературный сотрудник заболел. Газета целиком легла на плечи секретаря редакции, старшего лейтенанта Минчина. Он поручил мне собрать материал у бойцов и офицеров, сражавшихся в эти часы в районе рейхстага, который уже был взят.

По улицам двигались колонны танков, машин, повозок, шли люди. Пройти было трудно. На переправах пробки. Все рвались вперёд, скорее туда, к самому центру города.

Я повернул на глухую улицу. По ней, пригнувшись, от дома к дому перебегали бойцы, ныряли в подвалы. Вот засвистели пули, воздух вздрогнул от грохота разорвавшегося снаряда. Я бросился за угол, затем побежал к первому подъезду.

В подъезде я увидел связистов.

— Как пройти? — спросил я их.

— А так и идите, — ответили они мне. — По всем улицам обстреливает, гад. Фаустпатронами бьёт по одиночкам. А куда вам?

— К Шпрее!

— Идём вместе.

Ныряя в подвалы, в пробоины стен, в подворотни, перескакивая заборы, мы перебегали вперёд. На мне рубашка взмокла, плечи и ноги ныли от ушибов. Вышли на перекрёсток у кирки. Не успел я осмотреться,

как возле меня бешено взметнулась земля, с треском упало дерево. Всё покрылось пылью, ветром обдало лицо, с воем пронеслись осколки. На голову мне посыпались обломки кирпичей и извёстка.

Опомнившись, я бросился во двор, но в воротах остановился. Навстречу мне бежал высокий красноармеец. Одна рука его болталась, с неё текла кровь. Он потрясал кулаком и что-то кричал. Где-то коротко прострекотал автомат. Красноармеец не добежал до меня, покачнулся и плашмя упал на камень.

Я выскочил из ворот на улицу. Здесь лицом к лицу я столкнулся с девушкой.

— Стой, куда ты? — я обрадовался, узнав в девушке экспедитора штаба дивизии Олю Никитину.

— Как куда, на НП, газеты несу с приказом товарища Сталина.

— Я говорю, куда ты, в такой огонь?

Оля засмеялась.

— А может, всё время так будет, что же ждать, когда кончится? Ладно, иду, а то некогда.

Она махнула мне рукой и скрылась в разрушенном доме. Я повернул влево и увидел связного стрелкового батальона капитана Давыдова.

— Далеко до вас?

— Нет, теперь близко.

Мы пробежали квартал. В следующем квартале кипел бой. Людей не было видно, а всё грохотало, гудело, словно это разговаривали одни камни между собою. Мы пробежали двор, взобрались на груду камней, нырнули в яму. Под землёю было темно и сыро. Мы держались за стены. Ощупью пробираясь в глубь подземелья, спутник мой светил фонариком и что-то бормотал. Мы сворачивали вправо, влево, шли прямиком, и, наконец, завиднелся конец пути. Боец указал мне рукой вперёд, объяснил:

— Иди прямо, там вправо и во второй подъезд. Завернёшь за угол, и третья дверь — это подвал капитана Давыдова.

Я пошёл прямо, повернул вправо, но подъезда не видно. Дома тонули в огне и дыме. Летели искры, трещали патроны, осыпались стены. Я пробежал вперёд, споткнулся о труп немца. Из-за угла показался боец с автоматом.

— Стой, куда тебя черти несут, — там же немцы!

Потом он смягчил голос, улыбнулся.

— А я не узнал вас, ей-богу. Ну что нового?

— Приказ Сталина вышел, первомайский.

Я достал газету. Боец стал жадно читать.

— А Давыдов где?

— В рейхстаге.

Я перебежал мост через Шпрее, пробрался в дом, низ которого занимали наши, верх — немцы. Разведчик Петр Иванов откуда-то волок гитлеровца.

— Бил прямо в нас фаустпатронами, — сказал разведчик.

В подвале немец упал на колени, хватался за ноги наших людей, молил о пощаде. Шея его, толстая и короткая, побагровела.

Разведчик набрал гранат и полез через дыру в потолке на верхний этаж.

— Пойду давить их, как змей.

— А что нового? Кто отличился?

— Дерёмся, что же нового, — сказал он и скрылся.

Вскоре Иванов опять появился. Я присел с ним на камень в полутёмном подвале. Он вслух читал приказ товарища Сталина.

— Ого, здорово, мировая война подходит к концу.

Иванов просиял, вскочил с места, схватил автомат и опять убежал.

Я записал в книжечку много интересных фактов и, распрощавшись с героями, поспешил в редакцию, чтобы сдать материал в новый номер. Этот номер оказался последним из выпущенных нами во время штурма Берлина.

★

Из дневников и писем

1 мая

Вчера вечером мы подошли подвалами к серому, казавшемуся нам чернее чёрного, дому близ дворца Вильгельма. После нескольких попыток овладеть хотя бы одной комнатой этого дома решено было отложить штурм до ночи, а пока передохнуть в подвале и встретить наступающий первомайский праздник. Мы выпили, закусили и устроили небольшой концерт, посвящённый предстоящей победе. Наш «концерт» состоял преимущественно из акробатических номеров. Бойцы показали своё искусство лазить по канату и бросать петли, оказавшееся столь необходимым в Берлине. По существу это была репетиция задуманной нами ночной операции.

В 2 часа ночи с угла крыши занятого нами дома гвардии сержант Хрулёв ловким броском накинул петлю на рожки пожарной лестницы соседнего дома, занятого немцами. После этого гвардии сержанты Лебедев, Автушенко и гвардии рядовой Попов перебрались по канату через пролёт между домами и стали стрелять из автоматов и бегать по крыше с криком «ура». Пользуясь паникой, которая возникла у немцев, когда они услышали у себя над головой стрельбу и крики, остальные бойцы бросились через двор, выломали дверь и пошли путешествовать по комнатам и коридорам, пока не натолкнулись на фрицев, стоявших под лестницей с поднятыми руками.

Гвардии старший лейтенант Н. УСКОВ

*

Когда мы штурмовали один из домов на Зейдельштрассе, телефонист передал: «С КП сообщили — получен приказ товарища Сталина». Нужно было всё сделать, чтобы скорее прочитать приказ. Я связался с КП батальона и вызвал к телефону связного, комсомольца Афанасьева. Я дал ему задание — немедленно доставить в боевые порядки нашей роты приказ товарища Сталина.

Прошло немного времени, и мы увидели сержанта Афанасьева, который, то перебегая, то переползая, пробирался к нам. До дома, который мы штурмовали, оставалось всего 20—25 метров. Уже в окна летели гранаты. Казалось, ещё один бросок, и мы ворвёмся в дом. Но как трудны были эти последние метры. Вражеские пулемёты не давали подойти к дому.

Сержант Афанасьев, весь серый от извести и пыли, тяжело дыша, протянул мне газету с приказом товарища Сталина. Как только я ознакомился с текстом, у меня сразу возникло решение: немедля довести до бойцов приказание нашего Сталина: «Преследовать и окружать немецких захватчиков и не давать им передышки». Когда эти слова облетели всю роту, люди точно выросли. Каждый чувствовал, что это именно к нему в день Первого Мая обратился Сталин. С какой яростью и с каким восторгом ринулись люди выполнять приказ Сталина! Комсомольцы сержант Пожидаев, красноармейцы Крастин, Бойчук поднялись и со словами: «Вперёд, за Сталина!» бросились через улицу, ворвались в подъезд дома, а затем гранатами пробили себе путь в коридор и в комнаты. Вслед за смельчаками вся рота, преодолев улицу, ворвалась в дом. Через несколько минут дом был очищен от немцев.

Младший лейтенант В. БОНДАРЕВ

*

Над городом стоят чёрные дымовые тучи. Беспрерывно грохочет тяжёлая артиллерия. Подходит уже вечер, а бойцы ещё не обедали. Все ослабели от бессонных ночей, лица потемнели от дыма и пыли. После чтения первомайского приказа товарища Сталина раздалась чья-то команда: «Вперёд, товарищи, ползком, броском, но только вперёд, победа за нами!» Нужно было воспитать в себе необыкновенное терпение, упорство, стойкость, чтобы, несмотря на все препятствия, продвигаться здесь вперёд.

Гвардии сержант И. ЧЕРКАСОВ

*

Первомайский приказ вождя мы читали под гул артиллерии, при треске пулемётов и мысленно были там — в сердце нашей Родины. В Москве — парад, а здесь мы завершаем войну.

Сержант А. БАРАННИКОВ

*

Где-то далекая Родина, окутанная весенней зеленью, радостно встречает милый праздник. Она поднимает тост за наше здоровье, за нашу победу. Москва шлёт нам привет и благословляет на подвиг. Родина! Мы, твои сыновья, солдаты, сейчас, как никогда, скучаем по тебе, гордимся тобой. Наш солдатский тост мы поднимаем за тебя, Родина, за твою свободную жизнь, за твоё счастье, за тебя — Сталин!

Капитан П. СЕНЧА

*

Расход снарядов сегодня был очень большой. Доставлять их к орудиям приходилось через простреливаемый перекрёсток. Из двенадцати бойцов, выделенных для доставки снарядов, восемь вышло из строя — кого ранило, кого убило. Оставшиеся бойцы не могли справиться с работой. Создалось критическое положение, у орудий снаряды были на исходе. Это увидели иностранные рабочие, согнанные в Берлин гитлеровцами. К командиру батареи подбежали два чеха, потом ещё два. Они предложили свою помощь. Командир батареи сказал:

— Помогайте, союзникам разрешаю.

Чехи очень обрадовались, вместе с нашими бойцами они стали перетаскивать снаряды через опасный перекрёсток.

Артиллеристы повеселели, снова часто загремели выстрелы орудий.

Гвардии ефрейтор А. СЛЕПУХИН

*

Не могу сказать, на какой улице это произошло, так как все немецкие этикетки с надписями были здесь сбиты или погребены под развалинами. Я лежал у груды горячих, дымящихся кирпичей вместе с командиром роты капитаном Батиным. Искры с горящих домов сыпались нам на головы и обжигали нас. Пот лился с наших лиц, которые мы давно не умывали. Капитан был неузнаваем. Это результат многих бессонных ночей. Я посмотрел ему в глаза, и мне захотелось обнять и поцеловать его, как отца родного в трудную минуту жизни. Он заметил мой взгляд, улыбнулся и сказал:

— Мы воюем, как одна семья. — Потом он поднялся и крикнул: — Вперёд, за мной!

И мы побежали за ним, несмотря на яростный огонь противника. Вечером, после боя мы опять были вместе с капитаном и вместе с ним праздновали великий праздник Первое Мая.

Младший сержант И. ТИМОШЕНКО

*

Мы хорошо запомнили напутственные слова командира батальона: «Нам выпало счастье быть участниками завершающих боёв... Я уверен, что водрузим наше знамя над рейхстагом».

Уже позади Ландвер-канал, по полуразрушенному мосту которого мы вручную тащили наши орудия в сплошной завесе пыли, поднявшейся от рушившихся зданий. Пехотинцы, которым мы приданы, движутся впереди. Они форсировали канал, не дожидаясь конца артподготовки. Откуда-то бьёт пулемёт, и мне доносят, что пехота приостановилась. Надо скорее расчистить путь, но как в этой пыли, которая стеной стоит, найти огневую точку? Делаем остановку, посылаем разведчиков. Я чувствую, как мои бойцы волнуются, и понимаю почему, — они боятся, что этот проклятый пулемёт задержит нас и наш батальон опередят другие.

Наконец, наш лучший разведчик, он же и связист, Карымов, нырнувший в эту плотную массу пыли, вернулся и примерно определил, откуда ведётся огонь. Решаем для большей верности подтянуть орудие ближе к цели. Слышится взволнованный голос командира орудия старшего сержанта Петрочука: «За мной, к рейхстагу!» И гвардейцы тащат пушки прямо навстречу потоку пуль. Секунды, предшествовавшие выстрелу, казались часами. Выстрел...

— Мазила, с тобой рейхстага не возьмёшь, — ругает Петрочук наводчика.

— Нет, возьмём, — чуть не плача от обиды, отвечает наводчик.

И действительно, после второго выстрела пулемёт замолчал.

Тотчас же позади наших пушек раздалось «ура» — это наши пехотинцы бросились в атаку. Оказалось, что в погоне за вражеским пулемётом мы опередили пехоту.

Задача выполнена, огневые точки уничтожены, пехотинцы сломили сопротивление врага, и рейхстаг теперь совсем близко. Но когда мы подошли к зданию, на крыше уже развевалось красное знамя. Его, как мы потом узнали, водрузили товарищи, подходившие к рейхстагу с севера.

— Не успели! — с горечью сказал Петрочук. — Эх, вы! — обрушился он на свой ни в чём не повинный расчёт.

Едва удалось мне успокоить ребят, до того они огорчены были, что их опередили. Да и самому мне было досадно.

Гвардии лейтенант А. БУЙНАК

*

Когда к рейхстагу подходили, не одну линию прокладывали, а целых три. Одна сгорит — другая работает. На другой повреждение — третья готова.

Подошли к рейхстагу, все просят: «Пошли меня тянуть связь в рейхстаг». Все первыми хотят быть. И тут, конечно, Коруленко и Примак своего добились и опять первыми были. Немцы обстреливали и с тыла и с фланга, а нам нужно было всего 200 метров пробежать. Пустили дымовую завесу, но сильный ветер разогнал наш дым, и с левого фланга немцы открыли стрельбу. Поранило двух наших славных героев — сержанта Селиванова, который лучше всех действовал на Шпрее, и красноармейца Шульгу. Всё же с наступлением темноты мы прорвались и протянули провод в рейхстаг.

Старший сержант П. НИКОЛАЕВ

*

Наши тяжёлые гаубицы стоят у школы имени Геббельса, где воспитывались самые отъявленные фашистские изверги. Сейчас над этим зданием вьётся красный флаг. Моросит дождь, артиллерия гремит, не умолкая ни на минуту, однако на нашей стороне становится всё многолюднее. Население целыми потоками подымается из подвалов. Сегодня впервые в Берлине я услышал доносящуюся сквозь грохот артиллерии советскую песню:

Кипучая, могучая, никем непобедимая,
Страна моя, Москва моя, ты самая любимая.

Мог ли я в мирное время, празднуя этот день у себя на Днепре, подумать, что мне, украинцу, придётся с автоматом в руках ходить по улицам разбитого Берлина!

Красноармеец Т. КОВАЛЬ

*

Когда по радио передавался первомайский приказ товарища Сталина, мы штурмовали четырёхэтажный дом. Очередью из автомата был ранен один боец. К нему бросился санинструктор гвардии старшина Брайцев, парторг роты. Брайцева хотели задержать, потому что раненый лежал

ШТУРМ ДВОРЦА

на таком месте, куда нельзя было подступиться. Брайцев вырвался. Он благополучно добежал до раненого, но, когда стал его оттаскивать, сам упал раненный. Он хотел встать, и в этот момент вражеский автоматчик сразил его насмерть. Это произошло на наших глазах. Теперь ничто не могло остановить людей. Мы очень любили своего парторга. Это был настоящий герой. Не страшась огня немцев, мы ворвались в дом и стали уничтожать гитлеровцев гранатами и огнём автоматов.

Гвардии сержант В. ПРОЦОК

*

Ещё за несколько дней до Первого Мая в полку шёл разговор о знамёнах, которые должны быть сброшены в праздник на Берлин с борта самолёта, — какого размера сделать знамёна, что́ написать на них, где устроить их в самолёте, чтобы удобнее было сбросить, как сделать, чтобы знамя было развёрнуто и дольше находилось в воздухе при спуске.

Штурман полка гвардии майор Тихонов изготовил два красных полотнища. На одном было написано «Победа», а на обратной стороне «Слава советским воинам, водрузившим знамя Победы над Берлином!» На втором полотнище лозунг: «Да здравствует 1 Мая!»

И вот 1 мая ровно в полдень с аэродрома поднимаются истребители «Яковлев-3», чтобы сбросить красные знамёна над Берлином. Знамёна находились на бортах самолётов командира полка гвардии майора Малиновского и командира эскадрильи Героя Советского Союза гвардии капитана Новосёлова. Дважды Герой Советского Союза Ворожейкин, Герои Советского Союза Ткаченко, Лавейкин, Песков и другие, в числе их и я, эскортировали знаменосцев.

Заходим с северо-запада. Впереди здание рейхстага. Идём точно на него. Гвардии майор Малиновский даёт команду:

— Внимание! Сбрасываю знамя.

Все мы увидели яркокрасное знамя с надписью «Победа», медленно спускающееся в районе рейхстага. В этот момент, как гром, раздаётся в наушниках: «Ура!», «Слава Сталину!», «Слава советской гвардии!» Лётчики приветствовали войска Красной Армии, поздравляли их с первомайским праздником. Пока знамя спускалось, с борта самолёта по радио беспрерывно неслось: «Ура, слава Сталину!»

Это был мой последний вылет на Берлин. Он останется в памяти на всю жизнь.

Герой Советского Союза гвардии подполковник В. БУЯНОВ

*

МАЙОР
М. ПАНЬКОВСКИЙ

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ
Я. ПАНТЮХОВ

*

Прорыв к Бранденбургским воротам

Несмолкаемый гул канонады стоял над центром Берлина, где ещё сопротивлялись окружённые гитлеровцы. Улицы забиты нашими танками, самоходной артиллерией, обозами. Пехоты не видно: она прочёсывает здания и дворы.

Канун Первого Мая. Батальон майора Насонова готовится к наступлению. Только что получен приказ командира полка: батальону поставлена задача прорваться к Бранденбургским воротам.

Во дворе идёт партийное собрание. Командир батальона знакомит коммунистов с задачами подразделений.

— Товарищи коммунисты! — говорит он, заканчивая. — Нам выпала высокая честь нанести в первомайский праздник последний удар по врагу. Этот удар должен быть и будет смертельным для гитлеровцев... Коммунисты, как всегда, должны быть в первых рядах... Всё!

Выступает командир пятой роты коммунист Токарев.

Он говорит, обращаясь к комбату:

— Коммунисты и весь личный состав моей роты выполнят с честью поставленную задачу.

На таком же коротком собрании комсомольцев у развалин четырёхэтажного дома на другой стороне улицы сержант Волик говорит:

— Товарищи комсомольцы! Знамя нашей дивизии украшено двумя боевыми наградами. В этом есть доля нашей заслуги, комсомольцев. Будем

же, как всегда, впереди! Лично я обещаю в этом бою первым водрузить знамя Победы на Бранденбургских воротах...

Перед вечером подразделения батальона начали штурм рейхсбанка. Засевшие в нём гитлеровские смертники открыли яростный огонь из всех видов оружия. Несмотря на это, бойцы пятой роты старшего лейтенанта Токарева упорно продвигались вперёд, стреляя по окнам и чердакам. Командир орудия коммунист старший сержант Белый выкатил пушку на открытую позицию и расстреливал огневые точки врага прямой наводкой. Он был ранен, но не оставлял орудия.

Люди скапливаются на рубеже атаки. До рейхсбанка не больше ста метров. Пулемётчики и орудийные расчёты до предела усиливают огонь. В воздух летит зелёная ракета. Старший лейтенант Токарев поднимается первым, командуя:

— За Родину, за Сталина!.. Вперёд!

Бойцы группами выскакивают из укрытий и с криком «ура» бегут за ним. Немцы усиливают огонь. До банка уже не больше пятидесяти метров. В этот момент у ног отважного офицера рвётся фаустпатрон. Токарев падает, тяжело раненный. Минутное замешательство. Но вперёд уже выбегает старшина Дьяков.

— Вперёд, товарищи!

— Отомстим за командира!.. Ура!..

Бойцы устремляются за ним. В подъезды и окна летят ручные гранаты. По верхним этажам непрерывно бьют наши артиллеристы и пулемётчики, не давая врагу вести прицельный огонь. Сыплются кирпичи и штукатурка. Две штурмовые группы уже ворвались в подъезды. Закидав вестибюли гранатами, они ринулись внутрь здания. Несколько минут там идёт ожесточённая борьба.

Из главного подъезда выходят первые пленные. Подняв руки вверх, они идут за конвойными. Одновременно в окнах второго и третьего этажей появляются белые флаги...

Утром свободные подразделения батальона собрались в полуразрушенной бумажной фабрике. Командир батальона зачитал первомайский приказ Верховного Главнокомандующего. Бойцы, сержанты и офицеры перед строем дали торжественную клятву, что в предстоящем сегодня штурме оправдают доверие товарища Сталина...

Прямо с митинга подразделения пошли в бой. Весь день 1 мая прошёл в напряжённых боях. Подразделения батальона, пробиваясь к театру, очищали от противника дом за домом, квартал за кварталом.

Немцы упорно сопротивлялись на Нидервалльштрассе и параллельной ей Курштрассе. Здесь они за ночь собрали сильную группировку, в составе которой было до десяти самоходных орудий, бронемашины с метательными реактивными аппаратами.

Капитан Степанов, командовавший в этот день батальоном, принял решение отказаться от лобовой атаки и предпринять обходный манёвр, пробиваясь через дома внутри кварталов. Сапёрам была поставлена задача сделать с наступлением темноты в стенах прилегающих домов двенадцать проходов.

Несмотря на сильный обстрел противника, сапёры и помогавшие им бойцы пробивали проходы один за другим. Работали ломами, применяли головые шашки и трофейные фаустпатроны. К двум часам ночи проходы были сделаны, и штурмовые группы стали через них просачиваться на фланги и в тыл группировки противника. Начался ожесточённый ночной бой. Немцы защищались отчаянно, но, боясь полного окружения, начали отходить по Ягер- и Таубенштрассе в сторону театра. Штурмовые группы, не давая противнику опомниться, на его плечах ворвались в театр. В большом здании они дрались с противником в темноте лопатками, ножами, ручными гранатами. Через полчаса всё было кончено.

Не останавливаясь, подразделения двинулись дальше, к Бранденбургским воротам. Когда штурмовики очистили несколько кварталов, от командира взвода старшины Дьякова, прикрывавшего правый фланг батальона, было получено донесение, что группа немцев численностью до 200 человек при восьми самоходках и бронетранспортёрах перешла в контратаку, угрожая отрезать продвигавшиеся вперёд роты. Через несколько минут от него же было получено сообщение, что немцы продвигаются уже по Беренштрассе. Положение осложнялось. Командир батальона решает не прекращать движения штурмовых групп. Он приказывает своему заместителю капитану Фотиеву ликвидировать нависшую над флангом угрозу. Тот вместе с комсоргом батальона лейтенантом Гуйваном поспешно бежит туда.

Со взводом бойцов Фотиев занимает круговую оборону в районе станции метро на Фридрихштрассе. В угловой дом, выходящий на Беренштрассе, капитан посылает расчёт станкового пулемёта сержанта Городицкого. Кинжальный огонь этого пулемёта приводит гитлеровцев в замешательство. Воспользовавшись этим, капитан Фотиев бросается с бойцами в контратаку, и это завершило дело. Около сорока немцев сдались в плен. Остальные в беспорядке отошли на Унтер-ден-Линден...

В это время шестая стрелковая рота капитана Дудина, стремительно гоня перед собой противника в сторону Бранденбургских ворот, с боем подошла к отелю «Адлон», в котором размещался немецкий полевой лазарет. У главного подъезда то и дело останавливались санитарные машины, подвозившие раненых немецких солдат и офицеров. Разгрузка их не прекращалась даже и в то время, когда наши автоматчики, преследуя немцев, ворвались во двор отеля и завязали в нём бой. В лазарете оказалось свыше 1200 раненых. Оставив здесь один взвод для охраны госпиталя и обеспечения своего правого фланга, капитан Дудин с остальными взводами устремился дальше. Впереди роты двигалась штурмовая группа сержанта Волика. Она очищала дом за домом от противника и безостановочно гнала его в сторону Герингштрассе. Чтобы не задерживаться, она обходила дома, занятые еще противником, оставляя их другим подходившим подразделениям роты.

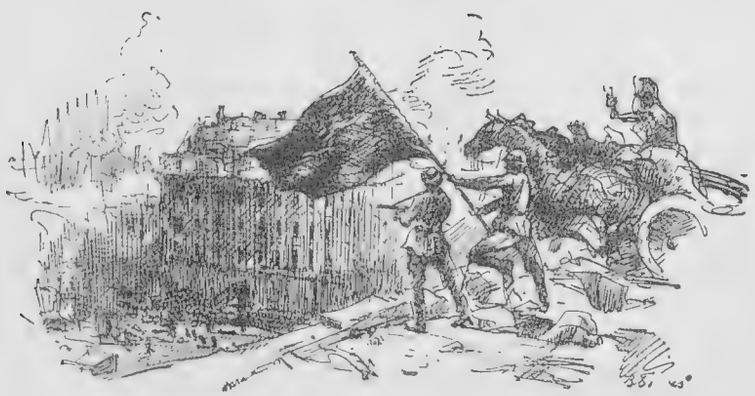
С Герингштрассе штурмовая группа увидела, наконец, цель, к которой стремились, — арку Бранденбургских ворот. За ней в предрассветной мгле выступала серая громада рейхстага, над которым уже реяло красное знамя.

Вся Герингштрассе находилась под жестоким обстрелом.

По ней били и со стороны Тиргартена, где еще сидели немцы, и со стороны арки. Поэтому капитан Дудин приказал вести дальнейшее продвижение внутренними дворами.

После того как был занят последний дом квартала, выходивший фасадом уже на Унтер-ден-Линден, и подтянулись соседние штурмовые группы и пулемётчики, командир батальона выбросил в воздух зелёную ракету — знак общей атаки. Тотчас со всех дворов на улицу ринулись группы солдат. Закидывая немцев ручными гранатами, наступающие устремились к Бранденбургским воротам.

Сержант Волик с развевающимся красным знаменем в левой руке первым подбежал к арке. С помощью капитана Дудина и красноармейца Лебедько он взобрался на ворота и, найдя пробоину в бронзовом коне, вставил в неё древко знамени.



СТАРШИЙ СЕРЖАНТ

Н. ПЕСКОВ

*

Комсомольцы в бою за дворец Вильгельма

Наш батальон с боем подошёл почти вплотную к дворцу кайзера Вильгельма на Шлоссплац. Двести метров отделяли нас от дворца, но подступиться к нему было очень трудно. Противник энергично отстреливался из окон и ворот, из соседних домов, забрасывал нас фаустпатронами. А батальон наш и так уж был сильно обескровлен. В последних боях мы потеряли много людей, среди них нескольких командиров.

Однако никто из нас не допускал и мысли о сколько-нибудь долговременной проволочке. Был канун Первого Мая, и мы решили отпраздновать его взятием кайзеровского дворца, чтобы подарить Советской стране ещё одну победу к этому дню.

И вот в тихую предмайскую ночь всех комсомольцев созвали в подвал, где помещался наш КП. Нас было двенадцать человек. Все мы были молоды, но военной сноровкой могли потягаться со старыми солдатами, все бывали под огнём, и среди нас не было трусов. Младший сержант Алексеенко в числе первых советских воинов форсировал реку Шпрее и удерживал плацдарм на её западном берегу. Красноармеец Бахолдин, связной комбата, весельчак и всеобщий любимец, много раз под шквальным огнём противника переползал от камня к камню и передавал боевые приказы командирам подразделений. Санитарка Дуся Цивирко не один десяток раненых вынесла из-под огня, сама трижды была ранена. За смелость, за заботу, за ободряющее слово её любили и уважали все бойцы батальона. Из двенадцати комсомольцев, собравшихся в подвал КП, не

было ни одного, кто бы чем-нибудь да не отличился в боях с немецкими захватчиками.

Я был комсоргом батальона, и мне полагалось ознакомить комсомольцев с предстоящим заданием. Я сказал:

— На завтра, в день Первого Мая, назначен штурм дворца. Мы, комсомольцы, должны быть впереди, увлечь за собой бойцов. В прежних боях мы честно справлялись с возложенными на нас задачами, не раз подавали пример дисциплины и отваги. Надеюсь, что и завтра не посрамим комсомольского звания — возьмем дворец. Пусть красное знамя будет водружено здесь нашими комсомольскими руками.

Я не ждал возражений, и они, разумеется, не последовали. Все комсомольцы выразили уверенность в успехе атаки, а Алексеенко поклялся первым ворваться во дворец и укрепить на нём красный флаг.

Мы разошлись и занялись подготовкой к бою. Ночь прошла спокойно. За ночь разнесли патроны и гранаты. Командование подбросило на наш участок несколько танков «ИС» и большое количество тяжёлой артиллерии.

Под утро началась артиллерийская подготовка. Воздух потемнел от порохового дыма и красной кирпичной пыли. Мы с удовольствием глядели, как снаряд за снарядом аккуратно ложится во дворец; надо полагать, что засевшие там фрицы не разделяли нашей радости. Подавленные разрушительным обстрелом, они почти прекратили ружейно-пулемётный огонь.

В нижнем этаже обращённой к нам стороны здания было большое окно. Его-то и наметили местом вторжения штурмовой группы. Но оно было забито толстой решёткой. Артиллеристы помогли и тут. Пробоины от снарядов всё теснее окружают железное окно, наконец, один снаряд угодил прямо в центр решётки. Образовалось просторное отверстие.

Наступил решительный момент. Выдвинувшись на исходное положение, бойцы приготовились к броску вперёд.

— Кому флаг? — спросил комбат Решетнев.

— Мне! — крикнул Алексеенко.

Артиллерия переносит огонь на соседние дома.

— Вперёд на штурм! — командует капитан Баранец.

Комсомольцы, увлекая за собой всех остальных бойцов, бегут вперёд.

Разрыва между артподготовкой и атакой не было, поэтому немцы не успели опомниться. Бойцы, стремительно перебежав двести метров, ворвались в окно и тут же пустили в ход гранаты. В громадных дворцовых залах загремели взрывы.

БЕРЛИН ВЗЯТ

Нижние этажи дворца были очищены быстро — немцы устремились в подвалы и вверх, видимо надеясь, оторвавшись от нас, организовать сопротивление. Алексеенко, не добравшись ещё до крыши, укрепил красный флаг в окне второго этажа. Но этот знак победы не был преждевременен. Сила нашего напора не ослабела, и крыша вскоре была завоёвана. Мы с красноармейцем Файзуллиным заставили замолчать и станковый пулемёт, подавший было голос из окна подвала, когда часть бойцов вела бой уже во дворе дворца. Прижимаясь к стене, мы подобрались к самому окну и бросили в него пару противотанковых гранат.

Когда мы вошли в подвал, сотни три раненых немецких солдат подняли руки и испуганно закричали: «Гитлер капут, рус зольдат гут».

*

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ
А. ТРАЙНИН

*

На Унтер-ден-Линден

Вечером 1 мая, когда наш батальон находился во дворце Вильгельма, был получен приказ форсировать канал, выйти на Унтер-ден-Линден и достичь Бранденбургских ворот.

Немцы вели с западного берега канала непрерывный огонь. В темноте светились трассы пулемётных очередей, гремели разрывы фаустпатронов. Откуда-то из района рейхстага немцы методически обстреливали минами Шлоссплац, перед дворцом кайзера. Было что-то обречённое в этом отчаянном и бесполезном обстреле, который уже ничего не мог изменить.

Собравшись во дворе дворца, бойцы готовились к предстоящему броску и тихо переговаривались между собою.

Слышу знакомый, сдержанный говорок старого солдата-миномётчика Мерасова.

— В степях под Моздоком, — говорит Мерасов, прошедший славный путь от Кавказских гор до Берлина, — я всё думал: выпадет ли мне счастье драться на берлинских улицах!..

— Да, — вспоминает коммунист Лебедев. — Мы ещё на Висле обещали товарищу Сталину, что наши мины долетят до Берлина.

Команда:

— Приготовиться! По местам!

У миномётчиков на плечах стволы, опорные плиты, пулемётчики впряглись в свои «машинки». Связисты уже развернули станцию на КП батальона и готовы тянуть линию через канал.

У Бранденбургских ворот

Первая группа — стрелки лейтенанта Крысенко и пулемётчики лейтенанта Ершова. Они направляются к мосту — навстречу незатихающему огню противника.

На мосту вспыхивает перестрелка. В треск выстрелов врывается дружное «ура». Шум боя удаляется.

Через несколько минут к комбату прибегает связной от лейтенанта Крысенко — литовец Шиманскас. Этот молодой паренёк лишь недавно пришел к нам во взвод связи. Но как преобразился он! От первоначальной робости и нерешительности не осталось и следа.

— Товарищ майор, — чётко рапортует Шиманскас, — командир роты лейтенант Крысенко приказал доложить вам: задача выполнена, канал форсирован. Рота закрепилась в угловом доме на левой стороне улицы. Справа в доме — противник.

Переправа продолжается. Немцы заметили нас. Они открыли огонь прямо по воротам дворца, где сосредоточилась вторая группа. Начали рваться фаустпатроны.

Уже есть раненые. Ранен и комбат.

Командование батальоном принимает капитан Гюльмамедов. Он действует так же быстро и решительно.

Группа за группой переправляются через канал. Связные Шиманскас и Якимович четыре раза под ураганным огнём противника пробегают по мосту.

Уже светает. Связистов Бачурина и Герцуна, которые тянут линию через мост, заметили вражеские снайперы. Близко ложатся пули. Можно бы укрыться за баррикадой, переждать, но батальону нужна связь, впереди Бранденбургские ворота!..

И линия наведена. Капитан Гюльмамедов докладывает по телефону:

— Вышел на Унтер-ден-Линден. Сосредоточиваемся для броска к Бранденбургским воротам.

В это время на мосту уже работают сапёры капитана Анисимова. Слышен стук топоров и кирок. Неутомимые труженики войны прокладывают дорогу танкам.

И вот на Унтер-ден-Линден, видавшей парады горе-завоевателей бесноватого фюрера, выходит советский танк. Не спеша разворачивается башня. Ствол пушки «ИС» угрожающе уставился на здание, откуда немцы ведут огонь.

Удар — и с грохотом обваливается стена. Немцы умолкли.

Батальон стремительно продвигается вперёд. Связисты еле успевают разматывать катушки.

Остановка. Противник, укрывшись на чердаке трёхэтажного дома, бьет вдоль улицы. Что ж, опять подходит «ИС». Два выстрела. Больше не надо. Дорога снова открыта.

Но чем дальше, тем больше опорных точек врага. Бьют из всех родов оружия. Бьют с чердаков, из окон, из подвалов. А батальон идёт всё вперёд и вперёд. Ведь там, впереди — Бранденбургские ворота...

Справа движутся наши стрелки и пулемётчики. Слева — связисты и миномётчики.

Это неумолимое, как сама смерть, движение морально подавляет немцев. Сперва одиночками, затем десятками выползают они отовсюду. Поднятые руки, жалкий, унылый вид. До них дошло: всё кончено!

Восходящее солнце освещает картину боя.

Перед нами — совсем близко — серая громада Бранденбургских ворот. Ещё бросок — и мы у цели.

Капитан Гюльмамедов, командир миномётной роты капитан Червяков и я подбегаем к воротам. Навстречу с запада движется цепь. Свои!

Мы соединились с наступавшими с юго-запада гвардейскими частями Чуйкова. Богатыри Сталинграда и защитники Кавказа соединились в центре фашистского логова. Бурная радость охватывает нас. Воины обнимают, целуют друг друга.

У Бранденбургских ворот возникает митинг. Какой-то молоденький офицер говорит стихами. Ему отвечают громовым «ура».

*

В последние часы

1

У стены разбитого здания гвардии подполковник Курист ставил новую задачу командирам батальонов. В это время к противоположному углу здания подъехала машина. Человек среднего роста, в кожаном пальто, с палочкой в руке, неторопливой походкой направился в сторону офицеров.

— Что стоите? Почему не продвигаетесь вперёд? — спросил он, подойдя к офицерам.

Это был наш генерал-полковник товарищ Рыбалко. Никто не удивился появлению его здесь. Ведь и во время форсирования Нейсе, когда противник вёл бешеный огонь с противоположного берега реки, генерал был среди нас, под разрывами вражеских снарядов и бомб.

Только товарищ Рыбалко подошёл к нам, как противник открыл ураганный минометный и артиллерийский огонь из района станции Шарлоттенбург. Генерал показал палочкой в сторону станции, которая находилась в четырёхстах метрах от нас, и сказал:

— Здесь последний очаг сопротивления немцев, за этой станцией к вам навстречу наступают танки Богданова.

Все мы посмотрели в ту сторону, откуда доносились выстрелы.

Путь к станции преграждали надолбы и смонтированные на улицах толстые каменные стены.

Обращаясь к подполковнику, товарищ Рыбалко сказал:

— Курист, станцию взять.

Наша танковая часть наступала во взаимодействии со стрелковым полком.

Танковый батальон майора Шпарова, поддерживая роту автоматчиков старшего лейтенанта Карпова, с боем вышел на перекрёсток Паульсборнер и Эйзенцанштрассе. Тем временем танкисты батальона под командованием капитана Соболева, взаимодействуя с ротой старшего лейтенанта Антонова, совершали обходный манёвр слева.

Шаг за шагом, разрушая с помощью сапёров все препятствия, выбивая противника из подвалов, скидывая с чердаков и крыш домов, танки бронированной стеной продвигались к району станции, стремясь как можно скорее соединиться со славными танкистами генерал-полковника Богданова. Они шли с Одера, а мы с Нейсе. Они ворвались в Берлин с севера, а мы с юга, — и вот встреча в центре Берлина.

Когда танки подошли к железнодорожной насыпи, с противоположной стороны её показался советский боец. Он шёл во весь рост. Кто-то закричал:

— Там уже наши.

Танки гвардии младших лейтенантов Владимирова и Кузнецова направились под мост на противоположную сторону уже взятой станции. По улице Виншандштрассе навстречу им двигались два советских танка. Это были танки Богданова. Через несколько минут, выскочив из машин, наши танкисты уже обнимали своих братьев по оружию.

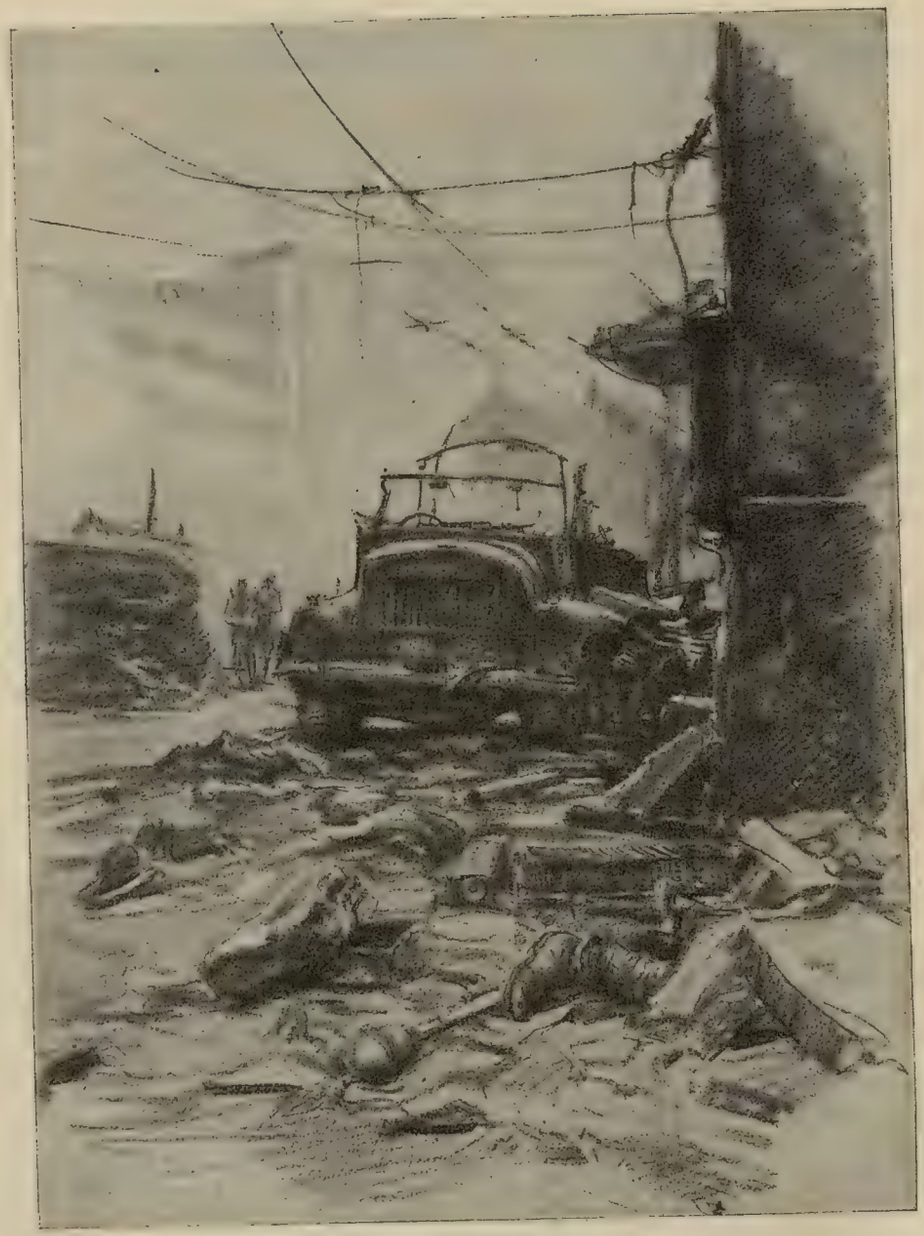
Как радостна была эта долгожданная встреча в Берлине утром 2 мая 1945 года!

Гвардии лейтенант АРГЕЛАНДЕР

2

Наша танковая часть с тяжёлыми боями продвигалась к конечной цели. За домами виднелись уже деревья Тиргартена.

Три дня тому назад погиб в танке герой гдынских боёв гвардии младший лейтенант Енукьян. Его экипаж в подбитом, дымившемся танке ещё два часа вёл бой, мстя за смерть своего командира. Вчера болванка немецкой самоходки выбила два катка у другого танка и вывела из строя его экипаж. Танк застрял на нейтральной зоне. Весь день к нему пытались подобраться наши техники, но немецкие «фердинанды» не давали подойти. И вдруг ночью танк неожиданно загудел мотором, а лобовой его пулемёт застрочил по огневым точкам против-



На улицах стало тихо

КОЛОННЫ ПЛЕННЫХ НЕМЦЕВ НА АЛЛЕЕ ПОБЕДЫ

ника. Это командир орудия гвардии старший сержант Лымарь продолжал бой на подбитом танке.

Вечером 1 мая наши танки вышли к Аугустусплац. Здесь нас остановил шквальный огонь из церкви, возвышавшейся в центре площади. Мы уже знали, что конец боёв совсем близок — кольцо окружения всё теснее сжималось у горла Берлина—Бранденбургских ворот. Наши рации уже ловили предложения немецкого командования о сдаче. Уже сотнями сдавались немцы, и длинные колонны грязносерых пленных уныло плелись в наш тыл. Но гитлеровцы, засевшие в церкви на Аугустусплац, всё ещё огрызались. Они располагали восемью пушками и двумя самоходками, закопанными у ворот здания. Нам пришлось пойти в обход. Боковыми улицами танки подошли почти вплотную к церкви и стали бить по немцам в упор. Сюда подтянулось и несколько приданных нам тяжёлых танков.

В три часа ночи немцы попытались оказать помощь своим окружённым группам. Загудели самолёты, и над улицами закачались зонтики парашютов. Парашютисты с автоматами и длинные, как гробы, ящики с боеприпасами опускались на груды камня, на развалины домов. Многие сразу же попали в руки наших бойцов. Вот один парашютист опустился на крышу высокого дома. Юркая фигурка зашевелилась, замелькал луч сигнального фонарика. Командир взвода танков Брудян дал по диверсанту короткую очередь из автомата, и возня на крыше прекратилась. Автомат и фонарь слабо звякнули о мостовую, а гитлеровец повис над улицей, беспомощно болтаясь на стропах парашюта.

Было уже под утро. Гул наших пушек покрывал все остальные звуки. Но в промежутках между орудийными залпами всё ещё трещали немецкие пулемёты и сдваивались очереди разрывных пуль. И вот вдруг рации передали приказ: «Гарнизон Берлина сдался — прекратить стрельбу». Смолкли наши орудия, и поднялись вверх стволы танковых пушек. Но тишина не настала — всё так же свистели немецкие пули и фырчали вдоль улицы немецкие болванки. Гарнизон церкви продолжал сопротивляться.

Что же, драться, так драться, — не нам складывать оружие в этом бою. «Огонь всеми танками!» — прозвучал приказ, и сухой звонкий треск наших противотанковых пушек и глухой гул танковых орудий слились в неистовый одновременный залп. «Тридцатьчетвёрки» били по амбразурам и окнам зданий, тяжёлые танки крушили углы и простенки.

Непрерывный обстрел продолжался около часа. Тогда, наконец, из еле различимого в дыму и пыли подвального окна церкви выползла надетая на штык белая тряпка и слабо заколыхалась у самого тротуара. Был отдан приказ: «Прекратить огонь!» Наступила тишина. Стоявший рядом со мной солдат нерешительно сделал шаг вперёд на уже безопасную улицу. Потом остановился, снял пилотку и, вытирая вспотевший лоб, растерянно и счастливо улыбнулся.

А из подвала, угрюмо отворачиваясь или заискивающе улыбаясь, выползали гитлеровские солдаты и офицеры и, бросая оружие во всё увеличивающуюся кучу, медленно поднимали руки. И высокий, худой немецкий майор, жадно жуя чёрствый ломоть хлеба, уже давал через переводчика свои показания.

Майор МАЛЫХ

3

В ночь на 2 мая наша рота продвигалась по разбитым улицам Берлина. В эту ночь немцы отступали по всем улицам, и некоторые части их пытались уйти из города. Мы имели задачу помешать фашистам улизнуть из Берлина. Командир роты гвардий старший лейтенант Багаев приказал нам по одному пройти в какой-то дом на Фридрихштрассе. Вот мы добрались до места и установили свой пулемёт на столе возле окошка. Немецкий снайпер заметил нас и давай бить по окну. Я стал наблюдать, откуда он бьёт. Но он перестал бить.

Было очень тихо. Только я подумал, что после этой тишины немцы должны пойти в контратаку, как увидел у соседнего дома немца с фаустпатроном в руках. Он целился в наше окно. Гвардии красноармеец Павлюченко снял этого фаустника. Тут вдруг немцы подняли стрельбу с разных сторон. На улице появились два немецких транспортёра, за ними грузовая машина с боеприпасами. Я дал им подойти метров на тридцать к нашему дому и тогда стал бросать в окно гранаты. Грузовая машина загорелась. После этого на улице появлялось ещё очень много немецких машин, но мы их не пропускали. Как только машина показывалась из-за угла, мы стреляли из пулемёта по шоферу, и машина останавливалась. А потом мы добивали всех, кто был в машине.

Немцы увидели, что тут легко не пройдёшь, и выдвинули против нас пушку. Но это им не помогло, потому что их расчёт мы к пушке не подпустили. А командир роты выстрелом из фаустпатрона разбил самую

пушку. Машины уже больше не могли двигаться по этой улице, — столько мы их тут навалили. Но между завалами притаилось ещё много живых немцев, и они продолжали стрелять в нас. Мы отвечали. Вдруг гвардии красноармеец Тюшкевич, заряжавший ленты, закричал: «Патронов нет!» Я принёс ему сумку с патронами, и он зарядил ленту. В сумке у меня было еще пять гранат, сколько-то было и у других бойцов. Мы их разобрали и стали кидать в немцев. У меня осталась одна граната, я её бросил в офицера, который всё время кричал: «Фоер! фоер!» («Огонь! огонь!»). Тут, было, пришлось нам туго, мы израсходовали все гранаты и патроны, а немцы полезли в контратаку. Но в это время явился гвардии старшина Фирсов и принёс целый мешок гранат и патронов. Все бросились к мешку, каждый хотел набрать побольше.

Я ухватил семь гранат и скорее к окну.

Когда рассвело, на улицу жутко было смотреть, столько там было трупов и разбитых машин.

Гвардии красноармеец И. КОБЛИК

4

2 мая наша рота занимала один из полусгоревших кварталов вблизи рейхстага. Немцы старались прорваться через наш участок. В шесть часов утра, после небольшой артподготовки, они атаковали дом, занятый нами. С гранатами в руках они рвались к проломам в стенах и к окнам. К этому времени у нас как раз вышли боеприпасы. Пришлось бегать по развалинам в поисках гранат и патронов. Их много тут осталось ещё от боя за этот дом.

Пока часть бойцов была занята добычей боеприпасов, пятерым гитлеровцам удалось проскочить через один из проломов во двор. Первым появился немецкий офицер. Я выстрелил в него, но не попал, а он в это время метнул в меня гранату. На счастье, она упала, не долетев до меня, и, разорвавшись, только забросала обломками кирпичей. Я выстрелил во второй раз, и тут гитлеровцу пришёл конец. Остальные немцы, видя, что их начальник убит, кинулись было назад. Но наши пули догнали и положили их на месте; одному только удалось уйти.

После этого мы замечаем, что стало что-то тихо, на улице мало кто живой виден. Мы думаем: надо держаться, верно, перед боем это тихо. И вдруг является к нам связной с командного пункта роты с приказом прекратить огонь. Мы только глаза вытаращили. Не думали, что в этот

час и всей войне в Берлине конец. Вылезли мы на улицу, грязные, чумазые — ведь семеро суток сидели здесь, в развалинах. Стали собирать по улицам немцев, — тех, кто не успел удрать из этого квартала, и собрали их сотен до трёх. Выстроили пленных и отправили под конвоем, а сами пошли приводить себя в человеческий вид.

Гвардии старший сержант САПРОНОВ

5

В нашем батальоне к ночи на 2 мая осталось только два связиста — я да гвардии красноармеец Чайка. Остальные связисты вышли из строя в последних боях. Дали нам в помощь ещё стрелка Палия Пантелея, но он мало смыслил в нашем деле. Однако пришлось и его приспособить, потому что дела было как раз очень много. Наш батальон преграждал путь противнику на перекрёстке двух центральных улиц, и приходилось крепко драться — немцы напирали отчаянно, стремились куда-то прорываться. Такая была горячка, что мы проглядели, как и Первое Мая прошло.

Постоянную связь с ротами командир батальона держал больше по телефону; в городе — не то что в поле: стены домов не давали возможности иначе быстро ориентироваться в обстановке. Я поддерживал связь с ротой, где командиром был гвардии капитан Хабибулин. Я посадил Палия за аппарат, а всё остальное взял на себя. За эту ночь мне пришлось устранить одиннадцать порывов. Я работал не покладая рук и радовался, что связь даём бесперебойно, что во-время передаются приказы командира и ему докладывается о ходе боя, о наличии боеприпасов, о потерях.

Шесть раз в эту ночь шли немцы в контратаку. Но мы отбивали немцев всеми средствами: гранатами, огнём из пулеметов и автоматов.

Утром командир батальона потребовал к телефону командира роты. Я его разыскал, но он был сильно ранен и ходить не мог. Я доложил об этом командиру батальона. И тогда он велел мне передать приказ — прекратить стрельбу и эвакуировать сдающихся в плен немцев. Приказ я принял, но сам себе ещё не верил — как это прекратить стрельбу? Ведь вот же он, немец, ещё стреляет, вот сейчас только подбил из фаустпатрона наш танк! Почему же такое — не стрелять? Я не выдержал и ещё раз запросил по телефону командный пункт. Командир батальона подтвер-

В день капитуляции

дил приказ, но сказал дополнительно, что весь гарнизон Берлина вместе с начальниками капитулировал. И держа еще трубку у уха, я сколько было сил крикнул «ура!» Сидевший возле меня напарник встревоженно посмотрел на меня и спросил:

— Ты что, контужен?

— Чего там контужен! — ответил я, сунул ему в руки трубку, а сам быстро побежал к командиру роты передать радостное сообщение.

Гвардии младший сержант С. ШКУТЕНКО

6

Вечером 1 мая, после жаркого боя за здание рейхстага, мы, наконец, получили возможность отдохнуть. Отбив железные двери какого-то подвала, мы решили здесь расположиться, чтоб справить первомайский праздник.

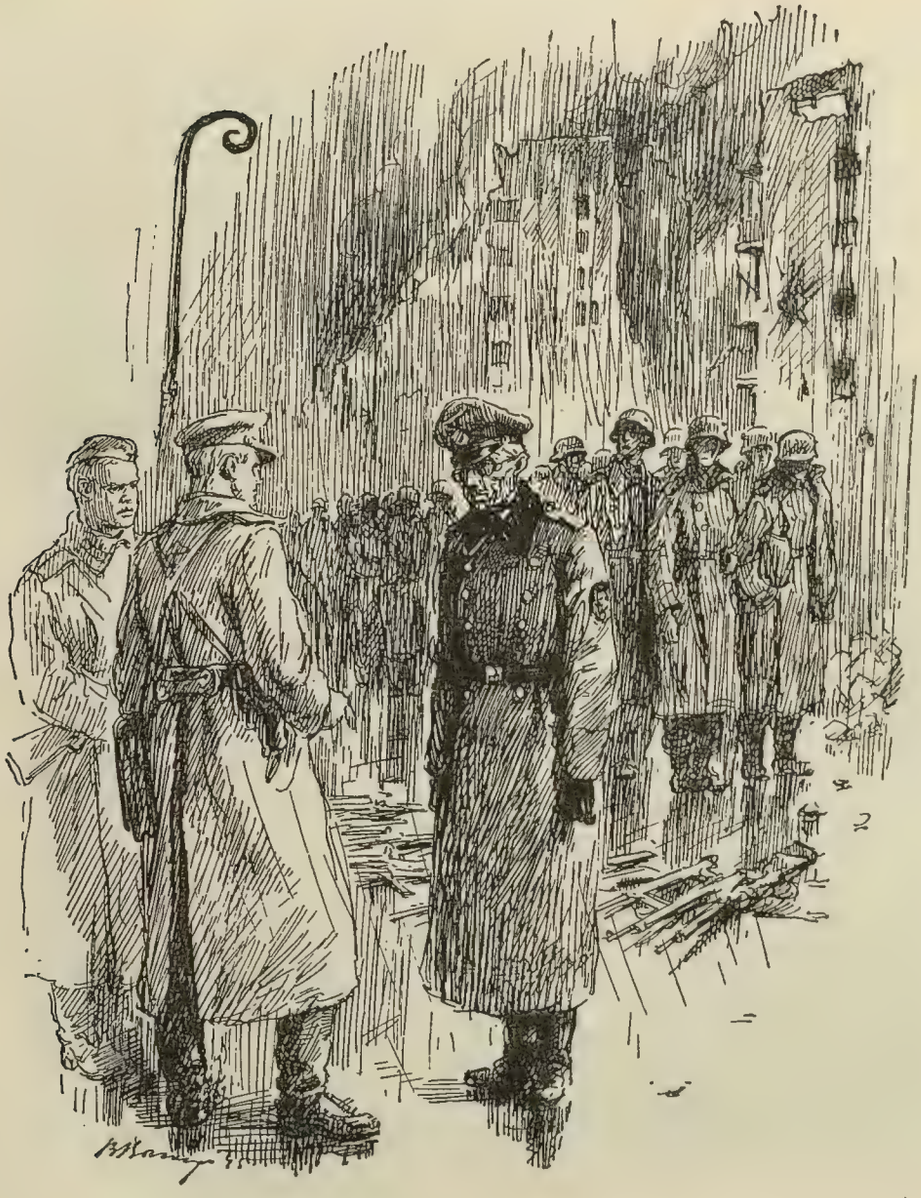
Зажгли свечи. Нашим взорам представились три больших штабеля бумаги.

Эти штабеля пригодились нам: из пачек бумаги были сооружены столы и скамьи. Мы засели за праздничный ужин, а затем на постелях из того же материала кое-кто из нас прикорнул. Большинство, несмотря на зверскую усталость, не сомкнуло глаз.

Ночь пролетела незаметно в разговорах. Наступил рассвет, и мы покинули нашу спальню. Мы вышли на улицу, которая была ничья. Я шёл впереди, за мной человек двадцать, связисты и разведчики.

Вот здание оперного театра. По противоположной стороне улицы пробираемся дальше к центру. Вдруг пулемётная очередь — прямо на нас. Всё обошлось благополучно, никого не задело. Стремительным броском мы перебежали под укрытие стены соседнего здания. Дальше итти нельзя: мы одни ушли вперёд на целый квартал!

К счастью, в этот момент из-за угла показался наш тяжёлый танк. Я указал танкистам направление, откуда бил пулемет. Танк развернул свою башню и послал в указанном направлении два снаряда. Разрывы потрясли пустынные, безмолвные улицы. И снова всё стихло. Так прошло минут десять, — поразительная тишина! И вдруг, как по сигналу, сразу отовсюду стали появляться вооружённые и безоружные немецкие солдаты. Через несколько минут на перекрёстке уже собралась тысячная толпа. Немцы повылезали из своих нор, чтобы сдаться нам в плен.



Мы подумали: что нам делать с ними — нас было слишком мало, чтобы взять их всех под конвой. Пришлось приказать им строиться в колонны и под командой своих же офицеров направляться в сторону наших войск.

Только успели мы отправить последнюю партию, как из-за угла прямо на нас строевым шагом вышла вооружённая колонна человек в двести, во главе с офицером. Я вышел на середину перекрёстка. В пяти метрах от меня немецкий офицер остановил колонну, повернулся ко мне, расстегнул кобуру, вынул пистолет и, подойдя поближе, вручил его мне. Затем отошёл на три шага, стал и ждёт. Я приказал колонне сложить оружие. Офицер ответил, что солдаты согласны сложить оружие лишь в том случае, если им гарантируют жизнь, так как отряд является ударной колонной войск СС.

— Пленных мы не расстреливаем, — ответил я.

Солдаты, проворно сложив на тротуаре винтовки, автоматы и противогазы, снова построились в колонну. Каску не снял никто.

Спрашиваю:

— Почему не сняли каски? Ведь никто не стреляет.

— Нет, — последовал ответ, — мы останемся в касках, потому что идёт дождь...

Я позволил им итти в плен в касках, раз им это уж так нравится.

Впрочем, пройдя метров тридцать, они стали сбрасывать каски на мостовую...

Лейтенант И. БАКАЛОВ

*

КАПИТУЛЯЦИЯ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК В БЕРЛИНЕ.
2 МАЯ 1945 г.

Из дневников и писем

2 мая

— Кончено, — сказал капитан Кудяков, — теперь можно вымыться вон в том канале, у которого Геббельс мечтал в лунные ночи.

Гвардии сержант Г. ЧЕРНЫШЕВ

*

Сегодня я со своим другом связистом Кукшиным стоял у здания рейхстага. Вижу, что Кукшин задумался чего-то. Спрашиваю:

— Ты чего, Кукшин, задумался?

Он молчит. Потом он высказал свою мысль:

— А як нэ вылыка була у Гитлера сыла, а мы её зломыли.

Старший сержант И. ЖДАНОВ

*

Выпили мы с товарищами по кружке вина в честь Победы у самых Бранденбургских ворот. Потом решили мы немного пройтись, посмотреть на германскую столицу, как выглядит она сегодня.

Смотрю, на скамейке сидят три женщины. Вот, думаю, уже вылезли немки — на солнышке греются. Даже выругался. А они, должно быть, услыхали и кричат вдогонку:

— Русские мы, чего своих не признаёте.

Действительно, смотрю, кажется, наши девушки. И тут обомлел я. Свою знакомую узнал — из нашего посёлка. Как оказались они здесь, да еще в такой день? Любимая моя Аня и ее сестры Клава и Маруся. Четыре года я Аню не видел, а ведь еще в школе на одной парте сидели. И Аня плачет.

Лицо у неё порохом обожжённое. Работали они на берлинской фабрике, в лагере жили. А как только освободили их, Аня и её сестры стали нашим раненым помогать.

Так мы и встретились почти что у самых Бранденбургских ворот.

Тут узнал я, что и моих сестёр Нюру и Дуню немцы тоже увезли на чужбину. Только не знает Аня, в каком месте они находятся.

Побежал я к своему командиру. Всё рассказал майору. А он приказал мне позвать моих землячек в гости к бойцам нашего батальона.

Вечером мы с Аней совместное письмо на родину написали о нашей встрече и всех родных и соседей поздравили с великой победой.

Красноармеец А. ВОРОБЬЁВ

*

Мне пришлось побывать в рейхстаге, когда бои здесь кончились. На задымленных стенах были уже тысячи надписей, сделанных советскими воинами...

На одной из колонн прочёл я наспех написанные мелом слова:

«От Пено до Берлина. Гвардии сержант Кунявин». Много воспоминаний пробудила в моей памяти эта надпись. Ты ли это, Петр Кунявин, мой давний славный товарищ, боевой соратник?!

Мы расстались с ним зимой 1943 года на Северо-Западном фронте.

Многие знают маленький посёлок Пено, затерянный среди лесов Калининской области. Этот поселок прославлен Лизой Чайкиной.

Там, в Пено, я был у пулемётчика Кунявина вторым номером, и оттуда мы пошли с ним в наступление.

В одной ожесточённой схватке мы оба были ранены и после боя оказались рядом на носилках в медсанбате. И тут Кунявин сказал мне не то шутя, не то серьёзно:

— Ну, браток, если попадём мы в разные госпитали, то, значит, встретимся только в Берлине.

Мы попали в разные госпитали, а потом где я только ни воевал, но о Кунявине не слышал.

СЛАВА!

Обойдя залы рейхстага, я снова вернулся к колонне и к подписи гвардии сержанта Купявина добавил свою. Доведётся ли моему боевому другу узнать, что мы вместе брали Берлин?

Гвардии старший сержант Н. ГЛУШКО

*

Что пережил я сегодня, — этого описать нельзя, невозможно. Это день долгожданный, незабываемый. Ах, как мы тебя ждали, — радостный, солнечный, весенний день нашей победы! Какими словами выразить мне эту великую радость?

Гвардии старший лейтенант П. КУЧАНСКИЙ

*

Вот он, праздник Победы! Наши танки прекратили свой боевой марш в ста метрах от рейхстага, над которым водружено красное знамя. Начав под Москвой свои ратные дела, мы завершили их в Берлине. И в этот день, 2 мая, когда водворилась тишина в покорённом Берлине, когда взметнулись над домами наши красные флаги, символ нашей борьбы и нашего счастья, первое слово любви мы обратили к тому, кто привёл нас к вершине нашей победы. Слава великому Сталину!

Майор П. ОЛЕЙНИК

*

Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!

И. СТАЛИН

(Из „Обращения к народу"
9 мая 1945 г.)

МОСКВА САЛЮТУЕТ ГЕРОЯМ БЕРЛИНА

ЗА
ВЗЯТИЕ
БЕРЛИНА

Содержание

Стр.

Берлинское сражение 7

НА ОДЕРСКИХ ПЛАЦДАРМАХ

Красноармеец А. КОРЧАГИН. — У мельницы на берегу Одера 17
Герой Советского Союза старшина П. ЧИЯНЕВ. — Первые дни 19
Герой Советского Союза гвардии майор И. ЛАДУТЬКО. — Батальон за Одером 24
Герой Советского Союза старший сержант В. НОРСЕЕВ. — Трое суток . . . 28
Гвардии старшина Е. ЗАГОРОДНИЙ. — Миномётчики на огневой 32
Гвардии старший сержант И. СОЛОД. — На командном пункте батальона . . 36
Старший сержант П. СЫСОЕВ. — Четверо на высоте 38
Старший сержант М. ТОЛСТОЛОБОВ. — У города Кюстрина 41
Сержант И. ПИСАРЕВ. — Разведчики Короля 46
Герой Советского Союза старший лейтенант П. СИНЕЛЬНИКОВ. — Батарея на дамбе 49
Герой Советского Союза сержант А. ТЯПУШКИН. — Артиллерийская дуэль . 52

Стр.
Герой Советского Союза старшина С. ПАНОВ. — Рукопашная в траншее . . . 56
Гвардии сержант К. ГОЛУНЕНКО. — Партийный билет 59
Из дневников и писем. 14 апреля. *Лейтенант И. БАКАЛОВ. Старшина М. МИЗИН. Гвардии капитан А. БРОНШТЕЙН. Гвардии старший лейтенант БЕЛКИН. Капитан КУЗЬМЕНКО. Гвардии красноармеец Н. ТКАЧЕНКО* . 62

ПРОРЫВ

Из дневников и писем. 16 апреля. *Старшина В. СУТЫРИН. Гвардии капитан А. КУЛИШ. Гвардии красноармеец Н. ТКАЧЕНКО, Младший сержант И. ВОЛОБУЕВ. Старший сержант В. ЧЕРЕМУХИН. Гвардии красноармеец И. САПРЫКИН. Гвардии сержант Г. ЧЕРНЫШЕВ. Лейтенант А. ФРЯЗИНОВ. Капитан КУЗЬМЕНКО* 71
Дважды Герой Советского Союза гвардии генерал-полковник В. ЧУЙКОВ. — Славный маршрут 80
Полковник А. ПОПОВ. — В ночь перед атакой 84
Гвардии старшина А. ШИЛОВ. — Радостный час 86
Гвардии лейтенант Т. ЯКИМОВ. — На Нейсе 89
Гвардии старший сержант В. ВЛАДИМИРОВ. — В эфире 95
Герой Советского Союза красноармеец В. БЕРДЫШЕВ. — Через минные поля . 97
Гвардии красноармеец Д. ЧИБИСОВ. — Вместе с пехотой 99
Герой Советского Союза гвардии майор Е. ЦИТОВСКИЙ. — На Зееловских высотах 102
Гвардии сержант А. КУРАСОВ. — На командном пункте гвардейских минометов 105
Гвардии старшина Ш. ГОГЛИДЗЕ. — Танк на высотах 108
Из дневников и писем. 18 апреля. *Гвардии капитан А. БРОНШТЕЙН. Красноармеец Т. КОВАЛЬ. Герой Советского Союза старший лейтенант К. УСЕНБЕКОВ* 111
Красноармеец В. НОСОК. — У станции Шёнфлис 114
Гвардии капитан П. ШЕВЧЕНКО. — На третью ночь 116
Из дневников и писем. 19 апреля. *Гвардии младший лейтенант А. ФОКИН. Гвардии ефрейтор Н. ПОЛОВИНЧЕНКО. Младший сержант М. САФОНОВ. Майор СМИРНЫХ. Гвардии подполковник КАЧТОВ* 119
Генерал-майор Ф. ЛИСИЦЫН. — Наши листовки, лозунги, флаги 121
Гвардии генерал-лейтенант танковых войск Н. ПОПЕЛЬ. — Вожаки 125

Стр.
Старший лейтенант И. ДУШКА. — Первая ночь в воздухе 128
Герой Советского Союза гвардии полковник В. БЕЛОУСОВ. — Над полем боя 132
Капитан А. ОВЕЧКИН. — В облаках над Шпрее 136
Майор С. ВЛАСОВ. — Удар по аэродрому Ной-Руппин 140

В ПРЕДМЕСТЬЯХ И НА ОКРАИНАХ БЕРЛИНА

Из дневников и писем. 21 апреля. *Гвардии майор В. ОРЯБИНСКИЙ. Старший лейтенант В. ОБНОВЛЕНСКИЙ* 145
22 апреля. *Герой Советского Союза старший лейтенант К. УСЕНБЕКОВ. Гвардии капитан А. БРОНШТЕЙН. Красноармеец Н. КОНДЫРЕВ. Лейтенант А. ФРЯЗИНОВ. Красноармеец Ф. ЧАРУПА. Красноармеец А. КОЗЛОВ* 146
Лейтенант А. РОМАНОВ. — Танки прорываются к окраинам Берлина . . . 150
Герой Советского Союза капитан М. ТОЛКАЧЁВ. — Рейд на автостраду . . . 156
Герой Советского Союза капитан А. ЛЕБЕДЕВ. — У ворот Берлина 160
Герой Советского Союза старший лейтенант П. СИНЕЛЬНИКОВ. — Первая ночь в Берлине 163
Герой Советского Союза гвардии полковник А. ИГНАТЬЕВ. — Красный флаг над Марцаном 167
Герой Советского Союза генерал-майор М. ДУКА. — На лодках через Шпрее . . 169
Гвардии младший лейтенант А. КЛИМКОВИЧ. — Сапёры у баррикады . . . 172
Гвардии капитан ИВАНИХИН. — Первый залп по Берлину 175
Старшина А. ВОЛКОВ. — Баррикада под мостом 178
Гвардии старшина Г. ЧЁРНЕНЬКИЙ. — У аппарата и на линии 180
Дважды Герой Советского Союза маршал бронетанковых войск П. РЫБАЛКО. — Удар с юга 186
Младший лейтенант Н. ФАХРУТДИНОВ. — На подходе к Тельтов-каналу 190
Капитан М. СИНОЧКИН. — Приказ — на Берлин 195
Гвардии младший сержант В. РОМАНОВ. — На восходе солнца 198
Гвардии сержант И. ПАДОРИН. — К победе 201
Гвардии старший лейтенант ЭДЕЛЕВ. — Через канал 203
Младший лейтенант Р. ШАРИКОВ. — Гордость 208

Стр.

Гвардии сержант И. ЖУРАВЛЁВ. — Штурм товарной станции 211
Старший сержант А. РАДЗЕЙОВСКИЙ. — В танке № 376 213
Младший лейтенант В. ТАГАНЦЕВ. — Встреча в тоннеле 217
Письмо санинструктора 220
Ефрейтор Я. НОРЕЦКО. — На мосту 225
Из дневников и писем. 23 апреля. *Гвардии рядовой А. ИЗМАЙ. Майор ЛАДЫНИН. Младший лейтенант К. ГРОМОВ. Гвардии капитан А. БРОНШТЕЙН. Гвардии лейтенант ШАБРОВ. Гвардии старший лейтенант К. ИВАНОВ* 228

ФОРСИРОВАНИЕ ШПРЕЕ

Гвардии старший сержант Н. ВАСИЛЬЧЕНКО. — Разведчики на Шпрее . . 235
Гвардии красноармеец Н. ШЕВЧЕНКО. — Знаменосцы 238
Полковник В. КУРНАЦИШВИЛИ. — Борьба за плацдарм 241
Полковник И. КУЗЬМИН. — Переправа в районе Варшауэрштрассе 244
Старший лейтенант А. СУРЖОК. — На «Малой земле» 247
Гвардии майор С. ГУСАРИН. — На Шпрее у парка Трептов 250
Капитан М. ШЕРСТОБИТОВ. — Смерть героя 252
Гвардии старший лейтенант К. КОНДРАТЮК. — Пушка на чердаке 254
Из дневников и писем. 24 апреля. *Капитан КУЗЬМЕНКО. Ефрейтор Н. ТЕРЕНТЬЕВ. Лейтенант Е. КАКАШВИЛИ. Красноармеец Л. ГЕРАСИМОВ. Ефрейтор Д. КАТКОВ. Гвардии старший лейтенант С. БАРЫШНИКОВ. Подполковник медицинской службы В. ВОЛКОВ. Капитан И. СЕНЧА* 256

В СТАЛЬНЫХ КЛЕЩАХ НАШИХ ВОЙСК

Майор В. НАЗАРОВ. — В обход Берлина 267
Гвардии капитан И. МЕШКОВ. — На рубеже Фрейдорф 274
Гвардии капитан ПАКУЛОВ. — У Хальбе 278
Трижды Герой Советского Союза гвардии полковник А. ПОКРЫШКИН. — На аэродроме у Ютербог 283

В ЦЕНТРАЛЬНЫХ КВАРТАЛАХ

Стр.

Гвардии красноармеец А. КОЛОМИН. — Аэростат над Берлином 291

Старший лейтенант МАРТЫНОВ. — Во втором эшелоне 296

Старший лейтенант Н. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ. — Среди развалин 300

Гвардии старший лейтенант КИМ. — С напильником на огневой 302

Красноармеец Я. КАВАЛЕРИСТОВ. — По пути на батарею 305

Гвардии красноармеец И. СЕМИН. — По подвалам и крышам 308

Из записок радистов. *Красноармеец З. МИЛЬМАН. Гвардии старший сержант В. БАРАНОВ* 311

Старшина Г. РОЩИН. — В батальоне Макоева 315

Из дневников и писем. 28 апреля. *Красноармеец Т. КОВАЛЬ. Гвардии старший сержант И. ПУЗЫРЁВ. Старший лейтенант П. БОГОМЯЧКОВ. Красноармеец А. ЯНЕНКОВ. Старший сержант И. ЖВАНЧИК. Капитан И. СЕНЧА. Гвардии младший лейтенант Ш. ЖУЛМАГАМБЕТОВ. Гвардии старший лейтенант П. РАХМАНИН. Капитан КУЗЬМЕНКО. Гвардии ефрейтор Т. ЦУЛУКИДЗЕ. Старшина Ф. ЖУРАВЛЁВ. Гвардии капитан КИСЕЛЁВ* 318

Капитан А. ТЕР-АКОПЯН. — На Коммандантенштрассе 327

Старший лейтенант МОНАСТЫРСКИЙ. — Один бой моей роты 331

Капитан И. СЕНЧА. — Штурм Ангальтского вокзала 335

Гвардии младший лейтенант А. ЧЕРНЕНКО. — Танкогый десант на Курфюрстенштрассе 338

Гвардии сержант А. КУРАСОВ. Гвардии ефрейтор П. ПАЮСОВ. — Гвардейские минометы расчищают путь 340

Гвардии лейтенант ИЛЮХИН. — На Ландвер-канале 344

Лейтенант МИЧУРИН. — Через завал 347

Гвардии старший лейтенант ОСЕТРОВ. — Переправа у Шарлоттенбургского парка 349

Капитан А. ФОМЕНКО. — На Бреслауэрштрассе 351

Эпизоды боев за Александерплац. *Гвардии старшина А. БАНДРОВСКИЙ. Гвардии сержант В. СОРОКИН. Гвардии сержант А. ЛЕЩУКОВ. Гвардии капитан М. ДАВЫДОВИЧ. Гвардии сержант И. ПЕСЧАНСКИЙ. Гвардии майор СТРАТУЛОТ. Гвардии старшина К. БЕКБАУ. Гвардии старший лейтенант А. ПАДУНОВ. Гвардии подполковник КАЧТОВ. Гвардии старший сержант М. ЛЁГКИХ* 354

Стр.

Эпизоды боев за ратушу. *Майор Д. СКВОРЦОВ. Сержант М. КОСЕНКО. Младший лейтенант К. ГРОМОВ. Младший сержант Н. НИКИТЧЕНКО* 368

Гвардии капитан В. ИЛЬИН. — Гаубицы продвигаются вперёд 374

Майор В. ЕРМУРАТСКИЙ. — Один день 377

ВЗЯТИЕ РЕЙХСТАГА

Майор К. АКИНШИН. — В пылающем Люстгартене 383

Майор П. МУРАВЬЕВ. — На подступах к рейхстагу 386

Герой Советского Союза гвардии подполковник В. ПАНФИЛОВ. — С высоты 100 метров 388

Герой Советского Союза генерал-майор С. ПЕРЕВЁРТКИН. — Решающий удар 393

Герой Советского Союза полковник Ф. ЗИНЧЕНКО. — Со знаменем Победы . . 398

Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант К. САМСОНОВ. — Прорыв к рейхстагу 403

Герой Советского Союза старший сержант И. СЬЯНОВ. — Как мы штурмовали рейхстаг 406

Капитан И. МАТВЕЕВ. — С передовым батальоном 414

Герой Советского Союза сержант М. ЕГОРОВ. — Знамя Победы над рейхстагом 418

Майор И. ЗЕНКИН. — На заседании парткомиссии 421

Капитан А. ПРЕЛОВ. — Наша листовка-молния 424

КАПИТУЛЯЦИЯ БЕРЛИНА

Капитан С. ПОЛУШКИН. — Подвиг Матвея Чугунова 429

Гвардии ефрейтор А. ЖАМКОВ. — Бой в метро 431

Красноармеец Л. ЧХЕИДЗЕ. — По кровавому следу 434

Гвардии младший лейтенант И. ПАЛКИН. — Выход к Зоологическому саду 436

Гвардии капитан Г. ОСИНЕЦКИЙ. — Бой в зоопарке 438

Стр.

Старшина Н. ШАТИЛОВ. — Материал для последнего номера 441

Из дневников и писем. 1 мая. *Гвардии старший лейтенант Н. УСКОВ. Младший лейтенант В. БОНДАРЕВ. Гвардии сержант П. ЧЕРКАСОВ. Сержант А. БАРАННИКОВ. Капитан И. СЕНЧА. Гвардии ефрейтор А. СЛЕПУХИН. Младший сержант Н. ТИМОШЕНКО. Гвардии лейтенант А. БУЙНАК. Старший сержант П. НИКОЛАЕВ. Красноармеец Т. КОВАЛЬ. Гвардии сержант В. ПРОЦОК. Герой Советского Союза гвардии подполковник В. БУЯНОВ.* 444

Майор М. ПАНЬКОВСКИЙ. Старший лейтенант Я. ПАНТЮХОВ. — Прорыв к Бранденбургским воротам 450

Старший сержант Н. ПЕСКОВ. — Комсомольцы в бою за дворец Вильгельма 455

Старший лейтенант А. ТРАЙНИН. — На Унтер-ден-Линден 458

В последние часы. *Гвардии лейтенант АРГЕЛАНДЕР. Майор МАЛЫХ. Гвардии красноармеец И. КОБЛИК. Гвардии старший сержант САПРОНОВ. Гвардии младший сержант С. ШКУТЕНКО. Лейтенант И. БАКАЛОВ* 462

Из дневников и писем. 2 мая. *Гвардии сержант Г. ЧЕРНЫШЕВ. Старший сержант И. ЖДАНОВ. Красноармеец А. ВОРОБЬЁВ. Гвардии старший сержант Н. ГЛУШКО. Гвардии старший лейтенант П. КУЧАНСКИЙ. Майор П. ОЛЕЙНИК* 473

*

Материал собран и обработан литературной бригадой в составе
Е. ГЕРАСИМОВА, Е. ДОЛМАТОВСКОГО,
Ц. СОЛОДАРЯ, А. СУРКОВА, З. ХИРЕНА
и *В. ШМЕРЛИНГА.*

Литературная редакция *Е. ГЕРАСИМОВА.*

Под общей редакцией
генерал-майора *В. С. ВЕСЕЛОВА.*

На форзаце воспроизведены надписи, сделанные советскими воинами на стенах рейхстага.

Художественно-полиграфическое оформление
С. ТЕЛИНГАТЕРА.

КНИГУ ИЛЛЮСТРИРОВАЛИ НА ОСНОВЕ СВОИХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ЗАРИСОВОК ВОЕННЫЕ ХУДОЖНИКИ СТУДИИ ИМЕНИ ГРЕКОВА, УЧАСТНИКИ БОЕВ ЗА БЕРЛИН:

В. БОГАТКИН

на стр. 33, 43, 44, 51, 63, 67, 75, 77, 78, 93, 94, 101, 109, 149, 153, 155, 159, 165, 168, 173, 176, 179, 200, 215, 219, 232, 242, 245, 249, 271, 294, 304, 307, 322, 329, 334, 339, 343, 346, 360, 365, 367, 370, 380, 392, 411, 415, 432, 453, 454, 459, 464, 469

вклейки между стр. 192—193, 200—201, 400—401, 464—465

В. ВЫСОЦКИЙ

на стр. 34, 39, 57, 98, 115, 117, 129, 155, 151, 161, 194, 216, 231, 336, 471

С. ГОДЫНА

на стр. 353

Лауреат Сталинской премии

Л. ГОЛОВАНОВ

на стр. 326

вклейки между стр. 416—417, 448—449

В. КЛИМАШИН

на стр. 53, 223, 236, 259, 475

А. КОКОРИН

на стр. 92, 309, 316

В. ВЫСОЦКИЙ и А. КОКОРИН

на стр. 209, 401

П. КРИВОНОГОВ

вклейки между стр. 456—457, 472—473

В. МЕДВЕДЕВ

на стр. 191, 263, 457

И. СОКОЛОВ

на стр. 100, 171, 183, 255, 261, 299

Г. ХРАПАК

на стр. 133, 141, 285, 390

вклейки между стр. 136—137, 478—479

Г. ЧЕРЕНЩИКОВ

вклейка между стр. 440—441

Вклейка между стр. 80—81 «Скульптура — подарок товарищу Сталину от воинов 1-го Белорусского фронта»

Автор Л. ЛИВШИЦ

Художник Б. ВИСКОВ

Скульптор П. ГЕВЕКЕ

Редактор полковник *А. И. Крутиков*

Набрано и отпечатано
под наблюдением редактора подполковника *В. Н. Светцова*
Технический редактор *Е. К. Коновалова*
Корректор *О. М. Назарова*

Г78890

Подписано к печати 9.11.48
Изд. № 1/2756/1912/Л.

Объём 61 п. л.+20 вкл.
Зак. № 442

Слава советским богатырям
Капитан Исаев П. Т.
Новосибирская об
Сибирь - Берлин
6.V.45

Я начал поход
— Керч-Сталин-
град и
пришел в Лого-
во Зверь
т/к Берлин
Зверев
А. К.
11.5.45г.

Слава Русскому народу

Здесь были
Ивашкин
Бобрышев Григорий
Шалаев Леденев
Козмина Сергеев
Волков
Мапшенко
Жигала и
др.

ЛЕНИНГРАД-БЕРЛИН

Мы из колхоза
Рязань
Сухаверь

Здесь были
из Ленинграда
Мы пришли сюда затем,
чтобы Германия к нам не ходила
Майор Андреев
Охрименко
Михайлин

Была
в Берлине
9/V-45г.
Галя Джаши
из Тбилиси

ПУСТЬ ЭТИ
РАЗВАЛИНЫ
ДОЛГИЕ ГОДЫ
НАПОМИНАЮТ
НЕМЕЦКИМ
РАЗБОЙНИКАМ
О БОГАТЫР-
СКОЙ СИЛЕ
КРАСНОЙ
АРМИИ
т КАРЕЛИН
С.Е. РАВРЕБА
СН. ГОЛУЮК

Мы двинские
и побывали в
Берлине

А.Е. Кувыченко
ВОЛГА-БЕРЛИН

Сталинград
Берлин
Гайдай

Запомнят годы путь от
Грозного до Берлина
Мурашов

Мы пришли с мечем
в Берлин чтобы
навсегда отучить
немцев от меча

Развалинами
Берлина
удовлетворен. Беляев
Москва

Ржев-Рига-Варшава-
Берлин

Мы
защищали
Одессу
Сталинград
пришли
в
Берлин
летчики 2й воздушн

Великому Сталину
Водрузившему знамя
победы над Рейхстагом
Ура!
Саранск-
-Берлин
л-т Горхов Н.Н.

9 мая
За кровь отца
Ивченко

Айрапетов
из Баку
7.5.45

За кровь
Земляков-
никопольцев,
москвичей, ор-
ловцев, кубан-
цев, тамбовцев
Орехово-Зуевцев
Мы отомстили

1. Майор Буланый В
2. —"— Шеленков
3. —"— Якунин
4. Капит. Симонова
5. Ст. л-т Свиридов

Я из Сталинграда
вошел
в Берлин

Были и мы
из Якутии
из Донской об.
из
чувашии
Коннов
Ф.Ф.

Мечтали до-
бить зверя
в его берлоге
и добили

Русские в Берлине
бывали!

Москва-
Берлин
л-т Неутокоев
8-V-45

30 руб.

Новосибирск НБ НГПУ
LIBRARY 1200784627